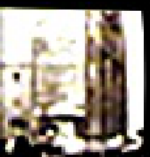
ВАЛЕНТИН

ВАРЕННИКОВ



НЕПОВТОРИМОЕ

1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги, генерал армии Валентин Иванович Варенников, Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, лауреат Ленинской премии, в 1942 году получил назначение на Сталинградский фронт и воевал до победного конца. Он был участником исторического Парада Победы, а перед Парадом как начальник почетного караула принял на Центральном аэродроме Знамя Победы. В. И. Варенников пишет в своей книге не только о Великой Отечественной войне, но и о происходящих в нашей стране после распада Советского Союза экономических и политических процессах. Страстно и нелицеприятно он говорит о разрушительных тенденциях, прежде всего, в современной армии. Кадровый военный, отдавший армии больше шестидесяти лет, крупный общественный деятель и патриот, В.И. Варенников, безусловно, заслужил право быть услышанным.

Документально-художественная книга известного русского генерала В.И.Варенникова воссоздает этапы судьбы участника важнейших событий, происходивших в России в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенные годы. Автором собран богатейший фактический материал, воскрешающий события тех лет.

- Валентин Иванович Варенников
  - Юрий Бондарев
  - Предисловие
  - Предисловие к первой книге
  - Часть I
    -
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
  - Часть II
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
  - Иллюстрации

Валентин Иванович Варенников
Неповторимое. Книга 1

Посвящается соотечественникам и особо — офицерскому корпусу

Юрий Бондарев
Сын века

Самодовольный оптимизм: «Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров» потерпел крушение еще в черные дни Голгофы — человечество предало самое себя. Но что бы ни было, оставался в течение всех перепадов истории островок непреходящей надежды вместе с нравственно-этическим кодексом непокорных: «встать и не сдаваться».

Гигантская страна, родина величайшей литературы и русского патриотизма, исповедуя этот кодекс, создала в борьбе и страданиях мощное государство еще невиданной в мире социалистической структуры, удачливо просуществовавшей едва ли не целый век. Немецкая же нация, столица музыки всех времен, превратила убийство в государственную идею, в индустрию, а патриотизм в кровавую любовь к германской отчизне, считая самым красивым цветом на земле — вспышки пулеметных очередей. Война этих двух систем потрясла мир, принесла победу и много бед и ран советскому социализму, которые народ с самоотверженной доблестью залечил в короткий срок.

Эта великая война родила особый вид людей, отвергнув унылую формулу: на войне смерть всегда единственный победитель. Нет, победили непокорные, они вынесли все, что может вынести убежденный в своей правоте человек, многое поняли, помудрели — и назвать их можно лучшими представителями нации, честью и гордостью ее.

Таким я вижу Валентина Ивановича Варенникова, чья славная биография началась с сорок второго года от Сталинграда, прошла через всю войну, до поверженного Берлина, до исторического Парада Победы в Москве, и здесь, уже в столице, Варенникову была оказана честь командовать почетным караулом и принять Знамя Победы на центральном аэродроме. На победном параде послевоенная служба Варенникова не заканчивалась, а только начиналась. Меня поражает насыщенная событиями биография этого поистине сына века, который многие и многие годы находился на важнейших высотах нашей жизни, исполняя свой человеческий долг, от века имеющий моральное свойство как бы подымать человека над самим собой, независимо от разных обстоятельств. Служба в составе советских оккупационных войск в Германии, потом успешная учеба в Военной академии имени Фрунзе, назначение в Северный, затем Ленинградский военный

округ, где прослужил пятнадцать лет в Заполярье; командование Прикарпатским военным округом; десять лет первый заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР; на фронтах в ряде стран, более четырех лет в Афганистане; руководство нашими войсками при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Генерал Варенников один из самых образованных и эрудированных современных военачальников — окончил Военную академию Генерального штаба и Высшие академические курсы Генерального штаба. Будучи Главнокомандующим Сухопутными войсками ВС — заместителем министра обороны СССР поддержал в августе 1991 года выступление ГКЧП, когда стало особенно ясно, что после нескончаемых антинародных предательских реформ Горбачева и Ельцина Советскому Союзу и России угрожает бесславная гибель, прямое насилие над вековой идеей общности, разлом экономики, саморазоружение недавно сильнейшей армии, происходит унижение, непристойное загрязнение и вытаптывание народной истории, превращение могучей русской и советской культуры в навоз для сверхпошлых шоу американского покроя, когда обессилена защита гражданских свобод, вседозволенность, а кризис идеологий, политическая ложь возведены в статус правды, когда узаконены разрушительные тенденции, болезненные комплексы и извращения, когда нарастает борьба всех против всех, ненависть к ближнему — не это ли все разительные признаки надвигающейся деградации страны и каждого русского человека в тисках отчужденности? Не это ли все обещанное демократами счастливое будущее, то есть — безнадежность пустыни?

В связи со многими причинами ГКПЧ не достигло своей цели и вместе с главными участниками этого сопротивления Варенников был арестован и помещен в тюрьму Матросская Тишина. В 1994 году он отказался от амнистии, потребовал суда, и суд оправдал его за отсутствием состава преступления. Ельцин и Генеральная прокуратура опротестовали приговор, но состоялся третий суд в составе Президиума Верховного Совета, и Варенников был окончательно оправдан.

Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, так много сделавший для армии, известный каждому в нашей стране общественный деятель, генерал армии Варенников никак уж несовместим с образами паркетных услужливо-придворных генералов, которых в годы так называемых реформ стало немыслимо много, мнится, больше, чем солдат. Варенников заслужил всероссийскую популярность еще и тем, что, работая в Думе, он стал совестливым поборником социальной защиты

ветеранов, инвалидов войны и военной службы, президентом Российской ассоциации Героев. Вся жизнь генерала даже не дает воспаленному воображению представить, чтобы он хотя бы на минуту стоял на позиции, противной духу народному.

Читатель, взяв в руки книги Валентина Ивановича Варенникова «Неповторимое», с неисчезающим интересом погрузится в неповторимое, переполненное событиями и движением время, которое прошел замечательный и доблестный сын века, для кого голый культ власти, как самодовлеющей цели, как власти для самой себя, не имел значения. Варенников из тех редких людей, чьей жизнью управляют долг, необходимость и воля, а не случай.

Предисловие

Повествование, названное мной — «Неповторимое», вызвано многими обстоятельствами. Но принципиальным является одно — почему после блестящей победы советского народа в Великой Отечественной войне и стремительного развития нашей Великой державы вдруг постигла ее катастрофа, в результате которой был разрушен Советский Союз.

Первоначально задумывалось представить только период с 1985 года и по сей день, т. е. затянувшуюся страшную трагедию, которую переживает наш народ и сейчас. Однако друзья и товарищи настояли и я согласился, чтобы был описан весь жизненный путь, тем более что имею прямое или косвенное отношение ко многим событиям, которыми XX век наполнил планету в целом, и особенно наше Отечество.

Принятие такого решения объясняется также и тем, что псевдодемократы, коварно обманув народ, пришли к власти и, долгое время не зная, что с ней делать, начали «перекраивать» историю, выбрасывать из нее все, что связано с советским прошлым. Они насильственно вдалбливают народу мысль о том, что правда лишь то, что было до октября 1917 года. Дальше правда имеет свое продолжение с конца 1991 года. И что именно только это время — лучезарно. А вот 74 года советской власти — это был кромешный ад: полное отсутствие демократии, лишение человека его прав, аресты, расстрелы, ГУЛАГи, тирания…

Конечно, это ложь и ее надо опровергнуть. Поэтому я решился на долгий путь описания, что потребовало многих лет и значительных сил. Идя по жизненной канве, я попытался выполнить эту задачу путем прямого разбора событий, иногда сопоставляя эпизод из прошлого с тем, что происходит с нами сегодня. Незначительные повторения сделаны умышленно, чтобы заострить внимание.

Многое уже народу известно. Мои повествования не должны показаться читателю банальными по причине добавления мной еще никому не известных моментов и представления официальных (в том числе неопубликованных) документов. Плюс — бесстрастные оценки человека, лично пережившего тяжелые изломы, но никогда не менявшего своих принципов и жизненной позиции.

Событий, к которым мне пришлось иметь отношение, было предостаточно. Защита Отечества на фронтах Великой Отечественной войны. Парад Победы. Послевоенная служба: длительно — в Заполярье, непродолжительно — в Группе

Советских войск в Германии, основательно — на западе Украины. И везде свои особенности, черты характера народа и воинов, свои традиции и неписаные законы.

Но работа в Генеральном штабе подключает меня в высшую сферу. Отсюда постоянные рабочие контакты с МИД, КГБ, Совмином, ЦК КПСС, Советом обороны — события, лица, уроки. Новые вооружения, развитие советской военной науки, стратегические учения. Особое место отведено пребыванию на фронтах в Анголе, Сирии, Эфиопии. Отдельно выделены: Афганистан — неоднозначные подходы и оценки; южно-корейский лайнер (как это было); Чернобыльская катастрофа; Вооруженные Силы в условиях падения государства в целом.

Наконец, трагедия страны на рубеже августовских событий 1991 года. Однако даны и поучительные причинно-следственные связи с тем, что было до этого, и принципиальные уроки и выводы из преступной перестройки и предательских реформ. Арест. Три суда, но оправдательный приговор. Работа в Государственной Думе. Смена власти. Надежды на возрождение.

«Неповторимое» не отделяет военную область от жизни всего нашего общества. При этом никаких политических пристрастий — это главный принцип, который автор стремился выдержать в своем повествовании. Значит, приглашаются к ознакомлению с «Неповторимым» все социальные слои и возрасты нашего общества.

Но какие бы обобщения ни делались и какие бы оттенки ни имела наша жизнь, все-таки через все одиннадцать частей в «Неповторимом» проходит военная струя. Поэтому офицерам нашей страны это не может быть безразлично. Да и посвящено все в основном офицеру.

Автор совершенно не претендует на литературное совершенство, но правдивость и объективность гарантированы. В то же время автор надеется, что это повествование должно внести какой-то вклад в борьбу за возрождение былого величия нашего Отечества.

Предисловие к первой книге

Первая книга включает в себя две части — «Начало пути» и «Огни и воды. Парад Победы».

В первой части отражено мое детство и отрочество. На этом фоне представлены двадцатые и тридцатые годы жизни нашего общества со всеми проблемами, радостями и огорчениями. Центральное место занимает тревога народа — мир катится к войне и, наконец, война. Показаны Сталин и Гитлер, как два полюса. Мои первые военные университеты.

Вторая часть — это война. Начиная со Сталинградской битвы и кончая штурмом Берлина. А между этими историческими событиями показаны не менее важные — битвы за Днепр и Правобережную Украину (освобождение нашей страны от оккупации), освобождение Польши и форсирование Вислы; захват плацдарма на Одере; штурм Берлина; капитуляция Германии и конец войны. Парад Победы в Москве и парад союзных войск в Берлине.

Особо важно, конечно, это заключение: истина — почему мы победили.

Уверен, что читатель будет удовлетворен. Он может гордиться своими Вооруженными Силами, своим народом, своей Родиной и теми горизонтами, которые открылись для Советского Союза после войны.

Многолетней тревоге народов мира в середине XX века пришел конец — главная угроза миру уничтожена и народы планеты могут вздохнуть с облегчением. Вторая мировая война в Европе закончилась — фашистская Германия и ее сателлиты разгромлены, а судьба Японии предрешена.

Часть I
Начало пути

Знать меру в радости,
В беде не огорчаться,
И неизбежное
С достоинством нести.

Основные вехи (события) первой книги

Детство и юность, предвоенная грозовая обстановка в стране. Война: Сталинградская битва, битва за Днепр и Правобережную Украину, бой за плацдарм на Днестре, освобождение Польши, форсирование Вислы, сражение на Одерском плацдарме, прорыв обороны на Зееловских высотах, штурм Берлина. Капитуляция Германии. Парад Победы. Почему мы победили.

Глава I

У каждого свое детство и свое отрочество
Краснодар — не Екатеринодар. Родители и близкие. Безвременная смерть матери. Микоян. Мы в Москве. Пром-академия. Впервые о Сталине. Абрау-Дюрсо, конечно, райский уголок, но какие неожиданности! Дыхание НКВД. Наша судьба предрешена.

Всякий из тех, кому довелось бывать в горах, хоть однажды испытал нечто близкое к потрясению. Вот ты вскарабкался на вершину, встал во весь рост, распрямился, глянул вниз и… замер: что за чудеса вокруг! Город, который ты знал как свои пять пальцев, знакомый чуть ли не с младенчества дом с резным крылечком и даже самые заметные «казенные» здания — все вдруг куда-то исчезло, провалившись, словно Атлантида, в мягкое, струящееся марево. Только изредка в его «прогалинах» мелькнет то черепичная крыша жилого дома, то золотом горящая «луковица» церквушки, а потом снова все скроет легкая, похожая на туман, голубая дымка.

Вот так и иные годы, десятилетия, отделяющие меня сегодня от раннего детства, тонут в дымке времени. Многое утекло безвозвратно, лишь отдельные — самые яркие — эпизоды остались в памяти. Их просто невозможно забыть. Они-то плюс долгие вечерние разговоры с отцом, когда он еще был жив, особенно о матери, ушедшей от нас очень рано, бередят душу и пробуждают воспоминания.

И тогда я неизменно обращаюсь к своим истокам, к своим корням — моей малой родине.

Людям свойственно восхищаться родными краями — «каждый кулик свое болото хвалит». Что ж, это понятно и достойно уважения: беречь надо это доброе чувство и заботиться о том, чтобы оно сохранялось в сердце. Ведь, если вдуматься, с любви к ней, малой родине, начинается любовь к Отечеству, к нашей общей большой Родине, породившей и взрастившей нас.

Так вот, моя малая и милая «отчина» — это Краснодарский край, и рассказывать о нем я могу без конца. Говоря о Краснодарском крае, никак не забыть, что именно здесь самые плодородные земли, огромный узел железных, морских, речных, а сейчас и воздушных путей; развитые промышленные и сельскохозяйственные районы, научные и культурные центры. Именно здесь в этом веке происходили важнейшие социально-политические события. На изломе жизни нашего народа край

фактически всегда был в эпицентре событий.

Созданная черноморскими казаками еще в конце VII века, крепость Краснодар оказывалась объектом разрешения споров с помощью оружия. Поворотным моментом в ее истории стало присоединение Западного Прикавказья, в том числе и Северного Кавказа, к России. Через сто лет Краснодар превратился в крупный торговый, промышленный центр и, подобно магниту, притянул к себе не только «сливки», но и «дно» общества. А то и другое, как известно, «имеет место быть» в любом государстве.

Когда говорят о революционном движении в России, в первую очередь называют Москву и Ленинград, хотя в других крупных городах оно также развивалось. Это касается и Краснодара. Уже в конце XIX века здесь зарождаются рабочие кружки, а в 1902 году возникла социал-демократическая организация. В следующем году появляется городской, в 1904-м — Кубанский областной комитет РСДРП, возглавивший революционное движение в крае во время первой русской революции.

В ходе октябрьской (1905 года) Всероссийской политической стачки был создан Екатеринодарский городской совет. Он ввел на всех предприятиях города 8-часовой рабочий день. После Февральской революции 1917 года город стал центром казачьей контрреволюции. Ее возглавила Кубанская рада. Однако в марте Советская власть здесь опять восстанавливается, идут тяжелые бои с Добровольческой армией. В середине 1918-го Екатеринодар становится центром Кубано-Черноморской Советской Республики. Казалось, жизнь стабилизируется. Но нет, в августе того же года город опять переходит в руки белогвардейцев, и лишь весной 1920-го, после разгрома Деникина, край окончательно освобождается Красной Армией.

Одни эти перечисленные мною события начала века уже о многом говорят. И то, что так талантливо описано Шолоховым в романе «Тихий Дон», полностью относится к Кубани.

Что же характерно для того времени? Переход власти из рук в руки. Жесточайшие расправы с противниками, попавшими в плен, просто сочувствующими, и часто совершенно безвинными. Полное непонимание большинством населения того, что на самом деле происходит, какие цели ставит та и другая сторона.

Конечно, тяжелые испытания оставили свой след не только на политической судьбе края, но и в душах человеческих. Происходившее на Кубани стерло границы края. События, зарождавшиеся здесь, распространялись по всему югу европейской части России, в том числе на Северном Кавказе. Екатеринодар — название города, данное в честь российской императрицы, — был переименован в Краснодар. И он стал

символом дарения людям светлого, справедливого начала в городе Красном.

Теперь о родителях, близких, друзьях семьи.

Моя матушка, Мария Алексеевна Шкорина, казачка во всех поколениях, родилась в Краснодаре в 1900 году в семье потомственного ремесленника. Дед Алексей в молодости жил в станице Пашковской. Затем переехал в Краснодар, женился, с помощью своих родителей и родителей жены построил добротный дом. Был известным в городе мастером по шитью сбруи. Слыл очень трудолюбивым и старательным человеком. Его дети — два сына и две дочери — получили определенное образование. Сыновья окончили церковно-приходскую школу, а дочки учились в гимназии. Моя мать еще успела закончить гимназию, а ее младшей сестре, в связи с событиями Февральской революции 1917 года, не довелось.

Матушка была очень доброй. Это качество она унаследовала от своей матери. А еще она была исключительно красивой. Ею открыто восхищались. Она вышла замуж за моего будущего отца, который был старше ее на пять лет. Через год родила ему сына Ванечку. Но малышу не суждено было долго жить. В два годика он стянул на себя со стола большую кастрюлю с кипятком и погиб. Бабка Евдокия не корила дочь за то, что та недосмотрела, но строго втолковывала ей: они с моим отцом сделали ошибку, назвав первенца Иваном. Это плохая примета. Первенца следует называть в честь деда, прадеда, их братьев, но не именем родителя. А вот последующих детей называйте, как душе угодно. Такие уж понятия были у казачек.

А еще через год появился я. Мы жили не у деда, а в центре города, на улице Красной — снимали комнату во втором этаже. Со мной тоже произошла история, которая могла окончиться трагедией для семьи. В один из дней я, трехлетний пацан, пользуясь занятостью матери, проник на балкон, пролез между металлическими прутьями и сорвался… Но в последний миг руками вцепился в эти прутья и повис. Естественно, начал орать так, что сбежался весь дом. Мама тут же вытащила меня из бездны, сгребла в охапку, и мы с ней, трясясь от страха, проревели до прихода отца. Подробности моего «подвига» он рассказывал мне много лет спустя. Говорил, что мать после этого случая стала носиться со мной как с писаной торбой — никуда одного не отпускала.

Именно тогда родители почувствовали в Краснодаре нечто недоброе. Им казалось, что здесь их преследует злой рок. И они в том же году переезжают в Темрюк, на Азовское море. Отец к тому времени уволился из армии, окончил курсы организаторов

производства и уже устроился работать. Однако на курсах он познакомился с неким Куциным. У этого человека не было определенных политических взглядов, зато он слыл мощным экономистом и организатором, имел высшее образование, в общении привлекал обходительностью, обаянием. Куцин и сагитировал отца перебраться в Темрюк, где сам был директором консервной фабрики, предложив моему родителю должность своего заместителя.

Через годы я понял, что он для отца стал фактически учителем. А ему, Куцину, в то сложное время нужен был на производстве комиссар, который бы мобилизовывал людей, поддерживал дисциплину. Вот он и остановил свой выбор на отце.

Родитель мой, Иван Евменович, тоже казак, но воронежский. Дон пересекает эту область по вертикали — с севера на юг, и все притоки, речушки, начиная с Ведуги и заключая Черной Калитой, Богучаром и Хопром, конечно, были местами казачьими.

Дед Евмений и бабушка Аксинья проживали в селе Рубашевка, что на реке Битюг. Кстати, неожиданным, удивительным было здесь название районного центра — Анна. Населенный пункт словно очеловечен: раз услышишь его название — уже не забудешь. Дед и бабушка имели трех сыновей — Василия, Ивана, Михаила, а также двух дочерей — Александру и Анюту. В начале 1905 года дед отправился на заработки в Оренбург и… пропал. Грозное, кипящее было время. Все заботы легли на плечи бабушки. Старшие дети подрабатывали, младшие учились в церковно-приходской школе, помогая матери вести хозяйство.

Но жизнь становилась все тяжелее. И вот семья вначале распродала имевшуюся живность, затем — имущество. Вскоре дети похоронили мать. Они крепко держались друг за друга, хотя братья и разъехались в разные места. Мой отец вначале работал в Анне, в местной типографии. Здесь вступил в РСДРП, отсюда был призван в армию. Революционные потоки втянули его, как и миллионы других, в гражданскую войну. Позже он, уже на Кубани, нашел себе жену, создал семью.

…Жизнь в Темрюке, небольшом провинциальном городишке, куда мы переехали из Краснодара, была спокойной. Наша семья, а также семьи директора завода и главного инженера дружили. Частенько выезжали на Азовское море. В те дни никаких «туч» на горизонте не было.

Мне запомнился вот какой случай. Однажды женщины, забрав детей, отправились на море. Уютно устроились на пляже, малышня барахталась у берега, а матери купались неподалеку.

Вдруг послышались крики, началась суматоха. Все ринулись к берегу, а когда вышли из воды, то моя матушка достала из купальника большую рыбину. Та, как в сачок, попала туда во время ныряния. Надо сказать, в Азовском море тогда было очень много рыбы. Вот почему почти в каждом приморском городе имелись свои консервные заводы.

ЧП с рыбиной всполошило присутствующих. Все единогласно решили: морскую «гостью» надо бросить в море, что и было сделано. Женщины крестились, глядя ей вслед, чтобы та долго жила. А потом сказали матери, что у нее скоро будет ребенок. Такое вот, оказывается, бытовало народное поверье.

Странно, но этот случай остался в памяти на всю жизнь.

Снова и снова мысленно возвращаюсь я в тот день в Темрюке. Разойдясь по домам, женщины долго еще галдели насчет матушки. Вечером, уединившись, мои родители тихо о чем-то беседовали. Спустя несколько дней я узнал, что мы поедем в отпуск на Черное море, что вообще, возможно, обоснуемся там на жительство. Почему? Оказывается, для здоровья отца тот климат лучше подходил: у него после ранения было заболевание легких…

Сейчас я думаю: как все было просто тогда! Захотели — поехали на новое место, не боясь остаться без работы и без средств к существованию.

Каким контрастом предстает наша нынешняя жизнь по сравнению с той, которую мы потеряли! Приведу сообщение газеты «Советская Россия» (08.02.97) о происходящем в Северодвинске Архангельской области.

Рассказывает Римма Николаевна Степанова, заместитель председателя профкома «Севмашпредприятия» (это промышленная жемчужина нашего атомного подводного кораблестроения): «Ситуация в городе страшная. Люди по 4–8 месяцев не получают заработной платы, но продолжают трудиться… Мы отдаем государству военные заказы в долг, не получая за них ничего. Люди накалены до предела…»

Степановой вторит Людмила Чернышева, председатель совета женщин того же завода: «…У нас были лучшие детские сады, к нам ехали за опытом со всей страны, мы имели великолепные учреждения культуры. А уж о том, чтобы не было работы или зарплаты, и говорить не приходилось… Четыре года шла Великая Отечественная война. Фашисты не смогли поставить нас на колени, потому что каждый чувствовал за своей спиной государство и его заботу. А сейчас? За пять лет «реформ» люди выстроились в очередь с протянутой рукой. Это мы-то — в положении нищих!»

Позор! Жители северного города, которым и не снилось, что они станут нищими, требуют от президента и правительства конституционного права на труд и его оплату. Они, как и все люди России, не смирятся с тем, что их выбросили за борт жизни. Но вот что примечательно: здесь обнаружилась новая тенденция — у рабочих, учителей, врачей, транспортников появилось чувство солидарности друг с другом, чего не замечалось прежде. Многие еще хорошо помнят речь Ельцина на первых президентских выборах в 1991 году. Тогда в ответ на обращение Союза женщин России он обещал скорый выход из «кризиса». Да только по сравнению с тем, что в 1999 году творится в Северодвинске, тот «кризис» кажется раем.

Материал журналиста Ж. Касьяненко назван предельно точно: «За жестокие опыты над северодвинцами надо судить, как за преступления против человечности».

Такие вот разительные контрасты. Солнечный летний день на Азовском море в далеком, но куда более комфортном для народа прошлом, когда после Первой мировой и гражданской войны утекло всего несколько лет, и мой зимний вечер в Москве над газетной страницей, поведавшей о сегодняшних «демократических» реалиях постсоветской России, когда после Великой Отечественной войны минуло более полувека, но стало хуже, чем до войны. Человеку моего поколения не думать об этом, не сопоставлять подобные факты и ситуации просто невозможно. Мысли о пережитом, как говорится, былое и думы не оставляют ни на миг.

…Прошло месяцев пять-шесть, мы отправились в путешествие.

Мне было шесть лет — рос нормальным для своего возраста мальчишкой, непоседой. Сначала мы жили в Хосте, это небольшой городишко под Сочи. Затем переехали в Новый Афон, около Гагры. Наконец, решили податься в Сухуми. В дороге матушке стало плохо. Когда добрались до города, отец сразу отвез ее в больницу — она ждала ребенка.

В Сухуми у родителей была знакомая семья, где мы собирались остановиться (по их приглашению), но обосновались все-таки в гостинице. Три раза в день навещали матушку. Фактически — ходили вокруг больницы целый день. Все ждали — вот-вот случится «это». Первые два дня она чувствовала себя нормально. На третий — отец утром ушел и пропал. Часа через два или три он появился, разъяренный, с заплаканным лицом, в сопровождении двух мужчин в белых халатах. Это были врачи, грузины. Очень громко, почти крича, отец говорил мне: «Смотри, сынок, вот эти гады загубили твою маму, запомни их!» И, уже

обращаясь к ним, требовал, чтобы немедленно провели нас обоих в морг. Те его отговаривали, дескать, нет разрешения. Отец обещал разнести их больницу в пух и прах, если немедленно не отведут нас к покойнице. Врачи поняли — положение безвыходное и выполнили его требование.

Кажется, и теперь та картина стоит перед глазами. Тело матери находилось среди других покойников. Нас подвели к ней, сдернули простыню. Она была в белой ночной сорочке, с растрепанными волосами, с запекшейся пеной у рта, с опавшим животом. Отец как стоял, так и припал к ней, рыдая и проклиная все на свете. Я не знал, что делать, просто не мог поверить, что остался без матери. На всю жизнь запомнил свесившуюся вниз материнскую руку. Взял ее в свои ладошки и почувствовал, какие холодные у нее пальцы. Все старался их согреть.

Потом врачи стали уговаривать нас уйти…

Дальше — точно во сне. Отец отвел меня в гостиницу, а сам весь день мотался по городу, организуя похороны. Вернулся поздно, измученный и усталый. Ночью часто вставал, ходил, опять ложился. Рано утром мы отправились в похоронное бюро, где он, оказывается, уже был вчера. Отец все оговорил, внес плату за катафалк и другие услуги. Затем мы добрались до кладбища, что на юго-восточной окраине города — называлась она, эта окраина, Синоп. Здесь было много старых захоронений. Отец позвал «могильщика» и пошел с ним к тому месту, где будет покоиться матушка. Поблизости, как сейчас помню, росла пальма и много больших деревьев…

Договорились, что к обеду могилу выроют. Отец расплатился, мы отправились в больницу. Там уже собирались люди, чтобы проводить покойницу в последний путь. Пришла, в том числе, и семья, с которой были дружны мои родители. А еще, наверное, их знакомые, близкие, всего человек двенадцать-пятнадцать. Через некоторое время отец вернулся из больницы, сказал, что покойницу обмыли, сейчас ее надо одеть. Попросил трех женщин помочь — они пошли за ним.

Подъехала арба, привезли тахту и несколько стульев, все это было расставлено здесь же, у больницы. Гроб, оказывается, доставили еще раньше. Через некоторое время матушку вынесли, открытый гроб установили на тахте. Все целовали покойницу в лоб, плакали, прощались, но я не верил — никак не верил! — в то, что она от нас ушла навсегда.

Через много лет, когда закончилась война, отец, выйдя на пенсию, поселился в Сухуми. Я приезжал к нему, мы долгими вечерами беседовали, вспоминая прошлое, прежде всего, мою мать. Казалось бы, годы должны были сгладить пережитое, тем

более что у него была другая семья, но отец всегда с нежностью отзывался о матери, с негодованием говорил о тех, кто ее лишил жизни. Слово «убийцы» и через многие годы срывалось с его уст.

Я, конечно, разделял его настроения, потому что никаких оснований для смерти цветущей, двадцатидевятилетней женщины, у которой были уже третьи роды, не могло быть. К тому же матушка, объяснял мне отец, обладала абсолютным здоровьем, никогда не болела. Ее убили, но доказать это оказалось невозможно.

Не знаю, кому мешала моя добрая мать, кто свел с ней счеты. А может, не с ней, а с отцом? Я не поручусь, что в тогдашней бурлящей жизни у него не было врагов. И даже таких, о существовании которых он мог и не подозревать…

…В Сухуми мы прожили еще три-четыре дня. Утром отец уходил с чемоданом на базар — продавать вещи, в основном матушкины, чтобы рассчитаться с долгами за похороны. А мне он наказывал: за тобой, мол, зайдут, накормят, и не смей никуда отлучаться. Действительно, по утрам ко мне приходили две незнакомые женщины, водили в чайную, кормили и приводили обратно. Позже одна из них стала женой моего отца, вторая была ее сестрой.

Каждый день после похорон, ближе к вечеру, мы с отцом ходили на могилку матери. Что потом? Обратный путь в Темрюк, уже без матери, без вещей и, как я понял, без денег. Это было полное опустошение — моральное, физическое, материальное.

В Темрюке нас ждал сюрприз. Позаботился начальник и друг родителя Куцин: отца назначили директором небольшой консервной фабрики в станице Крымской (сейчас — город Крымская). Мы сразу же переехали туда. Оба жили на фабрике. Там же и питались.

В это время как раз заканчивалась наладка производственных мощностей построенного по соседству завода-гиганта (по тому времени). Вскоре была запущена первая линия. Отца переводят туда заместителем директора, а директором — вот радость! — становится Куцин.

Мы с отцом сняли двухкомнатную квартирку с отдельным входом у зажиточного жителя станицы. Называли его почему-то «кулаком».

Шел 1930 год. В один из выходных отец привел меня на завод и стал знакомить с производством. Объяснял все популярно. Конечно, у меня, мальчишки, дух захватило. Все казалось сказочным. Только сказка была реальностью. Много позже, когда я уже был взрослым человеком, отец рассказывал о своем могучем заводе, о Микояне, наркоме пищевой промышленности,

который тогда частенько посещал Крымский консервный завод — ведь это был один из первенцев пищевой промышленности того времени. А еще я знал, что Анастас Иванович интересовался у отца его отношением к учебе…

1931 год был полон событий. Во-первых, мы его встречали не вдвоем, в втроем: приехала из Сухуми Клавдия Моисеевна, ставшая женой отца. Во-вторых, весной мы переехали в построенный заводом трехэтажный дом, который казался мне дворцом. В-третьих, я пошел в первый класс. В-четвертых, осенью того года отец уехал в Москву, его зачислили слушателем Промышленной академии имени Сталина. Она находилась в то время у Красных Ворот.

Учитывая, что нас с Крымской и заводом уже ничего не связывало, мы с Клавдией Моисеевной сначала переехали в Сухуми, где поселились в доме ее матери, а в декабре добрались до Москвы. Отец к тому времени получил комнату в академическом семейном общежитии. Комната была большая, светлая, нашей семье в ней было удобно. А семья к тому времени состояла уже из четырех человек: Клавдия Моисеевна родила дочь, у меня теперь была сестра Леночка.

В целом жили нормально. Никаких потрясений или скандалов, но «вспышки» — случались. Первая — еще в Крымской, у «кулака». Хозяин имел огромную собаку, держал ее на цепи. Помню, хозяин часто говорил мне (отцу, разумеется, не смел) разные грубые слова; я решил в отместку отыграться на его собаке: длинной палкой загонял ее в будку и «шуровал» там.

За «поединком» наблюдали, спокойно сидя у окна, «кулак» с женой и Клавдия Моисеевна. Посматривая на зрителей, я решил блеснуть бесстрашием. Но у пса кончилось терпение, он вылетел из будки и дал волю клыкам… Я кричу! Клавдия Моисеевна, причитая, тащит меня в дом, промывает раны — они оказались серьезными. Мы оба испугались. Она помчалась на завод к отцу.

Вместе с ним, втроем отправились в больницу, где мне обработали раны, сделали укол от бешенства. Вечером у родителей состоялось тяжелое объяснение. Отец громко и раздраженно заявил: «Если ты и дальше будешь так смотреть за ребенком, то все плохо кончится!»

Вторая «вспышка» была тяжелее. Как-то поздно вечером поначалу у них шел нормальный разговор, но потом начался крик. Клавдия Моисеевна стала звать меня. Я увидел их по обе стороны стола. В руках у отца — наган. Она кричала, чтобы отец бросил оружие, и просила меня помочь… Тогда я не понимал, чем вызвана ссора, но, став взрослым и вспомнив об этом случае, попытался у отца прояснить случившееся.

Отец без особой охоты рассказал, что Клавдия Моисеевна со своей старшей сестрой была на похоронах моей матери. Там они и познакомились. Будущая мачеха приглядывала за мной после похорон. Прошло более года — и Клавдия Моисеевна соединила свою судьбу с отцом. Но, оказывается, она скрыла, что у нее есть ребенок. Ссора произошла именно по этой причине.

Ее сын, Анатолий, в нашей семье не появился. Видно, таким было условие отца. Воспитывался мальчик у бабки в Сухуми. Отцом его был грузин без определенных занятий. Жениться на Клавдии Моисеевне, по всей видимости, он не собирался. А в тридцатых годах отец Анатолия при неизвестных обстоятельствах погиб.

Помню еще одну «вспышку». Она произошла позже, когда мы приехали вслед за отцом в Москву. Я был очень худой, родитель посчитал, что меня плохо кормили. Возможно, он был в какой-то степени прав, мачеха смотрела за мной неважно, хотя никогда не била, просто не обращала внимания на мальчонку. А я был стеснительный и, несмотря на малые года, гордый.

Тогда отец в моем присутствии прямо сказал жене, что если это будет продолжаться, то он с ней расстанется. Кажется, сильно подействовало. Видно, перспективы, открывавшиеся перед отцом по окончании академии, были для нее заманчивыми. Словом, ситуация требовала от нее быть по отношению ко мне, как минимум, лояльной.

Со временем все нормализовалось. Без преувеличения могу сказать: семья у нас была благополучной. Лишь одна проблема оставалась неразрешенной. Клавдия Моисеевна в беседах со мной настоятельно просила, чтобы я называл ее «мамой», я отвечал упорным молчанием. Тем самым я давал понять, что не стану этого делать. Причина одна: она, на мой взгляд, не была со мной искренна, частенько наговаривала на пасынка отцу. Тот пытался вникнуть в суть, задавал вопросы, а если я на них отвечал молчанием, он понимал: мачеха говорила неправду. Потому я по-прежнему и называл ее Клавдией Моисеевной. Кстати, отец и сестра Леночка никогда не упрекали меня за это.

Жизнь в Москве бурлила. Население столицы в тридцатые годы быстро увеличивалось. И это несмотря на то что Первопрестольная послала на село — для оказания помощи в коллективизации — самое большое количество рабочих. Общая численность жителей в главном городе страны за короткий срок возросла на несколько сот тысяч. Особенно быстро прибывали научные работники, деятели культуры, искусства. В 1934-м в Москву из Ленинграда перевели Академию наук СССР, о чем нам сообщил отец.

Рассказывал он и о различных международных конференциях, конгрессах, которые проводились в то время в столице. Конечно, я не мог детским умом постичь даже малой части того, о чем вел речь отец, но то, что он считал это очень важным, поднимало настроение. Не стану скрывать: вызывало гордость за отца и еще одно обстоятельство. Он вошел в группу коммунистов, которым доверили проводить чистку в партийной организации академии.

Отец учился на строительном факультете. А на текстильном — четырьмя курсами старше занималась жена Сталина, Надежда Аллилуева. Отцу учеба давалась вначале тяжело, особенно первые два года. Приходилось параллельно с обучением по программе проходить курс на подготовительном факультете: он предназначался для тех, кто не имел среднего образования. Короче, несколько лет отец учился с двойной нагрузкой. Приходил домой поздно, после ужина продолжал «корпеть» над учебниками, с карандашом в руках изучал записанные лекции, старательно выполнял домашние задания. Плюс — общественные заботы.

Ясно, в те годы я не мог делать каких-то обобщающих выводов. Но позже осознал и мудрость, и твердость политики, суть которой сводилась к лозунгу — «Кадры решают всё!». Эта линия прослеживалась в стране на протяжении десятилетий.

А теперь о том, что по времени очень близко… И тоже связано с тем знаменитым лозунгом.

С Василием Александровичем Стародубцевым мы знакомы еще с тех пор, когда оба были народными депутатами СССР. Мне импонировала его хватка, железная логика, напор, с каким он отстаивал такие блага для села, которые считал жизненно важными, и разоблачал действия Горбачева, фактически направленные на разрушение аграрного сектора. «Не зря человеку дали Героя Социалистического Труда, избрали председателем Всесоюзного крестьянского союза…» — не раз думал я про себя, наблюдая «баталии» Стародубцева.

В августе 1991 года судьба свела нас по делу ГКЧП, куда он попал не случайно, а как самый авторитетный человек в стране по делам сельского хозяйства, наиболее принципиальный руководитель. В беседах с ним, а это душевный, открытый и честный человек, я узнал о его родителях, родственниках, близких. Стародубцевы родом из Тульской области. Отец Василия имел два класса образования. В годы войны солдатом сражался под Сталинградом, и, выходит, он по войне мне «земляк». Был ранен. А потом прошел пол-Европы до самой Победы.

Ну, а мать Василия Александровича вообще была

неграмотная, зато — очень трудолюбивая. И наделила этой способностью своих детей, а их у нее было шестеро: четыре сына и две дочки. И, обратите внимание, все шестеро получили высшее образование. Кто мне сегодня назовет такую страну, где все крестьянские дети из большой совершенно неимущей семьи могли бы закончить институты? Где это возможно?

Нынче в России таланты гибнут не раскрывшись. А какие-нибудь пятнадцать лет назад создавались все условия для полноценного развития личности. Лозунг «Кадры решают всё!» не был блефом, пустышкой, как, например, многое из того, что появилось в период пресловутой «перестройки». В ту пору страна умело готовила свои кадры, заботилась о будущем.

…Жизнь у нас в Москве была размеренной: утром мы с отцом уходили на учебу: он — пораньше, я — попозже. Школа моя находилась рядом с домом. Средняя школа № 13, «чертова дюжина», как мы ее порой называли. Здесь я проучился первые четыре года. А пятый класс закончил уже в новой школе — № 99. Ее построили рядом с «чертовой дюжиной». Это было огромное, светлое, многоэтажное и очень красивое здание. Но нам всем было жалко старую школу, когда ее сносили. Мы подолгу грустно наблюдали, как рабочие разбирают ее стены.

До наступления холодов от нее не осталось и следа. А весной ребята из нашего класса разбили на этом месте огромную клумбу. К последнему дню занятий трава и цветы были в самом лучшем виде. Классная руководительница Анна Ивановна организовала у клумбы настоящее торжество: здесь мы читали стихи, давали клятву вечно дружить, не забывать нашу «старушку». У всех было очень хорошо на душе.

Клавдия Моисеевна, моя мачеха, в основном занималась домом и сестренкой Леночкой. Когда я приходил из школы, она оставляла ее на меня, а сама мчалась в магазины. К лету тридцать шестого года сестренке было четыре годика. Как-то, получив ее в свое распоряжение, я повел девочку к клумбе с цветами, дорогой рассказывал ей о школьной жизни и был рад, когда здесь же появился мой одноклассник, Сережа Филимонов, с младшим братом. Тот был чуть постарше Леночки, так что у нас образовалась веселая компания.

Мы уже собирались уходить, когда вдруг появилась Анна Ивановна. Она уходила из школы домой, но, увидев нас, подошла. Разумеется, учительница тоже говорила о школе, о новых возможностях, появившихся в связи с новостройкой. Неожиданно я испортил всю «обедню», сказав, что скорее всего наша семья уедет из Москвы. Анна Ивановна немного пожалела меня, но закончила на мажорной ноте: пути хороших людей всегда

пересекаются, и предсказала, что я в этой школе еще появлюсь.

И действительно — появился. Но через пятнадцать лет, когда поступил учиться в Военную академию имени Фрунзе. Вот только никого из знакомых учителей, в том числе и самой Анны Ивановны, не нашел — война всех разбросала.

Вообще школьные годы я, как видно и все, вспоминаю с неизменно добрыми, светлыми чувствами. Наши учителя были самоотверженные, преданные своему делу люди. А как внимательно, с какой любовью они относились к своим питомцам! Точно так же было и в других школах. Везде прослеживался один почерк. Это была общая линия государства: оно заботилось как об учителе, так и об ученике. Могу биться об заклад, что тогда ни разу никто и слыхом не слыхивал о том, что где-то, в одной из школ учителя объявляли голодовку из-за того, что им несколько месяцев не платят зарплату. А что сегодня? Не проходит дня, чтобы российская пресса не писала об учительских акциях протеста. Передо мной «Независимая газета» за 16 января 1997 года. Один из ее авторов Алексей Лукьянов пишет об учительских пикетах у Белого дома из более чем 50-ти регионов России. Оказывается, педагоги кое-где не получают зарплаты без малого год. «Забыли платить даже пособие на детей, — рассказывают учителя. — Жертвам Чернобыля не платят. Хорошо, если есть участок. А в городе как быть? Питаемся одной картошкой. Записываемся в долг в магазинах — дают хлеб и крупу… В интернатах, чтобы прокормить детей, учителя сдают кровь… В школе лампочку купить не на что, и даже мел. Один учебник на трех-четырех человек, ученики — в голодные обмороки падают».

И это в мирное время! При расцвете «демократии». О таких ли школах мечтали многие поколения русских интеллигентов?

Есть в стране пародист — Задорнов. Этот талантливый человек ярко и зло высмеивал руководителей — вначале Горбачева с его кликой, а затем Ельцина с компанией. Что делает Борис Николаевич, естественно, с подсказки своего окружения? Он дает Задорнову квартиру в элитном доме, где всего шесть квартир — самого президента и его приближенных. Это лучшие квартиры в Москве, да и в стране. И пародист, поселившись на этом «Олимпе», вообще прекращает писать о настоящем. Как-то он обмолвился: все равно, дескать, бесполезно, и переключился на прошлое. И показывает его только как исчадие грязи, пошлости и хамства.

Например, «живописует», как он жил в коммунальной квартире, где только клопы, тараканы и крысы, а еще сплошное зловоние. Отношения между жильцами, говорит, такие, что

приходилось на кастрюли вешать замки, потому как соседи плевали в борщ. Такая якобы была стервозная обстановка в обществе при Советской власти: плевали не только в душу, то есть «стучали», но и в еду. А ведь даже дураку ясно, что если в доме паразиты, грязь и вонь, так это — вина хозяев. Что касается плевков в борщи, то, видно, и сам Задорнов в этом упражнялся.

Мне тоже приходилось снимать комнату в коммуналке, где жили еще три семьи. Это был период учебы в академии — с 1951-го по 1954-й. Могу и адрес указать: Учебный переулок, вблизи Новодевичьего монастыря. Обходились мы без крыс, тараканов и клопов, хотя дом был старый, деревянный, с жилым полуподвалом, зато отношения между жильцами — лучше не придумаешь. Может быть, просто повезло?

В начале тридцатых о Сталине говорила вся страна. О его начинаниях, поступках. Я тоже слышал многое. В основном, конечно, хорошее, и воспринимал это как должное. Позже, после смерти, стали на него навешивать разные ярлыки. Но правильно гласит восточная мудрость: мертвого льва может лягнуть даже осел.

Подробно о Сталине мы еще потолкуем, а сейчас, возвращаясь к тридцатым годам, замечу: одно дело — услышать, и совсем другое — увидеть.

Мне впервые посчастливилось побывать на Красной площади в 1932-м, на первомайской демонстрации. А потом дважды в год, в ноябре и мае, мы бывали там с отцом всегда. В 1936-м на Первомай ходили всей семьей. И каждый раз — новые впечатления. Но Первомай 1932-го для меня особо знаменательный, поскольку первый.

О желании взять меня на демонстрацию отец объявил заранее. И я, конечно, все последние дни пребывал в напряжении. Даже в школе весь класс знал об этом. Ребята мне завидовали.

Приблизительно в восемь утра мы приехали в академию. Там уже толпился народ. Организаторы формировали колонну, раздавали флаги, лозунги, портреты вождей, огромные карикатуры на буржуев. Кое-кто пришел с цветами, маленькими флажками… Мне тоже дали флажок.

В тот день сама погода рождала праздничное настроение, а если вспомнить о нарядной летней одежде людей, красивом убранстве улиц, ликующих колоннах демонстрантов, бодрящей музыке, то, говоря современным языком, аура была просто прекрасной.

В нашей колонне несколько человек были с орденами — для того времени редкость. Люди вели себя непринужденно, радостно, живо беседовали. Детей мало, но неподалеку оказалась

девчурка приблизительно моего возраста. Когда колонна двинулась, я вцепился в руку отца и почему-то все время боялся, что потеряюсь.

Вышли на улицу Горького. Между прочим, именно в том году Тверская получила имя великого писателя. Здесь наша колонна влилась в огромный людской поток — он спускался к Манежной площади. Люди шли в несколько рядов. Порой останавливались, затягивали песни, танцевали. Играли оркестры, звучали гармошки. Когда оказались на Манежной, а потом подошли к Историческому музею, все как-то подтянулись. Возникло некое напряжение. А меня поглотила одна мысль — сейчас увижу Мавзолей и на нем Сталина…

Наконец, нас вынесло на площадь. Шли мы в середине колонны. Естественно, мне было видно плохо. Я потянул отца за руку, показал, что девчурка в нашем ряду уже устроилась на плечах своего родителя.

Тогда и отец подхватил меня, посадил к себе на шею. «Ну как?» Отвечаю: отлично! Действительно, было видно всех и все. Время от времени звучали здравицы и лозунги. Впереди кричали «ура». Я увидел Мавзолей, на нем много людей, но кто из них Сталин? Отец сказал, что рядом с вождем Ворошилов и Буденный в военной форме, и я сориентировался. Кричу отцу: «Вижу! Сталин машет рукой!» Действительно, он помахивал правой рукой и улыбался. Все кричали «ура». Я буквально впился глазами в Сталина, стараясь получше рассмотреть…

Ворошилов и Буденный выделялись, были при орденах. Отец потом говорил, что он отлично видел Молотова, Микояна, Кагановича, а из военных, кроме Ворошилова и Буденного, еще и Тухачевского. И вот прошли Мавзолей… Нашу колонну тепло приветствовали трибуны: стоявшие там махали нам руками, флажками, цветами. Очевидно, то же было и до Мавзолея, но я этого как-то не заметил: «разбирался» с центральной трибуной.

Отец снял меня с плеч. Мы уже двигались по Васильевскому спуску. Внизу Москва-река. Потом колонна повернула направо и направилась к Садовому кольцу, что отвечало нашим интересам — ближе к дому. На Зубовской уже поджидал грузовик — туда сложили все знамена, плакаты. Колонна наша растаяла, как и другие.

Люди обменивались впечатлениями: кто что видел. Особенно много мы говорили о Сталине. Мы с отцом дошли до дома пешком, довольные, немножко уставшие. А там — праздничный стол.

Отец пригласил соседей — семью Кравченко, своего однокурсника. Вадик, сын Кравченко, все кричал, что его «батя»

дал ему честное слово — взять на следующую демонстрацию. Видно, у них было бурное объяснение из-за этого…

А я, конечно, взахлеб рассказывал, как я видел Сталина! Почему-то ждал, что он будет чем-то выделяться — ростом или одеждой, но ошибся. Он стоял в центре трибуны, по которой немного расхаживал — два-три шага вправо, столько же — влево; никто вплотную к нему не стоял.

Потом каждый раз, бывая на Красной площади, я вспоминал тот день, когда впервые увидел Сталина. Кстати сказать, судьба сложилась так, что, будучи слушателем Военной академии имени Фрунзе, я участвовал в его похоронах.

1936 год памятен мне весьма неординарным событием. Как-то во время урока в класс зашли незнакомые люди — мужчина и женщина — в сопровождении завуча. Мы встали, поздоровались. Анна Ивановна, классный руководитель, о чем-то с ними тихо разговаривала. Нам она дала задание — мы делали вид, что поглощены работой, хотя сами вслушивались в разговор. Увы, так и остались в неведенье. Зазвенел звонок, мы выбежали на школьный двор и, как обычно, затеяли свои немудреные игры. Вскоре я заметил: у школы стоит группа людей и внимательно наблюдает за нами.

Перемена закончилась, мы — снова в классе. Входит Анна Ивановна, мы встаем, она говорит: «Садитесь. Варенников, зайди к завучу. А мы продолжаем урок…» Мой сосед по парте Сережа Филимонов: «Ты что натворил?» — «Да вроде ничего».

Но раз вызывают к завучу, значит, будет разбирательство. Я шел и мысленно перебирал события последних дней. Нет, причин для «взбучки», кажется, не было. Подошел к двери. За ней какой-то разговор, но тянуть нечего — раз вызывали, надо идти. Вошел, глядя на завуча, представился: «Ученик 5 «А» Варенников».

Оглядел комнату: там еще три человека, в том числе те двое, что были в классе. Все курили. Дама мне говорит: «Здравствуй, мальчик». — «Здрасьте… женщина». Все засмеялись. Кто-то обронил: «Он еще и юморист». Тогда дама сказала: «Я — Елена Ивановна». Я подумал: «Хорошо запоминается — сестра Елена».

Посыпались вопросы: откуда родом? В каких городах жил? Кто родители? Расспрашивали подробно об отце, потом — о здоровье, увлечениях. Отвечал быстро, с «напором» (почему-то обозлился — задают вопросы все сразу). Когда гости иссякли, я понял: они ко мне с добром. Вдруг один из спрашивающих говорит: «А ты в шахматы играешь?» — «Играю». — «Сыграем?» — «Можно! Но ведь вы проиграете». Все притихли. «Это почему? Я играю хорошо». — «Все равно проиграете, я же вижу…» Все улыбались. Дама сказала: «Думаю, достаточно. Мое мнение

однозначное: надо попробовать на съемках». Остальные согласились. Она обратилась к завучу: «Прошу вас послезавтра отпустить его с уроков». Затем ко мне: «Вот тебе адрес, это «Мосфильм», — и дала листок. — Послезавтра к 11 утра. Мы делаем фильм «Гаврош» по роману Виктора Гюго. Приезжай, тебе понравится».

Мы расстались. Я пошел в класс. В голове — фантастические мысли и какая-то растерянность. Долго стоял в коридоре у окна, думал. Появился завуч. Видно, уже проводил гостей, подошел ко мне: «Ты чего не на занятиях?» — «Думаю…» — «Чего тут думать? Послезавтра поедешь на «Мосфильм», все прояснится. Хорошая перспектива. Пройдешь на Гавроша — это все. В институт примут без экзаменов. Правда, до института еще далеко! Но все равно — езжай! Только приведи себя в порядок». — И он провел рукой по моей кудлатой голове.

Вернувшись в класс и спросив разрешения у Анны Ивановны, пошел на свое место. У доски кто-то стоял. Сосед по парте тут же набросился: «Рассказывай!» — «На перемене». — «Выкладывай все по порядку». Я отбивался. Наконец, Анна Ивановна сделала Сергею замечание, попросила быть внимательным. Но весь класс смотрел в мою сторону — я был у завуча, да еще так долго. Прозвенел звонок. Анна Ивановна ушла. Все — ко мне: «Что натворил? Что сказал завуч?» А когда я сообщил сенсационную новость, интерес ко мне разгорелся с новой силой. Все стали строить предположения. Звучали имена известных артистов, чаще всего — Игоря Ильинского.

Дома я тотчас начал изучать себя в зеркале. Да, прав завуч — надо привести «внешность» в порядок. Большая копна волос, давно не видевшая парикмахера, делала лицо озорным. И коричневая косоворотка, которую носил подпоясываясь, тоже не украшала…

Рассказал новости Клавдии Моисеевне. Она начала вздыхать и повторять: «Что же делать, что же делать?» Меня всегда это раздражало. «Ничего не надо делать. Придет отец — все решим». Так и получилось. С занятий отец пришел вечером. После ужина, когда мы уселись поудобнее, он велел рассказывать, что я и сделал, отдав ему при этом записку Елены Ивановны. Отец умел слушать: запоминал все детали, а когда собеседник заканчивал повествование — задавал вопросы. Вот и сейчас — выслушав, переспросил: «Говоришь, завуч посоветовал привести себя в порядок?» Я подтвердил. Тогда отец объявил, что завтра после уроков мне первым делом нужно красиво подстричься. А Клавдии Моисеевне велел отутюжить мой костюмчик и белую рубаху. Послезавтра я должен отправиться на «Мосфильм».

Парикмахер, приводя в порядок мою голову, ворчал: «Запустил ты прическу. И машинкой не возьмешь. Тебя, парень, обкорнать надо наголо… Что молчишь-то?» Я сопел, но разговора не поддерживал. Когда пришел домой, все сказали: хорошо! А вот отец, хотя и одобрил, все же выразил сомнение: «Понравится ли прическа им?»

И он как в воду смотрел. Когда меня, разряженного, наутюженного, красиво подстриженного и тщательно причесанного, привели к Елене Ивановне — она так и ахнула: «Господи, что же ты наделал? Где твоя голова? Она нужна была нам такой, какой была…» Куда-то побежала, вернулась с теми двумя, что были с ней в школе. Они зашли и долго молчали. Затем сели, закурили. Один изрек: «Да, это все. Вот как бывает. Мы сами виноваты, что так получилось — не предупредили. Ждать, пока он обрастет, — нет времени». Все согласились. Я был подавлен — моя артистическая карьера рухнула, не начавшись. Расстались мы по-доброму. На прощание мне подарили какой-то альбом с фотографиями артистов.

Домой вернулся в слезах. Никому ничего не рассказывал. Дождавшись отца, выложил ему все как было. Отец, по-моему, даже обрадовался развязке: «Вот и прекрасно. Надо окончить школу, а потом распоряжаться своей судьбой. Артист — хорошо, но инженер — еще лучше. Словом, не горюй, все что ни делается — к лучшему».

К счастью, следующий день был выходной, идти в школу не надо. Отец оставил свои занятия, и мы отправились в зоопарк — он был рядом. Помню, я сравнивал каждого очередного зверя с нашим завучем — очень уж на него обозлился! Ведь это он подтолкнул к тому, чтобы остричься. Конечно, досада была детской, мальчишеской. Потом все перегорело и улеглось. Вечером отец посоветовал: «Если ребята будут донимать, скажи им, что не сошлись характерами и ты отказался от предложения. Позже, когда учебный год закончится, расскажешь, как все случилось. Будет честно и благородно».

Так я и поступил. Действительно, вопросов почти не было. Но в душе моей, не скрою, осталась горечь. Позже я видел этот фильм — «Гаврош». Не помню фамилии мальчика, игравшего роль Гавроша, но исполнил он ее прекрасно. Не знаю, смог ли бы я так?

В общем, артиста из меня не вышло. А кино я очень люблю. И не только кино — искусство вообще. Знаком со многими деятелями театра и кино, и очень уважаю многих из мастеров сцены и экрана. Общаясь с ними в жизни, не раз замечал, что иные из них любят больше всего себя в искусстве, а не искусство

в себе. Характер, природа артиста такова. Он желает и требует к себе максимального внимания, что, впрочем, естественно. Это эгоизм в хорошем смысле, и он не страшен. Страшно другое: когда артист (или любой иной представитель интеллигенции) совершенно не дорожит идеалами; когда в каждом кармане у него по двадцать принципов на все случаи жизни — вынимает, какой выгоден сегодня… Обидно, стыдно за таких.

Мне не нравится выражение «гнилая интеллигенция». Это убийственный ярлык, и ко многим представителям интеллектуальной элиты он абсолютно неприменим. Но значительная часть творческой интеллигенции под это определение, увы, подпадает. Я говорю о людях-приспособленцах. Нет, это не открытые враги. Враги — Вишневская и Ростропович, их души давно истлели, вместо них «одна, но пламенная страсть» — деньги любой ценой! Вот и лижут… А уж когда речь идет о бесе в ранге царя… Вспомните награждение Ростроповича орденом в мае 1997-го!

Люди, родившиеся и выросшие при Советской власти, получившие от нее все: высшее образование, возможность раскрыть свои таланты, приобрести известность, высокие звания и награды. И вдруг ныне выступают в роли ненавистников того строя, который их породил. Они поддерживают и воспевают власть, которая подкармливает продавшуюся верхушку интеллигенции, тогда как основная масса интеллегенции обречена нищенствовать. Когда же они были сами собой? И почему эти люди, кого страна увенчала высоким званием народных артистов, теперь платят народу, взрастившему их, черной неблагодарностью?

Я не могу отрешиться от этих горьких мыслей. Вот и теперь, вспомнив эпизод о своей несостоявшейся артистической карьере, я невольно перешел к обобщениям. Таковы сегодняшние реалии — они тяжелы и противоречивы, жестки и навязчивы. Потому, рассказывая о собственной судьбе, поневоле вынужден делать отступления, говорить о том, что болит и тревожит. И это естественно: в жизни все так тесно переплетено — личное и общее, прошлое, настоящее и будущее.

…Отец заканчивал академию, а я — пятый класс. И вот мы едем в Новороссийск. Точнее, в Абрау-Дюрсо. Сюда он уже наведывался в конце четвертого курса — как говорил, для разведки. Дело в том, что именно тогда отец получил тему дипломной работы, которую нужно было не только защитить теоретически, но и воплотить материально. Ему следовало построить тепловую электростанцию для завода шампанских вин в Абрау-Дюрсо.

В первой поездке он собрал все необходимые данные для диплома, во второй — договорился, уже на местности, с подрядной организацией о проведении строительных работ, уточнил смету. В третью — проверил окончательную готовность к строительству на лето 1936 года. Кстати, на четвертом курсе отец получал премии как «ударник учебы». Такая вот была тогда категория, и на Новый, 1936 год нам принесли большую продовольственную посылку с деликатесами и вином. Все пришли в восторг не от того, что было в посылке, а от самого факта: отец отмечен!

Государственные экзамены он сдал в апреле и мае — без троек. Что касается дипломной работы, то защитил ее еще в начале года. И вот в третий раз отправился к месту строительства — чтобы поставить все точки над «i». Однако пока диплома не получил.

По действовавшим тогда правилам студентам, как мне запомнилось, проходившим подготовительный курс, разрешалось на равных с другими получать дипломы после их успешной защиты или же (если он сам пожелает) после завершения строительства объекта, сдав его государственной комиссии «под ключ». Все на добровольных началах. Отец избрал второй путь. Таких среди «академиков» было не много.

В Абрау-Дюрсо отец уехал первый, а мы должны были подъехать позже. Но через две недели получаем телеграмму: он нас ждет! До Новороссийска добрались поездом. Отец встречал на вокзале.

И вот перед нами, наконец, сказочный Абрау-Дюрсо! Оказывается, он имеет давнюю историю. Некогда он являлся опорной базой по производству вин высокого класса, принадлежавшей их императорским величествам. Говорят, впервые подвалы появились при Екатерине II… А вообще это чудесное, живописное место. Богатые леса, кизиловые рощи. Внизу, как в чаше, лазурное озеро. Если вы были на Рице, то можете представить его. Правда, озеро Абрау-Дюрсо несколько меньше, но значительно красивее. Возможно, оно когда-то соединялось с морем, ведь среди рыб встречаются не только бычки, но и морской окунь с огромной красной пастью. За свою долгую жизнь немало повидал я озер у нас в стране и за рубежом, но такой красоты не встречал.

Жизнь в поселке, хоть он и был небольшим, бурлила вовсю. «Виновата» была, разумеется, стройка, задававшая местному ритму динамизм. Домик, в котором мы жили, стоял неподалеку от озера. К берегу спускалась крутая тропа-лестница. Я быстро обзавелся друзьями своего возраста. У нас во дворе шла работа по

производству различных снастей для лова рыбы и раков.

Особенно увлекателен и интересен был процесс отлова раков. Все происходило с наступлением темноты, когда на небе появлялись крупные бриллиантовые звезды. Мы разжигали у самого берега костры и забрасывали, точнее, шестами опускали в воду сети, натянутые на обручи, в центре которых прикреплялась приманка — жаренные на костре мясные обрезки. Раков было множество, мы не только варили их с укропом на всю рыбацкую команду, наедаясь вдоволь, но каждый еще уносил домой пару ведер.

В августе прибавилась новая забота — начался перелет перепелок, который длится две недели. Местом их базирования были виноградники, но вечерами на костры они тоже слетались. Мы подбирали тех, кто получил какие-нибудь увечья, короче, были обречены. Впрочем, сачки для ловли все же сделали.

И были походы на море. Запасались едой и выходили рано утром. В лесу к своим запасам добавляли орехи, кизил, грибы. Весь день барахтались в воде, заплывая далеко от берега. Вечером возвращались домой, довольные совершенными «подвигами». Иногда, заигравшись, забывали о времени и тогда приходилось топать в темноте. Разжигали костер и, взяв по горящей головешке — для храбрости, подбадривая себя, шли к поселку. Частенько на эту тропу выходили шакалы, одним своим завыванием нагонявшие страх, а огня они боялись.

Росли мы крепкими, самостоятельными. Никто над нами на трясся, казалось, мы — на равных с родителями.

Однажды в выходной день отец, очевидно, заблаговременно договорившись, повел наше семейство в винные подвалы. Они впечатляли. Огромные, тоннельного типа сооружения с гигантскими чанами, бочками и тысячами бутылок шампанского, рислинга, каберне. Родитель с увлечением рассказывал о производстве вина — от поступления виноградных кистей до дегустации. Но на меня наибольшее впечатление произвели тоннели. Пожалуй, своей таинственностью. Ведь среди них были и замурованные. Нет, как хотите, но что-то тут было загадочное и даже в то время страшное…

Потом пошли на стройку отца. После только что увиденного в винных подвалах его детище произвело нулевое впечатление. Видимо, мы не смогли скрыть разочарования. Он это почувствовал и начал разъяснять: есть, дескать, в строительстве такие процессы, которые, как при создании вина, нельзя ускорить… Мне почему-то стало скучно. К тому же обстановка вокруг о порядке явно не свидетельствовала. Охранявший стройплощадку дед подошел к отцу и сказал, чтобы не водил

детей к котловану. По-моему, сторож больше отвечал за меры безопасности, чем за сохранность имущества. Не было здесь ни одного случая, чтобы кто-то посягнул на народное добро. Не то что теперь, когда в стране разворовывают все и вся, когда ловкачи-прихватизаторы спешат прикарманить все, что плохо лежит. А «плохо лежит» сегодня абсолютно все…

Завершая рассказ о скором рождении электростанции, отец очень серьезно и убедительно сказал, что она придаст новые силы не только винному заводу, но и всему поселку. Это, пожалуй, единственное, что произвело на меня впечатление.

Наступило первое сентября, и я пошел в шестой класс. Школа в поселке была одна — семилетка. Ребята постарше ездили в новороссийский интернат.

Учеба шла нормально. Физкультуру и военное дело у нас преподавал Тихон, сын бухгалтера с винзавода. Год назад он окончил среднюю школу и одновременно в Новороссийске приобрел специальность метеоролога. Теперь учительствовал и по совместительству работал на местной метеостанции. Хорошо физически развитый, проявлял большой интерес к военному делу, вся грудь у парня была в «оборонных» значках. Мы смотрели на него, как на икону, ловили каждое его слово и подражали во всем.

Однажды у нас в поселке была встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Народу — тьма. Выходной день. Погода хорошая. Лозунги, транспаранты, музыка. Мы стоим отдельной группой. На митинге выступал кандидат в депутаты. Тихон сказал нам, что по окончании митинга хочет к нему подойти со «своим вопросом». Мы, конечно, заинтересовались. О чем речь? Оказалось, хочет попросить, чтобы тот посодействовал с призывом в армию. У Тихона было плохое зрение, он носил очки, и его в военкомате даже не брали на учет, отчего парень сильно страдал. Он пытался доказать, что в армии есть такие должности, на которые и с его зрением можно назначить. Кажется, он и писарем был согласен стать, лишь бы попасть в армию.

Тихон действительно подошел к кандидату в депутаты. Тот что-то записал, пообещал разобраться, но ни в осенний, ни в весенний призыв беднягу в армию не взяли. Парень снова строчил письма — теперь уже депутату. Мы сочувствовали Тихону — так мы его называли между собой, а на занятиях — «товарищ военрук». Он любил это.

Кстати, тот митинг оставил в нашей семье след. Помню, вечером к нам домой пришел директор винзавода. Уединившись с отцом, они о чем-то долго разговаривали. Значительно позже мне

об этом эпизоде рассказал отец. Директор говорил, что после митинга он звонил в Новороссийск начальству, а оно, мол, высказало недовольство: «Почему на митинге не выступил Варенников?» Отец ответил: «Кто бы меня ни заставлял, я не буду представлять человека, если не знаю его».

Вот так: твердо и однозначно.

Позже, через многие годы, мы с отцом вспоминали и этот случай.

В Абрау-Дюрсо время пролетело очень быстро. Наконец строительство электростанции подошло к концу. Надо сказать, она впечатляла. Здание — небольшое, но очень высокое, по тогдашним меркам — ультрасовременное, с громадными вытянутыми вверх окнами. Мне было приятно, что это дело рук моего отца. Государственная комиссия приняла станцию без замечаний. Здесь же выпускнику Варенникову вручили долгожданный диплом об окончании Промышленной академии имени Сталина.

Было торжество в заводском клубе, затем — небольшое застолье. А через день председатель Государственной комиссии и представитель академии объявили отцу: отпуск ему лучше всего провести в Абрау-Дюрсо, через месяц решится вопрос с его назначением. Родителя, как ожидалось, должны были пригласить в Москву. Мы все радовались такой перспективе, особенно я, поскольку уже заручился согласием отца весь месяц ходить с нами на море и в лес. А где-то в глубине души было тоскливо — ведь скоро придется расстаться с Абрау-Дюрсо, который я уже успел полюбить.

А потом в нашу жизнь вошло нечто страшное и непонятное. Не прошло и недели после торжественного открытия электростанции, как к нам ночью пришли четверо, один был в милицейской форме. Показали отцу какой-то документ; тот молча оделся, собрал в авоську мыло, зубную щетку, еще кое-что. Мне и Клавдии Моисеевне сказал, что скоро вернется. И ушел с ночными посетителями.

Мы тоже вышли во двор. Клавдия Моисеевна плакала. Через некоторое время услышали заведенный двигатель, потом увидели машину — «воронок».

Отец отсутствовал около трех месяцев. Страшная, необычная и непонятная обстановка сложилась тогда вокруг нашей семьи. Никто к нам не приходил, вроде бы Варенниковых и не существовало. Исключением был директор завода, но и тот появлялся обычно поздно вечером и на очень короткое время. После одного из таких визитов Клавдия Моисеевна сказала, что он принес деньги. А еще сообщила: приезжала какая-то группа

специалистов, осматривала электростанцию, которая к этому времени вовсю работала. Ничего не сказав, группа вернулась.

Конечно, деньги не были лишними, но если учесть, что я приносил домой рыбу и грибы, а наш огород давал разную зелень, то можно было продержаться. Однако вечно продолжаться так не могло. Самое главное — моральный гнет. Весь поселок знал о беде в нашей семье, «позорной» беде.

Даже мои друзья не появлялись у нас дома и на «нашем» берегу озера. Если иногда я и видел их на озере, то далеко от обжитого вместе пляжа. Черные дни тянулись медленно. Мне было невероятно тяжело. При встрече со сверстниками делал вид, что не замечаю, не подходил к ним. Понял, что это их устраивало. Наверное, им родители строго-настрого наказали, чтобы не встречались с сыном «врага народа».

Особенно делалось горько, когда Клавдия Моисеевна плакала, причитая: «Ну почему я такая несчастная! За что мне такое наказание?» Вместе с ней ревела и сестренка. Я даже не пытался успокаивать мачеху, но меня раздражали ее слова. Она почему-то считала несчастной именно себя, а не нашу семью, в первую очередь — отца. Беда-то свалилась на нас — одна на всех. Но я хорошо запомнил прощальные отцовские слова: все это, мол, недоразумение, он вернется. С этой уверенностью я и жил!

Отец как внезапно исчез, так же внезапно и появился. Среди дня, на легковой машине. Его сопровождал мужчина в военной форме, но без знаков различия. Я был свидетелем того, как отец предлагал ему зайти в дом, но он отказался, сказав, что сейчас близким отца не до гостей, а вот через два-три дня — заедет. Они любезно попрощались, и машина уехала.

Нашей радости не было конца! Леночка как забралась на руки к отцу, так до вечера и не сходила. Потом приехал Иван Кузьмич, директор завода. Клавдия Моисеевна в его присутствии сказала, что это единственный человек, который нас навещал и помогал материально. Отец тепло благодарил Кузьмича, заметив, что не сомневался в его благородстве.

Что касается объяснений случившегося, то они для того времени были «типовые»: произошла досадная «неприятность», которая возникла на основе анонимных писем. А спас отца Микоян. Мало того, Анастас Иванович рекомендовал вернуть его в пищевую промышленность — с учетом имевшегося теперь высшего образования. Одновременно отца ориентировали, что, возможно, его назначат на самостоятельную работу здесь, в Краснодарском крае. Услышанное меня потрясло. Но я, как и все, радовался благополучной развязке.

Через два дня приехал уже знакомый мне военный. Родитель

с ним встретился, как с родным; тот привез хорошую весть — телеграмму из Москвы о назначении отца. Вскоре подошел Иван Кузьмич. Стали уточнять план ближайших действий…

Как всегда, первым провожали отца — он должен был устроиться, а затем вызвать нас. Иван Кузьмич обязался помочь семье собраться и отправить ее «вторым эшелоном». Распрощались. Теперь уже без слез. А Леночка все торочила отцу, чтобы он «не заблудился» (так он объяснял ей свое трехмесячное отсутствие).

Через много лет, вспоминая случившееся, родитель приоткрыл некоторые подробности: когда «его» стройка завершилась, в Новороссийск, Краснодар и Москву стали поступать анонимные письма о том, что фундаменты под дизели станции сделаны ненадежно, а главный виновник он, мой отец. Естественно, реакция НКВД была однозначной, тем более что «сигналы» поступили сразу в несколько инстанций.

Сидел отец в камере предварительного заключения в Новороссийске. Он ухитрился переслать записку своему приятелю Куцину, в станицу Крымскую. Просьба была одна — сообщить Микояну, что арестован по недоразумению. Микоян, как и Куцин, сделал все, и даже больше… А передавались письма «проторенным» тогда путем — через заключенных, которых должны были освободить или перевести в другое место.

Через месяц отца вызвали снова — и с ним беседовал уже не следователь, а представитель крайкома партии. В разговоре был задан вопрос: знает ли он лично товарища Микояна? Конечно, родитель дал утвердительный ответ. Тогда представитель крайкома сказал, что Анастас Иванович предлагает ему вернуться в пищевую промышленность. Если это предложение принимается, то состоится назначение в Армавир. Отец согласился.

Глава II
Мир катится к войне

Армавир — городок провинциальный, а Кубань — река коварная. Казалось бы, живи — не тужи. Спорт, газета и кораблестроение. О преподавателях. Надежды народов и рассуждения подростка. «Гроза» приближается. «Броня крепка, и танки наши быстры…»

В начале августа 1937 года мы получили от отца сообщение: в Армавире все готово, он ждет. Сборы оказались недолгими, фактически мы уже давно «сидели на чемоданах». Проводы были сердечными и даже слегка торжественными. Пришло много соседей. Прощались с нами тепло, просили не забывать. Народ в Абрау-Дюрсо запомнился мне добрым, сплоченным — просто одна семья, готовая отдать и сделать для тебя все, чего ни попросишь. Правда, оставалась еще некая тень, недосказанность — видно, страх перед чем-то неведомым давал о себе знать. Как бы желая загладить все плохое, люди к семейству Варенниковых буквально льнули, а уж мои друзья — тем более.

Иван Кузьмич выделил грузовик и сопровождающего, с которым мы доехали до Новороссийска. Он помог нам сесть в поезд. И вот вагон дернулся и пошел, все убыстряя ход. Станция уплыла куда-то, как и вся наша прежняя жизнь. Ехали мы с хорошим настроением, в общем вагоне. Народу было немного, все с узлами, чемоданами, тюками — видно, многие в ту пору переезжали. В подавляющем большинстве попутчики были внимательными, обходительными. То и дело кто-то угощал нас своей снедью, особенно прелюбопытную Леночку, проявлявшую ко всем большой интерес и быстро вступавшую в контакты. Как и предполагалось, утром мы уже были в Армавире. На перроне увидели отца, он улыбался.

Линейка (двухконка) уже ожидала. Мы тут же ее «оккупировали». Возница — круглолицый, с окладистой бородой — спросил: «Товарищ директор, можно ехать»? — «Давай, двигай домой». Я посмотрел на отца, он мне подмигнул, и мы тронулись в путь.

Видно, маршрут они заранее оговорили с таким расчетом, чтобы мы получили возможность познакомиться с городом, где предстояло жить…

Армавир в основном был одноэтажным, редко попадались дома в два-три этажа. В центре, конечно, имелись и повыше, в

основном административные здания. Ближе к окраинам располагались различные предприятия, мастерские, лишь Армавирский литейный завод оказался недалеко от центра. Дома были кирпичные, добротные, и только изредка попадались мазанки. Мостовые вымощены булыжником, и лишь центральная часть города покрыта асфальтом. Многие же улицы на окраине оставались грунтовыми. Меня поразило, что все тротуары выложены кирпичом. Никогда прежде я не видел ничего подобного. Пешеходам был не страшен ни дождь, ни снег. Очевидно, испокон века мощность кирпичного завода позволяла городским властям проявлять столь трогательную заботу о своих согражданах.

Наш дом находился на улице Осипенко. Он и сейчас стоит, я был там последний раз летом 1990 года. Неподалеку расположены стекольный и пивоваренный заводы. В 100–150 метрах — река Кубань. Дом хотя и одноэтажный, но крепкий, высокий. Прямо на улицу выходило крыльцо одной из квартир, а вход в две другие — со двора, в том числе и нашу. В глубине огромного двора стоял небольшой кирпичный дом. Там жил главный инженер завода. Нашлось место и для огорода. Здесь же росло несколько фруктовых деревьев.

Наша квартира состояла из трех проходных комнат с большой верандой; был еще крошечный полуподвал с окном, где мы хранили овощи, соленья. Там же я впоследствии устроил свою небольшую мастерскую. Новая обитель всем понравилась. Отцу наши восторги были приятны. Квартиру поделили так: первая комната — кухня-столовая, вторая, поменьше — моя, третья — спальня родителей и Леночки. Квартиру по соседству занимала семья бывшего директора завода (его объявили «врагом народа» и арестовали). В другой, с входом с улицы, жил бывший хозяин этого дома. Впрочем, хозяина-то как раз и не было — куда-то исчез. А вот семья осталась. Отношения со всеми у нас сложились нормальные. Правда, несколько настороженно встретила семья бывшего директора — его жена и двое детей, весьма слабых здоровьем. Мальчик был года на два младше меня, а его сестра и того меньше. Вид у них всегда был испуганный. Никогда не принимали они участия в наших играх, отсиживаясь на крылечке. Отец сказал мне, чтобы я оставил их в покое. И сейчас помню его слова: «Ты им не надоедай, у них горе».

Иногда вечерами Клавдия Моисеевна, захватив большую сумку с продуктами, заходила к ним, но подолгу там не задерживалась. Возвратившись, всегда о чем-то тихо разговаривала с отцом. Однажды мачеха проговорилась, что отнесла им деньги. Вот как это получилось. Каждый вечер я ходил

с бидончиком на соседнюю улицу за молоком. И в тот раз, как обычно, попросил у мачехи денег. А в ответ услышал: «Денег сегодня нет, я все отдала Таблуковским. Попроси у молочницы в долг, после получки отца рассчитаемся».

Кстати, о молочнице. У нее были сыновья приблизительно моего возраста. Сбегав разок на Кубань, мы быстро сдружились. Но об этом — особый разговор.

«Климат» в соседних с нами дворах для меня оказался тоже вполне подходящим. Рядом, например, жила большая семья Рудичей. Один из сыновей — Владимир — был значительно старше меня — уже окончил школу, отслужил в армии, точнее, на флоте, а теперь работал слесарем на Армавирском литейном заводе. Все завод называли коротко — Армалит. Одновременно Владимир заочно учился в институте. Именно он и натолкнул меня на мысль соорудить свою мастерскую.

Правда, для нее у меня было практически все. Небольшой верстак, тиски, строгально-режущие по дереву и металлу инструменты. Но Володя сумел главное — вдохнуть в меня дух творчества. Я стал проводить опыты по физике и химии — руководил ими Владимир Рудич. Мастерил различные макеты, в том числе действующие, — вектор поиска определял Рудич.

По соседству проживала армянская семья: отец, сын Тигран и дочь Ася. Домишко у них был небольшой, и все они, под стать ему, тоже были небольшого роста. Здесь, в этом доме жила беда. Ася, уже взрослый человек, ничего (буквально ничего) не могла делать сама, даже есть. Бывало, с утра встанет у нашего забора, так весь день и стоит, не проронив ни единого слова, пока брат не придет с работы. Сначала нас эта странность угнетала, но со временем к ней все привыкли. Фактически девушка была на руках Тиграна, поскольку их отец по многу дней вообще отсутствовал. Говорили, будто где-то работал экспедитором. А Тигран служил на железной дороге. Он был отлично развит физически. Ежедневно утро и вечер, а по выходным и весь день проводил с гирями. Я восхищался — настоящий Геркулес, только в миниатюре! С ним мы тоже стали добрыми приятелями. Тигран чувствовал это, был признателен нам за деликатность в отношении его сестры.

Этому человеку я обязан любовью к спорту. Всего за какой-то год я совершенно преобразился — окреп, подрос и вскоре «играл» двумя двухпудовиками лучше самого Тиграна. Одно меня огорчало: мой старший друг никогда не ходил на Кубань. Пришлось для купаний завести другую компанию — сыновья молочницы и еще один паренек. Все они учились в другой школе.

В то время река представлялась мне живым существом. Мог

часами смотреть на ее течение, и мне казалось, что она, словно человек, имеет свой образ, свой характер. Она была то коварной и капризной, то спокойной и величественной, но всегда — неповторимой и все-таки быстрой.

Кубань берет начало в горах на склонах Эльбруса. Где бы вы ни наблюдали за ней — в ущелье, в самом ее начале, в горно-равнинном или равнинном «контекстах», во всех случаях она впечатляет своей силой и могуществом. Конечно, это не Волга, не Обь, не Амур. Ее протяженность чуть меньше тысячи километров. В горных ущельях ее нрав сердитый и грозный, на равнине река становится тише, спокойнее. В ней много плавней, а в них в избытке рыба, дичь. У станицы Варениковской плавни достигают двадцати километров в ширину. Здесь река уже похожа на настоящее море.

В районе Армавира река льнула к городу, была агрессивной — бурлила, нападала на кручи, стараясь размыть их и разрушить. Правый берег очень высокий, пляжам негде приткнуться. Зато левый — настоящая равнина. Здесь, в основном вблизи моста, располагалась часть города станичного типа. Дальше шли поля, бахчи, сады.

Нас, пацанов, естественно, больше всего интересовала бахча — она простиралась вдоль берега, ниже по течению. Думаете, арбузы соблазняли? Ничего подобного! Их в каждом доме хватало — ешь не хочу. Важен был сам процесс добычи «трофея»: ведь бахча охранялась дедом, который к началу созревания арбузов занимал удобную «диспозицию» — в центре «своих земель», в шалаше и жил там круглые сутки, пока не заканчивалась уборка.

Дед вооружался дробовиком — из него после наступления темноты он иногда постреливал в небо. На наш взгляд, больше для храбрости. Но иногда палил и днем. Все знали, что в его «пушке» крупная соль вместо дроби. Схлопотать такой «заряд» — тоже радости мало. Но именно риск завораживал нас, и мы разрабатывали целые операции по умыканию арбузов.

В конце концов был принят «на вооружение» такой «генплан». Один из четверых оставался на правом берегу — следить за сторожем. Если дед выйдет из шалаша и станет расхаживать по плантации, «наблюдатель» начинает играть на «сопелке» — так называли флейту из камыша. И если нет ветра, ее далеко слышно.

Остальные поднимались вдоль берега вверх по течению метров на 500–600, каждый запасался большой веткой или кустом. Потом с интервалом в одну-две минуты входили в воду, прикрывая голову листвой ветки, — и на левый берег. Обычно до цели добирались благополучно. Поскольку река постоянно что-то несла — доски, кусты, ветки, наша маскировка «срабатывала».

Один из троих (уже на противоположном берегу) следил за шалашом, в случае опасности должен был свистом подать сигнал. Двое пробирались на бахчу, отыскивали подходящий арбуз, иногда два, загружали в авоську и по-пластунски отползали к берегу. «Операцию» проводили по всем правилам военного искусства, потому никаких столкновений у нас с дедом не было. Хотя он иногда и выходил из шалаша, когда мы находились на бахче.

«Фокус» был еще и в том, что мы для своих набегов выбирали самое лучшее время — середину дня, солнцепек. Все прятались в тень, а мы «работали». По завершении «набега» начинался пир. Ребята были в восторге. Каждый взахлеб делился впечатлениями, конечно, изрядно фантазируя при этом.

Иногда мы шли на Кубань просто позагорать, побарахтаться в теплой воде, где-нибудь в заводи. Но любили и опасные трюки.

Через Кубань был построен рядом со старым, но выше по течению новый деревянный мост. Старый разобрали, а сваи при малой воде спилили. Летом вода поднималась выше свай — она была мутная, иногда даже казалась похожей на кисель. Приглядишься — над бывшими сваями закручивается водяной вихрь. Жуть! А мы выходили на середину моста, там наибольшая глубина, и прыгали с перил вниз головой в эту пучину. «Сверхзадача» — не разбиться о сваю и даже не поцарапаться. Зрителей у нас бывало много. Не помню, кто был автором этой затеи — теперь-то она кажется довольно глупой, — но тогда понравилась всем. Мальчишки есть мальчишки.

Не могу понять, почему взрослые, наблюдавшие за нами, не образумили, не пресекли. Наоборот, улюлюкали, подзадоривали, давали оценку каждому. Видно, казацкая удаль брала верх. Потом, правда, кто-то «стукнул» родителям, и нам было строго-настрого приказано об этих играх забыть.

Позже выяснилось, кому мы обязаны запретом рисковой игры. Призналась молочница. Как-то вечером пришел к ней за молоком, а она и говорит: «Ты уж не обижайся, это я нажаловалась — ходишь, мол, на мост прыгать и моих подбиваешь. Убиться ведь можно! Да и вообще Кубань — река коварная…»

Я не обижался. Конечно, она права, но, думал я, что бы еще придумать такое, чтобы дух захватывало? Очень уж хотелось компенсировать запрещенное удовольствие.

Уже на следующий год мы нашли на нашем берегу большую заводь с трехметровой глубиной. Это было везение. Глинистый обрыв «обработали» — сделали ступеньки, большую площадку в нише. Получилось отлично. Хоть и далековато от дома, зато —

здесь все-таки здорово и красиво! Пришлось налаживать «дипломатические» отношения с местными мальчишками — как-никак мы все же «вторглись» на «чужую» территорию. Хорошо, что среди них оказались двое из нашей школы, один из них — Леня Дубин.

Он учился уже в десятом классе, а я только в восьмом. Судьба нас, между прочим, сведет через многие годы в Заполярье, где будем вместе служить. А сейчас он помог мне достичь взаимопонимания с ребятами, и без кулаков. Я был членом редколлегии школьной газеты, а Леня — ее главным редактором. Вот он меня и представил своим лучшим другом, помощником. А у мальчишек как? Твой друг — наш друг. Вот все и наладилось.

Наша школа находилась в трех кварталах от дома, ближе к центру. Здание двухэтажное, из добротного красного кирпича, хотя и не очень большое, но классы — просторные, светлые. Перед школой — поросшая низкой травой огромная площадь. В центре ее — заброшенная церковь: все двери закрыты амбарными замками, никто не знал, что внутри. Перемены мы, конечно, проводили на этой площади…

Со школой я познакомился буквально на третий день после нашего приезда в Армавир. Мы отправились туда вместе с отцом, хотя до начала занятий оставался почти месяц. Директора Макагонова мы застали в его кабинете, там же оказались завуч и мой будущий классный руководитель и преподаватель математики Анна Ивановна. Я тотчас решил, что это к удаче: в Москве моего классного руководителя звали так же.

Чувствовалось — директор польщен приходом отца, не последнего человека в городе. Рассказал нам о школе, кстати, сообщил, что хотя она и носит номер шесть, но по всем показателям — первая. Ее выпускники обычно без всяких репетиторов поступают в вузы, в том числе Москвы и Ленинграда. Затем мы втроем зашли к завучу. «Изучив» мой табель за 6 класс школы Абрау-Дюрсо, он определил меня в 7 «А» класс и пожелал непременно стать отличником.

Побывали и в учительской. Директор представил меня. От окна отделилась небольшая женская фигурка и двинулась к нам. Я сделал несколько шагов навстречу. Анна Ивановна обняла меня за плечи, сказала, что пополнению рада, потом сообщила: наш класс собирается 31 августа в 10 часов утра, будем решать организационные вопросы.

Преподаватели с любопытством рассматривали отца. Он был крупный мужчина с решительным выражением лица, держался свободно в любых обстоятельствах. Знакомство со школой закончилось.

И вот наступил день встречи с классом. Подавляющее большинство пришло задолго до установленного срока. Все нарядные, наглаженные. Естественно, я повязал пионерский галстук. В Абрау-Дюрсо носили пионерские галстуки. Я к этому привык. Мне это нравилось.

Когда появилась Анна Ивановна, мы дружно встали и поздоровались. Она объявила: «Вот мы опять все вместе. К нам прибыли еще трое…» И назвала меня среди них. Пожелала, чтобы мы дружили и помогали друг другу. Напомнила о школьных правилах, дневниках, домашних заданиях, общественной работе, о приобретении учебников и тетрадей. Кто еще не успел этого сделать?

Все шло хорошо, пока не начались выборы старосты. Многие назвали Колю Голубенко. Это был рослый, крепкий парень, видно, пользовался авторитетом. Но Коля, вдруг заартачившись, категорически отказался, чем всем, а особенно Анне Ивановне, испортил настроение. Тогда она быстро сориентировалась: «Ребята, Коля не может, мы должны пойти ему навстречу. Я предлагаю старостой Нону Мотельскую. Нона, как ты смотришь на это?»

Та сразу согласилась. Потом поставила условие — помощником у нее будет Виталий Расторгуев. Все рассмеялись. Виталий не возражал. Напряжение было снято.

В ходе учебы я, разумеется, составил собственное мнение о педагогах и соучениках. Учителей с каждым годом, по мере увеличения числа предметов, прибывало. Большинство преподавателей мы оценивали очень высоко, уважали их и любили. Да и в школе был особый микроклимат — атмосфера почти семейная, требовательная и добрая одновременно.

Например, классного руководителя, Анну Ивановну, ребята за глаза называли Аннушкой или, за маленький рост, — Дюймовочкой. Она относилась ко всем ровно, любимчиков у нее не было. Умела слушать, не перебивая, и обычно незаметно подталкивала ученика к нужному решению. Перед тем как поставить оценку за ответ, долго думала. Когда подводила итоги за каждую четверть, мы были очень довольны: ее оценки были справедливы.

Четыре года она вела класс — и ни одного крупного конфликта за все время! Конечно, это был замечательный педагог, к каждому она сумела подобрать «ключик». Вот только почему-то особой теплоты и душевной близости у нас с классным руководителем не было. Может, математика «виновата»?

Другое дело — Дина Георгиевна, преподаватель русского языка и литературы, кстати, единственная учительница, кого мы

не «наградили псевдонимом». С ней у нас установился душевный контакт. Своими рассказами она всех буквально завораживала. Дина Георгиевна вела уроки сидя, возможно, потому, что была довольно высокого роста. Глядя на нас своими большими карими, чуть утомленными глазами, медленно и плавно жестикулируя, она читала стихи, величественно поправляя при этом свои локоны. Объясняя урок, могла вдруг встать, перейти к противоположной стене, сесть за парту и продолжать свой рассказ. А мы, зачарованные, поворачивались в ее сторону, словно подсолнухи — за солнцем, и жадно ловили каждое слово.

Она могла говорить весь урок об одном поэте или писателе, об одном произведении, даже об одном герое. А когда звенел звонок, как бы очнувшись, произносила: «Вот как мы хорошо поговорили…» А говорила только она.

Благодаря Дине Георгиевне мы полюбили Пушкина и Байрона, Лермонтова и Гете, Есенина и Шиллера… И, естественно, Некрасова, Тургенева, обоих Толстых, Гюго, Горького, Маяковского.

Физике нас учил Михаил Иванович, мы его называли коротко: Михель. Молодой педагог, третий год после института, стройный, чернявый, немного рассеянный. Был он по уши влюблен в рыжую десятиклассницу Зиночку, а она — в него. Об этом знала вся школа. Михель, рассказывали ребята, Зиночку к доске никогда не вызывал, но в дневнике у нее всегда стояли одни пятерки. Он вел урок живо, терпеть не мог тугодумов и все время поглядывал на часы, видно, ждал звонка с еще большим нетерпением, чем мы. В школе его любили, а он любил только Зиночку, рыжую, как пламя. Но физику мы знали хорошо. Михель все же женился на Зиночке, но позже, когда та уже училась в Ростове, в институте.

Наша химичка, Александра Петровна, или, как мы ее называли, Петря, была пунктуальным, рассудительным человеком. Кажется, я и теперь слышу, как она строго говорит нам: «Конечно, не все из вас станут химиками, но предмет надо знать хорошо, поскольку ни литература, ни история, ни математика не могут обойтись без H_2O». Шутка шуткой, а свой предмет она любила как никто, и это, несомненно, передавалось нам.

Ясное дело, немало места в школьной программе занимала история. Бурная, кипучая жизнь требовала осмысления прошлого нашей молодой страны. Нашу «историчку» Нину Петровну мы называли Вторая Петря или Пролетарка. Она всегда появлялась с картами, схемами и непременно с указкой. Когда начинала урок, казалось, что вот-вот скажет: «Пролетарии всех стран,

соединяйтесь!» Она посвящала нас в подробности жизни знаменитостей, рассказывала о слабых и сильных сторонах исторических деятелей. Мы обычно сидели с открытыми ртами.

Особо хочу сказать об уроках немецкого. Их вела Лидия Карловна. Немка по национальности, она была родом из Одесской области. Эти поселения немцев относятся к временам Екатерины II. Мне пришлось побывать здесь в годы Великой Отечественной войны: аккуратные деревушки, добротные кирпичные домики под черепицей, хорошие подворья. Оккупанты большинство украинских и русских деревень уничтожили, а здесь все осталось целехоньким. Так-то, родная кровь…

Много лет спустя, беседуя как-то с Мильке (министр госбезопасности Германии), вдруг подумал: «А ведь и в нем живет национальный дух… Это истинный патриот».

Национальный дух был силен, как мне казалось, и в Лидии Карловне. И, в принципе, разве это плохо? Но тогда времена были иные: Германия, погрузившаяся в коричневые сумерки, уже пережила поджог рейхстага, приход к власти фашистов…

Лидия Карловна и ее муж, окончив в Одессе пединститут, были направлены в Армавир. Муж работал в одной из школ завучем, она — у нас. Суховатая, немного сутулая, с крючковатым носом, неизменно в темном или темно-сером платье. Немецкие слова выговаривала четко, громко, а когда переходила на русский — шла сплошная скороговорка. Входя в класс, тотчас говорила: «Гутен таг, гутен таг, гутен таг».

Лидия Карловна была замечательным педагогом и глубоким человеком, но все, что творилось тогда в Германии, я связывал со всеми немцами. Поэтому немецкий язык мне был просто ненавистен. Естественно, я не учил его. Как, впрочем, и некоторые другие ребята. Когда ко мне обращалась Лидия Карловна по-немецки, я отвечал: «Нихт ферштейн». А далее изъяснялся уже на русском.

Негативному отношению к немецкому языку способствовало и появление в нашем доме «Коричневой книги». В ней рассказывалось, как фашисты шли к власти. Как загнали в подполье коммунистов и социал-демократов. Как организовали поджог рейхстага… Лидию Карловну явно обижало плевое отношение к немецкому языку. Нередко, оставшись наедине, она «обрабатывала» своих учеников, в том числе и меня. Как она хотела, чтобы мы поняли простые истины: знание иностранного языка повышает культуру человека, раскрывает перед ним новые возможности; нельзя ненависть к фашизму переносить на язык, потому что язык Гете и Шиллера — не язык нацистов.

Она была абсолютно права, но тогда ее слова многие из нас

упорно не хотели воспринимать. Потом, уже на войне, когда мы пришли в Германию, мне самому пришлось не раз повторять эти слова для боевых товарищей — однополчан. Мы не имели права становиться на одну доску с гитлеровцами. И я говорил им: язык Гете и Шиллера — не язык фашистов…

Вспоминая свои школьные годы сейчас, я восхищаюсь самоотверженностью не только Лидии Карловны, но и других моих учителей. Они делали все, чтобы мы учились осознанно, понимая, для чего это нужно. Школа сеяла в наши души зерна патриотизма, ответственности перед Родиной и народом. Это отнюдь не напыщенные фразы — именно так и было. И когда пришел грозный час испытаний, мое поколение, воспитанное советской школой, выдержало свой экзамен с самой высокой оценкой, явив миру массовый героизм на фронте и в тылу.

С печалью я гляжу на нынешние российские школы и учителей. Как все изменилось! Совершенно другой мир. Школьники и учителя голодают. Падают на уроках в голодные обмороки. Педагоги месяцами не получают зарплаты, родители детей — тоже. Сообщениями об этом переполнена уже не только патриотическая и коммунистическая пресса. Страна докатилась до того, что родители собирают еду и через своих детей передают ее учителям.

Ребята относят ее в столовую. На переменах учителя пьют чай с «родительскими» бутербродами, подкармливая, в свою очередь, ребятишек, которые уходят в школу без завтрака. Когда, при каком царе Борисе или генсеке было на Руси такое?

Зато новоявленные нувориши процветают. Тот же Чубайс только налог со своего дохода за 1996 год выплатил (под давлением прессы) в размере 515 миллионов рублей. Каков же весь его доход, если на один только его налог можно в течение года содержать в безбедном состоянии учителей четырех средних школ?!

Теперь открываются лицеи и гимназии для детей богатеев. Они, получая десятки миллионов в месяц, могут платить за обучение своих отпрысков любые суммы. А большинство из нынешних миллиардеров считает престижным посылать своих «чад» в Сорбонну, Гарвард и другие зарубежные университеты. Да что там «рядовые» миллиардеры! Внук Президента России «грызет» гранит науки в Англии.

А каковы в российской системе образования школьные программы?! История нашей страны корежится предателями-властителями самым бессовестным образом. Весь советский период, с октября 1917-го и по август 1991-го, представляется зияющей черной дырой, сплошным бедствием народа. Поистине

даже наши заклятые враги оказываются более объективными. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, которого к друзьям СССР никак нельзя причислить, отдавал должное великим достижениям советской державы.

В шестидесятые-семидесятые и восьмидесятые годы Советский Союз был самой образованной, самой читающей страной в мире. И система народного образования была лучшей в мире. Всё постарались разрушить нынешние горе-реформаторы. Теперь уже на официальном уровне признается, что в России ежегодно от одного до полутора миллионов детей школьного возраста не садится за парты. В стране четыре миллиона беспризорных детей! Появились почти безграмотные призывники в армию. И все это «достигнуто» без войны в мирные годы… При этом присутствует устойчивая тенденция роста этого недуга.

Сегодня выкорчевывается из жизни общества все духовное — нравственность, дружба, любовь, патриотизм — все, чем дорожили мы в годы Советской власти, все, что помогло нам выстоять в годы Великой Отечественной войны. Гитлер, напав на СССР, сильно просчитался. Он недооценил нас, когда говорил, что Советский Союз — это «колосс на глиняных ногах». Свою погибель фашизм нашел именно в нашей стране.

Вернемся в Армавир, в мою школу. Со своими учителями я вас уже познакомил. Но в памяти моей живут и многие одноклассники. Кажется, стоит закрыть глаза, как они предстают предо мной такими, какими они были 60 лет назад. Николай Голубенко, Борис Щитов, Виталий Тройнов, Виталий Расторгуев, Зоя Дороничева, Нонна Мотельская, Эдда Лагздынь, Лена Золотова, Надя Сомусенок… Я помню их лица, голоса… Все они были сильными учениками, а Борис Щитов и Зоя Дороничева входили, как и я, в состав редколлегии школьной газеты.

Пожалуй, одним из самых популярных в школе слыл Леня Дубин. Это был авторитет не только для ребят, но и педагогов. Как-никак, главный редактор школьной газеты! Конечно, учителя под огонь критики не попадали, а похвала им перепадала, зачем скрывать! У нас было заведено так: от каждого из 7–10 классов в редколлегию поначалу входили по одному-два человека, потом люди менялись. Я был стенгазетчиком «первого призыва», то есть попал на ответственный пост члена редколлегии еще семиклассником. Сразу же предложил организовать раздел юмора. Дубин поддержал, и мне же поручалось «тянуть» этот участок работы.

Газету мы делали живую, красочную, без формализма. Иногда я просил Бориса Щитова оформить свой раздел — он здорово рисовал. Особенно нарядной газета бывала по

праздникам.

Закончился учебный год. Леня Дубин — уже выпускник — собирался поступать в Московский институт стали. Математику, физику и химию он знал блестяще. Однако Леонид на всякий случай подготовил и «мосты» для отступления — директор школы и «Михель» обещали, в случае неудачи, взять его лаборантом в физический кабинет.

Перед отъездом Леня собрал редколлегию, чтобы попрощаться. А потом — ни с того, ни с сего — брякнул: «Если вместо меня станет главредом Валентин… как, на ваш взгляд, справится? С директором я уже договорился». Все загалдели, что, мол, правильно, и тут же проголосовали.

Когда мы с Леонидом остались вдвоем, я говорю: «Что ж ты делаешь, мог бы хотя бы сказать заранее, посоветоваться». «Я советовался. Все единодушно одобряют. И комсомольский секретарь — тоже. А с тобой зачем советоваться? Знаю, будешь против… Кому охота этот хомут нести? Но я три года нес, а теперь ты понесешь», — сказал он. Вот так я «принял эстафету», или, говоря Ленькиным языком, «хомут».

Провожать Дубина пришло много ребят. Это растрогало его родителей. Мать даже заплакала, но сам Леня был в приподнятом настроении. Восторженно говорил о своем институте, его значении, огромном конкурсе. Кто-то пошутил: «Если не поступишь, мы утопим тебя в Кубани. Так что лучше не возвращайся». От этих слов мне почему-то стало неуютно, да и остальные замолчали. Обстановку, как всегда, разрядил Леня. Как ни в чем не бывало продолжал «рекламировать» институт. Называл фамилии крупных ученых, окончивших его, заметил даже, что о престижности вуза можно судить по собственной многотиражной газете «Сталь». Ребята рассмеялись: «Ага, вот ты что надумал — пробраться в институт через нашу газету!» Снова поднялся галдеж.

Вдруг все стихло. Леня сказал кому-то: «Большое спасибо, что вы пришли». Я обернулся и увидел «Михеля» с его Зиночкой. Она, оказывается, приехала на каникулы. У обоих счастливые улыбки. Леня, Зиночка и «Михель» были приятелями. Между прочим, Ленька тоже на Зиночку заглядывался.

Наконец, дежурный ударил в станционный колокол, извещая об отправлении поезда. Все засуетились, начали прощаться, целоваться. Родители Лени подошли к ступенькам вагона, обняли сына. Мать плакала, отец давал последние наставления. И вот поезд тронулся, увозя моего друга. На душе стало немного грустно.

То был 1938-й. Много позже, когда мы с Дубиным служили в

Заполярье, нам часто вспоминалось это время. Проводы — тоже. И тогда я узнал, что кто-то из родственников его матери был арестован. Она, разумеется, боялась, что это отразится на сыне при поступлении в институт, наверное, потому и проводила его со слезами. А может, просто грустила из-за разлуки. Мать есть мать… Леня хотя и обещал, но никому, даже родителям, долго не писал. Лишь в середине августа «отбил» сразу две телеграммы: одну домой, другую в школу: «Ура, я зачислен! Студент Дубин». Мы эту телеграмму поместили в своей газете — в первом номере после начала нового учебного года.

Если не ошибаюсь, из того выпуска в институты и техникумы поступили все, кроме одной девочки, да и то потому, что она попала в больницу.

В восьмом классе я почувствовал себя увереннее, крепче. Все систематизировалось — и учеба, и работа в газете, и занятия спортом. Обычно после уроков я задерживался в школе на час-полтора: выполнив письменные домашние задания, оставлял тетрадки в парте — знал, что ими пользуются некоторые ребята…

Но, конечно, после отъезда Леонида львиную долю времени у меня, его преемника на посту главреда, отнимала наша стенгазета.

Мне хотелось, чтобы «наших» было в редакции побольше. Моими стараниями в редколлегию вошли Борис Щитов, художник, и Зоя Дороничева, хорошо владевшая словом. К тому же она никогда не отказывалась от заданий. Наша газета, бесспорно, имела свое «лицо». Первую колонку занимала передовая статья общеполитического содержания. Ее часто писал кто-нибудь из преподавателей. Две другие колонки рассказывали о жизни школы, здесь мы «заверстывали» живые репортажи из классов. На четвертой мы «юморили». Со временем, сохраняя «юморную» направленность, она стала «Малой школьной энциклопедией». Мы брали различные понятия и умышленно утрировали их, подгоняя под представления некоторых своих товарищей. Словом, высмеивали свои собственные пороки. «Малая школьная энциклопедия» не сразу, не вдруг, но стала необычайно популярной. Даже учителя останавливались перед газетой, чтобы посмеяться.

По-прежнему я увлекался и спортом. Занятия с Тиграном были расписаны по комплексам — для него и для меня. Разница была в том, что у меня отсутствовала штанга, я ее не любил, а Тигран ею как раз увлекался. Штангу смастерили сами. После занятий вставали под душ, который соорудили у нас во дворе — для общего пользования.

С каждым месяцем и годом я чувствовал, как наливаются

мышцы, как здоровеет мое тело. С какой благодарностью я буду позже, на фронте, вспоминать своего дворового тренера, его самодельные снаряды и суровую требовательность к подопечным! Ведь за всю войну я ни разу не болел, если не считать ранений да малярию в начале лета 1943-го на Северном Донце…

Что касается работы в мастерской, то после нескольких ссор с мачехой Клавдией Моисеевной (она потребовала выбросить серную и соляную кислоту, боялась отравления) я сдался и решил полностью переключиться на «кораблестроение». Да и Владимир Рудич советовал и даже вооружил меня необходимой литературой.

Для начала я решил смастерить самодвижущийся катер из металла, на что угробил массу времени. Увы, первый блин вышел комом, хотя движитель уже был и действовал. Раз уж из металла не получилось, пришлось корпус вырезать из дерева. Ничего, для макета и дерево сойдет. На устойчивость испытывал его, создавая искусственные волны. Экзамен корпус выдержал. Пора приступать к монтажу движителя. Здесь, конечно, мне помогал Володя.

Странно, но все получилось буквально с первого захода. Модель действовала! Все принципиально было правильно, а вот внешний вид модели, увы, оказался неудачным. Все-таки требовался металлический корпус.

Володя пообещал его сделать, если я дам ему глиняную формочку. На Армалите он вначале отлил чугунные поделки, а потом, уже из тонкой жести, выдавил корпус. Вообще, к моей просьбе он отнесся исключительно серьезно. Написал своему другу, который служил с ним в одном подразделении в Кронштадте, а теперь работал лаборантом и одновременно учился в Ленинградском кораблестроительном институте. Тот сообщил, что при их лаборатории создан постоянно действующий совет, решающий сразу две проблемы: разбирает рационализаторские предложения, приходящие в адрес института, и поддерживает связи со школами, проявляющими интерес к кораблестроению. И самое интересное — шефом лаборатории, где работал друг Володи, был академик Алексей Николаевич Крылов. Мне, правда, это имя тогда ничего не говорило, зато приятель сразу загорелся.

— Мы должны подготовить модель и написать небольшой реферат для лаборатории, — решил он, — пусть в Ленинграде рассмотрят твою работу. И потом, это прямой путь в институт, а для тебя сие весьма важно — сколько остается до окончания школы? «Всего ничего» — два с половиной года. Усёк?

Его настроение тотчас передавалось не лишенному амбиций

«вьюноше», каким тогда был я. Словом, мы наметили конкретный план действий.

Я рассказал обо всем отцу. Тот повстречался с Володей, после чего затею нашу не только одобрил, но сказал даже, что готов помочь в изготовлении модели. Я был на седьмом небе! Но скоро только сказка сказывается. Не все получалось так, как хотелось! Трижды переделывали корпус, несколько раз меняли способ крепления котла, неоднократно — корму. Требовалось сообразовывать выхлопы паров через трубки с положением руля; последнему полагалось быть ниже и не подвергаться влиянию выхлопов. Короче, закончил модель лишь осенью, а это был уже девятый класс!

Затянулось дело и с рефератом. Отцу не нравилось, что мы ограничились описанием технической стороны, не затрагивая вопросов предназначения боевого катера. Только в конце года все наконец отправили и стали ждать.

День 15 декабря 1939-го для меня был знаменателен дважды. Мне исполнилось 16 лет, я получил паспорт. И в этот же день отправил в Ленинград посылку со своим детищем. А уже весной следующего года получил из Ленинградского кораблестроительного института не только ответ, но и грамоту. Я награждался за создание действующего макета боевого корабля. Одновременно Володе пришло письмо от его ленинградского друга, где сообщалось: работу твоего ученика рассмотрели, она ничего необычного не несет; но, дабы поддержать Варенникова, решили наградить его грамотой; надеемся, это станет для парня стимулом.

Конечно, стимул! Настоящее событие! Все меня поздравляли. Я был безмерно рад, счастлив. Впереди открывались захватывающие перспективы!

…Мне нравился наш город. Аккуратный, чистый, зеленый. И люди вокруг были добрыми, внимательными. Не было нищих, беспризорных детей, бездомных стариков, безработных. Жители забыли невзгоды гражданской войны, разруху и все связанные с ними слова, начинающиеся страшной приставкой «без(бес)». И преступности не было. Проституции — тем более. И других «прелестей» капитализма. То, что появилось сейчас в Москве, да и по всей стране, мы тогда не слыхали и не могли даже представить, как это все выглядит.

Конечно, наша армавирская жизнь была далеко не идеальной, оставались материальные и бытовые проблемы, мы жили скромно, без роскоши, но в целом все-таки хорошо.

Что скрывать, случались в стране и перегибы, и невинных арестовывали на основе ложных доносов. Многие незаслуженно

отбывали наказания. Но то были не массовые, как сейчас принято говорить, репрессии — чего не было, того не было. Они имели место, прежде всего, в отношении командных кадров Красной Армии и ряда государственных деятелей. А в общем, страна была на подъеме. Словом, тогда, в предвоенные годы, можно было жить и не тужить.

Каждый человек был уверен в завтрашнем дне. И не только в своем, но и родного государства. Как хотите, а по нынешним временам это просто бесценная вещь.

Никаких банд, никакого экстремизма и сепаратизма. У людей хватало средств для приобретения всего необходимого. Многие горожане, имевшие двор, держали кое-какую живность, обрабатывали огород. Кстати, был он и у нашей семьи.

Армавир в те годы считался театральным городом. Популярным был местный театр — даром что провинция! Аншлаги случались не только на премьерах. Не оставались без внимания несколько клубов, два кинотеатра, музей, библиотеки. Большой городской парк в выходные дни по вечерам был переполнен. Музыка, мороженое, ситро… Но никаких ограблений, убийств. Мы бродили до поздней ночи по самым темным аллеям, не боясь бандитских нападений, и родители с легкой душой отпускали нас, не опасаясь за наши жизни.

А сегодня? Стоит включить телевизор — очередное громкое убийство. Могут среди бела дня у подъезда твоего же дома застрелить, и никто не пошевелит пальцем, чтобы найти убийцу. Будут только фальшивые вздохи по телевидению и в прессе. Или сообщат, что, мол, напали на след, вот-вот схватят убийц. Но проходят годы, и дело «затухает»…

Ничего подобного во времена моего отрочества не было. Армавир — городок провинциальный, был тих и спокоен. Я ходил в школу, работал в своей мастерской, в беседах отводил душу с отцом. А Вторая мировая стояла у порога, уже сжигая Европу. Все чаще и отец говорил об этом. Да разве только он? И по радио — о войне, и в газетах — о ней. Естественно, что и мы, ребятня, рассуждали и спорили — будет война или нет.

Давайте вместе перелистаем хронику надвигающейся «грозы».

За точку отсчета возьмем итоги Первой мировой войны. Они, как известно, предрасполагали не к миру, а к новой бойне. Появилось несколько групп государств, имевших — в разной степени — влияние на мировые процессы. Первая группа — «победители»: США, Великобритания, Франция, Италия, Япония. Они стремились диктовать свои условия всем остальным. Вторая группа — «побежденные». Это Германия, Австрия, Венгрия,

Болгария, Турция. И еще одна группа — страны, находившиеся в политической, экономической и военной зависимости от великих держав. К ним относятся Бельгия, Голландия, Испания, Португалия и другие «малые страны». Отдельно стояли «нейтралы» — Швейцария и Швеция. И колонии, где только-только просыпалось национально-освободительное движение. Как утес в океане, сам по себе, возвышался Советский Союз, родившись после Первой мировой войны в результате революции.

Итак, Версальский договор не стал гарантом мира, а, наоборот, нес в себе новый «раздрай» между ведущими государствами. Он лишал Германию права на мощные вооруженные силы: ее армия не могла превышать ста тысяч человек. Запрещалось иметь танки, самолеты. Генеральный штаб ликвидировался, а военная служба в стране не считалась обязательной. Мало того, Германия обязана была выплатить «победителям» до середины 1926 года 20 миллиардов золотых марок. А в течение последующих тридцати лет — еще почти 5 триллионов золотых марок.

Конечно, для немцев это был грабительский договор. Он обрекал даже внуков и правнуков на жизнь в кабале.

Авторы Версальского договора внешне проявляли заинтересованность в недопущении (пресечении) военных конфликтов. Для того и создали Лигу Наций. Что же касается Советского Союза, то у него тогда не было резко выраженных позиций в отношении политики западных стран — нами предлагалась политика мирного сосуществования. Зато у Запада эти позиции прослеживались четко — они СССР фактически изолировали.

Стремясь вырваться из омута политической и экономической изоляции, Советский Союз постепенно устанавливает дипломатические отношения со многими странами мира. В первую очередь — с ближайшими соседями. Налаживаются взаимовыгодные контакты и с Германией. А у последней в то время одна сверхзадача: избавиться от кандалов Версальского договора. И это удается.

Первым прорывом стал «Рейнский гарантийный пакт». Согласно ему Англия и Франция взяли обязательство гарантировать мир на западных границах Германии. Характерно, что ее восточные границы не оговаривались; следовательно, немцам предоставлялась полная «свобода рук» на Востоке. В соответствии с подписанным в 1926 году в Локарно соглашением, Германия вступает в Лигу Наций. Немцы пошли на сближение с Западом в ущерб советско-германским отношениям. Это был прецедент. Наше правительство отмечает: договор в Локарно

направлен своим острием против СССР.

Как должно было в такой ситуации поступить советское руководство? Разумеется, принять меры к укреплению экономической и оборонной мощи страны. Что и делается. В СССР разрабатывается военная доктрина. Четко определяется расстановка военно-политических сил. Анализируются возможные варианты нападения на страну. Прорабатываются основные направления военного строительства. Одним словом, предпринимаются экстренные меры. И это было оправданно.

В 1929 году в странах Запада разразился тяжелый экономический кризис, он длился несколько лет. Естественно, все внимание правительств этих стран сосредоточивается на внутренних проблемах. Именно тогда наши отношения с целым рядом государств улучшаются. Заключаются двухсторонние договоры, пакты о ненападении.

Но вот к власти в Германии приходит Гитлер, и картина резко меняется. Фашистский рейх ставит агрессивные цели: ликвидировать Версальский договор, уничтожить или максимально ослабить силы, мешающие германской экспансии. Высшие гитлеровские бонзы мечтают получить доступ к источникам сырья, затем установить свое господство в Европе, а потом и в мире. На этом пути предусматривается уничтожение Франции, Англии и, конечно, СССР. Остальные — сами склонят голову. Все это подробно изложено в книге Гитлера «Майн кампф» — «Моя борьба».

Таковы реалии. Однако СССР — уже не та царская Россия, с которой Германия пробовала свои силы в Первую мировую войну. Он располагает достаточно высоким военным потенциалом. Для острастки не мешает это продемонстрировать, и в сентябре 1935 года проводятся маневры Киевского военного округа. В них участвуют не только стрелковые и кавалерийские части, но и танки, механизированные войска, применяются массированные воздушные десанты. Попросту говоря, было показано проведение глубокой наступательной операции.

Приглашенные на учения иностранные гости шокированы. Маневры засняты кинооператорами, пленки разошлись по всему миру. Эффект оказался огромным.

Надо ли удивляться, что вскоре с нашей страной стали подписываться договоры о взаимной помощи?

И все же главным просчетом политики западных стран того времени остается недооценка реальной опасности фашистской агрессии. Прежде всего это имеет отношение к Франции и Англии. Верно прогнозировать были способны только отдельные личности из тогдашних западных политиков. К ним относится

Уинстон Черчилль.

В июле 1936-го в Испании вспыхнул фашистский мятеж. Народ поднялся на защиту своей республики. На древнюю землю Дон Кихота прибыли свыше 50 тысяч добровольцев-антифашистов из 54 стран мира. А Советский Союз отправил, кроме добровольцев, 400 танков, 1200 орудий, 650 самолетов, большое количество стрелкового оружия, боеприпасов, военного имущества. Однако сторонники республики не были должным образом объединены. Гитлер и Муссолини, сосредоточив все усилия вокруг Франко, оказались в более выгодном положении. Республиканцы потерпели поражение.

И вот тут в политике западных стран начинает просматриваться тенденция умиротворения агрессоров — Италии и Германии. Кто стал зачинателем? Правители Англии и Франции. Лавры первенства в этом позорном деле, безусловно, принадлежат Невиллу Чемберлену, английскому премьер-министру. Последовавшая затем политика «невмешательства» окончательно развязала Гитлеру руки.

В начале 1938-го на заседании рейхстага фюрер заявил: «Более 10 миллионов немцев живут в двух государствах, расположенных у наших границ. В интересы германского рейха входит защита этих немцев там, где они не могут сами отстоять свою политическую и духовную свободу». О каких немцах говорил он? Конечно, о проживавших в Австрии и Чехословакии. Подобными заявлениями Гитлер готовил общественное мнение к мысли, что эти страны следует присоединить к Германии.

Можно ли было тогда рассчитывать на объединение европейских сил, дабы обуздать новоявленного «бонапарта», одержимого идеей мирового господства? Нет! Англичане вели с ним свои «кошки-мышки». Например, заместитель премьер-министра Великобритании лорд Э.Галифакс в беседе с Гитлером 19 ноября 1937 года прямо заявил: если Германия, дескать, будет уважительно относиться к целостности Британской империи, то последняя не станет перечить фюреру в его намерениях, связанных со странами Центральной и Восточной Европы. А Франция, запутавшись в своих внутренних проблемах, давала понять, что она зеркально отражает политику своего английского партнера. США, третий партнер, поддерживали политику двух первых, следовательно, тоже отстаивали принцип «свободных рук» для Гитлера.

Тот начал с Австрии. В феврале 1938-го фюрер встречается с канцлером К. Шушнигом и буквально требует полного подчинения. Шушниг вынужден парафировать предложенный ему текст соглашения, но через месяц объявляет: 13 марта будет

проведен плебисцит о присоединении или неприсоединении Австрии к Германии.

Для Гитлера это равносильно пощечине. Как стерпеть такое?! И тогда, 12 марта, рано утром он вводит в Австрию 200 тысяч немецких солдат. Страна пала за день до намеченного плебисцита.

Вокруг этого события поднялась большая политическая трескотня… Тогда народный комиссар иностранных дел СССР М. Литвинов предложил немедленно созвать Лигу Наций, чтобы обсудить ситуацию. Первой наше предложение отвергла Англия.

С захватом Австрии немцы несомненно улучшают свое общее стратегическое положение. Ими созданы благоприятные условия для оккупации Чехословакии. Кроме того, открылись пути на юг — в Италию и на Балканы, а также на восток — к Польше и Советскому Союзу. Всем ясно: следующим объектом германской агрессии станет Чехословакия.

В те дни английский дипломат Сидс доносил из Москвы в Лондон, что «Красная Армия считает войну неизбежной», «подготовка к ней идет напряженно» («Британские дипломатические документы», раздел «Советский Союз, 1917–1939 годы», т. 16, с. 65).

Да, мы готовились к тому, что считали неизбежным. Сложа руки не сидели. На протяжении многих лет, благодаря осуществленной в короткие сроки индустриализации страны, была создана современная, высокого уровня материально-техническая база государства. И культурную революцию успели провести. И людей смогли воспитать в духе патриотизма, преданности своей Родине. Это не высокие слова, а та правда, которая помогла всем нам стать в 1945-м Народом-Победителем. «Почему наша боевая техника и вооружение лучшие?» — такой вопрос задали на телевидении генеральному директору «Росвооружения» А. Котелкину. Тот прямо ответил: «Вы думаете, мы все последние 70 лет ничего не делали?»

Верно, мы капитально занимались обороной страны. Умы наших бесценных ученых и золотые руки наших рабочих создали такое, чего на протяжении последних десяти лет даже сейчас не могут сделать в США. Жаль только, что позволили врагам Отечества развалить уникальный военно-промышленный комплекс нашей страны.

В 1939 году Сталин неоднократно подчеркивал: в политической игре, начатой элитами западных государств, сторонниками «невмешательства», таится большая опасность. Эта игра может закончиться для них серьезным провалом. То было дальновидное предупреждение правителям Англии, Франции и

США.

Буквально через пять дней после сказанного Сталиным немецко-фашистские войска оккупировали Чехословакию, а чуть позже, в конце марта, захватили литовский Мемель. От Польши немцы тоже потребовали территориальных уступок. Маски были сброшены, иллюзии рассеяны. Война вползала в Европу.

Мюнхенский урок многому научил советское руководство. Можно было определенно сказать: в Москве поняли, что коварные политики Англии и Франции только способствовали политике Гитлера. И «западные демократии», и «бесноватый» фюрер сделали все возможное для нанесения максимального ущерба Советскому Союзу. Они извивались штопором в своей дипломатии, чтобы столкнуть лбами Германию и СССР. Находясь в полной изоляции, руководство нашей страны делало все, чтобы прорвать блокаду, найти пусть временных, но союзников. В сфере этих действий, естественно, оказалась и Германия.

Когда сегодня слышишь от некоторых политологов, дипломатов, что, мол, такими контактами мы поставили себя в один ряд с Германией, что Гитлер и Сталин — «одинаковое зло», то возникает желание назвать подобные рассуждения мерзостью. Относится это и к писаниям некоего Резуна (Суворова).

Его «Ледокол» — не просто книга, рассчитанная на сенсацию, — это бы еще не беда! Она насквозь лжива, ставит факты с ног на голову. Человеку, предавшему Родину, захотелось убедить читателя: не Гитлер агрессор, а Сталин! И он пыжится, чтобы что-то доказать, пытается убедить… Кого? В чем? Нас, прошедших через пожар Великой Отечественной? Или наших внуков, знающих о ней по учебникам? Конечно, внуков! Он-де «открывает им глаза», «просвещает». Этот трус и предатель, извращающий историю войны, вознамерился «отнять» внуков у фронтовиков — вот в чем суть. Подлая суть! И верны утверждения некоторых публицистов, что Великая Отечественная война не окончена, она продолжается и сегодня в умах — предатели сражаются с нами из фашистского окопа, на стороне врага.

Гитлер очередной жертвой определил Польшу. Хотя и сидел совсем недавно за одним столом с поляками, когда делили «чехословацкий пирог». Тогда от этого пирога полякам досталась значительная доля, они ее проглотили, а теперь должны быть готовы к тому, что их проглотит Германия. Как лучше реализовать этот замысел? Гитлер предпринимает усилия по изоляции Польши от западных стран, одновременно стремится нормализовать отношения с СССР. На что рассчитывает? На то, что советское руководство пойдет на переговоры скорее с ним, чем с чванливым польским правительством, уже замаравшим себя

в «чехословацком деле».

Для этого требовалась мощная политическая провокация в отношении Польши — это было в манере Гитлера. Раз нужно — будет! Появляются условия: во-первых, передать Данциг в распоряжение Германии; во-вторых, предоставить ей автостраду и железную дорогу — они пересекают «польский коридор». И тогда начинается самое интересное. Польша, разумеется, отказалась, а этого как раз и добивался Гитлер. После чего приводится в исполнение план нападения на Польшу.

Началась дипломатическая суета. Чемберлен, как обычно, становится в позу, заявляя: Англия не окажется в стороне. Если, мол, Польше будет угрожать опасность, то ее правительство обязательно получит всяческую поддержку. Одновременно Чемберлен заявил, что такой же позиции придерживается и Франция. Но Гитлер — ноль внимания! Он понимал несостоятельность политики тогдашних лидеров Англии и Франции и не принимал их в расчет.

Тогда Англия и Франция решают начать переговоры с Советским Союзом, явно надеясь на то, что это сделает Гитлера внимательнее к их пожеланию — оставить Польшу в покое. Но советское руководство уже имело горький опыт переговоров с лидерами английской и французской «демократии». Кстати сказать, политику последних прилюдно критиковал даже Черчилль… Поэтому Москва выступила со встречными конкретными предложениями. Они состояли в следующем:

> «1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.
>
> 2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточно-европейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с Советским Союзом, в случае агрессии против этих государств.
>
> 3. Англия, Франция, СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение пунктов 1 и 2.
>
> 4. Английское правительство разъясняет, что обещанная ими помощь Польше имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо вовсе отменяется — как направленный против Советского Союза.

6. Англия, Франция, СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга. И без общего для всех трех держав согласия.

7. Соответствующее соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу пункта 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции, СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи» («Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939 годы», т. 2, с. 72).

Все четко и ясно. Но Лондон и Париж обошли молчанием предложение Москвы, видимо, именно потому, что эти предложения строго определяли обязанности каждой из сторон.

С назначением на пост народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова поползли слухи, что внешняя политика государства изменится. Нет, не изменилась! Суть кадровой перестановки диктовалась положением в мире. Сама ситуация требовала другой фигуры на этом посту — более авторитетной, самостоятельной, способной принимать решения без долгих согласований, как это вынужден был, к сожалению, делать Литвинов. Ведь он, в отличие от Молотова, не входил в состав Политбюро, не был приближен к Сталину.

Советское правительство 2 июня 1939-го вносит предложение: подписать с Англией и Францией договор о взаимопомощи; одновременно и военную конвенцию, где предусматривалось оказание тремя державами помощи Польше, Финляндии, странам Прибалтики, Греции, Турции и Румынии. Но Англия и Франция отклоняют этот проект. Очевидно, причина была в том, что они боялись Страны Советов, пресловутой коммунистической опасности. Вдруг набравший силу на одной шестой части мира социализм перекинется к ним? Страшно подумать! И снова их взгляды устремились к Германии…

Англия, ведя вместе с Францией переговоры с Москвой, параллельно и тайно вступила в контакт с немцами. Речь шла о заключении нового «пакта четырех» (Англия, Франция, Германия, Италия). При этом в основу последнего англичане положили

разделение сфер влияния между Англией и Германией. Идя на уступки немцам, они многим жертвовали (прежде всего — за счет Польши). Мало того, они предлагали Гитлеру огромный заем — 1 миллиард фунтов стерлингов. То был вообще нонсенс.

В итоге дипломатической возни возникло несколько очагов переговоров. Все это время Гитлер активно действовал. В начале августа 1939-го разведка доложила Сталину: Германия может выступить против Польши в любой момент, начиная с 25 августа… Одновременно посол Германии в Москве граф Шуленбург в беседе с Молотовым заявил, что Германии конфликта с Польшей не избежать. Однако прежде желательно иметь соглашение между Германией и СССР, в интересах последнего Гитлер может пойти на большие уступки. Руководство нашей страны, взвесив все «за» и «против», пришло к выводу: для Советского Союза в условиях вихляющей политики «западных демократий», растущей угрозы со стороны Японии заключение с Германией договора о ненападении — есть единственно правильный выход именно в данной ситуации.

Он дает значительные преимущества СССР, в первую очередь — время, необходимое для подготовки обороны страны; окатывает холодным душем антисоветчиков в Англии и во Франции, постоянно подталкивающих Гитлера к агрессии против Советского Союза. Этот вывод очень важен. Нынче у наших политологов и историков он почти отсутствует.

Тогда, перед началом Второй мировой войны, кажется, только Черчилль разоблачал губительность соглашательской политики «умиротворения агрессора». Он открыто призывал к союзу с нашей страной, фактически поддерживал предложение Советского правительства о создании антигитлеровской коалиции. Разумеется, были и другие, солидарные с Черчиллем, но их голосов в Москве не слышали.

Заключение Пакта о ненападении между СССР и Германией снижало градус напряжения, что переоценить очень трудно. В то же время этот пакт был своеобразным средством нажима на Англию и Францию, а с ними СССР рассчитывал продолжать переговоры.

Договор, о котором идет речь, подписан 23 августа 1939-го. Он имел дополнительный протокол, не подлежащий опубликованию. Пакт заключался на 10 лет. Стороны брали обязательства не применять силу в отношении друг друга, постоянно проводить консультации, все конфликтные ситуации разрешать мирно.

Сталин, как и Советское правительство, иллюзий в этой связи не строил. Он знал: война с Германией неизбежна. Сие

необходимо подчеркнуть, поскольку об этом часто умалчивают. Нашей стране, рассуждал Сталин, требуется возможно больше времени для подготовки к предстоящей войне. А еще важно то, что этим договором продвижение Германии на Восток ограничивается. И Прибалтика против СССР использована не будет. Что касается Польши, то тут нет смысла строить какие-либо догадки, в том числе утверждать, будто советско-германский договор стал причиной нападения Германии на эту страну. Ведь документально подтверждено: Гитлер решение о захвате Польши принял уже весной 1939-го…

Теперь о секретном протоколе. Здесь есть вопросы. Газета «Известия» 21 августа 1987 года напечатала стенограмму разговора Молотова с Риббентропом при подписании договора и протокола. Имперский министр говорил о «духе братства, который связывал русский и германский народы», но Молотов прервал его: «Между нами не может быть братства. Если хотите говорить о цифрах, то давайте приступим к этому». И они с «начертанных» Риббентропом мифических облаков спустились на грешную землю — повели речь о цифрах.

Протокол уточнял сферы влияния СССР и Германии в Восточной Европе. Северная граница Литвы проходила по рекам Нарев, Висла и Сан. В случае конфликта Германии с Польшей немецкие войска не должны переходить рубежей этих рек, вторгаться в Латвию, Эстонию и Финляндию. В то же время Германия признавала интересы СССР в Бессарабии.

Сегодня так много желающих бросить камень в наш огород, обвинить в нарушении наших же принципов. Кое-кто даже усматривает здесь сговор Германии и СССР. Сегодня легко рассуждать и обвинять. Но посмотрите на реальную обстановку! Разве могло Советское правительство позволить себе стать белой вороной в мире обмана и предательства? Вот и выходит, что среди волков следовало выть по-волчьи, а не петь соловьем.

Сталин и Молотов, как в свое время Иван Грозный, Петр Великий и Екатерина II, делали все во имя интересов Отечества. Если бы мы не решили всех проблем по Прибалтике, Польше и Бессарабии так, как это сделал Сталин, то, естественно, туда вошли бы войска Германии. Следовательно, мы лишились бы того буфера, который приобрели накануне Великой Отечественной войны. Эти действия нам позволили, во-первых, оттянуть начало нападения Гитлера на Советский Союз и, во-вторых, с началом войны в значительной степени самортизировать первые удары.

Потому-то, когда СССР предъявил Румынии ультиматум в отношении Северной Буковины и Бессарабии, то фюрер упрекнул в этом Риббентропа: почему такое случилось? И последний,

оправдываясь, писал, что он, дескать, в июне 1940-го «выбрал для протокола формулировку общего характера» («СССР — Германия», т. 2, с. 59).

Уже говорилось, что Гитлеру для нападения на Польшу требовалась провокация — таков был его стиль. И вот вечером 31 августа 1939 года «польские солдаты» захватывают в немецком приграничном городе радиостанцию, призывают начать войну против Германии. А в тот же день, но несколькими часами раньше Гитлер… подписал приказ о наступлении на Польшу.

Военная машина рейха двинулась вперед. Но не все шло столь же гладко, как задумывалось. Фашисты несли ощутимые потери. Гитлеровской агрессии противостояла не только регулярная армия, но и партизаны. А главарь третьего рейха торопился, он хотел покончить с Польшей стремительно, поставив мир перед фактом. И еще была у него надежда: вдруг в результате раздела Польши Советский Союз вызовет негодование Запада? Глядишь, могут и войну ему объявить!

К счастью, не сбылось…

Немцам вслед за вторжением удалось быстро оккупировать почти всю Польшу.

Вскоре 21 гитлеровская дивизия оказалась в 150 километрах от нашей границы. Советское правительство объявило: события в Польше таят в себе многие неожиданности, могущие составить угрозу для СССР. Поэтому он не может оставаться нейтральным. 17 сентября Красная Армия перешла границу с Польшей и заняла районы, согласованные с немецкой стороной. К 9 октября 1939-го воинские части Германии и СССР стояли на так называемой линии Керзона, официально признанной ведущими странами мира.

В повестке дня нашей политики теперь была Прибалтика. В конце сентября и начале октября Эстония, Латвия и Литва подписали с СССР договоры о взаимопомощи. Согласно им контингенты советских войск размещались в Прибалтике на принципах аренды помещений по согласованному плану, что означало: в случае нападения Германии на эти страны СССР окажет им помощь. Стратегическое нависание Прибалтики с северо-запада над нашей границей имело огромное значение. В октябре и ноябре 1939-го части Красной Армии расположились там гарнизонами. Но у нас были еще две проблемы — Финляндия и Дальний Восток.

Конечно, Япония держала нос по ветру. Она внимательно следила за событиями в Европе, постоянно контактировала с Гитлером. Ее притязания конкретны — территориальное расширение за счет нашей страны. В конце тридцатых

напряжение на Дальнем Востоке приобретает угрожающий характер. Начинаются провокации. На озере Хасан — летом 1938-го, а затем на реке Халхин-Гол — год спустя. В обоих случаях японцам был преподнесен должный урок.

Но было ясно: они ждали вовлечения СССР в европейскую войну, чтобы добиться своих целей. Способствовал этому и договор между Германией, Италией и Японией: так называемая «ось Берлин — Рим — Токио».

Теперь о советско-финской войне. Прямо скажу, она не подняла наш престиж, хотя, казалось бы, поставленные задачи были выполнены. Антисоветская психическая атака, последовавшая вслед за этой войной, — вот что стало ее концовкой.

Но нам надо было выбирать одно из двух: или проводить политику превентивных действий, способных поставить страну в более выгодное стратегическое положение, или демонстрировать свою непорочность и тем самым позволить сесть нам на шею. Таков мой личный вывод. А дальше можно порассуждать. Тогдашние события, включая падение Франции и стран Бенилюкса, свидетельствуют: предпринятые СССР шаги в целом оказались своевременными и необходимыми. Вторая мировая война фактически уже шла. Ныне утверждают, что она началась с момента нападения Германии на Польшу. Может быть, формально так. Но фактическое ее начало — аншлюс Австрии и захват Чехословакии. Нападение на Польшу, создание там ударной группировки — прямое следствие всего предшествующего. Создавался трамплин для прыжка на Советский Союз.

И этот трамплин означал, что «гроза» уже вплотную приблизилась к нашему дому. Мир катился к большой войне.

Глава III
Тревожная юность

Сталин и Гитлер, их высказывания, оценки. План «Барбаросса». Директива Гитлера № 21 — молниеносная война. Встреча с «Гитлером». Память о Сталине в народе — это не памятник, ее не уничтожишь. Подлость Хрущева. Война. Армия. Мы в Свердловске.

Прекрасная, неповторимая пора юности, пора волшебных грез, романтических мечтаний, самых смелых фантазий… В юности человеку кажется — он может все. Однако, как говорят мудрецы, «если бы молодость знала, если бы старость могла»… Люди старшего возраста ведают: «Молодость — это тот недостаток, который очень быстро проходит». Но сколько бы седовласые, умудренные жизнью старцы ни советовали юнцам беречь молодость, те воспринимают их слова с беспечной улыбкой — мол, сами с усами. И они тоже правы, ибо только в юности человека переполняют мечта, лирика, романтика, вера. И счастлив тот, кто сумеет через всю свою жизнь пронести и сохранить в душе эти бесценные сокровища…

У Аксакова есть прекрасные слова: «Не дай душе твоей забыть, чем силы в юности кипели». Я не состоялся как корабел. Мечты не исполнились, но жизнь состоялась. Понятно, на мою судьбу, как и на судьбу моего поколения, решающее влияние оказало все то, что несла с собой война. Не будь ее, жизнь народа и моя жизнь, несомненно, сложилась бы по-иному.

Судьба подбрасывала мне опасные, подчас смертельные повороты, рискованные испытания. Но в том-то, наверное, и смысл нашего бытия, чтобы преодолевать трудности. Так или иначе, но, пройдя Великую Отечественную, я остался жив, хотя мог — сотню раз мог! — погибнуть. А потом были Афганистан, Чернобыль, служба в Заполярье… Тоже, доложу вам, не сахар. Но представьте, остался жив.

Во время моей юности мы много спорили о смысле бытия, мечтали о том, чтобы оставить свой след на земле. Что надо сделать, чтобы тебя помнили не только самые близкие — вообще люди, которых ты даже не знаешь? Тут уже «судьбой» — не прикрыться, не заслониться. Тут нельзя рассчитывать на влиятельного дядю или папу. Все зависит от тебя самого.

Как сложилась моя жизнь, что мне удалось, меня в основном удовлетворяет, хотя, признаюсь, далеко не в полной мере. В

последние годы, многое переоценивая, вижу: того недобрал, а другое могло быть сделано получше, третье упустил…

…Мне шел восемнадцатый, когда я стал защитником Родины. И пошел двадцать второй, когда война закончилась. Но это — формальная арифметика. А если учесть, что во время войны год считался для солдата за три (а вообще-то такое правило должно бы касаться не только тех, кто находился на передовой, а, скажем, и участников «трудового фронта»), то цифирь выходит совсем иная: не двадцать второй мне пошел, а тридцатый!.. А может, и постарше я был. Тут у каждого свой счет войне. Он складывается из чувства ответственности, из утрат и горя, выпавших на солдатскую долю.

А у меня после мая 1945-го началась пятилетняя служба в оккупационных войсках в Германии. На казарменном положении. Это, добавлю, тоже испытание. А там смотрю — уже и юность прошла, оставив после себя больше тягостных раздумий, чем радости. И так почти у всех моих сверстников.

Прежде чем говорить о том главном, что определило судьбу не только моего поколения — миллионов и миллионов людей, — о войне, хочу остановиться на двух фигурах, ставших центральными в кровавом противоборстве двух систем, двух миров: Сталин и Гитлер. Мне возразят, что ставить их рядом некорректно, и будут правы. Ведь и тот, и другой стояли во главе своей партии и своего государства с диаметрально противоположными идеологическими целями, задачами, методами их достижения и моралью.

Но я хочу представить читателю Сталина и Гитлера, опираясь на документы, на их собственные высказывания, на мнения их соратников. Представить такими, какими они были на самом деле. Постараюсь показать их роль в подготовке и начале Второй мировой войны, опираясь опять-таки на документы.

Начну с Гитлера. Одержимый идеей мирового господства, однажды он высокомерно и самоуверенно произнес: «Я повергну в прах Россию и этим нанесу большевизму смертельный удар». Именно он, Адольф Гитлер, развязал Вторую мировую войну, унесшую миллионы человеческих жизней. Именно Гитлер — инициатор и виновник массового уничтожения мирных людей и военнопленных на оккупированных территориях. Это было зафиксировано на Нюрнбергском процессе. Именно он — военный преступник № 1. Это общеизвестные факты, и вряд ли кто-то станет сие оспаривать. Но, представьте, оспаривают! Находятся нынче такие «умники» из тех, что держат нос по ветру. Вот и стараются что-то очернить, а что-то, наоборот, сгладить или приукрасить.

Вот и про Гитлера одни говорят: это был ограниченный человек, следовательно, не представлял серьезной опасности для Сталина и Советского Союза. Другие утверждают: Гитлер начал войну, договорившись со Сталиным. Третьи — те вообще считают, что войну затеял не Гитлер, а Сталин.

Надо положить конец домыслам и флюгерским искривлениям. Гитлер — это хитрый, коварный, беспощадный тиран и самый опасный враг человечества. Напомню очевидный исторический факт — решение о походе против России Гитлер принял еще летом 1940-го. Об этом свидетельствуют как его собственные признания, так и высказывания соратников фюрера.

Так, 31 июля 1940 года, окончательно принимая решение о развертывании стратегических усилий на Восток, Гитлер четко и ясно высказался о намерении ликвидировать СССР. Об этом писал в своем «Военном дневнике» (т. 2, с. 81) начальник Генерального штаба Сухопутных войск вермахта генерал-полковник Гальдер, активно участвовавший в разработке агрессивных планов против нашей страны.

Он утверждает, например, что Гитлер планировал: «Украину, Белоруссию, Прибалтику отделить к нам, то есть к Германии; к Финляндии, полагал фюрер, отойдут северо-западные районы СССР до Белого моря; одновременно была ясно обозначена не только принципиальная линия на расчленение территорий, но и самые жесткие меры по отношению к населению. Гитлер говорил, что лучшим способом замирения населения можно считать расстрел каждого, кто бросил косой взгляд на немецкого солдата. Он рекомендовал даже обеспечить полки полиции танками, а маршалу авиации Герингу дал задание — иметь на оккупированных территориях аэродромы, чтобы, в случае бунта русских, можно было самолетам взлетать и бомбить непокоренных» («Нюрнбергский процесс», т. 3, с. 568).

Особо хочу обратить внимание читателя на «бюро по централизованному решению проблем восточно-европейского пространства», которое возглавлял Розенберг (но фактически оно подчинялось Гиммлеру, отвечавшему за имперскую безопасность). 25 мая 1940 года последний направляет Гитлеру донесение, где проговаривает некоторые соображения «об обращении с местным населением восточных областей». Здесь, в частности, сказано: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а, наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению» («Военно-исторический журнал», 1960, № 1, с. 88).

Этот документ получил высокую оценку Гитлера. Перечитывая его сегодня, нельзя отрешиться от мысли, что он, как в зеркале, отражает те тяжелейшие деформации, которые произошли с нашей Родиной в последнее десятилетие. Все, к чему стремился в свое время Гитлер, в результате чего бесславно сгинул, не добившись целей, — все это осуществилось теперь, причем без единого выстрела. Мало того, те же силы, что в свое время насильственно разваливали Советский Союз, с таким же рвением стараются не допустить ныне сближения России с Белоруссией, Украиной, Казахстаном. Они стремятся вбить клин между православием и мусульманством, между русскими и другими народами, и тем самым развалить уже саму Россию.

Ссылаясь на конкретные документы, историк Л. Безыменский в своей книге «Разгаданные загадки третьего рейха» (с. 270–273) пишет: «План Ост» Гитлера предусматривал воплощение идей геноцида на территории СССР в течение 30 лет: уничтожение местного населения и германизация территории. На первом этапе планировалось поселить немцев в Прибалтике, Ленинграде и в прилегающих к нему районах, в Крыму и на юге Украины в Таврии. Надо было ликвидировать около 22 миллионов человек. В последующем германизация должна была проводиться тотально по территории СССР — до Урала включительно. Что требовало уничтожения еще 80 или 100 миллионов человек. Авторы этих «планов», начиная с Гитлера, считали, что наш народ — это не люди, а рабы».

Чем вызвано фашистское нашествие на СССР? Только полный идиот, и то лишь при определенных условиях, допустит мысль, что причиной явились действия Сталина. Поход вызван давно вынашиваемыми гитлеровским фашизмом человеконенавистническими планами уничтожения первого в мире советского государства, а вместе с ним всех славян, евреев, людей других национальностей, не принадлежащих к «высшей» — арийской расе, о чем постоянно твердил одержимый этой маниакальной идеей Гитлер, ставший вдруг фюрером нации.

«Drang nach Osten» был обусловлен эйфорией, триумфальным успехом гитлеровской армии в Западной Европе особенно в мае — июне 1940-го, когда Гитлер сокрушил Францию. Ведь то, что тогда произошло, в его перспективных планах намечалось только на 1943 год. Решение о походе на Восток родилось, исходя из стратегического курса, взятого Гитлером на завоевание мирового господства, и из сложившейся обстановки, уже к лету 1940-го.

Важную роль в формировании стратегии Гитлера сыграла военно-доктринальная идеология фашистского рейха. Она базировалась на системе принципов военных и политических

деятелей прошлого. Клаузевиц, Бисмарк, старший и младший Мольтке, Гинденбург — вот вдохновители немецко-фашистских захватчиков. Они всегда хотели видеть Германию великой империей, и она, разумеется, должна играть в истории главенствующую роль. Что характерно для всех перечисленных деятелей, так это громадное самомнение — оно, как устойчивый вирус, живет в немецкой нации, переходя с генами из поколения в поколение.

Особенно популярным у немцев был Бисмарк. Он остался в истории Германии как «объединитель», «первый рейхсканцлер» империи. Проведя в шестидесятых годах прошлого века реформу армии, этот человек максимально поднял военную мощь своего государства, последовательно разгромил Данию, Австрию, Францию и объединил Германию.

Гитлер вознамерился идти дальше, но из него «второй Бисмарк» не вышел. Ныне «вторым Бисмарком» стремился стать Гельмут Коль. Первую часть своей программы — объединение страны (ФРГ и ГДР) — он выполнил с помощью «лучшего немца» Горбачева, нарушившего Потсдамские соглашения. Но вот дело за реализацией замысла о единой валюте «евро» — придать ей силу большую, чем доллар США, пока не получилось. Но Г. Коль еще последнего слова не сказал. Так что «Великая Германия» и «второй Бисмарк», возможно, еще впереди.

Естественно, в будущем настоящие европейцы какой-то особой (если не сказать больше) роли США в Европе не предусматривают. Это только пока «штатники» укрепляют свой престиж на европейском континенте. А со временем их отсюда, конечно, вытолкнут. Что станет началом конца мирового господства доллара. Убежден: мы с вами еще станем свидетелями этого исторически справедливого момента.

Идея захвата Советского Союза, взгляды антисоветской направленности родились у Гитлера задолго до его прихода к власти, то есть еще до 1933 года. Политолог Е. Калик в книге «Беседа Гитлера с Брауншвейгом» (1931, с. 71) пишет, что Гитлер еще в конце двадцатых — начале тридцатых годов говорил главному редактору газеты «Лейпцигер нойештерн нахрихтен»: «Мы должны смотреть фактам в глаза — Советский Союз станет в ближайшее время мощной державой и сможет захватить Германию и Европу… мы должны полностью восстановить свои позиции, пока Советский Союз не стал мировой державой…»

В 1940-м Х. Раушнинг в книге «Разговор с Гитлером», (с. 30) утверждает, что тот однозначно заявлял: «Без господства над Европой мы пропали, Германия — есть Европа». Дальше шли его (Гитлера) размышления о мировом господстве.

Главного фашиста Германии нельзя назвать ограниченным человеком. Тот, кто думает так, — заблуждается. Гитлер дает правильную оценку возможностям Советского Союза, с учетом социалистической системы, которая обеспечивает высокие темпы развития его экономики.

В то же время он умышленно нагнетает страх на магнатов Германии: они должны активнее поддерживать гитлеровскую партию, раскошеливаясь на военные нужды.

Таким образом, Гитлер уже в то время планирует возможную в перспективе агрессию на Восток с целью якобы превентивных действий: не позволить Советам захватить Германию, всю Европу.

Заявления Гитлера падали на благоприятную почву, находили поддержку. Придя к власти, осуществив ряд актов агрессии, он цинично заявил: «Когда начинают и ведут войну, значение имеет не право, а победа… Право же на стороне сильного» (Военный архив ГДР, дело № 01/1582, с. 29).

К лету 1940-го Гитлер со своим генералитетом был опьянен легкими победами во всех европейских военных компаниях. 25 июня он заявил своему окружению, в том числе начальнику Штаба объединенного командования генерал-полковнику Кейтелю: «Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, поход против России был бы только военной игрой на ящике с песком» («Шпеер», 1969, с. 188).

Конечно, это выглядело откровенным бахвальством, но все понятно: Гитлер был ослеплен и упоен своими победами в Европе, что характерно только авантюристу.

Фактически к июню вопрос о походе на Восток был решен. Но Гитлера беспокоила ситуация с Англией, и он предпринимает следующий маневр — 19 июня взывает к английскому правительству: «Обращаюсь в последний раз с призывом к благоразумию». Но и тут прокол! Ведь правительство Великобритании к тому времени возглавляет уже не «почти друг» Чемберлен, оказавшийся столь сговорчивым в Мюнхене (1938 год), а Черчилль. И тот отвергает предложение Гитлера о заключении компромиссного мира («Немецкий рейх и Вторая мировая война», т. 4, с.4).

Тогда Гитлер, находясь с Англией в состоянии войны (хотя и воздушной), решается на настоящую авантюру — совершить нападение на СССР. Безусловно, это был риск, и не малый. Чем же он объяснялся?

Во-первых, Гитлер и его окружение уже уверовали в то, что вермахт непобедим. Проведенные молниеносно предыдущие кампании, считали они, не везение, а закономерность. Никто, даже Франция и Польша, не смог оказать мало-мальски

серьезного сопротивления. Все встали на колени! И поход против СССР непременно завершится победой! С фанфарами и барабанным боем! А достигнута она будет в самые короткие сроки. Молниеносная война — и точка.

Во-вторых, полагали они, создание какой-либо коалиции государств против Германии невозможно. Между ними (даже европейцами) нет деловых контактов, способных подвинуть к военной коалиции. Каждая страна думает лишь о себе, особенно Англия, Франция и Польша. Их напрочь разделили противоречия. В условиях, когда большинство противников уже подмяты, союз между ними нельзя представить даже теоретически.

В-третьих, когда в Западной, Центральной и Северной Европе установлен «новый порядок», Англия уже не представляет существенной опасности. Наоборот, сложившаяся вокруг нее ситуация все больше станет угнетать англичан. Они вынуждены будут пойти на невыгодный для них мир. Или — вообще капитулировать.

В-четвертых, рассуждали они, нельзя исключить, что в особых условиях — в поддержку Англии выступят США и СССР. Поэтому сама обстановка подводит к выводу — надо немедленно «вышибить из седла» СССР. Ведь США далеко — за океаном; там люди по природе своей изоляционисты, они не решатся воевать. К тому же у них «на шее висит» Япония. Реально противостоять Германии может лишь СССР. И для этого есть все: хорошо развитый промышленный потенциал, высокие темпы роста, огромные людские ресурсы, неисчерпаемые природные богатства, наконец, мощные Вооруженные Силы и решительное, ответственное руководство, твердо проводящее свою политику.

Само существование СССР закрывало Германии путь к мировому господству. Именно это и вызывало наибольшее раздражение у Гитлера и его окружения. Они искали радикальное решение. Разгром СССР в короткие сроки представлялся им несомненным выходом из этого положения. После преодоления этих преград на пути к вожделенной цели — стать властелинами мира — уже не существовало бы трудностей.

В-пятых, лето 1940-го — время расцвета политического, экономического и особенно военного могущества Германии, что как раз и питало бредовые планы честолюбивого фюрера. Вермахт был полон сил, имел блестящий боевой опыт, прекрасное оснащение. Солдаты рвались в бой «во имя Великой Германии». На широких лезвиях их кинжалов (носили на ремне, но могли насаживать и на автомат) красовалось заносчиво-горделиво: «Аллес фюр Дойчланд» — «Всё для Германии». Так стоит ли оттягивать поход на Восток? Любая затяжка даст СССР и США

время и возможность повысить свой потенциал. Да и боевой пыл «храбрых солдат фюрера» может угаснуть…

В-шестых, нельзя сбрасывать со счетов, что Гитлера поддерживали основные массы немецкого народа. Он был божеством, идолом толпы. И тому есть объяснение. Оккупированные страны грабились, и в Германию шли эшелоны с ценными грузами. Немецкому обывателю немало перепадало. И это сказывалось на его психологии. Заявление Гитлера о том, что он гарантирует немцам в будущем необходимое жизненное пространство, вызывало восторг. А что кроется за этими словами, объяснить было некому: компартию фашисты разгромили, ее вождей бросили в концлагеря.

Совокупность всех названных обстоятельств и объясняет, почему медлить с нападением на нашу страну Гитлер не хотел. В книге «Высшее командование вермахта», изданной уже в военное время, четко обозначено: «Для разгрома России проблема времени имеет особое значение» (т. 1, с. 258). Больше того, мысль о необходимости как можно раньше начать войну против СССР до такой степени захватила Гитлера, что он предлагал своему генералитету начать кампанию уже осенью 1940-го. Одних это шокировало, других привело в восторг. Правда, позже, разобравшись, генералы доложили фюреру, что до начала боевых действий требуется разрешить ряд проблем. А именно:

1. Все подготовительные и основные действия войск целесообразно тщательно спланировать; довести до исполнителей. В соответствии с планом провести рекогносцировки театра военных действий.

2. Необходимо создать группировку сухопутных войск и авиации; доставить на основные стратегические направления запасы боеприпасов, горючего, продовольствия, военного имущества.

3. На главных направлениях подготовить районы развертывания пунктов управления, органов обеспечения войск.

4. Необходимо время для проведения политической, дипломатической работы, способной подготовить почву для обоснования действий Германии; создать благоприятные для этих действий условия на территории противника (забросить заблаговременно силы «пятой колонны»).

5. Следует учесть, что осенью во многих районах России распутица, это значительно осложняет действия войск, их мобильность.

Доводы были убедительны. 21 июля 1940 года на совещании военно-политического руководства рейха Гитлер, рассматривая стратегическую обстановку в мире, отметил: Англия продолжает

войну с Германией лишь по одной причине — надеется на СССР; в свою очередь, Сталин заигрывает с Англией, чтобы побудить ее продолжать войну; это, по расчетам советского вождя, должно сковать Германию, не позволить ей начать войну на Востоке. Затем Гитлер сообщил, что намерен разрешить «русскую проблему» наступлением. Исходя из этого, он дал конкретные указания генералам.

Следующее совещание состоялось 31 июля. Некоторые должностные лица выступили с докладами, где рассматривались все аспекты начала «большой войны». Цели ее, в общих чертах, были ясны. Гитлер одобрительно отнесся к докладам, подвел итоги и резюмировал: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю поддержку, тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия… Начало — май 1941 года. Продолжительность операции — 5 месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не подходит, так как осуществлять операцию надо одним ударом. Цель операции — уничтожение жизненной силы России» (Ф. Гальдер. «Военные дневники», т. 2, с. 80–81).

Наряду с основным планом ведения войны против СССР создавались и другие, предусматривавшие операции разного масштаба. Ставилось целью создание, прямо или косвенно, благоприятных условий для осуществления «похода на Восток». Были, например, планы вторжения на Британские острова, захват Гибралтара. Работали над планами высадки морских десантов в Югославии и Греции, на Кипре. Одержимые идеей мирового господства, Гитлер и его стратеги осуществляли эти бредовые планы, правда, пока на бумаге.

Одновременно предпринимаются «отвлекающие маневры». 12–13 ноября 1940 года в Берлине проходят советско-германские переговоры, на которые прибыл Молотов. Германская сторона запускает «пробный шар»: не хочет ли СССР присоединиться к «тройственному союзу» (Германия, Италия и Япония)? Несомненно, это была провокация, направленная на то, чтобы отвлечь внимание нашего руководства от военных приготовлений Германии.

Гитлер прекрасно понимал: СССР никогда не согласится с подобным предложением, никогда не станет фашистским сателлитом. И хотя советские дипломаты пообещали рассмотреть это предложение, Гитлер уже на второй день, сразу после отъезда Молотова, заявил: вопрос, мол, закрыт, возвращаться к нему не станем. Этот факт весьма показателен.

12 ноября, в день приезда Молотова в Берлин и начала переговоров, Гитлер подписал директиву «О мероприятиях

Верховного командования Германии по ведению войны в ближайшее время». В ней, в частности, говорилось: «Начаты политические переговоры для выяснения позиции России на ближайшее время. Независимо от того, каковы будут результаты переговоров, следует продолжать все предпринятые ранее на основе устных распоряжений приготовления к восточному походу. Директивы по этому вопросу поступят, как только мне будут доложены и мною будут одобрены основные положения оперативного плана…» (В. Губыч. «Гитлеровское видение войны 1939–1945 годов», с. 71).

Поистине фарисейству главарей третьего рейха нет границ. В один и тот же день предлагать союз и тут же планировать уничтожение союзника!

Итак, Молотов отправился в Москву. А Гитлер, немедленно собрав узкий круг соратников, сообщил им: переговоры облегчили его положение, теперь можно действовать более решительно; он Советам ничего не обещал; что же касается заключенного между Германией и СССР договора, то он, фюрер, никогда не рассматривал его как «честный договор»; это «декларация» — только и всего. Существовавшая между Гитлером и Сталиным мировоззренческая пропасть — самое убедительное оправдание для разрыва этого договора.

Особо памятен день 18 декабря 1940-го. Именно тогда фюрер подписал роковой для Германии документ: директиву № 21 с условным названием «Вариант Барбаросса»; суть ее — война против СССР. Что касается названия, то тут загадки нет. Император Германии Фридрих I, по прозвищу Барбаросса (рыжебородый), правивший в XII веке, остался в истории как поработитель других народов, что, вероятно, импонировало фюреру, а главное — отвечало его устремлениям.

Непонятно только, почему Гитлер не сделал для себя правильного вывода из случая, приключившегося с Фридрихом. Тот, как известно, утонул во время Третьего крестового похода. Прямо скажем, такой факт мог бы стать для его последователя дурным предзнаменованием либо предостережением. Увы.

Так вот, директива № 21 пронизана идеей молниеносной войны: СССР будет разгромлен до окончания военных действий против Англии! Все, связанное с походом на Восток, подлежало сохранению в тайне. И соответствующие службы рейха, занимавшиеся соблюдением тайны и дезинформацией, свою задачу решили.

Несколько слов о союзниках Гитлера. Как он сам оценивал их? Не очень-то высоко, считая, что союзные Германии части недостаточно способны к совместным с войсками вермахта

действиям, поэтому участие в войне даже главных союзников — Италии и Японии — первоначально не планировалось. Например, Муссолини узнал о ней только 21 июня 1941-го, Японию же поначалу вообще решили не информировать. Впрочем, чем намеченный срок становился ближе, тем яснее окружение Гитлера, да и сам он понимал, что СССР — не Франция, не Польша, а «тот еще орешек», одними своими силами не справиться. Поэтому вскоре Финляндия и Румыния получили задачу действовать на флангах войск вермахта. В мае 1941-го была сориентирована и Венгрия: она тоже участвует в войне.

Все чаще в окружении Гитлера стали говорить, что и Япония, открыв на Дальнем Востоке против СССР «второй фронт», могла бы внести свою лепту в победу рейха. Наконец, 3 июня Гитлер в беседе с японским послом «посетовал», что, возможно, германо-советской войны не избежать. Больше того, прямо намекнул — дескать, Япония могла бы вступить в эту войну. Но битые нами самураи не горели желанием снова рисковать. Их взоры были направлены на Юго-Восточную Азию, в частности, на захват Сингапура. Япония, будучи себе на уме, выжидала.

Окончательно дату нападения на Советский Союз Гитлер определил еще 30 апреля — в воскресенье 22 июня, на рассвете. А 14 июня он заслушивает доклады командующих группами армий, армиями и танковыми группами, командующих военно-воздушными и военно-морскими силами о готовности выполнить план «Барбаросса». Теперь фюрер уточнил время начала удара. Оно переносилось с 3.30 на 3.00 часа. Теперь все для нападения на СССР было готово.

Таким образом, Гитлер — главный инициатор и вдохновитель Второй мировой войны. Именно он спланировал, подготовил и развязал эту самую страшную в истории человечества войну. Он виновен в гибели 58 миллионов человек. На нем вина за искалеченные судьбы сотен миллионов людей — израненных, оставшихся без крова, потерявших родных и близких, за колоссальные материальные и духовные потери. Вот почему его ненавидели и презирали народы всего мира. Но особый счет к нему у нас, советских людей, поскольку на нашей территории зверства фашистских захватчиков достигли своего апогея, а из 58 миллионов погибших более 27 миллионов — это наши советские люди.

Ни одну семью, ни один дом не обошла война. Ее раны не зажили до сих пор, хотя после нашей Великой Победы прошло уже более полувека.

Так что к фашистской Германии и персонально к ее фюреру у нас свой, особый счет. Гитлер навечно проклят теми, кто потерял

в той войне отца, мать, брата или сына… Само это имя ассоциируется со смертью, жестокостью и изуверством.

И, не скрою, когда мы в сорок пятом шли к Берлину, каждый из нас думал встретить Гитлера лицом к лицу и воздать ему сполна за слезы детей и матерей, за смерть близких, за разоренные города и села…

И однажды мне действительно довелось увидеться с Гитлером. Было это вскоре после капитуляции фашистов, в одном из городов Тюрингии. Наш 101-й Гвардейский стрелковый полк (35-я Гвардейская стрелковая дивизия) был размещен здесь, когда американцы отошли за демаркационную линию, согласно договору. Город Плауэн был разбит на три сектора, в каждом из них действовали группы разминирования, расчистки улиц от завалов. А еще они собирали оружие, «бесхозную» технику, случалось, задерживали подозрительных лиц. Однажды из сектора, который был подчинен мне, как заместителю командира полка, вдруг раздался звонок:

— Задержали Гитлера.

— Вы что, спятили?

— Никак нет, точно Гитлер, приезжайте.

Перескакивая через три ступеньки, выскочил на улицу, прыгнул в автомобиль и помчался в комендатуру. У здания полно солдат, в коридорах — тоже. Захожу в кабинет. На меня то ли с полуулыбкой, то ли с ухмылкой смотрит Гитлер. Вдоль стены — автоматчики, готовые к действиям. Комендант доложил:

— Патрульная группа задержала вот этого немца, который пытался скрыться.

Его привели десять минут назад. Стали допрашивать, а он не признается, кто он. Отрицает, что фюрер.

Я начал его рассматривать. Ну вылитый Адольф! В жизни, конечно, я Гитлера не видел, только на газетных фотографиях — с ними сходство полное. Челка, усы, серый френч с ремнем и портупеей, брюки, заправленные в сапоги…

Что за наваждение?! Ведь всем известно — Гитлер покончил жизнь самоубийством, тело его сожжено. Откуда взялся новый?

Походив вокруг немца, я строго, но соблюдая внешнюю корректность, спросил по-немецки:

— Вы подтверждаете, что являетесь Адольфом Гитлером?

— Категорически отрицаю, я Фриц Мольке, — пролепетал пленный, а потом, помолчав, с виноватой улыбкой добавил: — У меня диабет.

— А какое это имеет отношение к выяснению вашей личности? — спросил его.

А он только повторял все с той же улыбкой:

— Я устал, хочу сесть.

Делать нечего. Я приказал подготовить комнату для задержанного. Впрочем, она уже была готова — с охраной внутри и на улице. Потом «Гитлер» дал свой адрес… Я позвонил командиру полка, изложил эту фантастическую историю, он посмеялся в трубку, сказал, что сообщит уполномоченному особого отдела, — тот разберется. Прихватив лейтенанта, старшего патруля, я выехал к месту, где был задержан немец. Оказалось, это произошло возле его дома. Соседи держались со «вчерашними врагами» настороженно, но все же сказали:

— Конечно, это не Гитлер. Просто дурачится.

В одной из квартир пожилой мужчина предложил:

— Хотите, сейчас покажу вам Карла Маркса? Он живет на соседней улице.

Когда вернулись в комендатуру, оказалось, что офицер «Смерша» (военная контрразведка) с «Гитлером» уже разобрался. Договорился, что тот изменит внешний облик — прическу, усы, возможно, отпустит бороду, наденет другой костюм. А комендатура, учитывая его болезнь, обещала выдать своему бывшему подопечному большой запас инсулина. И отправили мы «Гитлера» в сопровождении двух солдат домой, дабы по пути его кто-нибудь вновь не захватил… Вот такая анекдотическая встреча произошла у меня с «Гитлером».

Однако через четверть века случай свел и с настоящим. Шел 1970 год. В то время я командовал Третьей ударной армией, штаб и управление которой находились в Магдебурге. Как-то приходит ко мне начальник особого отдела армии полковник Кодренко Николай Григорьевич и говорит: «Получил команду от руководства — нынче ночью отрыть ящики с расчлененным трупом Гитлера и тотчас утопить их в водоеме. Если интересно, можете поприсутствовать…» Я, естественно, отказался от такой чести, но кое-что для себя уточнил.

Оказывается, попытки адъютантов фюрера сжечь тела Гитлера и Евы Браун были безуспешны. А может, просто не хватило времени: советские части были в двух шагах от рейхстага. Тогда полусгоревшие трупы «новобрачных» расчленили и сложили в снарядные ящики. Их 2 мая обнаружили наши «особисты» и вывезли в надежное место. Позже, когда была установлена демаркационная линия, ящики попали в Магдебург. Ночью во дворе дома, где работали «особисты», была отрыта траншея и в нее сложили эти семь ящиков. Засыпали землей. Утрамбовали. Посеяли травку.

Прошло 25 лет. Начальники особых отделов менялись, а уходя, передавали — без документов — один другому

засыпанную траншею…

На следующее утро после операции «захоронение» я позвонил Николаю Григорьевичу — узнать, все ли благополучно. Он ответил: «Проблем не было. Ящики оказались добротными, крепкими. Утопление провели по одному из трех намеченных вариантов». Я поинтересовался, по какому именно. Больше мы к этому вопросу никогда не возвращались.

Но тогда, положив телефонную трубку, я еще долго думал… о Гитлере. Да, злодей. Да, монстр. Но ведь на протяжении двенадцати лет вел за собой Германию! Каким путем вел и к чему, наконец, привел — другой разговор. Какой у него был взлет! И какое падение, даже после смерти… Вот материал для серьезного исследования о роли личности в истории, о психологии толпы и массовом психозе. Вот урок для народов и политиков! Жаль только, что уроки истории быстро забываются, не идут впрок человечеству.

Еще раз всматриваюсь в прошлое — теперь от него отделяет более полувека. И в день нынешний всматриваюсь, вспоминая сказанное Гальдером в его «Военном дневнике» (с. 81). А говорил он о том, что целью фюрера было «уничтожение жизненной силы России». На пути к этой цели (следовательно, к мировому господству) погубил почти 60 миллионов человек. Семь лет вел войну в Европе, сам погиб, а Россия свою жизненную силу сохранила.

И вот через 50 лет — без единого выстрела, уже без Гитлера — цели, поставленные этим мракобесом, оказались достигнутыми. Как? Каким образом? Эти мысли мне, фронтовику, не дают покоя. Почему наша страна, разгромившая гитлеровскую Германию, спасшая мир от фашизма, победившая в той самой кровопролитной войне, капитулировала и оказалась поверженной в мирное время? Печально я смотрю на все, что творят сегодня с моей страной и моим народом. Я имею право так говорить — это право солдата, оставшегося в живых после большой войны.

Горько видеть, как под убаюкивающую болтовню о «демократии» и «гласности» деградируют люди. В первую очередь, из высшего эшелона власти — становятся предателями. И вот ими-то и уничтожается «жизненная сила» великой страны. Это своего рода лестница — ступенька за ступенькой: развал экономики — ограбление народа, разгул преступности — падение культуры и нравственности… Нет просвета. Такого не случалось в России за всю ее тысячелетнюю историю. Нынешним разрушителям великого Советского Союза, пожалуй, аплодировал бы сам Гитлер. Они совершили то, что ему оказалось не под силу.

Чтобы оправдать себя, эти «деятели» чернят наше прошлое,

бессовестно извращают историю. Подумать только, до чего додумались иные из этих новоявленных господ! Ныне людям внушают: Гитлера породил Сталин. Злобная чушь! Тех, кто все же искренне хочет знать правду истории, а не ее отражение в кривом зеркале, убедительно прошу полистать капитальный труд генерал-лейтенанта гитлеровской армии К.Типпельскирха. Последний еще до начала Второй мировой был начальником Главного разведывательного управления Генштаба сухопутных войск. Потом командовал армией, а в конце войны сдался в плен англичанам. Его книга полностью разоблачает попытки некоторых писак связать два «полюса» — Гитлер и Сталин.

Сам Гитлер, выступая на совещании высшего генералитета накануне нападения на СССР, сказал: «Я повергну в прах Россию и этим нанесу большевизму смертельный удар. Вы с вашими армиями раздавите русского колосса, и, когда красные армии будут разбиты, тогда это государство рухнет, и мир будет окончательно исцелен от большевистской идеи. Это борьба двух мировоззрений, в которую мы теперь вступаем. Мы не можем ее избежать, но мир будет нам благодарен, что мы последовали зову судьбы».

Не могу не сказать читателю о своем выводе, а он на виду: эти идеи полностью совпадают с идеями Даллеса, Бжезинского и доморощенных российских псевдодемократов типа Горбачева, Яковлева, Ельцина. Просто поразительно: для Гитлера, Горбачева, Яковлева и Ельцина существовал один и тот же враг — это большевики, т. е. коммунисты.

Вот, собственно, и все, что касается Гитлера.

Теперь — о Сталине. Уже в конце войны, когда победа была совсем близка, он произнес историческую фразу: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается». Эти слова — своеобразный эпиграф ко всему тому, о чем пойдет речь ниже.

Скажу сразу: несмотря на горы лжи и клеветы, буквально обрушившиеся на Сталина после его смерти, а особенно во времена Горбачева — Ельцина, память о Сталине в народе жива — это ведь не памятник, который ночью можно снести. И она, память, сейчас все больше и больше набирает силу. А по-моему, в сердцах людей она осталась навечно. Высоко и реалистично оценивали роль и личность Сталина в истории не только выдающиеся политики мира, а также наши, советские политики, ученые, военные. О нем помнят народы мира, имя его неразрывно связано с историей СССР и других стран в течение нескольких десятилетий. Это уже не выкорчевать никому и никогда.

Да, добрая память о Сталине непоколебима. Вместе с тем нельзя отрицать просчетов, ошибок, да и жертв, часто безвинных,

в годы его правления. Да, он был подозрителен. Но это — порождение арестов, ссылок, каторги, побегов. А вспомните Петра Первого! Не он ли воздвиг город на Неве на костях? Ныне же Ельцин считает этого царя своим идеалом. Что ж, величие Петра I сомнений не вызывает, несмотря на огромные человеческие жертвы в пору его царствования. То же позволительно сказать и о Сталине. Как бы ни чернили его «лжедемократы», он — созидатель и патриот, отдавший жизнь служению Отечеству. Таким он был, таким он и остался в памяти людей. Вот почему сегодня на демонстрации люди часто выходят с портретами Сталина.

А кто после смерти Сталина вплоть до наших дней оставил столь же глубокий след в деле строительства государства, укрепления его обороны и безопасности, системы управления, наконец? Кто? Может, Никита Сергеевич Хрущев? Однозначно — нет. «Дремучий, темный человек», — так его назвал академик Павел Федорович Юдин. Склонный к авантюризму, Хрущев, добравшись до власти, нанес стране огромный урон — политический, экономический, военный. Он лез во все сферы деятельности государства и общества. Всех учил, ничего не смысля ни в чем. Даже давал указания художникам, как и о чем писать картины.

Хрущев люто ненавидел Сталина. По двум причинам.

Первая: тот не приближал его к себе, хотя Хрущев и танцевал для него, и на гармошке играл, и пел. Сталин считал Никиту недалеким человеком. В этой мысли он утвердился еще до войны. А во время войны, особенно в связи с «харьковской эпопеей» (зима 1942–1943 гг.), окончательно понял, с кем имел дело.

Суть вопроса: после разгрома немцев в Сталинграде войска Юго-Западного фронта, как и другие, развили наступление на большую глубину; на определенном этапе Генштаб предложил временно приостановить его (растянулись коммуникации, передовые части были недостаточно оснащены). Это было очевидно для всех. За исключением члена Военного совета фронта Хрущева.

И тот обратился к Сталину: убеждал его, что нельзя останавливать наступающие войска — нанесем большой ущерб моральному духу личного состава, да и Днепр уже рядом, рукой подать! Хрущев «закрывал глаза» на то, что боеприпасы иссякли, продовольствия нет, горючее кончилось, а передовые части — «жидкие», неукомплектованные. И разве только это? Резервов нет. Фланги у фронта открыты, управление неустойчивое; базирование авиации далеко в тылу — не сможет оказать активной поддержки; тяжелая артиллерия и танки отстали.

Хрущев продолжал названивать Сталину, ручаясь за победу. Возможно, на него так подействовало присвоение в феврале 1943-го воинского звания — генерал-лейтенант. Но звание не давало знаний военной науки, тем более не прибавляло ума. Соблазн был большой, и Сталин согласился…

Уверен, Сталин горько сожалел об этом. Ведь произошла катастрофа. Противник сосредоточил на флангах Юго-Западного фронта мощные группировки, затем ударил по тылам. Немцы захватили Харьков и Белгород, значительные силы фронта оказались в окружении. Началась трудная эпопея вывода войск из окружения.

Вот такой Никита Сергеевич был полководец. Об этом случае почему-то умалчивают. Автор этих строк, будучи офицером-окопником, своими ногами топал почти до Днепра и обратно — 150 километров. Обратно шли, обходя деревни, в основном ночью, по полям и лесам.

Вторая причина ненависти Хрущева к Сталину объясняется его личной трагедией. Сын Никиты Сергеевича Леонид (офицер-летчик) в начале войны, будучи в нетрезвом состоянии, застрелил товарища. Трибунал обязан был вынести приговор с учетом военного времени. Хрущев бросился к Сталину. Тот сказал, чтобы Леонида отправили на фронт — там он сможет искупить вину.

На фронте Леонид по-прежнему пьет. И опять совершает преступление. Хрущев снова идет к Сталину и в буквальном смысле на коленях, с рыданиями просит о помиловании.

Сталин на этот раз неумолим. Он сказал: «Будет так, как решит трибунал». Леонида расстреляли.

И Хрущев, вместо того чтобы винить в смерти сына себя — ведь он не смог вырастить и воспитать его настоящим человеком, возненавидел Сталина. Собственное горе заслонило все. Подойти же к себе критически Хрущеву недостало ни ума, ни сил, ни мужества. А то, что Никита Сергеевич затаил лютую злобу против Сталина, стало ясно сразу после смерти вождя. Прочитайте хотя бы речь Хрущева на XX партсъезде. А как он расправился с Василием Сталиным? Арестовали, судили, дали восемь лет тюрьмы — практически ни за что… Вышел Василий на свободу в 1962 году, без права проживания в Москве. И вскоре умер.

Начав порочить Сталина, Хрущев первым стал расшатывать и наше государство. Он породил множество себе подобных — от Горбачева и Яковлева до Резуна. Их объединяет одно: в каждом душа изменника.

Исторические факты, как бы ни старались их толковать, остаются фактами.

Например, нарком Военно-Морского Флота СССР адмирал Н.

Г. Кузнецов говорил: «…Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал неизбежной. Сталин вел подготовку к войне, широкую и разностороннюю». Верно говорил Кузнецов? Несомненно.

Правильно ли поступил Сталин? Если бы он поступил иначе, то мы были бы разгромлены.

Всему миру известно, какая организаторская работа проведена Сталиным, особенно накануне и во время войны. А сказочные темпы восстановления после мая 1945-го? Керенский, у которого, как известно, не было оснований для симпатий ни к Советской власти, ни к Сталину, тем не менее был объективен: «Сталин поднял Россию из пепла, сделал великой державой, разгромил Гитлера, спас Россию и человечество».

О Сталине ходили легенды, именно легенды, а не анекдоты. Перескажу одну из них — военного времени.

У Сталина должны были состояться переговоры с американцами. За несколько минут до их начала вождю уже в присутствии американцев докладывают: переводчик Павлов заболел. Все засуетились. Советник посольства США в Москве Ч. Болен спрашивает у Сталина — неужели переговоры сорвутся? Болен знал, что тот может работать только со «своими» переводчиками. Сталин невозмутимо отвечает: «Работать будем». И дает команду вызвать переводчика Бережкова, но все знали — это специалист по немецкому языку. Вождю намекают на эту «деталь», а он опять невозмутимо: «Ничего, я прикажу, и он станет переводить с английского». Все буквально обалдели. Вскоре явился Бережков, на распоряжение Сталина ответил по-военному: «Есть». Сел рядом с вождем и стал блестяще переводить с английского. Американцы таращили на него глаза, не веря своим ушам… Так они еще раз убедились, что Сталин может приказать все, что угодно. И это будет выполнено. (Легенда представлена в книге В. Похлебкина «Великий псевдоним».)

…7 ноября 1941 года в Москве, как всегда в этот день, был военный парад, хотя фашисты находились на подступах к столице. «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. Нет сомнения, что Германия не сможет выдержать долго такого напряжения», — говорил с трибуны Мавзолея Сталин.

Я привел всего несколько фраз. А сколько в них глубины и

мудрости! Сколько предвиденья! Ведь все сбылось. Это ясное, безошибочное пророчество. Мы, фронтовики, были окрылены. Да что там — вся страна была окрылена. И сам факт проведения парада, и присутствие на трибуне советского вождя — несомненно, политическая пощечина Гитлеру.

А ведь некоторые, начиная с Хрущева, старались и стараются по сей день опорочить Сталина; дескать, с началом войны растерялся, на какое-то время самоустранился от управления страной, даже не выступил перед народом по радио 22 июня 1941-го, это был вынужден за него сделать Молотов. Не верьте наветам, читатель!

У Сталина накануне войны развилась тяжелейшая флегмонозная ангина с температурой за 40 градусов. Представьте себе человека, которому перевалило за шестьдесят, в адском жару. Болезнь вообще могла его унести. Счастье, что он перенес испытание в часы и дни страшной опасности для страны. Но об этом, о своей болезни — никому ни слова не сказал.

22 июня на рассвете, узнав от Жукова о нападении Германии, Сталин в жару, почти без голоса, собирает Политбюро и генералитет. Он приехал в Кремль в 4.30 утра. Провел заседание, поставил конкретные задачи. А еще раньше, в 24 часа 21 июня, этот человек нашел в себе силы потребовать доклад от начальника Генштаба Жукова… Речь шла о приведении войск в приграничных военных округах в полную боевую готовность. И лишь потом, выслушав доклад и сделав нужные распоряжения, чувствуя себя крайне плохо, позволил прилечь.

Но в семь утра Сталин уже в Кремле. Подписал директиву Вооруженным Силам страны об отражении агрессии. Через два часа отредактировал Указ о проведении всеобщей мобилизации. На протяжении всего дня общался с различными руководителями, отдавая необходимые распоряжения.

Вот что вспоминает маршал Жуков: «Примерно в 13.00 часов 22 июня 1941 года мне позвонил Сталин и сказал: «Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика… Вам же надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым вылететь в штаб фронта в Тернополь». Я спросил: «А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?» Сталин ответил: «Оставьте за себя Ватутина». Потом несколько раздраженно добавил: «Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся».

Представляете, какова сила воли этого человека — больного, находившегося в тяжелом состоянии, но ни словом, ни жестом не выдавшего себя, действовавшего в привычном ключе — точно, жестко, четко, переводя на рельсы сопротивления врагу весь гигантский маховик страны. А где растерянность, о которой столько наворочено? Ничего похожего! Сталин глубоко анализирует положение на фронте военных действий в первый же день войны, находя слабые звенья и укрепляя их. А в тот момент срочные меры на западном и юго-западном направлениях были главными. В те часы уже шли бои. Железная машина фашистов перевалила через советскую границу…

А как мыслил Сталин накануне войны?

Вот стенографическая запись, сделанная Поскребышевым во второй половине мая 1941 года на заседании Политбюро с приглашением других руководителей страны и генералитета. Сталин дал анализ военно-политической обстановки в мире. Потом заговорил о нашей готовности к отражению возможной агрессии… Вот его выступление (в сокращенном виде):

«Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. В это, конечно, трудно поверить, так как Германия ни в экономическом, ни в военном отношении сегодня к войне с Советским Союзом не готова, однако от таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам давно известно — нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке США и Англии.

Англо-американская агентура делает в Германии все, чтобы как можно скорее бросить ее на Советский Союз. Англо-американские империалисты рассматривают фашистскую Германию как ударную силу в борьбе против Советского Союза и демократического движения во всем мире. В этом мы убедились, когда анализировали политику англо-французских правящих кругов, направленную на срыв предложений о разоружении, внесенных Советским правительством в Лигу Наций, на отказ прекратить подлую провокационную политику так называемого «невмешательства» (обратите внимание на железную логику Сталина — именно в то время он дал характеристику политике «невмешательства». — Авт.). Достаточно вспомнить, что накануне заключения нами договора с Германией о «ненападении» бывший британский премьер Чемберлен, со свойственным правящим кругам Англии лицемерием, делал все от него зависящее, чтобы подставить нашу страну под удар фашистской Германии.

Во время переговоров в Москве между тремя делегациями:

английской, французской и советской — об организации коллективного отпора агрессии со стороны фашистской Германии, выяснилось, что английская и французская делегации умышленно затягивают переговоры и не имеют поручений от своих правительств заключать какие-либо военные соглашения о совместных действиях с Советским Союзом — в случае агрессии Германии.

В то же время мы узнали, что английское правительство, ведя переговоры с нами, одновременно ведет переговоры с Гитлером. Предлагает немцам, за нашей спиной, заключить «пакт о ненападении» и разделить между Германией и Англией территорию Советского Союза и Китая.

Суть этой политики понять несложно. Стравить в военном конфликте Германию и Советский Союз, чтобы самим стоять в стороне, и, как это свойственно англичанам, загребать жар чужими руками. Они надеются, что после взаимного истребления Германией и Советским Союзом друг друга, сохранив свои вооруженные силы, станут безраздельно и спокойно господствовать в мире. Убьют сразу двух зайцев: ликвидируют Советский Союз и устранят с мировой арены своего конкурента в борьбе за мировое господство в лице фашистской Германии. Заключенный нами в 1939 году договор с Германией сорвал эти коварные замыслы. Англо-американские политиканы, как уже бывало не раз в прошлом, например с небезызвестным планом Даллеса, пока что явно остались с носом.

Если подвести итог внешнеполитической деятельности с 1931-го до начала 1941-го, то главным является то, что, несмотря на все происки англо-американского империализма, удалось избежать вовлечения Советского Союза в войну против фашистской Германии. В противном случае летом 1939-го нам бы пришлось в одиночестве вести войну на два фронта. Против фашистской Германии на западе и против открыто напавшей на нас в районе реки Халхин-Гол Японии на востоке. Теперь же — Советская граница отодвинута далеко на запад, что дает нам возможность, в случае нападения, развернуть наши Вооруженные Силы и вести военные действия вдали от жизненно важных центров страны…

А разгром Японии на Халхин-Голе существенно умерил пыл японских самураев, которые заключили договор с нами о нейтралитете. Заключение договора о ненападении с Германией было правильным политическим шагом с нашей стороны. Он дал необходимую передышку для лучшей подготовки страны к обороне, позволил расколоть направленный против нас мюнхенский фронт империалистов в лице Германии, Италии,

Англии и Франции. И стоящих за их спинами США. В результате общего похода империалистических держав против СССР не получилось. Это главный результат. (И в этом заслуга Сталина. — Авт.)

Чем же объяснить то обстоятельство, что Вторая мировая война началась вопреки надеждам англо-американских правящих кругов? И не нападением Германии на Советский Союз, а как схватка между империалистами?

Во-первых, это объясняется объективным межимпериалистическим противостоянием, — продолжал Сталин. — Борьба монополий за рынки сбыта и источники сырья, обеспечивание наивысших прибылей оказались сильнее, чем противоречия капиталистического мира со страной нового общественного и государственного строя. Англо-американский империализм не мог уступить своим конкурентам в лице Германии и Японии господства над капиталистическим миром.

Во-вторых, это объясняется тем, что правящая клика фашистской Германии не может не учитывать уроков Первой мировой войны — всячески стремится избежать действий на два фронта…

Поскольку фашисты считали, что Англия и Франция более слабый противник, чем СССР, решили начать с них. Известно, что, например, Англия к моменту нападения на нее Германии имела на Британских островах всего двадцать тысяч обученных солдат, двести пушек и пятьдесят танков.

В-третьих, если и решатся гитлеровцы напасть на Советский Союз, то сделают это лишь после того, как подчинят себе Западную Европу, поставят на службу германскому империализму все ресурсы европейских стран, коренным образом укрепив и усилив военное могущество Германии. В общем, обстановка очень сложная, и нам не следует забывать слова великого Ленина, что мы всегда от всякого нашествия «на волосок». В то же время следует помнить, что нам необходимо трезво учитывать бешеные метания мировой буржуазии и не давать англо-американским поджигателям войны возможность загребать жар чужими руками. А теперь давайте посмотрим, как же у нас обстоят дела с подготовкой страны к обороне».

Закончив свое выступление, Сталин затем дает слово генералу армии Жукову. Тот подробно рассказал о положении каждого рода войск, заострил внимание на оборудовании возможного «театра военных действий»; вел речь о подготовке кадров. Присутствовавшие приняли живое участие в обсуждении доклада Жукова. Подводя итоги, Сталин произнес слова, актуальность которых ничуть не угасла и сегодня: «Проявляя

повседневную заботу о Вооруженных Силах, мы воспитали сильную и боеспособную армию, подготовили ее к обороне — это во-первых. Во-вторых, история учит, что, когда об армии нет должной заботы и ей не оказывается моральная поддержка, появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно, что всегда приводит такую страну и такой народ к катастрофе. Армия должна пользоваться исключительной заботой, любовью народа и правительства. И в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять — в этом залог успеха, в этом залог победы» (М. В. Жухрай. «Сталин: правда и ложь», с. 44–47).

И снова горечь переполняет сердце, когда сказанное Сталиным соотношу с днем нынешним, ельцинским. О какой заботе об армии можно говорить сегодня? Президент Ельцин и председатель правительства лишь надевают фарисейские маски: они-де заботятся, переживают, они-де родные отцы солдатам.

Защитники Отечества сегодня уже десять лет влачат жалкое существование. В офицерском корпусе сотни тысяч семей не имеют квартир. Военнослужащие месяцами не получают жалованья, а их жены — гарнизон есть гарнизон! — естественно, не имеют возможности где-либо работать. Семьи живут впроголодь. Офицеры или стреляются, или сотнями, тысячами увольняются из Вооруженных Сил. Например, только в 1996 году сухопутные войска покинули 17 тысяч офицеров, из них 8,5 тысячи — в возрасте до 30 лет (сравните: все училища сухопутных войск выпускают в год лишь 5,5 тысячи офицеров).

А те офицеры, которые еще служат, ищут побочные заработки, подрабатывают ночными сторожами, грузчиками, монтерами… Ведь это чудовищно! Кто, когда, в какие времена мог позволить довести армию до такого постыдного положения? Царь — не мог, генсек — не мог, а «всенародно избранный» президент — не только смог, но и продолжает курс на дальнейшее уничтожение и моральное разоружение армии. Однако нельзя «человека с ружьем» унижать до бесконечности. Рано или поздно сжатая до предела пружина должна распрямиться.

Заплывшая жиром «элита», которой и прежде жилось отлично, измывается над армией, делает все, что предписывает ей Запад. А Запад, конечно, хочет разрушить наши Вооруженные Силы — последний оплот Отечества, и тогда путь на нашу святую землю будет открыт. Вот почему столь стремительно осуществляется программа расширения НАТО на Восток и одновременно беспредельно сокращаются наши Вооруженные Силы. И чем ближе становится НАТО к России, тем громче

твердят, что никакой угрозы для России в этом нет.

Но мы, прошедшие войну, как говорится, от звонка до звонка, знаем цену всем этим программам типа «Партнерство ради мира». Знаем, что, заботясь о мире, порох надо держать сухим. То есть Вооруженные Силы должны быть в образцовом порядке, в должном количестве и должном оснащении.

А что у нас? Отвлечемся от тех предвоенных дней — посмотрим на себя сегодняшних. Мы допустили к руководству вначале Горбачева, затем Ельцина, развалили Советский Союз и его могучие Вооруженные Силы. Мы разрушили Варшавский договор, создав в странах Восточной Европы, как и у себя, условия для реставрации капитализма. Скажите, мы этими действиями в этой ситуации кому-либо угрожаем? Нет, конечно. Мы вообще вряд ли способны сейчас отстоять даже собственную независимость. Если, конечно, не применим ядерное оружие, способное возместить отсутствие нашей мощи.

О чем говорить, когда солдаты — голодные? Офицеры и их семьи — тоже. «Весь ужас состоит в том, что я, как министр обороны России, становлюсь сторонним наблюдателем разрушительных процессов в армии и ничего не могу с этим поделать», — признался однажды министр обороны России И. Родионов, теперь уже бывший.

Что он мог сделать, коли не дают средств? А если и дают, то от потребности меньше половины. И далеко не своевременно. Ясно, Ельцину такое заявление не могло понравиться; прежний министр (Грачев) никогда бы подобного не посмел. Потому и был у президента «лучшим министром обороны всех времен и народов».

Любит Ельцин лжецов и холуев. А тут вдруг раскрыли истинную картину — оборона и безопасность страны доведены до нуля. К тому же НАТО расширяется, совершенствуется. В состав этого военного блока уже приняты и еще скоро примут остальные страны Восточной Европы — ближайших соседей России. Значит, границы блока вплотную приблизятся к нашему Отечеству. И военные бюджеты членов НАТО не уменьшаются.

В этих условиях впору принять самые экстренные меры по восстановлению боеготовности Вооруженных Сил. Ан нет! Ельцин начинает возню вокруг Родионова. В печати возникают фамилии кандидатов на пост министра обороны… Это приводит лишь к одному выводу: налицо предательство. Запад приближает НАТО к России, а ее президент и правительство, имитируя несогласие с этим, ничего, в сущности, не делают для укрепления обороны. Наоборот, разрушают Вооруженные Силы, не заключают договоры о взаимной помощи с Белоруссией и Украиной.

А ведь можно было предотвратить расширение НАТО в зародыше. Когда в 1993-м Ельцин был в Польше, Валенса сказал ему, что поляки намерены вступить в НАТО. Какой была реакция Ельцина? Он ответил, что это, мол, суверенное дело Польши, Россию сие не беспокоит. То есть как не беспокоит?! Военный блок НАТО с первых дней создания в 1949 году своим острием был направлен против нашего народа. И для нас безразлично, вступит ли в него соседняя Польша?

Вот тогда Ельцин обязан был поднять голос протеста. А этого не случилось. Почему? Да потому что он предатель и холуй Запада.

Бывший министр обороны И. Родионов начинал день с поиска денег и заканчивал его — с той же «головной болью». О какой боевой подготовке может идти речь? Нет боеприпасов, нет горючего. Танки не ходят, самолеты не летают, корабли не видят открытого моря. Поэтому говорить не то что о высокой — вообще о боеготовности (за исключением, возможно, ракетных войск стратегического назначения) не приходится. Такое отношение к армии — разве это не предательство? Разве непонятно, что без армии государство рухнет? А ведь именно этого и ждут на Западе.

Но… есть еще порох в пороховницах! Есть еще в нашей армии настоящие солдаты и офицеры, которые говорят: «Хватит терпеть и унижаться!» В июле 1998 года, наверное, не только российскую — всю мировую прессу обошло сенсационное сообщение о том, что майор Игорь Юрьевич Беляев в одной из воинских частей, дислоцированной в Нижегородской области, «приехал за зарплатой на своем танке». Это было своеобразной акцией протеста против надругательства над нашей армией. После этого «танкового прорыва», сообщает пресса, всю задержанную зарплату военнослужащим выдали. Браво майору-храбрецу и позор режиму, который довел армию до такого состояния. И в то же время это не к лицу военному человеку, в армии таких поступков не должно быть. Но офицера вынудили к этому.

И пока в армии есть майоры Беляевы, — а они есть! — думаю, Запад не дождется того момента, когда она, а вместе с ней и государство падут, не выстоят.

Вернемся к разговору о Сталине. Сегодня часто приходится слышать, в том числе и от армейских товарищей, что России не хватает Сталина. Уж он бы такого, простите, бардака не допустил — ни в армии, ни в стране. Его указания в мае 1941-го руководству страны, анализ ситуации, постановка задач — образец мышления и действий государственного человека. Процитированная выше стенограмма — это именно его личный анализ, а не справки и заготовленные аппаратчиками ЦК партии

и правительства тексты. Именно он сам, без всяких подсказок формулировал и ставил задачи каждому народному комиссару, правительству в целом, Генштабу и другим государственным органам. И все он помнил до мелочей, и спрашивал с каждого, требуя неукоснительного выполнения заданий. И все они непреложно выполнялись, иначе и быть не могло, и поэтому невозможное становилось возможным.

Вот как, например, Сталин ставил задачи:

1. Отвечающим за выпуск танков — одна неделя: разобраться, почему отдельные танковые заводы не выполняют план; «через неделю доложить мне лично».

2. Главному артиллерийскому управлению — тоже в недельный срок: выяснить, что нужно сделать, чтобы обеспечить артиллерию тракторной тягой. Кроме того, что требуется для немедленного запуска реактивных минометов («катюши») в серийное производство.

3. Связь — наша ахиллесова пята. Нельзя надеяться только на наркомат связи и ВЧ наркомата внутренних дел. Необходимо немедленно заняться этим и устранить все недостатки.

4. Укрепрайоны на старой нашей границе не разукомплектовывать; на новой границе (западнее) создавать, оснащать необходимым оружием.

5. Авиация: максимально ускорить поступления в авиационные части новой техники; о выполнении докладывать еженедельно.

6. Войска ПВО: в первую очередь создать надежные прикрытия для промышленных центров. О ходе работ докладывать еженедельно.

7. Военно-морскому флоту: в короткие сроки усилить береговую и противовоздушную оборону; устранить недостатки в минно-торпедном вооружении; за все это лично отвечает нарком Кузнецов.

8. Заместителю председателя Совнаркома Малышеву (отвечал за работу оборонной промышленности): обратить внимание на создание условий для быстрого развития промышленности на Урале и востоке; прежде всего — завершение создания заводов-дублеров в машиностроении, химической и нефтеперерабатывающей промышленности (обратите внимание — уже тогда возводятся заводы-дублеры. — Авт.). Кроме того: наладить бесперебойную работу металлургических предприятий в Забайкалье и на Амуре.

9. Заместителю председателя Совнаркома Малышеву: здесь, в восточных районах страны, необходимо создать 3/4 новых доменных печей; между Волгой и Уралом надо иметь вторую

нефтяную базу. Малышев должен через три дня высказать предложения по устранению всех недостатков — для вхождения с этим планом в Совнарком.

Многим и многому надо учиться у Сталина. Все, кому были отданы распоряжения, не могли и помыслить, чтобы не доложить об исполнении в срок. Неудивительно, что государственный механизм действовал четко, с высокой эффективностью.

Я уже говорил, что при жизни Сталина каких-либо злобных анекдотов о нем не было. А вот байки, только повышавшие его авторитет, бытовали, передавались из уст в уста.

Сказывают, будто в начале войны вождю стало известно, что войска плохо обеспечены боевым имуществом (он встречался с бойцами и командирами в подмосковных госпиталях, частях, хотя об этом упорно умалчивают). И вот Сталин отдает распоряжение Поскребышеву: вызвать директора завода, производящего бинокли. Тот, естественно, вызвал (назовем его Ивановым, дабы не бросить тень на доброе имя). И между ними состоялся такой разговор:

Сталин. Товарищ Иванов, вы знаете, что идет война?

Иванов. Так точно, товарищ Сталин, знаю.

Сталин. А вы знаете, что наши бойцы и командиры, не щадя себя, защищают Родину?

Иванов. Знаю, товарищ Сталин.

Сталин. Чтобы они успешно выполняли боевые задачи, их надо обеспечить всем необходимым, в том числе командиров — биноклями. Это вы знаете?

Иванов. Так точно, знаю.

Сталин. А вы, товарищ Иванов, знаете, что на фронте недостает биноклей?

Иванов молчит.

Сталин. А кто, товарищ Иванов, у нас отвечает за производство биноклей?

Иванов. Я, товарищ Сталин.

Сталин. А какой у вас план и выполняете ли вы этот план?

Иванов. План — 40 тысяч в месяц, но поставщики несвоевременно доставляют комплектующие, поэтому…

Сталин (перебивает). Если через месяц ваш завод не будет выпускать пятьдесят тысяч биноклей, мы к вам лично примем меры. Идите, товарищ Иванов.

Директор ясно представлял, что подразумевал Сталин, говоря о «мерах» (да еще в военное время!). Он прямо из Кремля «рванул» по заводам, которые поставляли комплектующие для сборки биноклей, и там чуть ли не падал на колени перед коллегами-директорами: «Братцы, выручайте! Сталин сказал —

если не выполню план, он примет ко мне меры!» И добавлял: «Думаю, примет меры не только ко мне, но и к вам — на фронте недостает биноклей!»

Через месяц Иванов по телефону докладывает: «Товарищ Сталин, завод выпустил 70 тысяч биноклей вместо 40 тысяч по плану и 50 тысяч, потребованных вами».

Сталин: «Вот так и работайте, товарищ Иванов. — И, помолчав, добавил: — Пока работайте».

Иванов всю войну думал, что означало слово «пока»: то ли оно сказано вместо «до свидания», то ли это обещание еще раз вернуться к вопросу о биноклях. А сборочный завод, как и заводы-поставщики, работал отлично.

И еще. Рассказывали, как из кабинета Сталина в приемную выскакивает немолодой мужчина, вытирая платком пот с лысины, и, ни на кого не глядя, говорит: «Ух, этот усатый!» — и бросается к выходу. А в кабинет входит очередной посетитель и, доложив о своем прибытии, мнется у двери.

Сталин: «Вы хотите что-то сказать, товарищ Петров?»

Петров: «Да, вот передо мной вышел гражданин и сказал весьма нелестные слова».

Сталин вызвал Поскребышева и сказал: «Верните товарища Сидорова». Сидоров еще не успел выйти из здания, охрана его вернула. Он докладывает: «Товарищ Сталин, по вашему распоряжению прибыл».

Сталин: «Выйдя из моего кабинета, вы что-то сказали. Повторите эти слова».

Сидоров: «Действительно, я сказал: «Ух, этот усатый!»

Сталин: «Кого вы имели в виду?»

Сидоров: «Конечно, Гитлера, товарищ Сталин».

Сталин: «А вы, товарищ Петров, кого имели в виду?.. Как вспомните — скажите».

Таких баек ходило немало, но все они были пронизаны добрым юмором, шуткой, но всегда уважительными по отношению к Сталину. Его авторитет был непререкаем.

Говоря о Сталине, нельзя не вспомнить о характеристике маршала Жукова в книге «Воспоминания и размышления» (глава 10). Сразу замечу: «зигзаги» в судьбе Жукова давали ему право на неоднозначное отношение к Сталину. Ведь именно тот снял его с должности первого заместителя министра обороны, главкома Сухопутных войск. И поставил на командование Одесским военным округом. Но в том-то и ценность характеристики Жукова, что он, пережив потрясение и обиду, связанные с понижением, сохранил офицерскую и гражданскую честь. О Человеке Эпохи маршал написал правдиво.

Г. Жуков писал: «Стиль работы Ставки — деловой, без нервозности. Свое мнение могли высказывать все. Сталин к каждому обращался одинаково строго и официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сталин не был человеком, перед которым опасались ставить острые вопросы, боялись спорить, отстаивать свою точку зрения: прошу обратить внимание — такого за ним не водилось.

Лишенный позерства, он подкупал простотой обращения. Свободная манера разговора. Способность четко формулировать мысль. Природный аналитический ум. Большая эрудиция и редкая память. Таким был Сталин. Даже очень искушенные люди, беседуя с ним, внутренне собирались, были начеку. Он говорил тихо, отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя.

Сталин смеялся редко, а когда смеялся, то тихо, будто про себя. Ценил остроумие и шутку. Писал, как правило, сам, читал много, был широко осведомленным человеком в разнообразных областях. Плюс поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал.

Он обладал сильной волей, а характером — скрытным и порывистым. Обычно спокойный, рассудительный, иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность, менялся буквально на глазах: бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Мало было смельчаков, способных выдержать гнев Сталина, отпарировать его удар.

Был ли он военным мыслителем, архитектором строительства Вооруженных Сил, знатоком оперативно-стратегических вопросов? Скажу так: Сталин владел вопросами организации фронтовых операций, операций групп фронтов; руководил ими с полным знанием дела; глубоко разбирался в стратегических вопросах. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Сталин проявил себя выдающимся организатором.

Жуков, говоря о нем, упускает некоторые моменты, а на них, по-моему, следовало бы обратить внимание. Например, Сталин отлично разбирался в людях; в относительно короткие сроки смог укрепить все государственные посты дельными работниками. Бросив лозунг «Кадры решают всё!», не ограничился им — проводил большую практическую работу по подготовке специалистов во всех сферах государственной деятельности, в том числе и военной. Это была революция в подготовке кадров.

Дальше. Еще до войны Сталин понял: решающая роль в строительстве Советского государства объективно принадлежит русскому народу. И грузин Сталин как глава государства проводил мудрую национальную политику, не противопоставляя

русских другим нациям, а, наоборот, максимально их сближая, но — сохраняя при этом решающую роль русского народа. Народа наиболее многочисленного, живущего во всех республиках Советского Союза; народа, несущего всем знания, передовую культуру, помогающего в организации производства, строительства новой жизни.

Русский народ сыграл решающую роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной. Вот почему первый тост Генералиссимус Сталин на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы поднял именно за русский народ.

…Как говорилось выше, фронтовыми операциями, операциями групп фронтов Сталин руководил с полным знанием дела. Некоторые считают, будто этот опыт пришел к нему во время битвы под Сталинградом. Да, эта операция уникальна и неповторима. Все так, но речь идет уже о второй половине 1942-го и начале 1943-го… А что, разве раньше Сталин себя не проявлял? Что, это некий «дядя» руководил фронтами на всех четырех стратегических направлениях — Северном, Северо-Западном, Западном, Юго-Западном? А чего стоило лишь одно Смоленское сражение, особенно в районе Ельни! Если бы Сталин к тому времени не создал Резервный фронт, то неизвестно, как развернулись бы последующие события. Но он его создал! Мало того, он ввел его в сражение именно тогда, когда можно было решительно изменить обстановку в нашу пользу. И миф о непобедимости вермахта был развеян. А оборона Москвы? Наше контрнаступление? Ведь именно оно, это контрнаступление под Москвой, похоронило план молниеносной войны. Вот каков уровень сталинского руководства!..

Есть люди, блестяще сочетающие теоретический и практический ум. Это, прямо скажу, большая редкость. К таким редкостным людям относятся Ленин и Сталин; оба они теоретики и практики создания Советской власти, первого в мире социалистического государства. Когда человеческий ум включает в себя, образно говоря, две «ипостаси» (и теоретическую, и практическую), это, несомненно, ведет к их взаимному обогащению; каждая из них становится по отношению к другой источником энергии.

А интуиция? Тут надо отметить, что с нею нередко связывают бессознательность предчувствия. Верно ли это? По-моему, наоборот — осознанность. Мы ведем речь о молниеносном умозаключении, которое, перескочив через многие «ступеньки», пренебрегая второстепенным, выдает главное — на этот момент решающее. Интуиция требует огромной подготовки; если ее нет,

то не будет и интуиции. Человек, обладающий незаурядным умом, постоянно работает. Даже среди ночи он может проснуться под давлением мысли…

Интуиция ученого разнится от интуиции, скажем, полководца — тому порой приходится принимать мгновенные решения. Так накануне и в ходе войны часто решал Сталин. Мгновенно! Это дано далеко не каждому. А ежели нет ни теоретического, ни практического ума, то, естественно, нет и интуиции.

В апреле — мае 1941-го (несмотря на все пропагандист-ские «трюки» Геббельса) ситуация была предельно ясна — война уже стояла у порога нашего дома. А вот о сроках ее начала приходилось гадать. Конечно, сегодня, через призму десятилетий, легко делать выводы: каждому, мол, понятно, что концентрация у границы более полутора сотен дивизий, тысячи танков, тысячи самолетов — это та критическая масса, когда взрыва не миновать.

Все так, но сделать безошибочный вывод совсем не просто. Ведь руководство страны было максимально заинтересовано выиграть год, месяц, неделю, даже день, чтобы успеть произвести как можно больше вооружений, лучше подготовить народ и армию к предстоящим испытаниям.

В 1939 году решением руководства страны от Москвы до сельского района создаются военные отделы. Их задача — направлять работу мобилизационных органов; организовывать местную противовоздушную оборону, добровольные общества, спортивные клубы. Почти 60 лет назад к службе в армии относились как к священной обязанности, поэтому к ней серьезно готовились. Уже в 1940 году ввели за правило, чтобы каждый допризывник сдал нормы по новому комплексу ГТО («Готов к труду и обороне»), обязательно овладел одной из военных специальностей.

По стране развернулась сеть аэроклубов. Кстати, один из них — и очень хороший — был в Армавире. Он готовил кадры на капитальной основе. Создавал летные группы, а для их обучения имел свой аэродром, учебные корпуса. А еще были планерные и парашютные станции на предприятиях, в ближайших станицах. Этот же клуб руководил кружками авиамоделистов, проводил среди них соревнования, они очень привлекали людей. А когда проводили авиационные праздники на аэродроме, в Армавир съезжались люди из самых далеких станиц. И заметьте, я веду речь только об одном столь уж невеликом городе. А сколько их было по всей стране?!

Позже на базе Армавирского аэроклуба было создано известное в СССР Высшее авиационное училище; оно дало Вооруженным Силам тысячи летчиков, прославивших Отечество.

Как видите, подготовка к службе в армии была поставлена на широкую ногу, ей уделялось огромное внимание партийных, советских органов и особенно комсомола. Добавьте к этому Закон «О всеобщей воинской обязанности», принятый в 1939-м. Согласно ему, вводилась допризывная подготовка учащихся старших классов, что усиливало оборонно-массовую работу. С того же 1939 года в стране ежегодно стали отмечать Всесоюзный день физкультурника. Он проходил под лозунгом: «Сегодня физкультурник — завтра боец!» Перед войной у нас было свыше 60 тысяч физкультурных коллективов.

Но самое главное наше достояние — морально-политическое единство советского народа, сплочение всех многочисленных наций и народностей в одну семью. Такое было только у нас, в Советском Союзе.

И все это делалось под руководством Сталина.

Теперь о войне.

…Фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, без объявления войны обрушилась на СССР всей своей мощью. Удар был огромной силы. Тысячи артиллерийских орудий, в первую очередь крупного калибра, буквально засыпали снарядами пограничные заставы и военные городки. Удары артиллерии наносились по штабам, узлам связи, казармам, местам хранения боевой техники, разведанным ранее огневым точкам.

Авиация немцев проводила массированные налеты на те же объекты. Парализовав их, можно было гарантировать продвижение своих сухопутных войск. Но главное для авиации вермахта было: наши аэродромы, находящиеся там самолеты, арсеналы оружия, склады боеприпасов, узлы железных и шоссейных дорог, порты, войска. В принципе немецкое командование стремилось уничтожить группировки наших войск первого стратегического эшелона. Одной из самых важных задач авиации фашистов было максимально подорвать моральный дух Красной Армии, парализовать ее.

Бомбили Минск, Киев, Одессу, Севастополь, Каунас, даже Мурманск… Расчет был на панику, хаос. Разумеется, нанести материальный ущерб — тоже не последнее дело, но в данном случае важнее было запугать, потрясти. Те методы, которые отлично срабатывали в Европе, Гитлер перенес и на СССР. Он был уверен в успехе. В войну вступили также Финляндия, Венгрия, Румыния, Италия.

Через полтора часа после вторжения германский посол Ф. Шуленбург вручил нашему правительству (Молотову) ноту, где цинично, ложно заявлялось: Германия вынуждена начать

превентивную войну против Советского Союза, поскольку он не выполнил своих обязательств по имеющемуся договору; СССР якобы «готовил удар» ей в спину. Подобного же типа документ Риббентроп (МИД Германии) вручил в тот же день нашему послу в Берлине. Тогда гитлеровская ложь возымела действие и повлияла на определенные круги мировой общественности, но прежде всего на немецкий народ.

22 июня с обращением к народу выступил премьер-министр Англии У. Черчилль: «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я в течение последних 25 лет. Я не возьму назад ни одного из сказанных мною слов, но сейчас все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, — это опасность, угрожающая нам и США, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех частях земного шара» (У. Черчилль. «Вторая мировая война», т. 3, с. 332–333).

23 июня сделал заявление Государственный Департамент США. Оно перекликалось с тем, что сказал Черчилль. А на следующий день президент США Рузвельт сообщил прямым текстом: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем» («Нью-Йорк таймс», 25.06.41). Вслед за президентом в поддержку СССР выступили некоторые сенаторы и конгрессмены, но были и другие — несогласные. Однако «Нью-Йорк таймс» (уже 26.06.41) без долгих слов отрезала: «Пусть не будет никаких заблуждений относительно того, что скорая и полная германская победа явилась бы величайшей катастрофой для Англии и Америки».

Выступление правительств Великобритании и США имело важнейшее международное значение. Это свидетельствовало о полном провале ставки Гитлера на политическую и, следовательно, военную изоляцию СССР. Многие народы мира «повернулись» лицом к нашей стране. Они понимали: фашизм — это порабощение…

Находясь в Армавире, в глубоком тылу, трудно представить трагедию, разыгравшуюся на границе 22 июня. Скупая информация Совинформбюро помогала, однако, выстраивать события, одну общую картину. Прошла неделя, другая, третья. И тогда и мы почувствовали «ветер» войны. В город стали прибывать беженцы. На них смотрели с сочувствием, даже с восхищением — побывали в зоне боев! Приехали беженцы и к нашим соседям Рудичам — мать и дочь, они были из Риги. Помню, на них приходили смотреть с соседних улиц, словно на героев…

А потом немецкая авиация добралась и до Армавира. Фашисты старались небольшими группами самолетов проникать в глубь страны. Сбрасывать бомбы на головы мирных жителей. Морально подавлять их. В нашем городе одна из бомб взорвалась рядом с кинотеатром, погибли несколько человек.

Когда фашистские самолеты, отбомбившись, уходили, первым желанием было — посмотреть, что они натворили. Но умный Володя Рудич говорил: могут вернуться, лучше выждать; к тому же среди сброшенных бомб взорваться могли не все — вдруг некоторые поставлены на замедленное действие? Целыми днями и вечерами мы строили свои собственные предположения — как там, на фронте?

О том, что происходило тогда, мне довелось узнать много лет спустя, когда я командовал войсками Прикарпатского военного округа. Немало было в оперативных границах округа памятных мест: Ровно, Броды, Рава Русская, Тернополь, Перемышль, Стрый… В Тернополе, например, находился командный пункт Юго-Западного фронта. Туда в первые дни войны, по указанию Сталина, приезжал Жуков. Из района Рава Русская — Броды был произведен контрудар наших механизированных частей. Противника остановили вблизи границы. Но самое поразительное случилось в Перемышле, где 99-я стрелковая дивизия и подразделения пограничников оставили о себе героическую быль.

Так вот — о 99-й. Она отлично показала себя в тяжелейших боях с группой армий «Юг», которой командовал фельдмаршал Рунштедт, стойко удерживая Перемышль. Последний вначале был нами остановлен, а затем — отбит. Были нанесены большие потери 101-й пехотной дивизии противника, наступавшей на острие удара. Только когда 99-ю стали обтекать справа и слева, когда создались условия ее полного окружения, командование приняло решение об отводе.

Еще вечером 27 июня 1941 года Совинформбюро передавало: «На всем участке фронта от Перемышля и до Черного моря наши войска прочно удерживают государственную границу…» Но уже вечером 28 июня 99-я стрелковая дивизия, а вместе с ней и бойцы 92-го пограничного отряда, по приказу командования, оставили город, полностью выполнив свой долг.

В Перемышле Гитлер получил один из первых тяжелых уроков — именно пограничники «объяснили» ему: СССР — не Франция…

Конечно, мы в своем Армавире ничего этого не знали. Сводки Совинформбюро были лаконичны и скупы. А я верил: мы обязательно разобьем агрессора! По-иному и быть не может. Ведь у нас такая мощная страна и сильная Красная Армия, наш народ

един и сплочен. У всех еще свежи были впечатления о проведенных во второй половине тридцатых годов маневрах Красной Армии. Тогда мир узнал об ее огромных возможностях — они базировались на передовой военной науке (о чем свидетельствует хотя бы «теория глубокой операции»). Я и мои товарищи по школе, конечно, еще не доросли до таких обобщений. Но в памяти остались кадры документальных фильмов о тех маневрах. И это укрепляло уверенность в нашей безусловной победе.

Лето 1941 года выдалось чернее черного. Наши войска отступали день за днем, вынужденно оставляя врагу родную землю. Казалось, не будет конца этой страшной яви… Сколько еще предстояло пройти и пережить до мая 1945 года! И все-таки скажу — даже в самые тяжелые, безысходные дни мы не сомневались в победе. Пусть скептик усомнится. Пусть недоверчиво покачает головой. Ему нас не понять! А мы были фанатиками и очень любили свою страну, а потом знали: все равно праздник на нашу улицу придет. Именно так и должно быть. И не должно быть иначе.

Трагически сложившаяся обстановка на фронте, разумеется, рождала вопросы. И на них требовались ответы. Они были даны в речи Сталина 3 июля 1941 года. Вот эта историческая речь по радио страны:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление, и если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных — для советских войск. Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и продвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой

державы стоят такие же изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов, Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджогов лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей

над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувства благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создавать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину — в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Правда, 3 июля 1941 года.»

Эти священные исторические слова Сталина явились не только анализом обстановки с определением конкретных задач и ответом на многие вопросы нашего народа и народов мира. Но эти слова были и пророческими — они показали, чем все кончится для гитлеровской Германии и что надо сделать для скорейшего ее разгрома. И все это сбылось.

С началом войны наши с отцом отношения коренным образом изменились. Они всегда были очень добрыми, по-родственному близкими, теплыми, хотя его нельзя отнести к сентиментальным людям. В его характере было много строгости, много категоричности, но обязательности — тоже много. В свободные часы, а они выпадали редко, отец любил вспоминать прошлое: переоценивал события, строил планы, заглядывая вперед; активно втягивал нас всех в эти разговоры. А вот рассуждений, касавшихся настоящего, не одобрял. И мне, достаточно деликатно, давал понять: нецелесообразно анализировать, оценивать дела и события сегодняшнего дня, тем паче — личности.

Тогда я не задумывался — почему? Сейчас могу предполагать, что отец был обеспокоен общей обстановкой, созданной в стране во второй половине тридцатых годов органами НКВД. Злые люди, карьеристы и откровенные наши враги, желая кого-либо опорочить, строчили клеветнические доносы, а они уже становились основанием для ареста. Отец это знал по себе. Нельзя давать повода. Даже малейшего. Поэтому лучше избегать разговоров о происходящем сегодня.

Но вот пришла война. И отец, судя по всему, изменил своему правилу: рассуждал, высказывал свое мнение. Конечно, отец был настоящим патриотом, он и мысли не допускал о поражении и был уверен в нашей победе. Отцовские суждения о положении на фронте никогда не были сиюминутной реакцией на событие. Он по крупицам собирал факты, привлекал объективные выкладки с красноречивыми цифрами, анализировал весь материал, а я потом удивлялся! До чего же точен и убедителен его анализ и аргументирован его прогноз.

Слушая отца, я понимал, какие силы привели Гитлера к власти, на кого он опирался, благодаря чему удалось подорвать влияние Тельмана и его партии — весьма серьезной силы в тридцатые годы, и почему так легко «легла» под фюрера Европа.

Я не спрашивал, но чувствовал — обо всем этом он говорит не только со мной, но и у себя на заводе… С признательностью вспоминаю те долгие серьезные беседы «на равных». Видно, он понимал, что в ближайшее время сына призовут, тот попадет в

действующую армию. Отец готовил меня к этому. От крупных государственных проблем он вдруг переходил к взаимоотношениям в солдатской среде, в «военной семье», как он говорил; к предстоящим боям, выполнению боевых задач, «самосохранению». Особое внимание уделял взаимовыручке, поддержке товарища, когда тот в беде. Кажется, и теперь я слышу его мягкий голос: «Нет ничего выше, чем спасение товарища в бою и выполнение боевой задачи».

Я знал: в его сердце навсегда осталась благодарность к тем, кто спас ему жизнь, оказав медицинскую помощь при ранении…

Прошло полтора месяца войны. 5 августа нас, вчерашних школьников, привели к военной присяге. Было это в Армавирском горвоенкомате. Не стану говорить о «торжественности момента» — чего не было, того не было. А вот напряженность присутствовала — враг уже топтал нашу землю, убивал наших людей. В такое время довелось присягать…

В тот же день вывезли за город, к месту строительства железнодорожной ветки. Здесь нас встретили прорабы. Один из них, Степан Степанович, быстро сориентировал отряд. Мы должны построить 200 метров железнодорожного полотна — это «наша» часть. Он познакомил нас с предстоящей работой, распорядком дня, объяснил, где брать рабочий инвентарь, разбил нас на бригады. Мы таскали на носилках песчано-гравийную смесь с платформ, укладывали шпалы, накатывали рельсы, закрепляя их «костылями». Рельсы подавали на платформе, а мы с торца стаскивали их и волоком, по-бурлацки, доставляли на место.

Работа была тяжелая, напряженная. Вставали в пять утра, в шесть выходили из дома, а еще два часа требовалось, чтобы добраться до нужного места… Ровно через двадцать дней задание было выполнено. Нам выдали по пятьдесят рублей. То были наши первые трудовые деньги. Честно сказать, ребята не понимали, почему заплатили. Ведь война! А раз так, мы и без денег должны делать все необходимое.

Потом был небольшой митинг. Руководители поблагодарили нас за труд, сказали, что каждый уже внес свой вклад в разгром врага. Выступил капитан из горвоенкомата — через три дня нам надлежит туда явиться. Все поняли: призывают. Что ж, присягу дали, значит, уже бойцы.

Прибыв домой, вручил родителям деньги и был несказанно горд: дескать, уже зарабатываю. Отец, конечно, поздравил труженика, а после ужина я объявил: на утро 28 августа назначен сбор в военкомате. Очевидно, будут отправлять. Все притихли, потом сразу засуетились. Отец начал перечислять, что надо с

собой взять. Мачеха забеспокоилась — куда все необходимое сложить? В чемоданчик или рюкзак? Еще было время на сборы…

Ребята сбегали в военкомат, кое-что уточнили: прибыть мы должны 29 августа в 10 утра… С вещами. На окраину Армавира. Там будет ждать горвоенком.

Собирались в поле: на окраине города стоял указатель со стрелкой: «Пункт сбора и регистрации». А там, на поле, разместилось несколько столов с табличками — по алфавиту.

Где-то тоскливо играла гармонь. Мы с ребятами нашли нужный стол, зарегистрировались. Мне показали, где собирается третья рота. Там были почти все из нашей школы — и Борис Щитов, и Виталий Расторгуев… Ждали Николая Голубенко и Виталия Тройно, но они не появились. Они призваны были позже, и их судьба сложилась иначе. Тройно был лейтенантом, командиром взвода, после тяжелого ранения демобилизовался; Голубенко стал фельдшером, старшим лейтенантом. Об этом я узнал уже после войны. С Виталием увиделся в 1946-м, а Николай прислал мне еще раньше письмо с фотографией из Австрии, где тогда служил. Кто-то дал ему мой адрес.

Третьей ротой призывников командовал лейтенант. Очевидно, из военкомата. Могучий, с квадратным лицом и широченными плечами. Он говорил мало, отрывисто. Вид имел озабоченный. Рядом крутился какой-то паренек — оказалось, из числа призывников, был у него ординарцем-посыльным. Звали паренька Олегом. Потом он станет любимцем ребят, поскольку приносил им не только письма, но и новости.

Ротный назначил из призывников себе заместителя, командиров взводов, их заместителей, командиров отделений. Я стал командиром третьего отделения первого взвода. Опережая события, скажу — в училище тоже был в третьей роте, первом взводе и командовал третьим отделением. Что еще? Присвоили первое воинское звание: в петлицах у меня появились треугольники…

День призыва — навсегда в памяти. Это как бы стоп-кадр из числа самых первых военных, может, самый первый. Вот родители и сестренка, бледные, испуганные; даже тогдашнее чувство свое помню — это «давление неизвестности»; хочется быстрее разорвать «гнетущую тянучку», отправиться по назначению. Всем будет легче! Отец все повторял, чтобы на станциях бросал письма домой, пусть самые короткие: жив-здоров, нахожусь там-то. Обещал. Леночка, сестра, постоянно поправляет мой «Ворошиловский стрелок», поглядывает по сторонам — как реагируют на это окружающие? Ей шел десятый год.

Подали команду «строиться!». Все родители плакали, совсем

стало тяжело. Наконец, рота вышла на дорогу, тронулась в путь. Оглянулся — мои, как и все, махали руками. Снял кепку и тоже замахал. Знаете, стало как-то легче. Больше я их не видел до конца войны.

Шли, изредка поглядывая на небо, чистое, ни облачка. Солнце в зените, а мы как на ладони, в самый раз для удара авиации. Нас изредка обгоняли грузовые машины; навстречу шли повозки — они каждый раз сворачивали, останавливались, люди провожали бойцов взглядом. Некоторые снимали картузы и крестились. Крестили и шедших в колонне.

В населенных пунктах привалов не делали. Их, наоборот, проходили в повышенном темпе. Жителей почти не видели. Одни малолетние детишки. В последнем переходе нас догнала линейка с Клавдией Моисеевной и еще одной женщиной — как выяснилось, ее сын тоже шел в колонне. Мачеха, соскочив с линейки, подхватила сумку — и ко мне. «Ты же забыл кружку!» — кричит. Мне неловко: что ребята подумают?! А она втиснула в руки сумку, поцеловала, заплакала… и осталась у обочины.

Когда добрались до полустанка, где ожидал эшелон, солнце уже садилось. Проводники распределили по вагонам. Через час все разместились. Эшелон медленно двинулся в путь. Впереди — неизвестность. Я раскрыл сумку, которую дала Клавдия Моисеевна: кроме кружки и солдатской фляги с вишневым соком, в ней были пирожки. Целая гора. Лейтенант с ординарцем, Борис, Виталий и я устроились вокруг нее, с удовольствием уминая домашнюю еду.

В темноте мы проскочили Невинномысскую, остановились на полустанке. Стояли очень долго. Оказывается, по пути движения поезда бомбили станцию; теперь изучалась возможность нашего движения. Руководители эшелона дозвонились в Армавир. По рассказу лейтенанта — он ходил в станционный дом. Немцы бомбили и обстреливали город, в основном жилые кварталы. Молния проникала в сознание каждого: ведь там родные, как они?

Эшелон двинулся далеко за полночь. Я стал устраиваться поудобнее. Рюкзак под голову — вот и вся постель. Почему-то вспомнил о Суворове, его неприхотливости. Колеса ритмично постукивали на стыках рельсов, убаюкивали. Из головы не выходили дом, школа… Проснулся — поезд стоит. Уже утро. Но солнце не взошло. Лежал долго, пока не услышал какой-то незнакомый гул. Кто-то в вагоне крикнул: «Самолеты!» Лейтенант — к двери, скомандовал: «Спокойно, всем оставаться на местах». Над эшелоном с оглушающим грохотом промчались самолеты. Тотчас по вагонам понеслось: «Воздух! Всем покинуть эшелон…»

Не успели мы выскочить, как самолеты появились вновь: шли гуськом, один за другим, обстреливая нас из пулеметов. Как только крылатые хищники скрылись, прогремел взрыв — рядом со срединой эшелона. Через две-три минуты фашисты появились вновь — три самолета. Теперь они летели развернутым фронтом. Строчили пулеметы. Рядом с нами — рукой подать! — пролетел один из стервятников. Мне он показался огромным, с карикатурными свастиками-пауками на крыльях.

Прошло еще минут двадцать-тридцать, затем команда: «Отбой!» Она эхом прокатилась по полю, а вслед распоряжение: «Всем занять свои места, эшелон отправляется». Ринулись к вагонам, семафор давно поднял свою «руку».

Это было лишь началом наших мытарств. Правда, обстрел и бомбежки нас миновали, но горя мы хватили. Через две недели у руководства эшелона кончились продукты, пришлось перейти на подножный корм. Останавливались в поле, набирали колосьев неубранной пшеницы, выбивали зёрна и ели. Если стояли подолгу, варили зерна в котелках, кружках, железных банках. Все были чумазые, одни зубы блестели, как у негров. Но духом не падали. Позже выяснилось: начальник эшелона боялся останавливаться на крупных станциях, а как раз там были продукты!

Ночью на какой-то станции загрузились под завязку: хлеб, сухари, консервы, даже сахар. И сразу поднялось настроение.

Мы начали теребить лейтенанта: пусть добывает побольше данных о фронте, о доме, а главное — куда едем? Порадовали события под Ельней, где контрударом опрокинули фашистские войска и заставили их отступить. Может, началось? Увы, последующие новости были безрадостными.

Ура! Прибыли на конечный пункт. Это — Свердловск. Был октябрь, порошил снежок. Наш лейтенант куда-то все бегал. И вот пришел с каким-то командиром, а тот — как картинка: чистенький, подтянутый, сапоги блестят. Мы притихли, «наш» — улыбался до ушей; «новенький» объявил: «Товарищи, вы прибыли в город Свердловск, где разместилось эвакуированное с Украины Черкасское пехотное училище. Вы в нем будете учиться. Станете командирами Красной Армии». А «наш» добавил: «Я же говорил, говорил, что будете учиться. Видите, как все отлично…»

Мы делились между собой первыми впечатлениями от новости. Все были рады… Потом нас привели на территорию училища. Красивые здания. Все культурно, опрятно. Очевидно, до этого здесь располагалась образцовая часть. Когда при ярком свете мы глянули друг на друга, то стало не по себе. Правильно поступили командиры, распорядившись, чтобы нас со станции

вели через город, хотя и пустынный, в темное время. Иначе люди могли подумать, что мы — зеки. Впрочем, тогда я понятия не имел о внешнем виде заключенных.

Нас быстро — партиями, через каждые тридцать минут — перемыли в бане училища; остригли, выдали чистое белье, обмундирование, даже шинели и шапки. И все добротное — курсантское, затем построили и отправили на ужин. Столовая — светлая, просторная, чистая. Ели макароны с тушенкой, пили чай с сахаром и хлебом. Королевский ужин. Королевская столовая.

Что интересно — поначалу мы не могли узнать друг друга. Все пострижены под «нулевку», одинаково одеты… Ходили, натыкаясь друг на друга. Хохотали. Крепкие, налитые — молодость выплескивалась наружу! Кто-то раздал нам подворотнички и передал распоряжение старшины: сейчас же пришить.

Разошлись к своим койкам. Спали на белоснежных простынях, как дома. В казарме уютно, тепло. И разговаривали почему-то тихо.

Утром начали подниматься еще до семи часов. Одевались, умывались, перешивали подворотнички, чистили сапоги. Потом появились отцы-командиры: стояли группой, изучающе смотрели на нас. Первое знакомство, так сказать. Говорят, от него многое зависит.

После завтрака старшина построил нас. Докладывал старшему лейтенанту Захарову, это был наш ротный. Он принял рапорт, дал команду «вольно» и представил командиров взводов. Наш взводный — лейтенант Архипов.

Первый день — ознакомительный; и вообще — для адаптации. Это мне запомнилось. Когда командиры взводов побеседовали с каждым, Захаров снова нас построил: «Я знаю, вы военную присягу приняли, но мы ее здесь продублируем. И каждый распишется в списке, что присяга принята. Я сейчас зачитаю ее текст, а вы повторяйте за мной… Ясно?»

Все получилось как нельзя лучше. Оказывается, ротный знал текст присяги наизусть. Он громко произносил каждое слово, отлично расставляя акценты, ударения, чем производил глубокое впечатление. Все было совсем не так, как в Армавире, в военкомате, где каждый читал присягу вслух отдельно. Здесь воздействие содержания присяги на сознание было значительно выше.

Старшина повел нас по военному городку — знакомить с объектами…

Глава IV
Первые военные университеты

Черкасское военное пехотное училище в Свердловске. Десять месяцев как один день. Командиры — те же педагоги. Об офицерском корпусе. Конец учебе. Питомцы разлетелись, а война в разгаре. Народ был монолитом. Возможности и способности СССР и Германии.

Черкасское военное пехотное училище знаменито уже тем, что было создано и существовало в Черкассах — удивительном, неповторимом городе, как и вся Черкащина. При слове «Черкассы» в памяти явственно возникает «Днепр широкий», который «ревет и стонет» в непогоду, вздымая горы волн, или плавно, величаво струит свои воды в ясные дни. Всплывают в памяти и певучая «украинская мова», стихи одного из любимых с детства поэтов — бунтаря Тараса Шевченко, чей прах покоится, как он и завещал, «на кургане, над рекой могучей» — в городе Каневе на высоком холме, ныне называемом Тарасовой горой. Да и сама черкасская земля, как и город Черкассы, мне представляется сказочной страной гордых свободолюбивых людей.

Первые упоминания о городе относятся к концу XIV века, и, как свидетельствует история, он находился тогда в Киевском княжестве, бывшем под пятой Литвы. Во второй половине XVI века город захватила Польша. Переход Черкасс из рук в руки, видимо, тоже способствовал тому, что его жители постоянно участвовали в крестьянско-казацких восстаниях — вначале против литовских, затем — против польских захватчиков. Повстанцы горячо поддерживали Богдана Хмельницкого. А с середины XVII века город стал центром Черкасского казачьего полка.

Начиная с 1793 года он находится в составе Российской империи. До революции был уездным городом Киевской губернии, а в советское время, в 1954 году — стал уже областным центром. Самое примечательное в нем — планировка: улицы — прямые, как стрелы. Не доводилось, честно сказать, видеть городов старой застройки с такой планировкой. Теперь Черкассы стоят уже не на берегу Днепра, как прежде, а на берегу Кременчугского водохранилища. В районе города оно напоминает море от двадцати до сорока километров в ширину. Теперь Черкассы — крупный индустриальный и культурный центр с великолепными кварталами многоэтажных жилых домов,

современными гостиницами, драматическим театром, заводскими корпусами. Все это построено в основном уже после войны — ведь город пережил оккупацию, бомбежки и после освобождения лежал в руинах. Зодчие города при восстановлении разрушенного и дальнейшем строительстве сохранили прежнюю планировку.

Так случилось, что из этого города в начале войны эвакуировалось военное училище в Свердловск, где мне довелось постигать азы военной науки. А потом судьба забросила сюда уже после войны — служба есть служба.

Для меня этот город особенный еще и тем, что здесь родилась моя семья. 1 января 1951-го жена подарила нашего первенца Валерия, его назвали в честь легендарного Чкалова, которого мы любили и почитали. Кстати, об именах. В пору молодости люди придают им особое, я бы сказал, «знаковое», значение — может, потому, что все мы немножко фаталисты? Собираясь жениться, я сказал своей избраннице:

— Как быть. Я же еще школьником, читая «Евгения Онегина», влюбился в Ольгу (именно в Ольгу, не в Татьяну). И поклялся себе самому — женюсь на Ольге. А ты — Елена, как нам выйти из этого положения?

— Нет проблем, — сказала моя мудрая подруга, — называй меня Ольгой, а в документах пусть остается все как есть, — Елена.

Так мы и порешили.

Так прожили всю жизнь. И нам вечно задавали вопросы, да и по сей час задают их: «Все-таки Ольга или Елена?» Мы отвечаем: и то, и другое правильно. Если дело касается наград, других официальностей, то — Елена, а во всех остальных случаях — Ольга. Ольга Тихоновна.

Наше училище было создано в Черкассах в годы Советской власти. Находилось оно на окраине города. База здесь была небогатая, но очень удобная — рядом с казармой, в лесопарковой зоне, размещались замечательные летние лагеря, и таким образом сразу снималось много проблем. Позже на этих «казарменных фондах» разместилась 18-я механизированная дивизия, куда я попал в январе 1950-го, вернувшись из Группы Советских войск в Германии.

Еще до войны училище успело сделать несколько выпусков, а потом — война… Сейчас, оглядываясь назад, спрашиваю себя: как Черкасское военное пехотное училище буквально в считанные дни сумело собраться, эвакуироваться и развернуться в Свердловске? Разве это не удивительно? Исходя из положения дел сегодня, при нынешней всеобщей расхлябанности в стране, это не только поразительно, но и невозможно. Тогда же люди,

военные и гражданские, собравшись в один кулак, действовали четко, организованно, делая невозможное возможным.

Обстановка на фронте становилась все тревожнее. 7 июля 1941-го началась Киевская оборонительная операция. А Черкассы, расположенные южнее Киева, находились всего в двухстах километрах, таким образом у руководства училища вообще не было времени на сборы. Мы прибыли в Свердловск — я точно помню — в октябре. Для нынешних государственных и военных деятелей такая задача, да еще в столь короткий срок, просто невыполнима. Конечно, в огромной стране, ведущей такую страшную войну, одно училище — все равно что шлюпка в океане, но и для этой «шлюпки» нашли время — определили, куда, когда и как ей пришвартовываться. И когда мы прибыли туда, в училище, доложу я вам, был уже капитально налажен учебный процесс. В этом, конечно, была немалая заслуга его начальника — подполковника Сабердзянова. Его за все время учебы я видел раза три-четыре, да и то издалека. Каждый раз он был на коне — выезжал на занятия в поле в сопровождении ординарцев. Командир батальона — подполковник Ким бывал у нас чаще, но тоже, как правило, верхом. Зато ротного Захарова мы лицезрели ежедневно, даже в выходные дни. Он постоянно проводил разного рода мероприятия, но весь учебный процесс был под опекой взводных, у нас — лейтенанта Архипова.

На всю жизнь сохранил я чувство благодарности к этой своей альма-матер и к офицерам, которые гоняли нас до седьмого пота, но во многом благодаря их строгой требовательности я и другие курсанты остались живы, пройдя через всю войну.

Ныне у определенной части населения наши средства массовой информации сложили превратное представление о военных. Некоторые же относятся в целом к армии агрессивно, даже хамски. Столь же пренебрежительным, несправедливым подходом к армии и офицерскому корпусу отличались и некоторые деятели из высшей государственной и партийной элиты. Например, Хрущев, Горбачев… А у Шеварднадзе вообще было презрительное отношение к Советской Армии. Наверное, поэтому он всячески стремился ее разрушить. Кстати, отсюда многое исходит. И одностороннее разоружение в угоду США. И гибель уникальных ракетных комплексов, не подлежавших уничтожению. И кабальные условия сокращения наших стратегических ядерных сил. И дикие соглашения о выводе советских войск из Афганистана. Особенно откровенно Шеварднадзе высказался о наших офицерах: «Эти серые шинели с ограниченным серым мышлением». Но ведь сам восемь лет носил шинель в МВД. Сталин всю жизнь проходил в серой шинели.

Теперь-то мы знаем, что именно такое унизительное отношение к армии было частью общей стратегии по уничтожению Советского Союза, которой следовали предатели и перевертыши.

Считаю своим долгом защитить честь офицерского корпуса. Поговорить об офицере подробно. На нем держатся наши Вооруженные Силы. Его функции и задачи обширны, многогранны и ответственны. Офицер — прежде всего педагог, но, в отличие от школьного учителя или вузовского преподавателя, педагог уникальный. Возьмите первую ступень офицерского корпуса — командир взвода. Он отвечает за тело, дух и ум подчиненного; иными словами, несет полную ответственность за сохранение жизни солдата, гармоничное его развитие, а также обучение военному делу.

Что должен уметь солдат? Хорошо использовать оружие, боевую технику, сноровисто действовать на поле боя. И этому должен научить офицер. Кроме того, он должен обеспечить высокий морально-боевой дух и высокую нравственность солдата. Чтобы тот не на словах, а на деле был предан своему народу, не щадя собственной жизни, защищал Отечество, а если потребует обстановка, то и отдал бы за него жизнь.

Все эти качества должны быть сплетены и увязаны в один узел. Воспитать их — задача того же лейтенанта, командира взвода. У него под началом двадцать-тридцать человек — целый класс, если рассуждать школьными категориями. И он, командир, должен думать о сохранении солдатской жизни. И не только во время войны. Солдат постоянно с оружием. Порой на занятиях он применяет его, стреляя, поражает цели, точно так же, как в бою. Это характерно для мотострелков, танкистов, воздушных десантников, морских пехотинцев. И тут особенно важны меры безопасности. Их следует возвести в степень, когда заходит речь о специальных войсках. К примеру, о саперах: их необходимо обучить мастерству снаряжения и установки противопехотных, противотанковых мин, фугасов, обезвреживать установленные противником минные заграждения, в том числе «сюрпризы». Тут огромный риск.

А какая огромная ответственность за сохранение солдатской жизни лежит на взводном при подготовке к учениям с боевой стрельбой, несению караула! В караул направляют солдат для охраны знамени части, штаба (как органа управления), арсеналов с оружием, хранилищ боевой техники, складов боеприпасов, горючего и другого имущества, узлов связи, коммуникаций, источников водоснабжения… Отправляясь на охрану поста, солдат получает оружие, заряжает его боевыми патронами. Ему

определяют боевую задачу. Разумеется, каждый пост имеет свои особенности, но все они — в общей системе.

Если пробирается нарушитель, его надо задержать, не подчиняется — стрелять. И молодого солдата следует тщательно готовить к несению такого вида службы. Ночью, особенно в ненастную погоду, кажется, будто под каждым кустом нарушитель. Любой шорох страшит. Но на шорох стрелять нельзя. Это может быть домашнее животное, заблудившийся в ночи человек. Часто именно по неопытности караульных и случаются трагические происшествия. Вот почему в ненастную погоду молодому часовому выделяют в помощники второго часового (подчаска).

Но сохранение жизни солдата зачастую связано с взаимоотношениями среди военнослужащих. Взводный обязан создать в коллективе обстановку взаимоуважения — никаких ссор, а тем более — драк. И один человек — офицер, педагог — должен за два года обучить абсолютно всему, что нужно воину. А их у него двадцать — тридцать!

Огневая подготовка, тактическая, политическая, строевая… Плюс то, что называется связью и управлением, плюс инженерное дело, плюс противохимическая защита, плюс защита от оружия массового поражения… А физическая подготовка? Солдат должен быть крепким, выносливым. Поэтому к физподготовке примыкает маршевая — на выносливость. А на марше солдат соответствующе экипирован. За этими двумя словами — сорок килограммов. И вот с этаким грузом — марш-бросок на 40–50 километров.

Или выходит рота на полигон, где оборудует, допустим, район своей обороны. Траншеи — «в полный профиль» (в человеческий рост), огонь боевыми патронами по мишеням. Это тяжелое испытание. Не каждое подразделение может с ним справиться. Ну а в итоге рота получает за свои действия оценки. Тут уж, как говорится, кто что заслужил, то и получил!

В 1979 году, например, отлично проявила себя 7-я моторота 7-го мотострелкового полка (командир полка — подполковник Э. Воробьев). А вот рота выпускного курса Киевского высшего общевойскового училища в 1990-м, увы, не справилась с такого типа задачей. О чем это говорит? Разные школы. Разные командиры.

Основа основ — тактическая подготовка. Личный состав обучают в условиях, приближенных к боевым, имея целью — уничтожить противника, а себя сохранить. Занятия и учения проводятся как без применения, так и с боевым применением оружия, боевой техники. Солдату надо уметь наступать, обороняться, отступать, занимая новые рубежи, участвовать в

контратаках. Он должен успешно это делать в условиях равнинной и пересеченной местности. С форсированием водных преград. В лесу, на заболоченной местности. В населенных пунктах и в пустыне. В горах и в скалистых ущельях. Все это должно выполняться при взаимодействии с артиллерией, авиацией и соседними частями — иначе будут жертвы. Солдат должен уметь в различных условиях боевой обстановки десантироваться на вертолетах, самолетах, танках.

Видите, только одна наука — тактика, а насколько сложна и многогранна подготовка! И за всем этим один человек — офицер. Труд его — адский. Офицер — в буквальном смысле слова подвижник. А какую огромную роль играет его нравственный облик!

Раньше, в условиях царской армии, офицер пользовался уважением подчиненных — благодаря своей принадлежности к высшему сословию. Хотя бывали и исключения. Теперь же он может завоевать высокий авторитет — но уже в силу своих знаний, мастерства, умения преподать эти знания подчиненным. Что еще ценится в офицере? Человечность, исключительное благородство побуждений, честность, чуткость к людским запросам. И вместе с тем неколебимая твердость, а порой и жестокость, если она — в интересах дела.

И еще об офицерских качествах…

Если солдаты убедились, что офицер видит в каждом из них личность, а не оловянного солдатика, видит мыслящего человека, бойца, готового в любой момент грудью защитить Родину, то его влияние на подчиненных велико и благотворно, и за таким командиром солдаты пойдут в огонь и в воду.

Воспитывая стремление к высокому поступку, нельзя оставлять место тщеславию. Но у каждого военного человека, независимо от его положения, должно быть и самолюбие. Офицер обязан щадить самолюбие солдата, он должен понимать естественное стремление подчиненных выделиться, обратить на себя внимание, совершить поступок.

По своему опыту знаю: подчиненные ценят волевого командира, однако решительность, твердая воля офицера должны базироваться на логичном, разумном решении, которое покорит солдат своей глубиной и проницательностью. Воля есть характер, но характер умного человека. Без воли, характера и инициативы современный офицер фактически ничто. На инициативу же способен только волевой, с характером человек, а безвольный, бесхребетный — нет. В бою безволие равносильно погибели.

Поэтому, воспитывая подчиненных, офицер должен воспитывать прежде всего самого себя. Его должна отличать

верность — не только клятве, военной присяге (приняв ее однажды, не «перевертывается»), но и своему слову. Измена слову, тем более клятве, — омерзительная низость. Верность клятве воспитывается с детства, в армии примером верности слову, присяге является командир, офицер.

Офицеру надо много знать, быть высоко эрудированным человеком. Тогда он способен логично мыслить, предвидеть развитие событий, принимать обоснованные решения.

Офицер должен быть человеком чести. Честь — святыня, постоянная спутница, награда и утешение. Если честь замарана, офицер должен расстаться с военной службой. Когда сам он того не делает, ему должен помочь старший начальник или офицерское собрание: не смог возвыситься до истинного понимания чести — уходи, не порочь офицерский корпус.

Офицер обязан являть собою пример четкости, исполнительности, дисциплинированности. Его долг — постоянно выкладываться в деле; терпеливо и убедительно разъяснять подчиненным, зачем нужны воинская дисциплина, воинский порядок, взаимная субординация — все, на чем базируется стройность армейской жизни.

И если офицер обладает всеми перечисленными качествами, вокруг него невольно возникает ореол благородства, добра, обязательности; его авторитет, как в кругу военных, так и в обществе, высок. Нельзя забывать: через офицерский корпус ежегодно проходят сотни тысяч юношей; с годами — это миллионы, десятки миллионов человек самого активного, жизнедеятельного возраста. Легко себе представить влияние офицерского корпуса на народ!

Горе стране, если, отслужив свой срок в Вооруженных Силах, солдат уходит, не получив положенного заряда обучения и воспитания, если уносит с собой отвращение к воинской службе, считая это время бесполезно пропавшим для жизни. Больше того, порой вспоминает о нем с ужасом (когда в части процветала «дедовщина»). И тут правомерно предъявить офицерам счет, потребовать объяснений: почему из армии возвращаются уроды, а не богатыри, как прежде? Да, можно спросить! Но одновременно надо спросить и с Президента Российской Федерации — почему над офицерским корпусом страны на протяжении последних десяти — пятнадцати лет издеваются и глумятся? Почему офицер с семьей скитается, словно бомж, месяцами не получая денежного содержания? Почему его вынуждают стреляться, увольняться или идти к «новым» русским на заработки — ночным сторожем, грузчиком, посыльным?

Разве способен нынче офицер полностью отдавать себя тому

благородному, необходимому стране и народу делу, о котором говорилось выше? Разве способен он думать о высоких материях, когда сам влачит нищенское существование, угнетен, унижен, незаслуженно опозорен? Можно ли рассчитывать в этих условиях, что офицер будет плодотворно трудиться, выполняя свой долг по обучению и воспитанию солдат? Право, даже неловко задавать сегодня подобные вопросы. Мне, солдату, больно и горько за нашу армию…

Насильственно развалили Советский Союз. Насильственно, с кровью, разорвали Советскую Армию. А ведь она была на самом деле непобедимая и легендарная, о чем не только в песне пелось… В стране существовала уникальная система подготовки, оснащения, мобилизационного развертывания главных сил, надежное управление ими.

Когда началась Великая Отечественная война, все это сработало незамедлительно! Армия, ее руководство действовали с первых минут. А в 1994 году в Чечне российские войска оцепенели. Да и вообще, как вышло, что у нас стала совсем «не та» армия? А получилось так потому, что после августа 1991-го ее все больше и больше угнетали, травили, разваливали, вели по ложному пути. Чечня стала «моментом истины» на этом пути.

Померкла наша слава. Говорить об этом тяжело, но правды не скроешь. Одна половина армии гибла в бездарной войне в Чечне, а другая — истощала себя в борьбе с внутренними врагами, перекрывшими все каналы финансирования, материально-технического снабжения. Попросту говоря, Вооруженные Силы страны бросили на грань выживания. Пытаясь сохранить себя, они одновременно старались уберечь Россию, ее суверенитет, удержать оборону страны на должном уровне. А вместе с тем армия избавлялась от полицейских функций, которые ей навязал президент. Она твердо знает: у нее одно, вечное, предназначение — защита Отечества от врага внешнего.

Бесконечные гонения на Вооруженные Силы продолжались до 2000 года. И председатель правительства, и президент Ельцин — он же Верховный Главнокомандующий — делали грозный вид: в армии и на флоте реформы должны идти, и мы будем их проводить… А финансирование? А образовавшаяся задолженность? Ответа на эти вопросы нет, и все разговоры о «реформах» повисают в воздухе.

И как бы ни был предан своему делу министр обороны, — если нет денег, пульс в Вооруженных Силах не забьется. К такому вот состоянию привели нашу армию псевдодемократы. Печально гляжу я на все то, что произошло в Вооруженных Силах, — грядет полный крах, если только не будут приняты экстренные меры уже

сейчас — в новых условиях. А случится беда с армией — рухнет и суверенитет России. Оснований для такого прогноза достаточно.

Часто армию сравнивают с огромным деревом, которое защищает землю от бурь и ненастья. Корни его протянулись по всей стране, питаясь земными соками. Это дерево живет интересами своего народа, оберегает его. Народ и армия подобны земле и дереву — первая питает армию, второе — прикрывает народ.

В то же время сама армия должна быть и чистилищем, и источником духовного, нравственного обогащения молодых, приходящих в ее ряды. Офицеры — это корпус солдатских наставников; каждый из них должен проникнуться патриотической идеей, стать духовным учителем молодежи. В определенной степени это общественные деятели, поскольку играют значительную роль в воспитании масс. Так что слово, понятие «офицер» должно звучать гордо!

Волей судьбы наш народ стал народом-воином. Он постоянно защищал свое Отечество от нашествий с востока, запада, юга. Ему просто необходимо было переродиться в армию, где около двух лет служат в кадровом составе, а все остальное время пребывают в кадровом запасе, лишь периодически приходя на сборы — для изучения техники, участия в учениях, уточнения своего места на случай войны (последнее сегодня — тоже в загоне).

Что бы ни было, какие бы катаклизмы ни происходили со страной, армия остается ее важнейшим институтом. Она всегда должна быть на страже, начеку. А для этого все ее подразделения обязаны находиться в боевой готовности.

Поэтому, что бы ни было, я обращаюсь к вам, товарищи офицеры. Вы сегодня на переднем крае, от вас в немалой степени зависит обороноспособность нашей страны, судьба нашей Родины.

Хочу, чтобы вы знали: офицеры обязаны не только обучать и воспитывать новобранцев, но и влиять на народ и особенно на ту его часть, которая приходит на сборы из запаса. Главная сила армии на случай войны — в мобилизационном резерве. Еще одни, очень важные грани деятельности офицера. Наше государство многонациональное. Кроме того, в армию приходят люди разных верований, племен, наречий, убеждений, взглядов, характеров, с различной нравственностью, а теперь — и идеологией. Представляете, как это сложно, но это надо учитывать.

Ближайшая задача (это всегда было и остается) — добиться доверия, а на этой основе — и откровенности подчиненного. Если это случится — можно гарантировать успех дальнейшей воспитательной работы, обучения. Заняв же позицию «казенного»

службиста, идя по пути формальных требований устава, офицер оттолкнет подчиненных от себя. Они не станут своими, близкими. Какой же может быть разговор о военной семье?

Вера в офицера — сказано в прямом и переносном смысле — залог больших и малых побед. И тут надо использовать все средства. Особенно важно проявлять заботу, участие в солдатских нуждах, просьбах. Все должно делаться искренне, от души, без фальши и лжи. А солдатская любовь завоевывается только в общении. Наш солдат любит, когда с ним разговаривают, в отличие от немцев — те привыкли лишь к командам; скандинавы вообще любят молчать — даже настроение передают взглядом.

Военная служба тяжелая. Военное дело очень сложное, а жизнь офицерская всегда связана с опасностями и с большими лишениями. Но армия крайне необходима государству и обществу. Поэтому внимание народа, президента и правительства к Вооруженным Силам, к офицерскому корпусу должно быть особым и повседневным.

Наверное, я слишком подробно говорил о том, каким должен быть офицер… Но, отдав жизнь воинской службе, пройдя путь от курсанта и лейтенанта до генерала армии, я усвоил полезную и давно известную истину: генералами не рождаются. Очень хочу, чтобы те безусые пареньки, что ежегодно приходят в воинские части, училища, понимали это. Скажу по своему опыту: несомненно, на меня огромное влияние оказали мои первые военные наставники — взводный и ротный командиры училища. Лейтенант Архипов и старший лейтенант Захаров.

Я, как и другие курсанты, верил в них, глубоко уважал, да просто молился на них. Это были мои кумиры. Слушая их, старался не пропустить ни слова (даже сказанного между прочим), ни жеста. Старался им подражать во всем. Попадая в переплеты, бесконечно спрашивал себя: что в этом случае сделал бы мой командир? Правильно ли я поступаю? Именно этим командирам я обязан своим начальным становлением, знаниями. Это был тот крепкий фундамент, на котором можно было строить все, что потом состоялось с годами, и в первую очередь — самостоятельность!

В училище занятия по тактике проводились на горе Уктус — она находилась в трех-четырех километрах. Выдвигались туда, как правило, марш-броском. Всего полчаса — и мы в районе занятий. Лейтенант Архипов, тоже пробежавший с нами это расстояние, как ни в чем не бывало вводит в обстановку — где и какой «противник», какие действия предпринимает. Затем говорит о «своих»: какие перед нами стоят задачи, в чем конкретная цель нашего отделения, взвода или роты (в

зависимости от роли, в которой выступаем). Но — самое интересное — пробежав с нами эти километры, командир — «как огурчик». И он дает команду: «Заправиться!» — поскольку мы все, как говорится, «в мыле». Ведь выкладка в сорок килограммов что-то значит. Тяжко! Особенно с непривычки.

Но командир делает вид, что мы смотримся нормально. Конечно, это подкупало. Однако, помню, все ворчал курсант Дымерец. Родом он был из Одессы, а призывался в Армавире. То у него одышка, то в боку колет, то растер ногу. Впрочем, прошло полгода — и все пришло в норму. Исчезли жалобы, хотя и потом на занятия и с занятий — только бегом. Теперь все стали «как огурчики». Но главное, готовы были пробежать еще столько же. Особенно поражала выносливость старшего лейтенанта Захарова.

Он «возникал» в казарме за час-полчаса до подъема. Объявлял тревогу, приводил роту в полную боевую готовность с выдачей комплекта боеприпасов, учебных гранат. Затем мы совершали марш-бросок вначале на пять, потом — на десять километров. Вместе с нами во главе роты бежал он, ротный. И еще насвистывал любимую мелодию из «Цыганского барона». Мы таращились на него: как может человек бежать и одновременно насвистывать?

В цирке таких виртуозов не увидишь. После пробежки рота валится с ног, а он идет к турнику и «выкидывает» такое, что все как завороженные — смотрят и не дышат. Каждый наверняка думает: «Ведь я и сотой доли не могу из того, что вижу». А он, разгадыватель наших мыслей, говорит: «Вы со временем сможете все это выполнять, надо только работать над собой, стараться…» И мы верили, старались. Кое-что получалось и у нас. Например, легко стали переносить марш-броски.

Но командиры нагрузку постоянно увеличивали, и броски мы вскоре стали совершать в противогазах. Кое-кто стал «мудрить»: в дыхательный клапан противогаза вставляли спичку, чтобы он был постоянно открыт для вдоха-выдоха; вдох фактически шел не через коробку противогаза, а напрямую. Некоторые вообще открывали клапан. Первый, кто попался на этом «подвиге», был все тот же Дымерец. Видно, его засек ротный во время марш-броска, но сам разоблачать «хитреца» не стал — поручил это старшине роты Афонину.

И вот очередной марш-бросок… Метров за триста до военного городка нас ожидал старшина. Когда рота с ним поравнялась, старший лейтенант Захаров дал команду: «Стой, снять противогазы». Потом добавил: «Старшина Афонин, командуйте». А сам отправился в военный городок. Старшина скомандовал: «Противогазы к осмотру». Затем объявил, что

осмотр станет делать выборочно. Так вот: первым был курсант Дымерец. Оказывается, он вообще оторвал клапан. Что тут было!..

Беднягу вывели из строя. Объявили роте, что это злостный нарушитель дисциплины. Оказалось, он нанес еще и материальный ущерб. А главное — обманывает своих командиров, товарищей… Дымерец стоял белый и мокрый. Мы сильно переживали за него.

Весь день прошел под впечатлением случившегося, развязка наступила вечером — после ужина. В роту пришел Захаров. Был вызван Дымерец. Его подвели к «Военной присяге» — текст ее в рамке, под стеклом — был на самом видном месте. Все притихли. Ротный, делая вид, что все происходящее касается только их двоих, конечно же, рассчитывал на общее внимание. А у нас, конечно, ушки на макушке. Между ними произошел такой диалог.

Ротный. Курсант Дымерец, вы принимали Военную присягу?

Дымерец. Так точно, принимал.

Ротный. Вы расписывались под этой клятвой нашему народу?

Дымерец. Так точно.

Ротный. Вы помните слова, которые произносили в тот торжественный и очень ответственный для вас момент?

Дымерец. Так точно.

Ротный. Теперь зачитаем всю присягу, разберем каждое предложение….

Мы — не дышали. Дымерец вынул носовой платок и вытер лицо. Почему-то все время поправлял на гимнастерке затянутый до предела ремень.

Ротный. Читайте.

Дымерец. Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь….

Ротный (перебивает). Вы чувствуете глубину этих слов? Торжественно клянусь! Клянетесь перед лицом своих товарищей всему нашему советскому народу. Курсант Дымерец, вы чувствуете? Продолжайте, послушаем, в чем же вы клянетесь.

Дымерец. Клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную, государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников….

Ротный. Разве ваши действия, курсант Дымерец, соответствуют этим высоким словам? Вы же поступили бесчестно! Вся рота бежала в противогазах, приобретая необходимый навык, а вы всех обманули и фактически бежали без противогаза — маска была надета, но клапана не было. Этот поступок говорит о вашем моральном облике. Вы проявили

недисциплинированность, не выполнили приказ командира — бежать в противогазе. Даже такой приказ не можете выполнить! А как будете выполнять приказы в бою? Это же значительно тяжелее — сейчас война.

Дымерец молчал.

Ротный. Продолжайте читать слова присяги.

Дымерец. Я клянусь добросовестно изучать военное дело….

Ротный (обрывает). Вы клянетесь добросовестно изучать военное дело, добро-со-ве-стно, вы понимаете? Вы добросовестно изучаете военное дело?

Дымерец (подавленно). Нет.

Ротный. Продолжайте.

Дымерец. Я клянусь всемерно беречь военное и народное имущество….

Ротный. «Всемерно беречь…» А вы? Вы его портите, умышленно наносите ущерб. О какой преданности можно тут говорить? Продолжайте читать дальше.

Дымерец. Я клянусь всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине, Советскому правительству….

Ротный. Как вы смотрите на свою преданность?

Дымерец молчал.

Ротный. Продолжайте.

Дымерец. Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту своей Родины — СССР….

Ротный. Как вы можете быть готовы, когда даже в несложной обстановке проявляете недисциплинированность? Какой из вас защитник? Продолжайте.

Дымерец (уже угасающим голосом). И как воин Вооруженных Сил я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови, самой жизни….

Ротный. Где же ваша честь, если вы обманываете? Кто на вас может положиться? На каждом шагу — одни сомнения… Что же нам делать?

Дымерец. Не знаю.

Ротный молчал ровно столько, сколько требовалось, чтобы Дымерец и вся рота «прониклись». Потом добавил: «Зачитайте, заключительную часть Военной присяги». Тот читал медленно. Казалось, иссякли все силы.

Дымерец. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся….

Чтение закончено.

В казарме гробовая тишина. Ротный молчал, Дымерец —

тоже. Мы все от сопереживания взмокли. И вот дрожащим, едва слышным голосом Дымерец сказал: «Я виноват, очень виноват, вы меня простите, товарищ старший лейтенант». Что-то в нем заклокотало. Наверное, плакал. После небольшой паузы ротный сказал: «Я учитываю ваше раскаянье, курсант Дымерец. Считаю, вы поступили необдуманно, а сейчас правильно оценили свой проступок… Надеюсь, ничего подобного не повторится. Хочу верить, что вы станете примерным курсантом. Инцидент исчерпан. Понятно?» Дымерец закивал головой. Ротный пошел к выходу. Несколько человек подошли к «пострадавшему». Подбадривали его тихо, неуверенно. Всем было понятно, что ротный «растер» парня, даже не объявив ему взыскания (если бы объявил, наверное, было бы легче). «Выстрел в десятку!» — так подумал я о том, что мы наблюдали.

Не было в роте равнодушных к этому событию. Подавляющее большинство, уже обсуждая, высказывалось в пользу ротного. А те, кто отмалчивался, уверен, сами что-то предпринимали подобное с противогазом и сейчас благодарили Бога, что не оказались на месте того парня.

Если подходить к рассказанному с позиции современности, т. е. до 90-х годов, то ротному и в голову бы не пришло создавать проблему вокруг этого случая. Есть посерьезнее! О каких высоких материях, например, можно говорить недоедающему курсанту? Или полуголодному солдату? К тому же: разве смог бы ротный командир провести «воспитательный час», будь у него Военная присяга нового образца, утвержденная Законом РФ «О воинской обязанности и воинской службе» от 11 февраля 1993-го? Ведь в ней всего три фразы: «Я (ф.и.о.) торжественно присягаю на верность своей родине — РФ. Клянусь свято соблюдать ее Конституцию и законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу и независимость, конституционный строй России, народа и Отечества».

Конечно, эти фразы что-то в себе несут. Но далеко не ту ответственность, которая была заложена в Военной присяге советского времени. Сегодняшний юноша, прожив последние десять-двенадцать лет в условиях псевдодемократии, лжи, мракобесия, грабежа народа, обобщенно называемого «диким капитализмом», где — деньги любой ценой и превыше всего, многое впитал. И прежде всего яд «их» культуры. Его изуродовали нынешней «свободой», которая обернулась вседозволенностью и полным отсутствием каких-либо нравственных ограничений. Он точно знает: сейчас человек человеку — волк. И это порождает

уродливую мораль, открытый цинизм, наглое хамство в отношениях. Все это юнец уже вкусил. Будут ли услышаны им речи об ответственности, долге, чести, совести, морально-боевом духе? Вряд ли.

Конечно, найдутся и исключения, но мы не найдем единодушного отклика в сердцах молодых. А те, кто с молоком матери впитал высокую духовность и моральные заповеди, и те, кто всего этого был лишен, но не потерян для нормального общества, составляют меньшинство. В подобных условиях воспитывать личный состав Вооруженных Сил неимоверно сложнее, нежели прежде, в особенности в то время, когда я, недавний выпускник средней школы, постигал азы военной науки.

…В училище часто говорили об обороне Ленинграда, Москвы, Брестской крепости. А после контрнаступления под Москвой наш батальон собрали в клубе. Помню, выступил подполковник Ким. Он сказал, что в битве под Москвой полностью развеян миф о непобедимости гитлеровского вермахта, что немецкие фашисты обломали зубы об СССР и были вынуждены отказаться от блицкрига — молниеносной войны. С радостью слушали мы о том, что наконец-то начался период отмщения агрессору. Сталинские слова «будет и на нашей улице праздник», конечно, действовали окрыляюще. Мы уже поговаривали: пока будем учиться, фашистов разобьют и мы окажемся обделенными — на нас войны не хватит. Впрочем, эти опасения испарились к лету 1942-го — немцы нанесли по нашим войскам удар на Южном стратегическом направлении. И снова тревога за судьбу Родины, наше будущее сжимала сердце. Мы осаждали лейтенанта Архипова вопросами: что, как, почему, когда? А он сам переживал.

Наверное, чтобы нас успокоить, говорил, что это последние потуги Гитлера. Только мы, вчерашние мальчишки, не заблуждались — в немцах еще чувствовалась сила. Горечь поражений Красной Армии обжигала наши души.

Занятия в училище шли ритмично, без потрясений, но — напряженно. Месяца через два-три мы привыкли к насыщенному распорядку и не испытывали усталости, к тому же питание было хорошее.

Большинство ребят нашего взвода, да и роты учились на пятерки и четверки. У нас появились виртуозы артиллерийской стрельбы с закрытых огневых позиций; имелись мастера быстрой оценки обстановки, управления подразделением; у многих была блестящая физическая подготовка… И все это лишь за десять месяцев учебы. Правда, очень напряженной учебы. Плюс

отличный подбор офицеров — без преувеличения их труд внес свой вклад в разгром врага.

Несмотря на военное время, жизнь в училище была интересной и разнообразной. У нас, например, была своя художественная самодеятельность — успевали и здесь. Как-то состоялся ее смотр. От нашего взвода участвовали двое: мой друг Борис Щитов, он пел, а Николай Головко аккомпанировал ему. Мы за них, конечно, здорово переживали. И вот на сцену вынесли стул, на нем угнездился с баяном верзила Головко, Борис Щитов стоял рядом. У него был не сильный, но очень приятный баритон, исполнял старинные русские романсы, и репертуар его был довольно богат.

В предвкушении приятных минут зал замер. Борис объявил: «Сейчас я спою романс «Гори, гори, моя звезда». Боря кивнул Николаю, тот потянул мехи… Мы сразу почувствовали неладное: музыкант выводил что-то похожее, но ноты брал не те. Боря все-таки запел — красиво, ровно. Но чем дальше, тем тяжелее было слушать: Борис пел свое, а Николай — тянул другое, совершенно непонятное. Щитов, однако, не сдавался, пел, очевидно, в надежде… Разве кто-то знал, на что надеялся Щитов? В зале начались смешки, потом громко хохотнули. И вот — развязка: Борис протянул: «Умру ли я, и над могилою…», затем остановился, повернулся к Головко, который тоже умолк, и говорит: «Твою… дивизию, Коля, что ты играешь? Спятил? Продолжай сам!» И ушел.

Зал раскалялся от хохота и аплодисментов. Головко встал, забрал стул, и пошел, пятясь задом и кланяясь, пока не упал. Зал умирал от хохота. Когда все кончилось, только и говорили об этом номере. Допытывались у Головко, что такое с ним приключилось. Он уверял, что и сам не понимает, что же с ним произошло. Видно, от чрезвычайного волнения явно не «в ту степь» пошел. А Борис утверждал, что Головко умышленно сорвал номер, и дал ему затрещину, сильно рискуя, кстати сказать, если вспомнить о внушительных возможностях Николая. Но тот вместо адекватной реакции тихо произнес: «Боря, прости, я действительно растерялся».

Старшина Афонин долго еще, приходя в казарму, говорил: «Как вы тут, певчие птички? Армия — не эстрада: пахать надо». Мы молча сносили насмешки.

Случалось и мне лично попадать в различные переделки. Через два месяца учебы курсантов понемногу начали отпускать в город. Давали увольнительную с расчетом — за час до вечерней поверки должен быть на месте. Накануне Нового, 1942 года мы решили: надо кого-то откомандировать в город за покупками.

Собственно, речь шла о конфетах. Сошлись на том, что с задачей справятся сержант Варенников и курсант Довбня. Мы заявили старшине свою просьбу об увольнительной. А тот, доложив командиру взвода и командиру роты, получил «добро». И вот, наконец, после тщательного инструктажа старшины мы с Довбней отправились в город.

Добирались почти два часа. Мы обратили внимание, что здесь окна в домах были оклеены бумажными лентами — крест-накрест, однако с наступлением темноты улицы освещались, в домах тоже горел свет. Публика на улицах озабоченно суетилась, но выглядела вполне прилично. Очевидно, контрнаступление под Москвой подняло дух у людей, подумалось мне тогда. Пока мы бродили из магазина в магазин, нас четыре раза «захватывал» военный патруль. И каждый раз дотошно проверял документы, задавал глупые, как нам казалось, вопросы… Убедившись, что мы не диверсанты, минут через десять-пятнадцать отпускали.

Времени оставалось в обрез, пришлось поторопиться. Мы искали самые дешевые конфеты — «подушечки» и медовые пряники. Наконец, взяли по шесть килограммов того и другого, это приблизительно по двести граммов «на нос», для чего пришлось преодолевать еще одно препятствие — в одни руки больше пятисот граммов не давали. Надо было вставать к разным продавцам или просить о такой услуге кого-то из покупателей.

Наконец, «отоварившись», отправились к трамваю. Пока ждали его, пока он плелся к нашей остановке, время вышло. А нам еще от остановки добрых полчаса. Сошли с трамвая, а напротив — патруль, и направляется к нам. В голове мелькают все наивозможные варианты действий. А ноги уже бегут! Сами! Иначе — нельзя. Патруль точно потянет в комендатуру, а тогда — вообще пиши пропало. Короче, мы рванули и летели, как олени. И сразу к лесу, за которым училище. Патруль — за нами. Минуты через три выскакиваем на набитую тропу, она тоже ведет к лесу, хотя и по диагонали. Уже виден, совсем рядом КПП (контрольно-пропускной пункт), а это — спасение. Добавили скорости — стали отрываться от преследования. Наконец долгожданный двухметровый забор училища — перемахнули его, будто детский штакетник, а через минуту — в казарме. На часах — без трех минут 22.00.

Сдали дневальному «увольнительные». Появился дежурный по роте. Довбня ему этак небрежно говорит: «Учти, мы уже давно прибыли. Доложи старшине и дежурному по училищу». Тот доложил старшине роты, отнес «увольнительные» дежурному по училищу. Теперь полный порядок.

Мы раздали покупки — ребята были довольны. До Нового

года оставалось два дня. Но назавтра при построении на обед вдруг появился командир роты. Старшина доложил: «Рота построена!» Комроты прошелся вдоль развернутого строя, многозначительно посмотрел мне в глаза, затем — Довбне и дал команду продолжать движение. После обеда Довбня прибежал, говорит: «Он так на меня посмотрел, что затряслись колени». Я ответил: «Ты слишком мнительный». На этом, казалось бы, все закончилось.

Но накануне Дня Красной Армии старшина говорит мне, что я мог бы пойти в увольнение. Я отказался. Он подумал и добавил: «Ротный предлагает увольнительную именно тебе». Я объяснил, что мне идти некуда. Старшина пожал плечами и ушел, а через неделю, уже после праздника, говорит: «Знаешь, что сказал ротный? Передай Варенникову: он перед Новым годом поступил правильно». Я понял, что старший лейтенант Захаров знает все подробности; он также понимает, что если бы мы связались с патрулем, то наверняка опоздали бы, да и бросили тень на училище.

Сознаюсь, мне польстило, что командир роты оценил ситуацию так же, как и мы с Довбней. Конечно, нельзя было допустить, чтобы на роту легло пятно — курсанты опоздали из увольнения. Как-то спрашиваю Довбню: «А ты чего в город не ходишь?» «До окончания училища не пойду». Подумав, сказал ему: «Я — тоже».

Понимаете, даже в мелочах мы старались не подвести коллектив, быть на высоте. Мы боролись с малейшим отступлением от норм, от писаных и неписаных правил. Советская молодежь ощущала свою высокую ответственность за всю страну. Это истинная правда. Так нас воспитывали, такими мы были. Отсюда общая подтянутость не только военных, а всего народа. Естественно, были и с отклонениями, но в целом — то, что надо.

Ближе к лету наш батальон построил себе полевой лагерь в расположении военного городка, вдоль центральной магистрали. А она шла от КПП к главным зданиям училища. Переехали сюда в конце апреля. В мае и июне жизнь здесь уже бурлила. Как-то после спортивных соревнований, где-то за час до обеда, мы обсуждали актуальные вопросы: что нас ожидает? когда выпуск? куда направят? Вдруг кто-то говорит: «Смотрите, наш ротный в окружении дамского букета!»

Действительно, по широкой асфальтовой дорожке гулял ротный с тремя особами женского пола. День был теплый, они — нарядные, сияющие. Приблизившись и увидев, что мы их разглядываем, ротный внезапно громко говорит: «Сержант

Варенников!» Я вытянулся. Он подает знак, чтобы подошел. Сорвавшись с места, как на стометровке, я перемахнул через канаву, пересек дорожную магистраль. Еще одна канава… Подошел строевым шагом и доложил: «Прибыл». Ротный доволен: вот, мол, какие у нас курсанты… Я, чувствуя на себе взгляды, сам не свожу глаз с ротного, жду дальнейших команд.

Позже, «прокручивая» этот эпизод в памяти, понял: ротный хотел показать, каких офицеров он готовит из мальчишек. Но как показать в полудомашней обстановке? Потому, видимо, и команд не подавал — хотел непринужденности, по сути, приглашал к беседе. Но ее не получилось. Не потому ли, что я рявкнул: «Товарищ старший лейтенант, по вашему приказанию сержант Варенников прибыл»? Сосны качнулись от моего «доклада». Какой уж тут непринужденный разговор! Ротный спросил у женщин — может, у них есть ко мне вопросы? Ясно, в это время надо было повернуться в их сторону, хотя бы взгляд перевести. Так нет же! Сержант «ел глазами начальство». У женщин вопросов, конечно, не было. Меня отпустили.

Захаров с «дамами» скрылся за КПП, а меня окружили курсанты, был и старшина. Все спрашивали: кто они? о чем говорили? Я в ответ вякал что-то очень невнятное. Больше всех меня расстроил старшина: «Эх, сержант, сержант! Как ты думаешь воевать, если даже с бабами не можешь справиться? Надо было сказать: «Товарищ старший лейтенант, разрешите проводить вас и ваших спутниц до калитки». Уверен, Захаров только этого и ждал. А ты? Действовал неправильно, точнее, бездействовал. Подвел роту, а ведь девчата хорошие».

Смеялись, галдели. И Дымерец тут как тут: «Товарищ старшина, если бы я был там, то не подвел бы». Старшина: «Это уж точно, но ротный, видя, что ты без противогаза, решил тебя не приглашать». Снова смеялись. А я, вспоминая этот случай, всегда ругал себя за неуклюжесть. Но одновременно появились и иные мысли: «Ведь война же! Как можно, кроме нее, о чем-то думать? Это нехорошо, даже цинично». Но другой голос твердил: «При чем здесь война! Человек должен быть самим собой, быть культурным, обходительным, тем более с женщинами…»

В июне пришел день выпуска. Построили, объявили приказ об окончании Черкасского военного пехотного училища. И о присвоении звания лейтенант. Внутри все пело. Казалось, вручен жезл командира для борьбы с врагом Отечества. Мало кто из нас в те минуты думал о том, что все только-только начинается. А для некоторых вскоре и закончится.

Старшина объявил порядок получения и подгонки офицерского обмундирования. Это заняло два дня. Когда

экипировались, все преобразились: обмундирование было хорошее, из темно-зеленого габардина; на ярких малиновых петличках красовались лейтенантские квадратики, их называли «кубарями»; офицерские ремни добротные — как любил говорить старшина, все чин чином. Смотрели друг на друга и радовались, но при встрече с лейтенантом Архиповым чувствовали себя неловко: он — лейтенант, я — лейтенант, но он учитель, а я ученик. К тому же разница в возрасте. Нам по восемнадцать-девятнадцать, а ему двадцать восемь.

И вот наступил исторический для нас день. Батальон построили на плацу, и командиры торжественно вручали — повзводно — удостоверения личности. Выступил комбат. Говорил коротко, но ярко, цитировал речь Сталина.

Через день начали отправлять на фронт — группу за группой. На третий день мы с Борисом Щитовым стали беспокоиться. Наших фамилий не было в списках. В чем дело? Мы — к старшине. Тот говорит, что все объяснить может один ротный. Едва тот появился, мы тотчас же задали свой вопрос. Но ротный заявил: от него ничего не зависит, все распределены, и мы в том числе. На этой неделе люди все разъедутся. Верно, к концу недели наш лагерь опустел. Но несколько человек из наших, и среди них заместитель командира взвода Абрамов, Щитов, Довбня и я, не получили назначения.

Лишь утром в воскресенье зачитали приказ: одиннадцать выпускников училища (в том числе семеро из нашей роты) отправлялись не на пересыльный фронтовой пункт, а в воинскую часть города Горького. И снова мы ринулись к ротному. Тот начал объяснять: это, мол, делают без его ведома. Потом проговорился: «Скажите спасибо, что хоть так решили, а ведь вначале кое-кого хотели оставить в училище». И посмотрел на меня. Я обозлился, но смолчал. Впрочем, расстались по-доброму, тепло.

Когда других провожали, не было подступающего к сердцу ощущения разлуки. А вот коснулось нас — и до боли жалко расставаться с училищем. Гнездо опустело: птенцы разлетелись, а война в разгаре.

В Горьком разыскали свою часть — первую гвардейскую запасную стрелковую бригаду. Гвардейская? Это приятно. А вот то, что запасная, — убивало. Фронт был нам нужен!

Наши казармы располагались на окраине города. Бригада готовила маршевые роты, имела школу по подготовке младших командиров. Меня назначили взводным в минометную батарею. У нас была трехмесячная программа подготовки; взводные сами составляли недельное расписание, утверждая его у командира батареи капитана Мельникова; сами, буквально по всем

предметам, проводили занятия.

Хорошо, что со мной был Боря Щитов. Его определили в соседнее учебное подразделение, но жили мы в одной комнате общежития. Друг друга поддерживали, подбадривали. Поставили цель — сделать все, чтобы отправили на фронт. Как? Пренебрегать нынешними обязанностями? Наоборот, максимально стараться и одновременно «штурмовать» командира части своими рапортами.

С капитаном Мельниковым все сложилось нормально, и он, видя мое отношение к делу, всячески поддерживал стремление попасть на фронт. Прошла неделя, другая. Послали первые рапорты. Нет ответа. Стали писать раз в десять дней — регулярно. Что на это скажут начальники? Одновременно требовали, чтобы принял командир части. К нам присоединился Довбня. На третий месяц — вызвал заместитель командира части, сказал, дескать, командование лучше знает, кого куда направлять, тем более в военное время. Мы ему нагрубили (так сказать, «отметились» — ведь на войну просимся!). Нас выставили, но не наказали. Через неделю капитан Мельников сообщил: его вызывал командир части, интересовался, хорошо ли я несу службу, как он, Мельников, смотрит на мою отправку на фронт; все его ответы были положительными. Я искренне поблагодарил.

После трех месяцев учебы был небольшой экзамен. Мой взвод отчитался успешно. Подавляющее большинство «выпускников» имели высокие оценки: стреляли — не хуже офицеров, управление огнем, знание материальной части — на высоте. Этому способствовало не только мое старание, но высокая общеобразовательная подготовка взвода.

В начале октября прошел слух — большую группу офицеров отправляют на фронт; вместо них прибывают офицеры-фронтовики из госпиталей — после излечения. Я попросил Мельникова «разведать» насчет меня. Через пару дней он говорит: «Кажется, добились своего. Включили в проект приказа для отправки на фронт».

Верно, 12 октября 1942-го нас с Борисом Щитовым вызвали в штаб, дали обходные листы. А через день вручили предписания: явиться на пересыльный пункт. Узнали даже, куда направят: Сталинградский фронт! Вот радость-то…

В те дни все только и говорили о Сталинграде. «Я им покажу, как надо воевать!» — так думалось мне тогда. Наивно? Конечно. Логика у восемнадцатилетнего парня была упрощенной, но, с другой стороны, и убедительной: «Если каждый боец и командир Красной Армии убьет по одному оккупанту, то немецко-

фашистские войска просто перестанут существовать… Во всяком случае, враг будет остановлен». Вот так — все мне было просто и ясно.

Позже, встретившись с реальной войной, а в зрелые годы многое изучив и прочитав, уже оценивал рассуждения той поры как прекрасный юношеский порыв — не более. Может, так и должно быть? Может, это абсолютно естественно?

Не стану пока на это отвечать. А вот о тогдашнем положении в стране надо сказать. Итак, война в самом разгаре, а что же народ? Как жил, что чувствовал? Верьте мне: он и вправду был единым. Такое чувство присутствовало у каждого из нас и прежде, до нападения гитлеровских войск, особенно остро два предвоенных года. Это могло быть только у народа, вкусившего истинную свободу: жизнь без эксплуатации, братство всех национальностей, многочисленные преимущества общественного и государственного строя. Отсюда — всенародное единство, небывалый прежде патриотизм, несгибаемая воля к победе; отсюда — массовый героизм в бою и труде; отсюда — неколебимый морально-политический дух народа. Если подойти с военной стороны, то каждый гражданин стремился быть в Красной Армии.

К слову сказать, она в сказочно короткие сроки развернулась по мобилизационному плану — в самом начале войны превышала довоенную численность в два раза. Из запаса были призваны 650 тысяч командиров. Кроме того, военно-учебные заведения в середине 1941-го перешли на сокращенные программы подготовки; при военных академиях открылись курсы для людей с высшим образованием; были созданы семнадцать курсов усовершенствования командного состава; в ряде военных округов возникли филиалы легендарного «Выстрела» (центральные курсы подготовки командного состава).

В каждой армии появились курсы младших лейтенантов. Это позволило уже во второй половине 1941-го выпустить 192 тысячи командиров и 94 тысячи политработников. То была сила! Военные училища из западных районов страны переброшены на восток. В начале 1942-го появились новые пехотные и пулеметно-минометные училища; впрочем, создавались и другие. Государственный Комитет Обороны постановлением от 17 сентября 1941-го «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» организовал подготовку всего взрослого населения — студентов, учащихся трудовых резервов, школьников старших классов. Это позволяло получать пополнение в армию и на флот — подготовленное, прошедшее курс первичного обучения.

Ставилась задача: в самые сжатые сроки создать мощное военное хозяйство, способное «питать» Вооруженные Силы первоклассной техникой, оружием. Задача очень сложная — ведь на основных направлениях шла эвакуация предприятий, но эта задача была решена. Сказались мероприятия, проведенные в предвоенные годы, максимально были использованы преимущества плановой, хорошо организованной социалистической экономики. Хозяйство страны встало на рельсы военного времени.

Весь 1941 год и два первых месяца 1942 года в плане перевода на военный путь были очень тяжелыми. А с марта — пульс экономики, уже наполненный реальной материальной силой, бьется вполне ритмично.

В любой войне противоборствующие стороны опираются на экономику страны, моральный дух своего народа, на его интеллект, науку, культуру, несомненно на уровень подготовки и оснащения армии, полководческое искусство и, наконец, на способность государства мобилизовать всех и все для защиты своей страны и разгрома врага. Несомненно, что все это особо наглядно выглядит, когда делаешь сопоставление. Мы тоже попытаемся это сделать. И, затрагивая только экономическую сторону проблемы, на этом фоне постараемся показать огромные преимущества социалистического общества над капиталистическим в мобилизации всех экономических возможностей государства для разгрома врага, для победы.

Исходным положением для этих рассуждений должно быть условие: все признают истину, что Великая Отечественная война (особенно ее начальный период) протекала в обстановке полного экономического преимущества Германии над СССР. Во всяком случае, суммируя все основные цифры за период 1940–1944 годы (с учетом ввоза Германией из оккупированных стран), мы получаем следующее:

№	Виды продукции	СССР	Германия	Соотношение
1	Электроэнергия (млрд. кВт. ч)	195,5	352,7	1: 1,8
2	Уголь (млн. тонн)	607,4	2924,0	1: 4,8
3	Сталь (млн. тонн)	63,7	162,6	1: 2,6

(«История Второй мировой войны 1939–1945 гг.», т. 12, с. 159).

Таким образом, мы видим явное количественное преимущество Германии в производстве основных видов. Однако, несмотря на это, в Советском Союзе смогли обеспечить производства, которые создавали вооружения значительно лучше, чем в Германии, и количественно, и качественно.

На первый взгляд это просто невероятно — но это факт! Уникальная экономика и слаженное военное производство плюс мощный военно-технический, интеллектуальный потенциал обеспечили ускоренное перевооружение нашей армии на суперсовременные виды боевой техники и оружия в ходе войны. Доля новых образцов достигла: в бронетанковом вооружении — 80 %, авиационном — 67 %, артиллерийском — более 80 %, в стрелковом — 42,5 %. Таких показателей не было и близко ни в одной воюющей стране. Разве в условиях частной собственности можно заставить собственника все отдавать на фронт? Нет, конечно. Он будет, несомненно, что-то делать, но так, столько и именно то, что ему выгодно. Мало того, некоторые из них вообще могут выехать из своей страны в безопасный район и выжидать там до лучших времен. В условиях социалистической системы такого не бывает.

Высокие показатели в производстве нового оружия объясняются не только общим уровнем нашей экономики, а именно ее системой.

Если взять два предвоенных года и все годы войны, то динамика производства основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции в Советском Союзе выглядела следующим образом:

Виды продукции	**1939 г.**	**1940 г.**	**1941 г.**	**1942 г.**	**1943 г.**	**1944 г.**	**1945 г.**
Электроэнергия (млрд. кВт. ч)	**43,9**	**48,6**	**46,7**	**29,1**	**32,3**	**39,2**	**43,3**
Нефть (млн. тонн)	**30,3**	**31,1**	**33,0**	**22,0**	**18,0**	**18,3**	**19,4**
Уголь (млн. тонн)	**146,2**	**165,9**	**151,4**	**75,5**	**93,1**	**121,5**	**149,3**
Сталь (млн. тонн)	**17,6**	**18,3**	**17,9**	**8,1**	**8,5**	**10,9**	**12,3**
Зерновые (млн. тонн)	**97,4**	**95,6**	**55,9**	**29,7**	**29,4**	**49,1**	**47,3**

(«История Второй мировой войны 1939–1945 гг.», т. 12, с. 161).

И все это может быть мобилизовано в интересах страны, т. е. в интересах всего народа.

Конечно, в 1942-м и частично в 1943 годах было падение общих цифр, но с конца 1943-го и особенно в 1944 году народное хозяйство стало быстрыми темпами возрождаться. Но самое главное — все шло для фронта, все для победы, чего не могла сделать Германия.

Приведенные в таблице показатели обеспечены высоким уровнем производства военной техники в годы войны. Об этом свидетельствуют следующие цифры:

Виды оружия и боевой техники	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г. первая половина	Всего
Винтовки, карабины(тыс. штук)	1567,1	4049,0	3436,2	2450,0	637,0	12 139,3
Пистолеты-пулеметы(тыс. штук)	89,7	1506,4	2023,6	1970,8	583,4	6173,9
Пулеметы всех видов(тыс. штук)	106,2	356,1	458,5	439,1	156,0	1515,9
Орудия всех видов(тыс. штук)	30,2	127,1	130,3	122,4	72,2	482,2
Минометы(тыс. штук)	42,3	230,0	69,4	7,1	3,0	351,8
Танки и САУ(тыс. штук)	4,8	24,4	24,1	29,0	20,5	102,8
Боевые самолеты(тыс. штук)	8,2	21,7	29,9	33,2	19,1	112,1

(«История Второй мировой войны 1939–1945 гг.», т. 12, с. 168).

Особенно ярко выглядят показатели роста за счет производства новой техники и вооружения по таким видам, как

пистолеты-пулеметы (т. е. автоматы) — в 6 раз, орудия — в 2,5 раза, танков и САУ — более чем в 4 раза, боевые самолеты — более чем в 2 раза.

Объясним некоторые цифры, которые идут до 1945 года со снижением. Количество, например, производимых винтовок снижалось, потому что им на смену шли автоматы.

Наш военный флот имел полное превосходство над флотом противника в Баренцевом, Балтийском и Черном морях. Естественно, на это оказали значительное влияние проводимые в то время флотами США и Англии морские операции в Северном и Средиземном морях.

Теперь можно взглянуть на таблицу производства важнейших видов военной техники в Германии тоже за такой же период, как у нас, т. е. за период с 1941 по 1945 годы (при этом в 1945 году — только первые четыре месяца), и затем сопоставить с нашими показателями, и особенно изменения в динамике.

Виды оружия и боевой техники	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г. первая половина	Всего
Винтовки, карабины (тыс. штук)	1359,0	1370,2	2275,3	2855,7	665,0	7926,0
Пистолеты-пулеметы (тыс. штук)	325,0	232,0	234,3	228,6	78,0	1098,7
Пулеметы всех видов(тыс. штук)	96,2	117,0	263,0	509,4	111,0	1096,6
Орудия всех видов(тыс. штук)	22,1	40,5	73,7	148,2	27,0	311,5
Минометы(тыс. штук)	4,2	9,8	23,0	33,2	2,8	73,0
Танки и САУ(тыс. штук)	3,8	6,2	10,7	18,3	4,4	42,4
Боевые самолеты(тыс. штук)	8,4	11,6	19,3	34,1	7,2	80,6

(«История Второй мировой войны 1939–1945 гг.», т. 12, с. 200).

Если сравнить производство военной техники и вооружения Германии с аналогичным производством в Советском Союзе, то можно легко убедиться, что по количеству произведенного стрелкового оружия, орудий, минометов, танков (и САУ) и боевых самолетов СССР значительно обошел военное производство гитлеровской Германии и ее сателлитов, поставлявших Германии сырье и готовую продукцию. Хотя возможности у Советского Союза были значительно ниже. Даже в сфере формальных цифр ситуация следующая: промышленность всей Европы, за исключением Великобритании, работала на Германию! Но ведь эта промышленность пустила глубокие корни еще в конце XIX века. А Советский Союз только в 30-х годах начал индустриализацию вообще и фактически только успел провести в жизнь одну пятилетку.

Вот так-то. И как глупо выглядят только вот на этом фоне все вымыслы и старания критиков социалистического способа производства, общественного строя Советского Союза.

А советский народ?! Он был единым не только на фронте и в нашем тылу, но и в тылу врага. Уже в первую военную зиму почти по всей оккупированной территории наши люди развернули борьбу с врагом. Если в первые дни и месяцы война в тылу противника носила характер стихийный, то к зиме — уже организованный. К весне 1942 года — завершилось становление партийного подполья и партизанского движения. Последнее управлялось Ставкой Верховного Главного Командования.

Естественно, в училище мы жадно ловили вести со всех фронтов и сами рвались в бой. Но вот закончились мои первые военные университеты в Свердловске и Горьком. Добившись «справедливости», наконец-то и я отправился на фронт. Меня распирало от гордости, хотелось кричать на каждом углу: «Я еду в Сталинград, я еду защищать Сталинград!» Но было и другое чувство — чувство горечи. Почему допустили немцев до нашей великой Волги? Почему?! Не мог я тогда всего понять… Тем более не мог не то что представить — даже знать всей суммы фактов. Но если бы они мне были известны, особенно данные по производству вооружения, — тем сложнее было бы объяснить прорыв врага к Сталинграду. Все-таки здесь, как выяснил я позже, имелись слабые места. И, может, связанные с нашей стратегической разведкой — прежде всего. Не это ли мешало Верховному Главному Командованию своевременно принимать необходимые решения? Именно это. Располагая достоверными

данными о возможных действиях противника, Ставка несомненно могла избежать харьковского поражения, что в свою очередь открыло путь немецко-фашистским войскам на Сталинград.

Но это уже рассуждения сегодняшнего дня. А тогда у меня была грандиозная перспектива — еду на фронт!

Часть II
Огни и воды. Парад Победы

Глава I
Сталинградская эпопея

Обстановка на фронте. Грезы и реалии. Берег левый, берег правый. «С корабля на бал». Все придавлено к земле, и «остров» 138-й стрелковой дивизии — тоже. Не знаю, как в аду, но здесь хуже. Впервые лицом к лицу с врагом. Не испытал еще, что такое отступать; не знал, как надо наступать; но вместе с другими оборонял Сталинград. Взводный — это не комдив и не командарм. Но и командарм, и комдив в Сталинграде — на положении взводного. Боевые профессора от Бога, особенно сержант Агапов, полковник Людников, генералы Чуйков, Еременко. Прозрение — на войне как на войне. Всеобщее ликование — Паулюс в клетке! А какая операция?! Нелепое ранение. Балашов. Аркадак. И снова сталинградская дивизия, но теперь уже — 35-я Гвардейская.

Мы с Борисом Щитовым ехали на фронт, и, хотя наконец свершилось то, чего мы добивались так долго и так страстно, на душе была тоска: под Москвой немцев разгромили, опыт побеждать уже есть, и вдруг — прорыв, и снова все доведено до катастрофы — враг вышел к Сталинграду. К Волге! Прорвался на полторы тысячи километров в глубь советской территории. Почему? Как это случилось?

Много у нас с Борисом возникало вопросов, а ответов на них не было. Даже приблизительных. Одни лишь предположения. Например, мы думали, что недостаточные разведывательные сведения не позволили своевременно сделать необходимые выводы. Плюс невыполнение отдельными командирами задач, которые перед ними ставились. Может быть, все это в комплексе и привело к тому тяжелому состоянию, в котором оказалась страна? Словом, сплошное гадание.

В то время многие, да что там многие — вся страна, подобно двум юным лейтенантам, думала о судьбе Родины. Но ведь сведений было крайне мало. Знали только то, о чем сообщалось в сводках Совинформбюро. Да еще «питались» слухами, а их, как известно, во все времена хватало. Лишь через десять лет, став слушателем Академии имени Фрунзе, я получил возможность представить все реалии трагической картины, сложившейся в 1942 году.

Страна находилась под впечатлением победы под Москвой.

Эта победа подняла дух на фронте и в тылу, и очень важно было закрепить позиции наших войск — отобрать у врага инициативу, лишить его возможности привести части в порядок после разгрома. Вот почему Военный совет Юго-Западного направления во главе с маршалом С. К. Тимошенко выступил в марте 1942 года с инициативой: подготовить и провести наступательную операцию силами трех фронтов — Брянского, Юго-Западного и Южного. Цель ее — разбить противостоящую группировку противника, выйти на рубеж реки Днепр, захватить несколько плацдармов и закрепиться на них.

Операция, весьма крупная по размаху, требовала немалых резервов от Ставки, а их в то время не было. План отклонили, тогда Военный совет Юго-Западного направления сократил масштабы операции — уже не требовалось больших дополнительных сил и средств. Но и этот вариант не поддержали. Однако под давлением члена Военного совета фронта Хрущева Тимошенко представил план проведения операции лишь в районе Харькова, и только силами одного Юго-Западного фронта. Замысел состоял в следующем: нанести два сходящихся удара, окружить и уничтожить харьковскую группировку врага, освободив город. Ставка согласилась.

Цель все-таки ставилась масштабная, стратегическая, но план операции таил в себе существенные недостатки. Самое уязвимое его звено — это район, из которого предполагалось нанести главный удар. Речь идет о Барвенковском выступе. Противник стремился ликвидировать его и считал это своей ближайшей задачей в летнем (1942 г.) наступлении. Немцы планировали нанести под основание выступа два встречных удара: с севера, из района Балаклеи, и с юга — из района Краматорска; общее направление — на Изюм. Могло ли это оставаться неизвестным командованию Юго-Западным фронтом, тем более — главкому направления? Вряд ли. Допустим, разведывательные данные на этот счет отсутствовали, но обычным аналитическим путем (одним взглядом на конфигурацию фронта) можно было сделать вывод о судьбе Барвенковского выступа, т. е. представить, как может в этом случае поступить противник.

12 мая 1942-го Юго-Западный фронт перешел в наступление. За три дня продвинулись на 20–30 километров. Однако, вместо того чтобы развить наступление вводом в действие танковых корпусов, продолжали медленно двигаться в прежней группировке. Лишь 17 мая — очень поздно! — были введены танковые корпуса. А противник в это время нанес два удара под основание Барвенковского выступа.

Военный совет Юго-Западного направления бьет тревогу:

чтобы удержать плацдарм, необходимы дополнительные силы! И Ставка выделяет эти силы, но подойти они смогут только 21 мая. Вечером 17 мая генерал А. М. Василевский, от имени Генштаба, предлагает Ставке остановить наступление Юго-Западного фронта, повернуть все силы против ударов противника по Барвенковскому выступу. Но Военный совет Юго-Западного направления настоял, чтобы наступление на Харьков продолжалось. Ставка отклоняет предложение Василевского. Однако 18 мая обстановка резко ухудшается, и Василевский повторяет свое предложение. Лишь 19 мая состоялось решение по этому вопросу. Но уже возникла угроза окружения основных сил Юго-Западного фронта. 23 мая противник взял в кольцо значительные силы — 6-ю, 57-ю армии и армейскую группу генерала Л. Бобкина. Ведя тяжелые бои, наши войска выходили из окружения в очень сложных условиях.

Подведем итоги: в результате просчета Военного совета Юго-Западного фронта мы понесли большие потери: Ставка лишилась накопленных за зиму и весну резервов; одновременно на Юго-Западном направлении образовалось весьма мягкое, уязвимое подбрюшье, что таило в себе большие опасности. Советское командование приняло решение перейти к обороне, но противник уже почувствовал слабость этого направления и не замедлил этим воспользоваться.

Проведя перегруппировку, немцы развернули наступление на двух направлениях — на Воронеж и на юго-восток, в сторону Кавказа. Им не удалось овладеть Воронежем, не удалось окружить основные силы Юго-Западного и Южного фронтов. Но уже к исходу июля враг занял Донбасс, вышел в большую излучину Дона, тем самым создав условия для дальнейшего развития наступления на Кавказ и Сталинград.

Эти неудачи обычно обходят стороной, когда ведут речь о прорыве немецких войск летом 1942-го на южном стратегическом направлении. Поэтому автор позволит себе подробнее остановиться на том, что ему известно.

У Ставки ВГК вызывало тревогу, что морально-боевой потенциал, приобретенный в победе под Москвой Красной Армией да и всем народом, стал таять под влиянием неудач под Воронежем и Харьковом, в Крыму и Донбассе. Это было крайне опасно. Вот почему Сталин издает приказ № 227, вошедший в историю под названием «Ни шагу назад!». По сути, он направлен против тех, кто считал, что, дескать, территория страны большая — чего же опасаться, если мы отступаем? В приказе перечисляются меры по укреплению боевого духа, дисциплины, подчеркивается необходимость бороться с трусостью,

паникерством. Командирам и политработникам ставится задача — обеспечить резкий перелом в ходе войны. Вот этот приказ: в нем суровая правда, непреклонная воля (даются только тезисы):

Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР

№ 227 от 28 июля 1942 года,

г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами… Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором. Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряя веру в Красную Армию, а многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей…

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории…

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советскою государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги… Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим

отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования…»

Далее в приказной части излагаются конкретные меры, которые предполагают «безусловно ликвидировать отступательное настроение в войсках», а также снятие с постов любых начальников и привлечение их к ответственности за неисполнение этого приказа. Предусматривается создание штрафных подразделений и заградительных отрядов.

Приказ заканчивается словами: «Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, штабах».

Народный комиссар обороны

И. Сталин.

Морально-психологическое воздействие приказа было огромно. Командиры разъясняли его суть, на конкретных примерах показывали: от выполнения этого документа зависит

дальнейший ход и даже исход войны.

Приказ Сталина появился в разгар первого этапа великой битвы, который начался 17 июля боями передовых частей 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта на дальних подступах к городу. Войска Юго-Западного и обессиленного Южного фронтов не могли задержать немцев, устремившихся в большую излучину Дона. Прорыв линии нашего фронта был особенно опасным. К середине июля он составлял на разных направлениях от 150–200 до 400 километров. Советские войска отошли к Воронежу, оставили Ростов-на-Дону, в нижнем течении противник форсировал Дон; это позволяло ему развить наступление на Кавказ и Сталинград.

Гитлеровский Генштаб откровенно отмечал: для них стало неожиданностью, что операция на юге разовьется так быстро и благоприятно; это навело на мысль — в короткие сроки отрезать Советский Союз и его Красную Армию от главного источника нефти — Баку, да и от других источников материальных ресурсов — тоже. Донецкая и днепропетровская промышленные базы захвачены, рассуждали гитлеровцы, хлебных районов Советы лишены, волго-уральская и сибирская базы не способны полностью обеспечить воюющую страну; «отключение» кавказской нефти еще больше осложнит положение страны и армии и полностью лишит способности сопротивляться. Да и нам было ясно: перекрыв поступление нефти с Кавказа, немцы создадут огромные трудности. Тут сомнений не было.

Враг создал две крупных группировки войск — группа армий «А» и группа армий «Б». В первую входила 4-я танковая армия, многие другие части, а главное — подавляющее большинство авиационных соединений. Задача этой группы армий — захват Кавказа, бакинского нефтеносного района, что отвечало общей стратегической цели. Группа армий «Б» состояла в основном из 6-й полевой армии и ряда других соединений. Здесь было значительно меньше танков и авиации. Эта группа армий имела, по мнению гитлеровского командования, второстепенную задачу — захватить Сталинград и перекрыть сообщение по Волге.

Забегая вперед, хочу сказать об одном важном моменте — увы, и его замалчивают историки войны. Немцы в то время еще владели стратегической инициативой, а нам требовалось навязать им свой план действий. Вот Советское командование и втянуло Гитлера и его генералитет в Сталинградскую эпопею, отвлекая тем самым от стратегической цели — бакинской нефти.

Когда группа армий «Б» встретила мощное сопротивление на первом рубеже обороны, то немцы были озадачены. Еще совсем недавно ее дивизии «перекачивались» на усиление группы армий

«А». И вот все изменилось с точностью до наоборот. Теперь дивизии передавались из группы армий «А» в группу армий «Б», имевшей своей задачей с ходу овладеть Сталинградом. Но не тут-то было! Паулюс, даже получив такого соседа, как 4-я танковая армия, не добился успеха. На протяжении четырех месяцев добивался и не добился. Сталинград оказался настоящей цитаделью.

Конечно, сейчас, сидя в кресле и не чувствуя биения пульса миллионных армий, легко рассуждать, говорить о каких-то просчетах: мол, тот не предвидел, а этот не учел… А ведь тогда на каждом, кто принимал решения, лежала величайшая историческая ответственность за предпринимаемые действия. Принимать решения приходилось в исключительно напряженной, доведенной до крайности обстановке. А от него, этого решения, зависела судьба не только одного сражения, а, может, и победный май сорок пятого…

И Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) добилась своего — немцы основные усилия сосредоточили не на Кавказском, а на Сталинградском направлении.

Доведись принимать решение гитлеровскому командованию, наверное, оно придерживалось бы первоначальной цели — захват нефтяных источников. Но вот сложилась реальная ситуация, связанная с ожесточенным сопротивлением Красной Армии в районе Сталинграда. Конечно, тут бы немцам ограничиться выходом к городскому рубежу обороны, не предпринимать штурмовых действий, активной блокады… Затем нагнать сюда побольше итальянских, румынских и прочих «союзных» соединений, чтобы прикрыть фланг группы армий «А». И тем самым создать благоприятные условия для разрешения основной задачи.

Естественно, что для прикрытия фланга и тыла группировки требовались соответствующие меры. Но все повернулось иначе: немцы побоялись втягивать свою группировку на Кавказ, не развязав узел у Сталинграда.

В Ставке ВГК приняли решение: в тылу советских войск создать Сталинградский фронт, построить несколько оборонительных рубежей — обводов вокруг города: внешний, внутренний и городской, проходящий по самой окраине…

Мы вынудили противника развернуть часть сил группировки и вести затяжные бои с отрядами 62-й и 64-й армий. А те, нанося гитлеровцам ощутимый ущерб, медленно отходили в полосу обороны фронта, передний край которой был в 120–130 километрах от Сталинграда.

23 июля… Немцы обрушились на правый — северный —

фланг 62-й армии Сталинградского фронта. На следующий день 4-я танковая армия гитлеровцев наносит мощный удар по левому флангу нашей 64-й армии — она оборонялась левее 62-й. Именно с этого момента и до конца Сталинградской эпопеи бои принимают предельно ожесточенный характер. Создается угроза окружения наших армий.

Начальник Генерального штаба А. М. Василевский, находившийся тогда в Сталинграде, организует и проводит мощный контрудар двумя танковыми армиями. Противник отброшен не был, но понес немалые потери и остановился, не выполнив своей задачи по окружению советских войск. В первой половине августа немцы вышли к внешнему оборонительному обводу города. 6-я армия Паулюса своим 14-м танковым корпусом прорывается к Волге севернее Сталинграда. Она отрезает 62-ю армию от других соединений фронта. И тогда армию передают Юго-Восточному фронту. Натиск гитлеровцев продолжается. 4-я танковая армия Манштейна, прорвав внешний обвод, добивается существенного успеха. 29 августа наша 62-я и 64-я армии отходят на средний обвод. Увы, удержать его не удалось — 2 сентября армии закрепляются на внутреннем оборонительном обводе.

Чтобы оказать помощь генералу Василевскому и командующим фронтами, в конце августа Сталин направляет сюда Г. К. Жукова — уже в ранге заместителя ВГК. Тогда, в очень тяжелое и ответственное время, Сталин лично занимался всеми деталями обстановки на этом направлении, не отходил от карт и телефонов. Одновременно дважды в сутки анализировал ситуацию на всем протяжении советско-германского фронта.

Вот выдержка из его телеграммы от 3 сентября 1942-го генералу Жукову: «…Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Могут взять Сталинград сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками… прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление, промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду…» (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг., т. 2, с. 438).

И требования Сталина были выполнены. Вот почему 62-й армии удалось удерживать противника на внутреннем обводе до 13 сентября. Затем наши войска вынуждены были занять оборону по городскому обводу. На этом заканчивается первый этап обороны Сталинграда.

Хотя врага здесь остановили, но положение оставалось крайне тяжелым. Чтобы удержать город, требовались дополнительные силы. И 13 сентября начинается второй этап

обороны города, который продлится по 18 ноября 1942 года. Бои шли вначале на окраине Сталинграда, а затем в самом городе. К 15 сентября поступает пополнение — около 20 тысяч личного состава. Плюс два танковых корпуса.

Немцы тоже увеличивают группировку своих войск: вначале с 38 до 69 дивизий (в августе), затем — до 80 дивизий (в сентябре). Соответственно группа армий «А», наступающая на Кавказ, уменьшается с 60 до 29 дивизий. Словом, неожиданно для самих немцев Сталинград, да и все это стратегическое направление стали центром борьбы. А для нас — битвой, от результата которой зависели дальнейший ход войны, судьба Советского государства.

Каким же был замысел дальнейших действий немецкого командования? Он заключался в следующем. Силами 6-й армии Паулюса немцы наносили два рассекающих удара по центру города: один — с запада на восток к Волге, второй — с запада на северо-восток. Плюс Манштейн своей 4-й танковой армией наносил удар по Сталинграду — с юго-запада. Считалось, так можно расчленить нашу группировку, уничтожить ее по частям и овладеть городом. Короче, выполнить поставленную задачу.

Наши войска — силами Сталинградского (справа) и Юго-Восточного (слева, куда входил и Сталинград) фронтов — обязаны были прочной обороной и контрударами измотать противника, не допустить захвата города и продолжать удерживать плацдарм на правом берегу Дона, нависая над группировкой противника с севера. Дальше — подготовить и провести контрнаступление, что особенно важно: не контрудар, а контрнаступление!

Такие вот указания дал Верховный Главнокомандующий на совещании в Ставке 13 сентября, в разгар самых тяжелых боев. Тут налицо его гениальное предвидение — что должно быть и будет дальше. И сделал он это тогда, когда судьба Сталинграда, а с ним и страны, висела на волоске.

Такой шаг можно сопоставить с решением Сталина провести 7 ноября 1941 года парад на Красной площади. Когда враг был уже у стен Москвы, Сталин не только не выехал из столицы, наоборот, демонстрировал свое присутствие в ней и максимально активизировал деятельность. Провел, например, этот исторический парад; воины и москвичи-ополченцы под его руководством отстояли Москву, разгромив в контрнаступлении захватчиков. Это был мощный военно-политический шаг.

Вот и сейчас под Сталинградом… Казалось бы, безнадежное положение, но Сталин думает не только о том, как удержать, защитить город, как остановить мощнейшего врага (судя по его

действиям, эта проблема уже решена), но и о том, как и что надо сделать, чтобы полностью разгромить захватчиков, перейдя в контрнаступление. Такое мог предвидеть и сделать только Сталин.

В соответствии с принятым решением, 62-я армия генерала В. И. Чуйкова обороняла северную и центральную часть Сталинграда. Проще говоря, противостояла 6-й армии немцев. А 64-я армия генерала М. С. Шумилова обороняла южную часть города, отбивала атаки 4-й танковой армии гитлеровцев. Передний край обороны — в 10–15 километрах от Волги. И вся эта полоса была насыщена войсками, каждая улица — рубеж обороны, каждый дом — крепость.

Подготовили рубежи обороны, опорные пункты и на островах Волги, на ее левом берегу. Здесь в основном — резервные части. 13 сентября 1942-го — памятный день… С рассветом по 62-й армии, после длительной авиаобработки, свыше 350 танков наносят два мощных удара. Противник к исходу дня вышел к заводу «Баррикады», овладел западной окраиной пригорода. Командный пункт В. И. Чуйкова в это время располагался вместе со штабом армии на Мамаевом кургане — это 2,5–3 километра от переднего края. Огневое воздействие на него было куда сильнее, нежели в любом другом месте, включая передний край. Артиллерия крупного калибра и авиация наносили удары именно по этому объекту. Тут все стало зоной их действия. И у командира взвода, и у командующего армией «комфорт» в Сталинграде был одинаковый. Генерал знал: если танки прорвутся, то почти тотчас будут на КП армии; тогда управление войсками рухнет, а это — катастрофа.

В ночь на 14 сентября КП 62-й армии переводится на северный берег речушки Царица, в штольню (раньше тут был командный пункт фронта). На Мамаевом кургане оставлен лишь наблюдательный пункт армии. Но уже 15 сентября враг захватывает его.

Чтобы укрепить 62-ю, командующий фронтом генерал Еременко передает из резерва в ее распоряжение знаменитую 13-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. Но как обеспечить переброску? Армия должна создать минимальные условия. И главное из них — продержаться еще немного на занимаемых рубежах. Вот что вспоминает Василий Иванович Чуйков в книге «Начало пути» (с. 99): «Сумеют ли бойцы и командиры выполнить задачи, которые казались выше сил человеческих? Если не выполнят, то свежая 13-я Гвардейская стрелковая дивизия может оказаться на левом берегу Волги в роли свидетеля печальной трагедии».

И войска армии выполнили сверхчеловеческую задачу — продержались, обеспечили выход резервной дивизии на правый берег! 13-я Гвардейская генерала А. И. Родимцева переправлялась под смертельным огнем — по частям. Уже 16 сентября 1942-го она отбила Мамаев курган. Но одна, даже героическая дивизия не могла коренным образом изменить обстановку. Командование перебрасывает в 62-ю еще три дивизии и танковую бригаду. А в это время противник прорывается к Волге — в стыке 62-й и 64-й армий, в районе Купоросного.

Общими усилиями — обороняющихся в городе и тех, кто был на флангах, особенно севернее Сталинграда — удалось удержать волжскую твердыню. А уже 19 сентября врагу нанесены контрудары силами 62-й и 64-й армий. Но немцы вводили все новые резервы. Сражение не имело пауз. В конце сентября лишь вокзал переходил из рук в руки тринадцать раз!

Учитывая упорное сопротивление в центре города, немцы переносят усилия на захват заводских поселков. Передний край проходил в двух километрах от командного пункта 62-й армии. С большим трудом проводилась переправа через Волгу. Если раньше эти районы бомбились авиацией и обстреливались артиллерией, то теперь они простреливались танками, орудиями прямой наводки, пулеметным огнем.

Конец сентября — начало октября… Тяжелейшая ситуация. Группировка наших войск, находящаяся севернее Сталинграда, уже не может активно действовать, тем самым помогая 62-й и 64-й армиям, поскольку начали готовиться к предстоящему контрнаступлению (о чем войска, ведущие боевые действия, конечно, не знали). Части, находящиеся в городе, могли рассчитывать только на собственные силы. Плюс поддержка авиации, впрочем весьма ограниченная.

Соотношение сил здесь — в пользу противника: личного состава почти в два раза, артиллерии — в 1,7, танков — почти в четыре, авиации — в пять раз. Немцам удалось захватить поселки заводов «Баррикады» и «Красный октябрь». Разгорелась борьба за сами эти заводы.

15 октября — после массированного налета авиации — враг овладел Сталинградским тракторным. Наши части стояли до последнего, немцы прорвались к Волге на участке в два с половиной километра, оставив горы трупов. Соединения, действовавшие севернее завода, были отрезаны от 62-й армии, их объединили в одну группу — под командой полковника С. Ф. Горохова. Она заняла круговую оборону в районе рынка, ведя тяжелые бои.

У 62-й иссякли все резервы, армия задыхалась. Командующий

фронтом передает в ее состав 138-ю стрелковую дивизию полковника И. И. Людникова. Именно в нее были определены и мы с Борисом Щитовым.

…Конечно, обо всех событиях, о которых я только что рассказал и которые предшествовали вводу в бой нашей дивизии, мы с Борисом или я, по крайней мере, узнали много лет спустя. Но мной описана вся эта обстановка с одной целью — показать читателю картину, которая сложилась к нашему приезду в часть.

Вопрос о направлении нас на фронт, как я уже говорил в предыдущей главе, решился в Горьком одновременно с отправкой нескольких маршевых рот. Мы погрузились на два речных парохода, предварительно сделав запас сухих пайков. Расположились на верхней палубе. Плыли без остановок. В следующую ночь прибыли в Камышин, выгрузились. Наши места заняли раненые, и судно ушло вверх по течению.

В городе сразу бросились в глаза «шрамы» войны: видно, бомбили его частенько. Вокруг много зенитных батарей. Никогда не забыть миг встречи с величавой Волгой. Нет, не зря о ней сложено столько песен и сказаний! Стоя на берегу этой красавицы, невольно сравнивал ее с родной Кубанью. Та — бурлящая, нервная, а Волга — спокойная, с достоинством, поражающая своими просторами и масштабами. Не река, а океан. Суденышки на ней кажутся игрушечными, а сама — как исполин, важная, могучая. Казалось, что у этой реки-великана нет дна. Когда говорят о России, первое, что приходит на ум, — Волга. Она — символ Отчизны. Она всегда была и остается святой. Как Родина. И к ней прикоснулся враг… Не прикоснулся — надругался: с кровью и смертью пришел на ее берега… Так думал я, и в сердце закипала лютая ненависть.

…На двух баржах с буксирами нас переправили из Камышина на левый берег, где уже стояли грузовики. Видно, такое случалось не первый раз — все было отлажено, и действовали четко, как часы. До наступления рассвета прибыли в пункт назначения. Там, как я заметил сразу, все вслушивались в далекий гул орудийных раскатов: он то усиливался, то стихал. А мы с Борисом Щитовым всматривались в солдатские лица — очень разные люди по возрасту, облику, национальности. Но была в этих лицах общая озабоченность и тревога — у тех, кто постарше, ее выдавали желваки. Бросалось в глаза, что все были молчаливыми, а если говорили, то вполголоса. Немолодой солдат, растягивая слова, сказал: «Эта бомбежка-утюжка знакома». И затянулся цигаркой. Курили махорку и самосад, с наступлением темноты курили «в рукав». Если кто-то нечаянно нарушит светомаскировку, немедленно окликнут, да еще бока намнут.

На протяжении всей поездки на машинах никто ни разу не закурил — нас строго предупредили на сей счет. Ехали мы километров 150, около пяти часов в сплошной темноте. Как могли водители справиться с такой задачей — до сих пор не понимаю! Правда, у машин сзади был постоянно включен стоп-сигнал; стекло максимально «пригашено» темной краской. На расстоянии 50–100 метров видно хорошо, а сверху вообще не видно. Разве что если только залететь в хвост колонне и пройти на бреющем полете…

Пока мы ехали, грохот боя не прекращался — это была ночь на 15 октября. По мере приближения к Сталинграду артиллерийская канонада становилась все громче. Как известно, именно тогда немцы старались развить удар от захваченного ими Тракторного завода. Делалось это в двух направлениях — на север, вдоль Волги, в сторону Спартановки и рынка, а также вдоль Волги — на юг, в сторону завода «Баррикады». Противник поставил цель — выйти 62-й армии в тыл, отрезать ее от Волги, окружить и уничтожить.

По истечении нескольких дней мы с Борисом уже ориентировались на слух, где разгорается бой. Исходя из этого могли предполагать, и почти безошибочно, когда «волна» докатится до нас.

Расположение частей 62-й армии, куда мы направлялись во второй половине октября 1942 года, было следующим.

На самом правом фланге — в районе рынка и Спартановки — оборонялась группа полковника С. Горохова. Дальше на север, до основных сил Сталинградского фронта, стояли немцы — 14-й танковый корпус 6-й армии. Они прорвались к Волге еще в августе и капитально закрепились. Ниже по реке, то есть южнее, находились тракторный завод, поселок и завод «Баррикады», поселок и завод «Красный октябрь» — это северная часть города. Затем — от Мамаева кургана, «дома Павлова» и мельницы — на юг шла центральная часть города. Здесь оборонялись главные силы 62-й. Хотя 14 октября Гитлер приказал на всех фронтах перейти к обороне, но сталинградского направления это не касалось. Это направление, наоборот, постоянно усиливали. 14 октября был один из тяжелейших дней. За сутки враг совершил более трех тысяч самолетовылетов. Зарево пожарищ, обрамлявшее город, было видно за десятки километров.

На рассвете 15-го мы прибыли в пункт назначения — чуть севернее поселка Бурковский. Прибывших разводили группами. Нас с Борисом Щитовым направили в разные полки 138-й стрелковой дивизии, расположенные по существу рядом, но все же нам пришлось расстаться. Тут мы распрощались, надеясь на

скорую встречу, но свидеться нам так и не пришлось. Мой друг и сокурсник Боря Щитов погиб еще на переправе. Об этом я узнал значительно позже, уже после Сталинграда. А тогда я все время думал о встрече, и Борис долго еще оставался для меня живым…

По прибытии в полк со мной на ходу поговорил начальник артиллерии, привел в батарею 120-миллиметровых минометов, представил командиру батареи и ушел. Тот долго меня рассматривал, потом спросил:

— Воевал?

— Нет.

— Я тоже — нет.

Вид у него был болезненный, бросалась в глаза желтизна на щеках. Командир приказал ординарцу вызвать сержанта Агапова. Тот оказался полной противоположностью комбату — плотный, краснощекий, лет сорока — сорока пяти сибиряк. Говорил Филимон Агапов медленно, весомо, ходил — не торопясь. Комбат сказал: «Это твой командир взвода… Сейчас он познакомится с личным составом, материальной частью, посмотрит коней, запасы, особенно мины. Нас предупредили — получен боевой приказ». Потом, обращаясь уже ко мне, добавил: «Ты, это самое (у него «это самое» повторялось почти в каждой фразе), приведи себя в полевой вид, а то как на параде».

Мы с Агаповым пришли во взвод, познакомились с бойцами. Был там еще один сержант — Серов Сергей, парень лет двадцати пяти из Арзамаса. Отслужив три года, уволился в запас, а потом был снова призван. Полтора года служил в запасной бригаде, в школе по подготовке сержантов. Сказал, что помнит меня. Он был здесь всего несколько дней, но уже обосновался и чувствовал себя старожилом. Да! Оказалось, на батарее из комсостава всего двое — комбат и я. Правда, сержанты — сильные, самостоятельные. Старшина батареи — тоже. Все прошли кадровую службу. Это радовало: нормальный психологический климат!

Осмотрев позиции, я увидел добротные блиндажи, аккуратные ходы сообщения. Неподалеку, в овраге — ниши для лошадей, минометов, там же сложены боеприпасы. И везде следы бомбежек. Поинтересовался, не было ли жертв. Сказали, что пока обошлось, но в полку погибшие есть. Светало, когда мы со старшиной и Агаповым пришли на вещевой склад полка. К тому времени там уже был список пополнения: мне без разговоров выдали все полевое — с головы до ног. И тут начался массированный налет на город…

Казалось, немецким налетам не будет конца. Зенитки захлебывались, обстреливая их. С полевых аэродромов — на малых высотах — врывались в воздушную схватку наши

истребители. Кто-то кого-то сбивал. Мы видели горящие самолеты, но нельзя было понять, чьи они. Услышал голос: «Вот как все обернулось… Разве думали, что дойдут до Волги?» Я обернулся — Агапов. Оставалось лишь успокоить подчиненного: «Это временно. Мы их непременно разобьем». Больше не знал, что говорить. А он мне снисходительно: «Ясно, разобьем, сомнений нет. Но зачем же пускать так далеко? Ведь, гад, до Волги дошел!» Я молчал, потому как был с ним согласен, но требовалось что-то сказать. Тогда Агапов сам пришел мне на помощь: «Сталин издал приказ «Ни шагу назад!», нам его читали несколько раз. И каждый раз я думал: этот приказ был нужен еще в прошлом году. Тогда бы не боролись с ними на Волге, а выясняли отношения на Эльбе…» Я согласился, спросив, кто он по специальности. «Учитель я, учитель. Педтехникум окончил, учил детей. Жизнь заставила — стал агрономом, затем — сел за трактор. А по натуре я учитель. Так и звали в деревне — «учитель». Мы все родом из Сибири, наши корни вокруг Абакана. Красивые места, сколько зверя, рыбы! Детишек у всех — пруд пруди. У меня четверо, у двух братьев по пять. У меня, правда, три девки и один Василек… Такой же, как и ты. Тебе сколько?» Кажется, я покраснел: «Скоро девятнадцать». — «Ну вот, считай, тебе отец. Не обижаешься? Ведь я по-доброму». — «А я и не обижаюсь».

Со временем у нас с Агаповым все образовалось: в присутствии других он обращался ко мне по уставу — «товарищ лейтенант» и на «вы», а когда оставались вдвоем, говорил: «Сынок, как ты себя чувствуешь? Есть хочешь?» Я был благодарен ему за благородство и внимание.

Над Сталинградом постоянно стояло, упираясь в небо, громадное черное облако. А с людьми, кажется, ничего особенного не происходило. Все получили личное оружие, а комсостав, кроме нагана, еще и ППШ (пистолет-пулемет Шпагина) с двумя дисками. Поэтому все были заняты прежде всего оружием.

Агапов показал мне набитый до отказа вещевой мешок.

— Что это? Шинель и обмундирование комсостава, в котором вы прибыли. Жалко ведь бросать…

— Но как втиснули в один мешок все это?

— Дело мастера боится… Пусть в обозе лежит на всякий случай.

Что мне оставалось? Я поблагодарил заботливого сержанта.

Утром 16-го стало известно: дивизию передали из 64-й в 62-ю армию, и ночью мы должны переправиться на правый берег. Вскоре командиры — до ротного и батарейного включительно — отправились мелкими группами на рекогносцировку. Наш

командир вернулся только к вечеру. Объявил: первым к переправе будет двигаться соседний полк, он уже ночью вступит в бой на той стороне; два других полка, в том числе и наш, к рассвету должны быть неподалеку от переправы и окопаться — в полный профиль.

С наступлением темноты двинулись в путь. Что в походе делает солдат? Или думу думает, или спит. Да, спит. Если, заснув, вышел из строя или свалился, ребята тебя сразу «поправят», подхватят. Возможно, кто-то решит, что автор здесь изрядно нафантазировал. Нет, это сущая правда. Другое дело, что прибегают ко сну на марше не всегда и не везде; к тому же не все одновременно спят. Ну, а в непосредственной близости от противника такое невозможно, исключено. К тому же наблюдателей за воздушным противником назначают специально; те же функции выполняют головные, боковые походные дозоры, да и наблюдатели непосредственно в подразделениях. А боевая жизнь показала: без такого сна обойтись нельзя, хотя распоряжений на этот счет никто никогда не отдавал. Во время похода можно быть в глубокой дреме, но организм все равно работает, зато сохраняются силы и бодрость. Автор, шагая от Сталинграда до Берлина, не раз спал в походе…

Что касается дум, здесь — у каждого свое: родной дом, семья, дорогие сердцу люди, а еще — что ждет солдата? В думах и мечтах человек может расслабиться даже на войне. Ведь это снимает напряжение.

…Так вот, наш полк двинулся. На протяжении всего марша — ни обстрела, ни бомбежек. Неужто пронесло? Правда, ночное небо бороздили самолеты неизвестной принадлежности. И все время где-то в районе Сталинграда ухало. Часа за три до рассвета услышали интенсивный артиллерийский обстрел, потом — ружейно-пулеметный огонь. Где? Оказалось, в районе завода «Баррикады».

— Наверное, наших засекли на переправе, — вздохнул Филимон Агапов.

— Может, засекли, а может, здесь всегда режим такой. Да нет, огонь прицельный — на поражение. Немец не жалеет снарядов и патронов, если засек, — пояснил сержант.

Я согласился, страстно желая, чтобы полку, который уже вел бой, повезло… Однако по мере продвижения стрельба усиливалась. Налетела авиация. Все грохотало. Казалось, какие-то гигантские жернова перемалывают всех и вся. И вот — берег. Огонь пожарищ отражался в воде так, что казалось, будто горит река.

Тут подразделения начали разводить по участкам,

артиллерия тоже заняла свою позицию. Сразу приступили к рытью окопов: сначала — для личного состава, потом — для материальной части и лошадей. Командир батареи сказал, что здесь низинка, и потому местность почти не просматривается с правого берега. Действительно, тут и земля была помягче, и сыростью тянуло.

Часа через полтора на нас обрушился шквал артиллерийского огня. Все попадали в окопы. Я оказался рядом с Филимоном. Огонь продолжался минут пять, потом все стихло. Говорю Филимону, что надо проверить, как наш личный состав, а он мне:

— Не торопись, погоди немножко…

— Чего годить? Может, кто-то ранен? Где санинструктор?

— Он у старшины.

Я вылез из окопа, окликнул сержанта Серова. Не успел тот выслушать приказ, как нас накрыл новый шквал огня. Била дальнобойная крупнокалиберная артиллерия, била точно по нашим подразделениям. Снаряды разрывались с грохотом и треском; некоторые перелетали через головы — очевидно, предназначались штабу полка. Я упал в окоп. Филимон, немножко помолчав, спросил: «Не зацепило?» И, не дожидаясь ответа, добавил: «Это ловушка. Немец специально делает небольшие паузы, чтобы мы вылезли зализывать раны. И в этот момент — новый удар… Понимаешь?»

Один из снарядов угодил в бруствер — и мы на некоторое время оглохли. Очухавшись, начали стряхивать с себя землю, не высовываясь. Через две-три минуты — новый, более мощный артиллерийский налет. Что тут скажешь? Я пришел к выводу: Филимон ясновидец. Снаряды ложились недалеко от батареи, но нас не накрывали. Мы полулежали, полусидели, смотрели в небо. Огонь опять прекратился. Филимон обронил: «Вот и приняли боевое крещение. Поздравляю, что живы. Смотри, лейтенант, что-то горит в тылах. Теперь надо ждать авиацию…»

Верно, в нашем тылу виднелось небольшое зарево. Горела машина или цистерна с горючим. Вскоре подошел комбат. Я уже проверил «свое хозяйство» — жертв и потерь не было, но пропал один солдат. Кто-то сказал, что он между первым и вторым налетами побежал в тыл, мол, у него там свояк на складе. Я спросил у сержанта, отпускал ли он его. Тот отрицал, добавив, что солдат недисциплинированный, мог уйти без разрешения.

Комбат приказал отыскать солдата. Одновременно проинформировал: головной полк полностью перебрался на ту сторону, уже ведет бой, кажется, комдив тоже на правом берегу. И еще: в полку есть потери, в том числе в батарее 76-миллиметровых орудий — снаряд попал в зарядный ящик.

Погибли двое, ранены пятеро, убиты две лошади, вышло из строя орудие. И опять комбат повторил: надо форсированно копать окопы — в полный профиль.

Проинструктировав людей, комбат отвел меня в сторону:

— Ты как стреляешь?

— Из нагана или ППШ?

— С закрытой огневой позиции из минометов…

— Нормально! А чем вызван вопрос?

— Меня призвали из запаса, многие навыки утрачены… Может, будешь со мной на наблюдательном пункте? А на огневой позиции оставим сержанта Серова, он отлично справится. Наблюдательный пункт уже готов. Нам дали проводную связь — сейчас заканчивают ее оборудование. Есть радиостанции, сильные аккумуляторные батареи. Да все в порядке! Соглашайся.

Не очень-то представляя, как будет осуществляться управление в бою, я согласился, в надежде, что потом во всем разберусь. Уже собирались отправиться, как вдруг послышались возгласы: «Воздух, воздух!» Со стороны города приближались самолеты. Шквал зенитного огня заставил немецкие самолеты подняться выше, один начал дымить. Все от радости закричали, запрыгали. Мне тоже хотелось кричать, но я, стараясь выглядеть солидным, бывалым, сдерживал себя. Комбат тоскливо-грустным взглядом провожал подбитый бомбардировщик…

Вражеские самолеты бомбили с горизонтального полета, разворачивались и уходили обратно. Бомбы были, очевидно, фугасного действия, поскольку взрывались очень глухо. Удары пришлись по переправам, островам и тылу. Потом появились наши истребители. Завалили еще одного «немца», но вслед за этим над нами пронесся горящий истребитель со звездочками. Комбат сказал: «Наши храбрые, но беззащитные. Пойдем на НП…»

Налет прекратился внезапно, как и начался. По мере приближения к берегу все шире раскрывалась панорама города. Я понял: Сталинград вытянут вдоль Волги — она основной, связующий стержень. Когда подошли ближе — сжалось сердце, — нормального города уже не было, остался один скелет, руины…

Пока двигались к наблюдательному пункту, старались рассмотреть в бинокль городские кварталы, развалины. На нас вдруг начали орать, чтобы не шли во весь рост. Неподалеку разорвался снаряд. Мы попадали на землю, а затем, перебежками, помчались к кустам, которые находились в стороне от наблюдательного пункта. Так, то перебежками, то ползком добрались до своего НП.

Там находились два разведчика и два связиста. Они сделали

небольшой блиндажик. Справа и слева, на удалении в несколько сот метров, располагались еще чьи-то наблюдательные пункты.

Связист доложил: несколько раз звонил начальник артиллерии полка. Комбат тут же перезвонил ему и получил нахлобучку, поскольку его длительное время не могут найти. Ему было велено навести на батарее порядок и в первую очередь всё замаскировать. К вечеру надо переправляться на правый берег, как условлено. Через час, добавил начальник артиллерии полка, быть на командном пункте первой переправы. Комбат, глядя на меня, ответил, что все будет исполнено.

Он раскрыл карту, отыскивая переправу номер один… В Сталинграде было практически невозможно найти что-то живое. Редко увидишь в бинокль перебегающего солдата. И вообще: такое впечатление, что стреляли камни. Комбат пошел к начальнику артиллерии.

Вернулся он только в середине дня. Вместе с ним пришел Филимон. Они принесли три полных котелка каши с тушенкой и хлеба. Все обрадовались «горячему явлению». Когда поели, командир батареи сказал: с наступлением темноты переправляемся на ту сторону вместе с первым батальоном — он справа. Вслед за нами пойдет группа управления командира полка, его наблюдательный пункт, включая начальника артиллерии. Со вторым батальоном переправляется батарея 76-миллиметровых орудий… Комбат договорился, что с наступлением темноты на НП подгонят паром с буксиром — мы погрузим «все хозяйство». Переправиться успеем раньше других, поскольку у нас обособленная переправа. А на той стороне надобно закопать всю материальную часть, привести в боевое положение минометы, определить основное направление стрельбы — строго на восток. И, конечно, отрыть для личного состава окопы. Радиостанцию включить на прием…

Выслушав начальство, попытался представить себе ситуацию. И не смог! Слишком много разных заданий — семь рук каждому требуется. Поглядев на комбата, предложил:

«Может, не надо суетиться всем вместе? Кому-то следует заниматься батареей, а кому-то — управлять огнем. Управление огнем я мог бы с отделением управления взять на себя…» Комбат просиял: «Именно так и сделаем».

4 октября Сталин дал приказ: каждый дом города превратить в крепость, и все были полны решимости выполнить его. Вдохновлял и его же, сталинский, приказ «Ни шагу назад!» — о нем в дивизии говорили ежедневно, и все — от солдата до комдива — были преисполнены одним желанием — не пропустить врага! И сейчас, зная, где проходит передний край,

мы нанесли удар по вражеским позициям с «надежным запасом», чтобы не накрыть своих. (Нам разрешили это сделать только в течение одной минуты.) Наши залпы пришлись на паузу и в немецком обстреле, и в действиях авиации. Мы с комбатом пожали друг другу руки, хотелось даже обняться. А минут через пять — звонок. Командиру был задан вопрос: «Кто стрелял?» «Мы стреляли по поселку завода «Баррикады». В телефонной трубке прозвучало: «Верно, по поселку, и очень удачно, вот если бы всегда так». Комбат: «Так и будет!»

Телефон зазвонил снова. На этот раз сержант Серов с огневой позиции жаловался: «Тут проезжал какой-то на коне, кричал, что, если будем стрелять, он подорвет наши минометы…» Комбат спросил: «А ты его не послал…?» Серов ответил: «Нет, не стал связываться».

Когда пал тракторный завод и немцы 15 октября вышли к реке, наши бойцы как будто озверели. Именно тогда я по-настоящему начал курить. Филимон меня все наставлял: «Ты, сынок, сильно не затягивайся, этого даже злостному курильщику делать не надо — втяни и выпусти. Это то, что надо. И нервы поостынут, и равновесие в душе восстановится». Он был прав. Когда напряжение достигает, кажется, предела, когда долго не ешь, затянулся — и сразу легче. Да, вредно курить, а табачок в бою все-таки нужен.

…Я отыскал командира первого мотострелкового батальона, представился: «По приказу комполка прибыл в ваше распоряжение от батареи 120-миллиметровых минометов». Усадив меня, комбат подробно рассказал, как будем действовать на переправе и о том, к чему должны быть готовы. Он прямо сказал: «Противник, конечно, засек наши действия и постарается сорвать переправу на правый берег. Все будет! Удары артиллерии, бомбежки, атаки танками и пехотой. Надо готовиться, чтобы с ходу — в бой. Все должны быть хорошо вооружены, иметь в достатке патроны, гранаты. Каждому надо взять как можно больше, сколько унесет. Вероятно, будут рукопашные схватки».

Предположения комбата оправдались.

В ночь с 16 на 17 октября на правый берег Волги, в район завода «Баррикады», переправился головной полк. Вместе с ним передовой командный пункт дивизии. А в ночь на 18 октября — основные силы дивизии, в том числе наш 650-й стрелковый полк (командир майор Печенюк). Первый батальон, с которым действовала моя батарея, переправлялся на нескольких катерах. Вода уже была студеная — один боец сорвался и упал в реку; пока мы его вытаскивали, сами вымокли. Левый берег периодически обстреливался. Катера без ходовых огней двинулись в ночную

тьму, а тут — немецкие самолеты. Прожекторы шарили по небу, зенитки, перебивая друг друга, ухали; немцы сбрасывали бомбы в основном по левому берегу, над ним висели осветительные бомбы, «поставленные» немецкими летчиками. Наши зенитки и пулеметы трассирующими очередями стремились сбить их, но это было сложно. Нам казалось, что мы — как на ладони.

Внутри все напряглось до предела. Вдруг мощный взрыв у соседнего катера — он шел левее, чуть ниже по реке. Когда водяной столб упал, мы увидели развороченную корму, беспорядочную беготню бойцов на палубе. Одни ослепительные бомбы гасли или сбивались, появлялись другие; картина потрясающая — город в ночном зареве пожарищ стоял, ощетинившись своими руинами; река, отражая городское зарево, превратилась в горящую кровавую массу. То, что двигалось по реке, бурлящей от взрывов, сохранялось лишь чудом. Многие, очень многие заканчивали свой путь в этой страшной пучине…

Небо — словно дно огромного перевернутого чугунного котла, пышет жаром. Под ним тяжело дышать, тяжело двигаться, давит, как пресс. На нашем катере ранило троих, остальные в порядке, но сам катер получил большую пробоину по правому борту, на уровне ватерлинии; эту дыру все время заделывали, вычерпывая из трюма воду. Филимон, как и все, не курил, но дышал тяжело, с хрипом — может, от большого напряжения? Мы стояли впритык друг к другу. И если в такую массу попал бы снаряд… Тяжело представить, что было бы. А главное — оказать помощь невозможно.

Наконец, берег. Пришвартовываемся к подобию причала. Бойцы быстро высыпали на дощатое покрытие, устремились к круче. Видно, каждому казалось: чем дальше от берега, тем меньше опасность, а ведь фактически они приближались к врагу.

Оказалось, на берегу нас ожидали! Мы тут же пошли в глубь позиции. Вместе с комбатом бежал человек в плащ-палатке. Он все время торопил, это был заместитель командира полка. Раскрыв карту под плащ-накидкой, он стал растолковывать комбату, какой район тот должен занять. Над картой тускло посвечивал фонарик. Сюда стали сходиться командиры рот, но вдруг — уже в который раз! — артобстрел, бомбежка. Укрылись в развалинах. Бомбы падали близко. Парадокс: оставалось искать спасение в сближении с противником, точнее, в непосредственном соприкосновении с ним.

Пыль и грохот от взрывов, падающих стен, густой дым — все было так, будто наступил конец света. Почему-то подумалось о Помпее.

Вскоре бомбежка утихла, но артобстрел продолжался.

Командир батальона накоротке поставил задачи ротным, затем, по моей просьбе, нанес мне на карту передний край, показал место, где будет его НП. Батальон стал быстро пробираться по развалинам вперед. По радио я проверил надежность связи с огневой позицией батареи, указал место нашего НП, основное направление стрельбы, определил время готовности ведения огня.

Наконец, добрались до НП командира батальона. Там был и комроты действующего впереди полка. В его роте после вчерашних боев осталось всего семнадцать человек. Он сказал нам, что как только наш батальон займет свое место, остатки роты он отведет…

Едва роты двинулись на свои участки, как в это время противник перешел в атаку. Не думаю, что он узнал о смене войск, а вот то, что выдвигалось подкрепление, ему было ясно: наблюдал.

Комбат разрывался, подавая команду — выдвинуться вперед, но мы уже видели: немцы, поливая все вокруг свинцом из автоматов, перебирались через развалины, шли во весь рост. Метрах в пятистах от нас стреляли два немецких танка и штурмовые орудия (разобрать в темноте, сколько их, было трудно). Я «подтянул» огонь нашей батареи к атакующей цепи, еще ближе, ближе. «Работала» также наша рота 82-миллиметровых минометов. Перенес огонь на немецкие танки. Впрочем, мина, даже и пудовая, ничего танку не сделает, а вот прямое попадание сверху на трансмиссию — это то, что надо.

Вражеские цепи приближались. Несли большие потери, но не ложились на землю, шли и шли на нас, хотя батальон вел шквальный огонь. Комбат продолжал «разрываться», подбадривая роты, потом дал команду: «Приготовиться к контратаке! Я с управлением — тоже!»

Филимон был рядом со мной. Он проверил автоматы, сказал, что все в порядке. Я следил за комбатом. Все собрались, словно для прыжка. Это было небывалое испытание. Мы видели, как отдельные фигурки бойцов впереди действующей роты стали отходить перебежками. Некоторые из них падали и не двигались. Гибли! Внутри все сжималось.

Комбат, выстрелив вверх из двух ракетниц, крикнул: «В атаку, вперед!» — и связисты на радиостанции продублировали команду. Мы быстро побежали вперед. Почему-то каждый сутулился. Противник открыл огонь по нашей жидкой цепочке из пулеметов и автоматов. Но роты уже поднялись. На правом фланге раздалось «ура!». И вот уже по рядам покатилось это короткое, волшебное, вдохновляющее слово… Мы тоже орали

«ура!», подбадривая себя и других. Это длилось недолго, но тогда и миг казался долгим, как вечность. Первым из нас упал начальник штаба батальона, бежавший немного левее меня. Сначала он приостановился, а потом упал на спину, широко разбросав руки, будто хотел оттолкнуться от земли. К нему бросился ординарец. А мы, до хрипоты крича «ура!», бежали, бежали, бежали.

Потом открыли беспорядочный огонь. Через несколько мгновений немцы залегли, не войдя в соприкосновение с нами, и открыли огонь. Мы залегли тоже.

Комбату разбили автомат, его ранило в левое плечо. Он стоял на корточках за обломком стены и кричал: «Ложись! Стрелять прицельно!» Я понимал, дальше не продвинуться, но чувство удовлетворения все же было: мы остановили врага! Вряд ли от моей стрельбы был результат, когда шли в контратаку, но позже, когда залегли, я снес двух фрицев, это факт. Да, впервые в жизни я убил. Нет, слово «убил» несовместимо с тем, что происходило. На нашу страну напал враг, чтобы уничтожить миллионы соотечественников, остальных — поработить. Значит, если не мы — их, то они — нас. Вот и весь сказ. Убивать фашистов — это долг перед народом и Отечеством.

Комбат по радио приказал окопаться, постоянно вести прицельный огонь. Командир полка утвердил его решение закрепиться на достигнутом рубеже. Но место у нас было очень плохое: следовало выдвинуться вперед или отойти. Посоветовались с командиром батальона, он отдал ротным распоряжение — оборудовать наблюдательные пункты так, чтобы просматривался боевой порядок своих подразделений, передний край и ближайшие позиции противника. Дальше: личному составу зарыться как можно глубже и постоянно быть готовым к отражению атак немцев. Потом переключился на тыл, «крестил» на чем свет стоит… За что? До сих пор не принесли в роты горячей пищи. А мне подмигнул: «Это я для профилактики. Скоро рассвет, а они чешутся…»

Еще он сказал мне, что наша батарея выполняет задачи уверенно. Не только мастерски ведет огонь, но вместе с батальоном ходит в контратаки. Вообще-то он так говорил, кажется, по одной причине — чтобы больше старались.

Я проверил наши возможности огнем. Мины ложились туда, куда положено. Огонь противника то несколько усиливался, то угасал. Мы перебежками и ползком добирались до нашего НП. А вот когда стали подводить итоги, пришла пора печали… Только погибших в батальоне — сорок два человека (запомнил, поскольку дело происходило в 1942 году), среди них четыре

офицера. Погибли командир левофланговой роты, начальник штаба батальона и его ординарец — хотел помочь своему командиру, но рядом разорвалась мина, и его раскромсало.

Раненых было почти в два раза больше, но многие не считали себя таковыми, например, командир батальона: касательное осколочное ранение, а он ограничился перевязкой, сделанной ординарцем.

Филимону посекло всю плащ-накидку, осколком легко ранило в бедро. Он водкой обработал свою рану, мастерски ее забинтовал, в общем сам привел себя в порядок, сказав, что не хочет отправляться в тыл. Видно, пример комбата повлиял. Но возможно, и без этого примера он остался бы в строю.

А ведь бои для нас только начинались — было о чем задуматься. Командир батальона, долго молчавший, вдруг сказал: «Если так будем воевать, нас хватит на несколько часов… Сейчас в атаки ходить нельзя. Надо зубами держаться за этот рубеж. Зубами! И не рисковать людьми! Зарыться, поставить противопехотные мины и бить их, бить беспощадно…» Мне понравилось сказанное комбатом. Его авторитет, кажется, еще больше вырос, когда он провозгласил: «А вот и наша каша!» Командир хозвзвода принес с двумя бойцами термосы. Мы повеселели.

Еда заняла минут 10–15. Водку не пили, комбат сложил фляги в вещевой мешок, где уже было несколько буханок хлеба, и объявил: Это «НЗ». Затем, поблагодарив за обед, начал названивать «вниз» и «вверх» — в роты и командиру полка. Первым еще раз напомнил, что надо хорошо окопаться, так построить систему огня, чтобы все подступы простреливались. А командиру полка, доложив о потерях, напомнил, что целесообразно забросить побольше боеприпасов, и попросил прислать саперов для постановки мин на всем фронте батальона. Еще просил прислать радиостанцию, поскольку одну из имевшихся двух разбили.

Потом, предупредив меня, чтобы следил за обстановкой и открывал огонь при малейшей опасности, отправился в роты.

Ночь кончалась, небо немного посветлело. Я обстоятельно поговорил с командиром батареи: доложил обстановку, посетовал, что «огневики» (расчеты) медленно выполняют команды, когда идет корректировка огня; но похвалил их за меткость. Попросил с первой оказией передать запасные аккумуляторы для радиостанции. Еще сказал, что с рассветом немцы обязательно возобновят атаки.

И тут неожиданно подумал о себе. Как же я остался жив? Нет, страха не чувствовал. Это презренное чувство приходило ко мне

не один раз, но то было уже значительно позже, во времена, далекие от Великой Отечественной… Случалось это несколько раз в Заполярье, когда мог бесславно погибнуть, замерзнув в снежных сопках. Или в Сирии, Анголе, Эфиопии, но прежде всего в Афганистане, где находился на острие военных действий. Конечно, могли захватить заложником, взять в плен с последующими тяжелейшими экзекуциями, о которых знаю от других. Да, это страшно! Не раз спрашивал себя: а сам ты готов к мучительной смерти? И знаете, глядя на обезображенные трупы соотечественников в Афгане, не находил ответа.

А ведь в такие минуты представляешь весь ход истязаний: вот собрались люди на центральной площади городка, вот приводят жертву, говорят о нем все самое плохое, к чему тот не имеет никакого отношения, плюют на него, бросают камни, бьют плетью или палкой, но не убивают. Для палачей это — наслаждение, оно длится часами. Затем приступают к главному: с жертвы крючками сдирают одежду, отрезают уши, язык, нос, потом распарывают ножом живот… Нет! Нельзя описать, как вываливаются голубые с прожилками кишки, а человек поддерживает их руками, стараясь втолкнуть обратно…

А эти новоявленные инквизиторы, после всех истязаний, четвертуют свою жертву. У окровавленного обрубка выкалывают глаза, рубят голову. Наконец, оставшееся от человека бросают в огромный костер, бушующий неподалеку. Подобные расправы были в 1988-м в Афганистане, в провинции Ургун. Так умирали наши офицеры-советники. Судя по рассказам очевидцев, с ними поступили именно так, как рассказано. Я видел эти изувеченные тела погибших.

Помню, однажды я со специальным отрядом вылетел в провинцию Ургун на вертолетах. Одновременно подтянул туда же воинскую часть афганской армии. По мегафонам на местном языке было многократно сказано: «Верните наших офицеров!» На следующее утро нам подбросили четыре обгоревших трупа без рук и ног…

Да, все это было, но значительно позже.

А в Сталинграде об этом не думалось. Не было, впрочем, и бесшабашных действий. От юношеского запала: «Я покажу, как надо воевать!» — осталось рациональное зерно, шелуха улетела; мне стало ясно, что рвение необходимо, но оно должно сочетаться с разумом, беспечности здесь нет места, и понять это помог Филимон.

В октябре и до середины ноября немцы фактически почти каждый день (иногда и по нескольку раз) атаковали. Но массированные атаки и с танками закончились навсегда.

Короткая передышка, потом снова гул орудийных выстрелов, пулеметных очередей, огненные всполохи, дым, гарь… К нам, в окоп командно-наблюдательного пункта, прыгнули три человека, а еще пять-шесть побежали куда-то левее, в сторону переднего края. Вернулись только командир батальона с ординарцем, а с ним лейтенант, ставший начальником штаба батальона. Комбат сказал: «Новый начштаба, знакомьтесь». Познакомились. А тут как раз по батальону — мощный артналет противника. Одновременно враг «сыпал» бомбы по огневым позициям на берегу.

Зуммер телефонного аппарата — словно комариный писк. Как расслышать его в грохоте? Комбат расслышал. Командир полка предупреждал о возможной атаке сразу после артналета и бомбежки. Он приказал немедленно сосредоточить огонь минометов по передовым подразделениям врага. Мы стояли рядом, все слышали, но комбат повторил сказанное командиром — для нас.

Я связался с командиром батареи, доложил о полученной задаче. Он сказал: немецкая авиация уходит, появились наши самолеты — они готовы вести огонь батареей. Я начал пристреливать репер. Было очень сложно — видимость почти нулевая, сплошной дым, но все-таки свой разрыв «ухватил», подал команду, чтобы дали батарейную очередь. Оказалось, нормально.

И вот дождались! Немцы выскочили из укрытий, пошли в атаку. Открываем ураганный огонь: фашисты падают, но идут, стреляя на ходу. Потом выползли их танки, это были именно танки, а не самоходки, как мне казалось; их отлично видно — бьют по нашим огневым точкам… Не имея эффективных средств борьбы с ними, мы ослепляли их дымовыми минами. Созданное конструктором Дегтяревым противотанковое ружье — ПТР — только в сентябре 1942 года пошло в серийное производство. У нас их еще не было.

Немецкие танки и пехота двигались вперед. Наш огонь достиг апогея. Командир батальона убеждал комполка нанести по атакующим огневой удар артиллерийским дивизионом. Тот обещал сделать это. Тем временем наша батарея успела перестроиться, и перед немцами возник заградительный огонь дымовыми минами. Погода тихая, ни ветерка, лишь легкое дуновение в сторону противника. Трудный для гитлеровцев момент! Они стали шарахаться из стороны в сторону, залегать. Через мгновенье по радио команда: «Приготовить гранаты!» И вослед еще: «Гранатами огонь! Ура! Из окопов не выходить!» Комбат кричал по радио для всех одновременно: «Огонь, огонь! Бейте гадов! Ура! В контратаку не переходить!»

Атаку отбили. Мы торжествовали. Комполка похвалил комбата за «ура» в окопе. Сказал, что полк устоял на своем рубеже.

Я вдруг почувствовал: холодновато! Когда шел бой, не обращал на это внимания. А только напряжение спало, организм вошел в обычный ритм и выдал нормальные сигналы. Почему-то подумалось, что у порога уже вторая военная зима, а конца войне не видно. На душе было тоскливо от таких мыслей, но это чувство перекрывалось другим — мы обломали немцу зубы, хотя на него и работает вся Европа! Конечно, мне, лейтенанту, как и любому солдату, видно далеко не все, но сталинское «Враг будет разбит, победа будет за нами!» — это не миф, а реальность, которую творили фронт и тыл, солдаты и командиры — все мы, в том числе и в окопах Сталинграда. Именно там реальность нашей грядущей победы становилась осязаемой…

Все 79 дней и ночей, выпавшие на мою долю здесь, в Сталинграде, были, несомненно, тяжелейшим испытанием. Не знаю, что такое ад, но уверен: даже учитывая, что там черти варят всех в котле со смолой, эти бои были тяжелее. Когда атака отбита, можно немного порассуждать, погрызть сухарь, закурить. Есть возможность пополнить боеприпасы, пообщаться с товарищем. Можно даже «попутешествовать» из окопа в окоп, но глаза и уши все время в напряжении…

Всю вторую половину октября — с момента ввода в бой нашей дивизии и до первых дней ноября — мы были в сплошном пекле. Передний край постоянно «дышал»: то противник нас потеснит, то, неся потери убитыми и ранеными, мы отбиваем свои прежние позиции. Но 11 ноября вражеский удар был такой мощи, что левофланговый полк отошел, истекая кровью. Немцы прорвались к Волге.

А было это так. 7 ноября — в день 25-й годовщины Великого Октября — фашисты решили преподать нам урок. Сначала обрушили огонь своей артиллерии. Потом — нескончаемые налеты авиации. 9 ноября, правда, было несколько полегче, но уже на другой день массированные налеты авиации повторились. Мы тоже не молчали, но самолеты немцев непрерывно «висели» над нами, не давая поднять голову. Только 10 ноября увидели два сбитых немецких бомбардировщика на той стороне. 11-го еще один подбили над городом. Он задымил, сбросил бомбы, снижаясь, потянул к аэродрому. Тут бы нашим зенитчикам ударить, но где они? Истребителей тоже не видно… Это пугало: неужели выдохлись? И немцы прорвались.

Дивизия пыталась ликвидировать прорыв немцев к Волге, но успеха не имела. Да, произошла трагедия. Гитлеровцам удалось

сосредоточить на узком участке очень крепкий «костяк» и буквально продавить им наши войска, захватив небольшой участок берега. Держались они там намертво. А нас севернее по реке отрезали от группы полковника Горохова. Проще говоря, отсекли от главных сил 62-й армии. Мы оказались фактически на острове. Позже дивизию называли островом Людникова — по фамилии командира дивизии.

Я все думал о Борисе Щитове: как он там? А его давно не было в живых. Шел снег, чувствовалось, что Волга скоро «остановится». А мы — на острове. Нам нужны боеприпасы, продовольствие. Наверное, обо всем позаботятся наши командиры, не дадут пропасть. А еще позаботятся, чтобы обязательно соединились с главными силами армии. Разве знал я тогда, что в сентябре, и особенно в октябре и ноябре, Ставка ВГК интенсивно готовила грандиозную операцию по окружению и уничтожению Сталинградской группировки немцев? Выход к Волге, пожалуй, последнее, на что был способен противник.

Наше контрнаступление готовилось в ходе оборонительной операции. Это была вершина военной теории и практики. Тут и накапливание как оперативных, так и стратегических резервов с одновременным решением задач удержания важнейших рубежей; тут и использование этих резервов — свежие силы вливались именно туда, где готовились главные удары; наконец, уникальные мероприятия по сохранению в тайне готовящегося удара. Даже гитлеровский генерал Йодль говорил: самый крупный провал немецкой разведки в октябре — ноябре 1942 года связан с тем, что она прозевала сосредоточение крупных сил русских на флангах 6-й армии Паулюса. Только вдумайтесь: произошло окружение вражеской группировки численностью в 330 тысяч человек! Одновременно создавалось внутреннее кольцо окружения — неумолимо сужалось. А внешнее кольцо окружения — стремительный разгром противостоящих войск противника и отбрасывание их за 150–200 километров от Сталинграда.

Иначе говоря, план операции не оставлял надежд на деблокирование. После отказа капитулировать — рассечение группировки, уничтожение, пленение… Одновременно с планированием операции группы фронтов под Сталинградом предусматривалось проведение наступательных действий на Западном и Кавказском стратегических направлениях. Цель — сковать силы немцев, сорвать их маневр по оказанию помощи своей группировке в Сталинграде. К тому же на всех основных направлениях свою деятельность максимально активизировали партизаны. Таков был план Ставки ВГК.

После прорыва 11 ноября немцев к Волге к нам зачастили —

обычно по ночам — из штаба полка. Проверяли, как идет «инженерное оборудование позиций». А фактически вся наша «инженерия» заключалась в складывании из обломков бетона или кирпичей окопов, ячеек для стрельбы, ходов сообщения между ними и в тыл; установке на танкоопасных направлениях мин. Приходили несколько раз командир полка и начальник артиллерии. Предупреждали: противник может возобновить активные действия, надо быть готовыми к отражению атак.

18 ноября у нас, на командно-наблюдательном пункте батальона, опять появился начальник артиллерии. Объявил, что я назначен командиром батареи (заболевший комбат отправлен в госпиталь); скрупулезно уточнил огневые задачи на 19 и 20 ноября — речь шла о подавлении батарей противника. Это удивило, даже насторожило. Нам никогда не ставили задач на подавление батарей противника. В разговоре активно участвовал командир батальона. Он прямо сказал: «Почему ставится задача только на завтра и послезавтра? Что, кончается война? А вдруг уже сегодня объявятся новые цели и потребуется их уничтожить?» Тот чему-то улыбнулся и уклончиво сказал: «Конечно, сегодня вы решаете огневые задачи, но завтра и послезавтра — особенно важно». Сказав так, пожал нам руки, похлопал меня по плечу, еще раз хихикнул и быстро пошел по ходу сообщения. Озадаченные, мы гадали — что за игры?

Через час позвонил компполка: сказал, что требуется повышенная бдительность. Комбат стал названивать ротным. У тех обычные вопросы: «Ожидается атака? Когда? Ночью или на рассвете?» В разговоре с одним говорливым ротным комбат выругался, посоветовал сходить к немцам и спросить, а потом рассказать ему. И добавил пару крепких слов.

Среди ночи опять звонок компполка: обстановка? Доложили. Наша тревога достигла апогея. В чем дело?

Было холодно. В блиндажах установлены буржуйки, тусклым огнем тлеют тряпичные фитили в гильзах от зенитных снарядов. Мы с Филимоном вскипятили чай в котелке. Пока пили его, дремота совсем прошла. Филимон начал философствовать на житейские темы.

В 7 часов 19 ноября позвонил начальник артиллерии полка старший лейтенант Струлев и назвал три цели — по ним батарея должна в 7.40 открыть огонь. Поочередно, пять минут по каждой. Затем — пауза в десять минут и еще раз такой же заход по всем трем целям. Я сказал, что задача ясна, отдал необходимые распоряжения. И пошел к комбату. Тот сообщил: говорил с «батей» (так называли комдива Людникова), он велел ждать важных сообщений.

Оказывается, Людников находился на командно-наблюдательном пункте полка. Звонил во все батальоны. А до этого был в соседнем полку…

Я доложил комбату о приказе начальника артиллерии, что, по-моему, порадовало его, поскольку он сказал: «Видно, должно произойти что-то очень важное».

Развязка не заставила себя долго ждать: 19 ноября 1942 года в 7.30 небо над Волгой внезапно содрогнулось от мощных залпов нашей артиллерии — начался второй этап Сталинградской битвы. Перешли в контрнаступление одновременно войска Юго-Западного и Донского фронтов. Ими командовали соответственно генералы Н. Ф. Ватутин и К. К. Рокоссовский. А 20 ноября подключился еще один фронт — Сталинградский, им командовал генерал А.И.Еременко. Кстати, членом Военного совета этого фронта был Н. С. Хрущев, а начальником штаба — генерал И. С. Варенников, с которым меня судьба в какой-то степени свяжет, хотя это был не мой отец, как некоторые считали, а однофамилец. Встречался с ним в 1965–1967 годах, будучи слушателем Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил. Но это, как говорится, совсем другая история…

Да! Еще очень важная информация: на нашем направлении находились генералы армии А. М. Василевский и Г. К. Жуков, о чем моментально стало известно всему личному составу. Это военным людям говорило о многом. И разве только военным? Народ привык видеть в них олицетворение спасительных шагов Ставки, да чего там — лично Сталина! Вот и на этот раз, узнав об их прибытии, все поняли: грядут большие дела.

Хочу — с позиций современных взглядов — показать лишь некоторые штрихи нашего контрнаступления. Штрихи, выделяющие эту операцию из множества других, о чем, увы, нет четких мнений. Прежде всего — о наших ударах. Они приходились по итальянским и румынским частям, прикрывавшим фланги 4-й танковой и 6-й полевой армии немцев. А те несли главную ношу — сражались в Сталинграде, севернее и южнее него; этого никому, кроме немцев, поручить было нельзя. Генералы Гитлера делали вид, что «цементируют» войска сателлитов немецкими частями, «подпирая» их, поддерживая в них боевой дух. Но несмотря на это, именно здесь были слабые участки. Точнее, самые слабые в группировке. Вот почему основной удар пришелся по итальянским и румынским войскам. Учитывая, что они находились на флангах — разбив их, можно было выйти в тыл вражеской группировке.

И время контрнаступления — вторая половина ноября — было выбрано оптимальное. Во-первых, наши части к этому сроку

будут полностью обеспечены всем необходимым. Во-вторых, стратегические резервы здесь уже созданы. В-третьих, погодные условия обещают быть благоприятными, а это важно и для авиации, и для артиллерии. Что касается бронетанковых войск, то мороз к тому времени сковал землю — проходимость была хорошей. Наконец, в-четвертых, наши войска были тоже готовы к проведению наступательных операций на Западном и Кавказском направлениях, а это лишит немцев возможности маневра силами и средствами…

Еще один момент — разновременность ударов Юго-Западного и Донского фронтов, начавших контрнаступление 19 ноября, и Сталинградского фронта, перешедшего в контрнаступление на сутки позже. Разновременность обусловлена особыми обстоятельствами. Два первых фронта, для усиления действий стрелковых дивизий, все-таки ввели в прорыв танковые и механизированные корпуса, а вслед — кавалерийские. Успех был обеспечен уже в первый день. То есть удар был просто сокрушительный.

Блестящее решение и блестящее действие. Что «светило» немцам? Окружение. Вот они и бросили свои оперативные резервы на угрожающие участки, оттянув их из полосы возможных действий Сталинградского фронта. Что и требовалось! Сталинградский фронт был не очень-то мощным, а противостоящая группировка оказалась весьма сильной.

Думаю, читателю интересно знать: в целом окружение немецко-фашистских войск под Сталинградом осуществлено фактически при равенстве сил. И в короткие сроки. До начала нашего контрнаступления стратегическая инициатива была в руках немцев. Все это что-то значит, не так ли?

Утром 20 ноября, вопреки прогнозам, в полосе Сталинградского фронта был туман. Проведение артподготовки и переход в контрнаступление здесь проходили по мере его рассеивания: 51-я армия начала действовать в 8.30, через два часа ее поддержала 57-я, а 64-я нанесла удар только в середине дня. Представьте, это тоже положительно сказалось на развитии успеха, потому что сами армейские удары не примыкали друг к другу. Что касается 62-й армии, то она вела сковывающие действия — все сводились к огневым ударам ее артиллерии…

23 ноября Юго-Западный и Сталинградский фронты замкнули кольцо окружения в районе населенных пунктов Советский и Калач. Это было величайшее событие. За весь прошедший период мы впервые окружили огромную группировку противника. В «котел» попали основные силы 6-й полевой и 4-й танковой армии немцев: всего 22 дивизии и 160 отдельных частей — бригад,

полков. Паулюс вносит своему командованию предложения по спасению окруженных войск. Руководство группы армии «Б» согласилось с его предложением, но Гитлер их категорически отклонил, приказав удерживать занимаемые рубежи: деблокада, мол, его забота. Действительно, для решения этой задачи создали новую группу армий «Дон» во главе с фельдмаршалом Манштейном. Она насчитывала 40 дивизий — две ударных группировки.

Ставка ВГК — согласно разработанному плану — форсирует наступление Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, создавая надежную защиту внешнего кольца окружения. А Донскому и Сталинградскому фронтам приказано: быстро ликвидировать группировку. Кольцо максимально сужается.

Немцы наносят удар из района Котельникова. Тогда мы приостанавливаем ликвидацию, чтобы парировать удар Манштейна. Наши войска преграждают путь фашистам, но тем осталось до соединения с группировкой каких-нибудь 35–40 километров. Авиация — с обеих сторон — постоянно «висит» в небе.

16 декабря немецкая ударная группировка собиралась перейти в наступление из района Тормосина. Но после авиационной и артиллерийской подготовки усиливается удар войск Юго-Западного и частично Воронежского фронтов. Однако Юго-Западный — остановлен. Ситуация критическая. Манштейн бросает в атаки свои последние резервы. И тогда Ставка ВГК вводит в сражение 2-ю Гвардейскую армию генерала Р. Я. Малиновского. Взаимодействуя с 51-й армией, она наносит поражение гитлеровцам, и наши войска вновь переходят в наступление.

К концу декабря немцев отбрасывают от окруженной группировки на 200–250 километров. Они бегут на Ростов.

Стратегическая инициатива полностью переходит в наши руки. В «котел» попали именно отборные немецкие части. Гитлер решил этими силами сковать значительную часть наших войск, не допустить их продвижения на запад. Окруженная группировка постоянно обстреливалась нашей артиллерией, «обрабатывалась» авиацией. Она была в тяжелейшем положении, быстро таяла; впрочем, «огрызалась», даже пыталась контратаковать. Однако воздушный мост, созданный Гитлером для обеспечения жизнедеятельности группировки, по-настоящему не разрешал ее проблем.

8 января 1943 года советское командование предлагает Паулюсу сложить оружие и сдаться. Всем пленным гарантировалось сохранение жизни, медицинская помощь,

нормальное питание. Паулюс доложил Гитлеру о полученном предложении, но тот категорически запретил капитуляцию. Паулюс ослушаться фюрера еще не мог, а до солдат советский меморандум не доводился.

Ставка ВГК была вынуждена приступить к ликвидации… Утром 10 января после артиллерийского и авиационного наступления наши атаковали; впервые в оперативном искусстве был применен огневой вал на глубину в полтора километра — подавлялось все, что могло сопротивляться; пехота продвигалась за огневым валом, фактически не неся никаких потерь… Ликвидацией группировки руководил представитель Ставки ВГК маршал артиллерии Н. Н. Воронов. Он же был «автором» огневого вала.

25 января 21-я армия ворвалась в Сталинград с запада, а 62-я, нанося удар с востока, соединилась с ней на Мамаевом кургане. Группировку расчленили на две части — северную и южную. А что делает Гитлер в это время? Представьте, присваивает Паулюсу высшее воинское звание — фельдмаршала. Может, рассчитывал, что тот уйдет из жизни как герой, став знаменем для немцев? А Паулюс 31 января вместе с южной группировкой капитулирует, сдается в плен; через два дня этому примеру последовала и северная группировка.

Командующий войсками Донского фронта генерал Рокоссовский и представитель Ставки ВГК маршал артиллерии Воронов доложили Сталину: завершилась величайшая из битв, известных истории. Это эпохальное событие! Весь мир следил за ходом сражения в районе Сталинграда, все знали — от него зависит не только судьба Советского Союза, но и многих других народов. Эта победа в 1943 году предрешила исход Второй мировой войны. Она навечно сохранится в памяти благодарного человечества.

Надо ли говорить, что все дни, часы и минуты Сталинградской битвы отпечатались и в моей памяти? И через десятилетия ясно помнятся «остров Людникова», 138-я стрелковая дивизия, наш полк, развалины завода «Баррикады»…

Когда 19 ноября началась артподготовка, тотчас позвонил начальник артиллерии полка: «Ну как? Слышишь?» — «Да, здорово». — «Теперь фрицам хана в Сталинграде, да и вообще…» Меня разрывало любопытство: «Мы-то что должны делать?» — «Твоя задача через пять минут открыть огонь по цели, которую я тебе дал. Затем — по второй, по третьей, после чего весь этот круг повторить…» Я продолжал приставать: «Наступать-то мы будем?» — «Будем, будем, только не сейчас. Сейчас — открывай огонь».

Проверил готовность батареи. Все нормально. «Новенький», так мы называли лейтенанта, которого перевели из минометной роты, спросил: «А что дальше будет?» — «Громить будем захватчиков. А сейчас — приготовиться к стрельбе». И началось…

С наступлением темноты командир батальона, взяв ординарца, помчался на наблюдательный пункт комполка. Только ушел, раздался звонок: «Где комбат?» Начштаба батальона ответил: «Отправился в роты». Приказ — немедленно разыскать, комполка ждет! Филимон, конечно, тут как тут со своей философией: «Думаю, пришло время всех фрицев зарывать живьем. В прошлом году копали могилы, а сейчас — зарывать, чтоб духа их проклятого не было». Над ним стали подтрунивать: «А рядовых за что? Ему приказали — он идет, не пойдет — шлепнут». Но Филимон не сдавался: «Да ты глянь на рыло фрица! Волчья пасть! Что он оставил после себя в Белоруссии? Ни детей, ни женщин, ни стариков — никого не щадил. Таких надо выжигать каленым железом! Вот и пришло время. Как они с нашими, так и мы обязаны! Иначе нам не простят…»

Таким разъяренным я еще его не видел.

Вернувшийся через час комбат весь светился от радостных мыслей. Подробно рассказал о переходе в контрнаступление Юго-Западного и Донского фронтов. Нависая над вражеской группировкой, они нанесли удар с севера на юг и юго-запад — прорыв осуществлен успешно. Этому способствовало мощное артиллерийское и авиационное наступление. Хорошо поработали танковые и механизированные корпуса — они развили успех. Прекрасно организовано их взаимодействие с пехотой. Передовые части, не ввязываясь в бои за населенные пункты, где противник оказывал сопротивление, обтекали их, устремляясь в глубину. Но — оставляли заслоны из резервов вторых эшелонов.

Слушали его с открытыми ртами, не перебивали, боясь что-то пропустить. У нас внутри все пело, играло. Ординарец комбата раздал кружки, стуча флягой (дрожала рука — волновался), разлил. Я понял — еще на обратном пути командир ему сказал: «Придем, нальешь всем по чарке». Комбат заговорил, в его голосе были слезы: «Дорогие мои! Пришло время, когда мы можем раздавить гада, приползшего на нашу священную землю. Никакой пощады! Очистим Родину от захватчиков! За нашу победу!» Мы сдвинули кружки.

Затем комбат отправился в роты, а я по телефону рассказал о новостях «новичку» — пусть передаст личному составу. Разумеется, его, как и всех, интересовало, будем ли мы — наша дивизия, наш полк — участвовать в наступлении. Ответил ему словами комбата: «Должны сковывать противника, чтобы не

маневрировал. А потом будем уничтожать… Все!» Мне самому было страшно обидно, что выпала такая роль — ох, как хотелось наступать… Успокаивало одно: война еще не кончилась, многое впереди, но ощущение, что «нас обошли», конечно, присутствовало.

Уже 20 ноября войска фронта перешли в наступление, нанеся (без нашей 62-й армии) удар в направлении Калача. Утром мы услышали ниже по реке канонаду, и сами тоже участвовали в огневой подготовке, но в наступление не переходили. Каждые два-три часа получали информацию о ходе боевых действий — это подбадривало.

21 ноября узнали: танкисты прорвались, двигаются к разъезду Советский. Два последующие дня прошли в тревоге и ожидании. Противник за это время нас трижды атаковал. И трижды мы его отбивали. Были и потери. Погиб разведчик — голубоглазый волжанин из Саратова, звали его Василек: размозжило голову осколком. Погибли два связиста — снаряд попал в окоп, те, кто был за поворотом, в траншее, отделались испугом и ушибами, а оказавшиеся в зоне разрыва — войну закончили. Филимон тоже получил ушиб левой руки — второй раз пострадал. Ушиб пришелся от локтя до кисти. Он стонал от боли. Усадили его поудобнее у печурки…

Вечером 23 ноября пришло сообщение: в районе Калача и поселка Советский войска Сталинградского и Юго-Западного фронтов соединились. Значит, гитлеровская группировка в районе Сталинграда — окружена. Мы знали: немец, если попал в окружение, будет вырываться на запад или северо-запад, в крайнем случае — на юго-запад, но не на восток к Волге. Он уже хлебнул этой водицы. А раз так, реальны два варианта: либо враг бьется до конца, либо, оставив небольшое прикрытие, но обязательно имитируя свою активность, главные силы выведет, чтобы провести операции по деблокированию. Поэтому надо постоянно наступать, точнее, создавать такую видимость, поскольку потери у нас большие, а пополнения не предвидится. Нельзя дать врагу вырваться.

Эти наши выводы, судя по всему, совпадали с выводами начальства. Именно в таком режиме закончился ноябрь, прошел декабрь — бои шли, задачи мы выполняли. Враг «активничал», значит, главных сил не снял. Активизировались фашистские снайперы…

Как-то в двадцатых числах у нас появился командир дивизии, вместе с ним — комполка и еще трое. Он вообще частенько бывал на передовой. Комдив, рассказывая об обстановке, отметил, что противник старается прорвать внешнее кольцо окружения, чтобы

соединиться с Паулюсом. Велел смотреть в оба. Комбат заверил «батю»: все будет в порядке. Потом добавил: «Товарищ полковник, зачем вы ходите по переднему краю? Здесь за каждым камнем снайпер. Тем более — в белом полушубке…» Людников улыбнулся: «Полушубок под цвет снега, он даже маскирует…» Затем, глядя на меня, добавил: «Я тебя еще раз поздравляю с назначением на батарею. Если хочешь, можешь написать отцу письмецо, адъютант передаст фельдъ-егерской связью». Я подрастерялся. Никак не мог понять, почему комдив предложил написать письмо отцу. Очень странно. Почему именно мне предложил? Поблагодарил, сказал, что сделаю это в следующий раз.

Если бы Людников ничего не говорил, а просто пришел, посидел, помолчал и ушел — это тоже было бы великим делом. Душа солдатская теплеет, чувствуя внимание.

Мои мысли прервал комбат:

— Ты что, гусь?

— В каком смысле?

Про себя подумал, что он, может, лишь сейчас рассмотрел, что я длинный и худой, особенно шея…

— Ты сыночек, что ли?

— Какой сыночек, чей сыночек?

— Именно тебе комдив предложил написать письмо. Никогда такого не было.

— Да я сам опешил. Ничего не могу понять…

— Ладно, подкрути усы кверху! Внимание персональное…

На этом, казалось, эпизод закончился. Что же касается усов, то они уже пробились, но закручивать было нечего.

Дня через два комбат, вернувшись от комполка, прищурил и без того хитрые глаза:

— Ты чего темнишь-то? Ведь сыночек же ты…

— Какой я сыночек?

Комбат вытаращил глаза:

— Пресвятая Богородица, первый раз вижу такого выродка — от своего родного отца отказывается, да еще на фронте. Я знаю все. Отец твой — начальник штаба Сталинградского фронта генерал-лейтенант Варенников Иван Семенович. Мне сейчас комполка сказал… А ты Валентин Иванович Варенников. Что молчишь?

Я опешил, не мог сообразить, что к чему. О генерале Варенникове слышал впервые. О командарме Чуйкове — знал. О командующем фронтом Еременко — знал, не говоря уж о Жукове, Василевском…

Придя в себя, выпалил:

— Так он хотя Иван, но Семенович, а мой отец Иван Евменович. И он — не военный. Генерал, очевидно, наш однофамилец.

Теперь уже комбат опешил:

— Ну и дела! А там (показал пальцем вверх) все думают, что ты сыночек. И удивляются, что в таком пекле, да еще не подаешь отцу никаких сигналов…

Мы расхохотались.

В 1985-м я встретился с «батей» Людниковым в Военной академии Генштаба. Он — генерал-полковник. Герой Советского Союза, руководил иностранным факультетом. А я был генерал-майором, слушателем этой академии. Мы смеялись с ним до слез, вспоминая мое «родство» с Иваном Семеновичем Варенниковым.

Но все это было потом…

Немцев в районе Сталинграда окружили, а тех, кто пытался прорваться, уничтожали. А мы сидели и гадали, уйдут фашисты или будут удерживать занимаемые позиции, пока их всех не перебьют. Нам необходимо это знать: требуются достоверные данные об их намерениях. Значит, нужен «язык». И добыть его должен я с напарником. Филимон для этой роли не подходит — тучный, да и рука у него болит. А вот разведчик Чижов в самый раз: небольшой, юркий, сообразительный, моего возраста. Когда я «созрел» для этого, решил поделиться замыслом с Филимоном…

Разговор сразу стал напряженным, недружественным. Он откровенно сказал: «На войне каждый должен заниматься своим делом. Если кому-то из нас взбредет какая-то фантазия и он начнет ее выполнять, то будет полный хаос. Инициатива? Да, необходима. Но только — когда улучшает положение, создает перспективу. А в этом случае — никакой пользы. Только вред: убьют немцы тебя и Чижика, закопаем вас обоих, напишем: «Погибли смертью храбрых». А фактически? По собственной дури. Кому нужен этот «язык»? Что знает немецкий солдат? Да ничего, кроме того, что он будет делать сегодня. И это источник информации? Смех один… «Гитлер капут» он тебе скажет. Если пойдешь с этой идеей к комбату, то я иду следом — полностью тебя развенчаю. Если тот тоже спятил, то звоню начальнику артиллерии…»

Меня это разозлило. Но выхода из сложившейся ситуации я не видел. К разговору больше не возвращался. Хитрый сибиряк! Все поливал свою руку водкой из фляги и приговаривал: «Сразу двух зайцев убиваю — руку лечу и наслаждение от запаха получаю. Сюда бы еще селедочку…»

Закончился декабрь. Встретили новый 1943-й. Выпили по чарке. Постреляли. Немцы о чем-то галдели. Иногда с их стороны

слышна была музыка губной гармошки.

Вскоре пошли толки, что начнутся боевые действия, в том числе и нашей армии, по рассечению окруженной группировки. А в ночь с 5 на 6 января меня ранило — произошло случайно. Вылез я с ординарцем из окопа и направился на КП полка к начальнику артиллерии. Сделал несколько шагов, а потом услышал над головой звук летящих снарядов — значит, все нормально. Я обернулся к солдату, он замешкался, а в это время еще серия снарядов… Сильно стегануло в грудь, упал навзничь, глаза, рот, нос — все забито кирпичной пылью; сильно болит грудь, тошнит, почему-то не могу подняться. Ординарец волоком затянул меня в ход сообщения. Вырвало, изо рта пошла кровь. Прибежал Филимон, что-то пробормотал… Позже я узнал, что примерно в это же время ранило командира батальона старшего лейтенанта Топоркова.

Помню, сделал он большую, из бинта и ваты салфетку, наложил мне на грудь, а через грудь и шею стянул, чтобы не спадала. Сказал, что крови мало, неопасно. Но внутри все клокотало и булькало. Меня на плащ-накидке вынесли из траншеи, укрепив полулежа на волокуше, — и дальше по снеговой дорожке. А Филимон накинул на меня еще и полушубок.

Потом оказался в палатке, стало тепло. Здесь я размяк, меня протерли спиртом, но внутри продолжало клокотать. Мужчина в белом халате — видно, врач — обработал мою рану. Он долго копался, а затем вынул небольшой осколок, показал мне и, завернув его в бинт, сунул в мою руку: «Это твой трофей, береги!» Тут же ушел, но вскоре вернулся с другим врачом; они мяли мне правую сторону груди и все спрашивали: «Больно?» Конечно, больно. Зачем спрашивают?

Через два часа я уже летел на санитарном самолете. Мне сунули какие-то бумаги. Это был медсанбатовский лист с описанием медицинской помощи, направление в госпиталь. Третий документ — продовольственный аттестат.

Приземлились на полевом аэродроме — впрочем, какой там аэродром? Снеговая утрамбованная полоса да три палатки. Поодаль несколько самолетов, как и наш, с красными крестами. Вышел с помощью санитара, сплюнув на снег сгусток крови. Потом явилась женщина в военной форме, с тремя кубиками. Я еще подумал: ишь ты, начальница надо мной, старший лейтенант. Она распорядилась, чтобы следовали за ней. И мы, кто своим ходом, а кто на носилках, — отправились. Шли недолго, станция была рядом, а там обычный пассажирский поезд, приспособленный для перевозки раненых. Просмотрели мои документы, определили место в вагоне.

Было тепло. Уселся у окна по проходу, ожидая отправки. Стояли весь день. Мне дважды приносили резиновую грелку, совершенно холодную, заталкивали ее под гимнастерку, на рану.

Заставляли что-то пить. Голова кружилась. Все время клонило ко сну. Вечером поезд, наконец, тронулся — к утру прибыли в Балашов. Я попал в госпиталь, находившийся рядом с вокзалом. Все палаты и коридоры забиты ранеными, они лежали даже на полу — хорошо, были матрасы. Меня завели в переполненную большую комнату. Койки стояли справа и слева, а одна прямо в проходе; на нее мне и указали. Сестра дала белье, халат, какие-то дикие тапочки — сказала, чтобы переоделся. Оставшиеся при мне документы, завернув в носовой платок, положил под подушку — тумбочек здесь не полагалось. Улегся и сразу уснул.

Сколько проспал — не знаю, но проснулся от легких толчков. На кровати сидел пожилой мужчина в халате:

— Как вы себя чувствуете?

— Прилично.

Он глазами показал на подушку — наволочка была измазана кровью, видно, изо рта шла.

— Выйти сами сможете?

Я ответил утвердительно, и мы отправились. Вначале — рентген. В операционной все тот же врач долго мял грудь, кряхтел, вздыхал, спрашивал, как и в медсанбате, где болит. Когда сняли бинты, кроме приклеенного тампона, у меня вокруг раны сплошной синяк. Протерли еще раз живот, грудь, руки, плечи. Опять чистили рану, сделали новую повязку с мазью «Вишневского». Доктор сказал:

— Пока большой опасности не вижу. Придется несколько дней спать полусидя. Не курить, резких движений не делать, говорить только при необходимости — и тихо. На перевязку приходить ежедневно. Через три-четыре дня картина будет ясна. Три раза в день пить таблетки, которые я выписал.

В палате встретили как родного. Засыпали вопросами. С помощью сестры объяснил — говорить не разрешается, могу только слушать. Еще объяснил, что со Сталинградского фронта. Ко мне подсел человек с культей вместо левой руки: «А я — с Донского. Видишь, отвоевался, думаю, зря они мне руку отмахали. Надо было побороться за нее. Так легче, тяпнули — и все. А теперь что я за работник? Конечно, сопротивлялся». Доктор говорит: «Тогда помрешь». Потом надышался чего-то, уснул, а они орудовали. Очнулся: думал, все обошлось, казалось, и пальцами пошевелил, а глянул — руку по локоть слизало. Так-то… Вот место у тебя плохое, невезучее… При мне отсюда двоих ногами

вперед… Плохая примета!»

Я молчал, но сказанное, конечно, подействовало. Может, сменить место? А вечером ко мне подошел фельдшер, спрашивает:

— Тебе что, место не нравится?

— С чего вы взяли?

— Со мной говорили двое из вашей палаты — почему, мол, новенькому лейтенанту могильное место дали? Это ему не нравится.

В начале января взбудоражила новость: Сталинградский фронт проводит ликвидацию окруженной в городе группировки. Лучшего лекарства быть не могло! Раненые громко обсуждали ситуацию, делали прогнозы. На перевязке доктор сказал:

— И у тебя получше стало… Наверное, чешется?

Подтвердил.

— Но ты не чеши — потерпи.

И я терпел.

Через пару дней был разговор с фельдшером, он же старшина:

— Боялись, у тебя внутри начнутся процессы, но все обошлось — с тебя магарыч!

— Магарыч будет, если организуешь завтра отправку в часть. Микстуру я уже не пью, а таблеток у сестры попрошу на недельку — она принесет.

Я пил кальций, принимал таблетки стрептоцида — удивительное тогда было лечение.

— В часть отправить невозможно… Тебе туда сейчас не добраться. Может быть, в Аркадак поехать? Это реальный вариант. Там пополняется дивизия, выведенная из Сталинграда после больших потерь. У меня там на пересыльном пункте кореш из Горького, капитан, я напишу ему…

И тоже приемлемый вариант. Согласился на Аркадак. На следующий день в дверях палаты появился старшина, махнул мне рукой. Когда подошел, он возбужденно, точно заговорщик, говорит: «Порядок. Забери свои пожитки и приходи ко мне. Соседям скажи, что перевели в другую палату…» Так и сделали. Прихожу — он сияет: «Говорил о твоем состоянии с хирургом. Дней через десять можно выписать…»

…Старшина дал мне потрепанный вещмешок с котелком и немного продуктов, рассказал, как добраться до Аркадака. Вывел через запасной ход во двор, затем — на улицу. Мы распрощались, как родственники, он сказал: «Ну бывай… Пиши. Магарыч за тобой». Я отправился к станции, как и советовал старшина. Отсюда все расходилось и все разъезжалось: повозки, сани,

ходоки, грузовые машины. Надо не зевать! Познакомился с бородатым мужичком на санях. Оказалось, едет в Аркадак, поджидает напарника, который пошел на станционный склад. Спросил, возьмет ли меня. «Вот подойдет второй, поговорим…»

Заговорили о войне. Вскоре подошел напарник — такой же заросший, лет сорока, может, чуть старше. Познакомились. Первый меня представил, дескать, из госпиталя, просит подвезти до Аркадака. Тот сказал: «Из госпиталя — так из госпиталя. Заваливайся в сани, а я пока сбегаю за мешком».

Глядя ему вслед, я думал: отъели рожи, сидят в тылу да еще какими-то махинациями с зерном занимаются. Почему не на фронте? Конечно, можно проверить, откуда зерно… Но тогда срывается Аркадак. Пока рассуждал, мужик вернулся, отправились в путь. Мои новые знакомцы сидели рядом, курили, понукивали лошадей, о чем-то негромко говорили. Чтобы я не замерз, бросили мне тулуп, вторым — прикрыли себе ноги. Они были в полушубках — мороз не проймет. Часа через три оказались в какой-то крохотной деревушке. Остановились у первой избы. Все зашли в большой дом, разделись, сели за стол. Один из моих бородачей достал из сумки каравай ржаного хлеба, сало, бутылку самогона. Чувствовалось, они здесь не первый раз. Я сказал, что не буду пить — мне нельзя. Мужики переглянулись, потом разделили мою часть между собой. Выпили, крякнули, взялись за сало. А мне сказали: «Ешь сало — оно от всех болезней…»

Зачем остановились, не доехав до Аркадака? Бородач деловито разъяснил: ночью ехать опасно — волки могут напасть, а сейчас переночуем, отдохнем, лошадей покормим… Я спал плохо, все думал, что меня ждет.

В Аркадак приехали во второй половине дня. Мои спутники любезно довезли до комендатуры. Пожелали остаться на войне живым.

Все верно! Комендантом был тот самый капитан, о котором говорил фельдшер. Когда я представился, он ознакомился с моими документами, письмом фельдшера. Разговорились. «Как там Федя? — спрашивал он. — Мы с ним свояки, женаты на сестрах». Я рассказал, что знал. Капитана это вполне удовлетворило. Он подтвердил: действительно, в Аркадаке размещалась сталинградская дивизия. Она получала здесь пополнение, ее командиром был полковник Дубянский, а до него командовал генерал Глазков, погибший на подступах к Сталинграду. Как я понял, о Глазкове тогда много говорили.

Около месяца назад дивизия убыла в Воронежскую область, действовала в составе Юго-Западного фронта. Надо ее догонять.

Он растолковал на схеме, которую начертил на листе, как туда добраться. Договорились, что я переночую в комендатуре, утром отправлюсь в путь. Остаток дня бродил по городу, думая о своем: очень тосковал о родителях, родном Армавире; в последнее время в моей душе главное место занял Филимон — очень добрый, порядочный человек, я многим ему обязан.

А сейчас получается, что вроде изменил, да не только ему — всем «своим». Вместо того чтобы вернуться к себе в 138-ю дивизию, отправляюсь в другую. Правда, она Гвардейская. Но, может, махнуть обратно? А что мне скажет капитан, выписавший направление в 35-ю дивизию? Нет, не стоит сожалеть о сделанном. Но в будущем следует всегда продумывать каждый шаг.

Глава II
От Сталинграда на Запад до Берлина

Хождение к Днепру и обратно. Окружения и отступление. Породнились с Северным Донцом. Комдивы — мудрые Иваны: был Людников, теперь Кулагин. Бои местного значения. Блиндаж не в три, а в четыре наката. Офицерские звания приняты с восторгом, ведь возрождены российские традиции. Канонада Курска и прорыв под Изюмом. Полковник Шапошников. Освобождение Левобережной Украины — это не триумфальное шествие, а великая битва. Немцы, утратив стратегическую инициативу, определились с тактикой.

19 января добрался в 35-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. Хорошо запомнил эту дату, потому что это был день рождения отца и его, конечно, хотелось поздравить. Но такой возможности, естественно, не было. Штаб располагался в Бондаревке. Кадровики спросили — один ли я прибыл, и, особенно не задерживаясь, переговорили с кем-то по телефону. Затем сказали, что пока буду в их распоряжении, но работать — в оперативном отделении у капитана Посунько. Кто-то отвел меня к этому хмурому человеку. Он окинул меня небрежным взглядом и спросил:

— Ты откуда взялся?

Я подробно рассказал о службе.

— Как у тебя с верховой ездой?

Ответил, что не только знаком, но и люблю. Тогда он добавил, что буду пока в фельдъегерской связи, развозить документы в части. Вначале это мне не понравилось (точнее — такая неопределенность), по прошествии некоторого времени привык.

Дивизия Старобельском еще не овладела. Только после 23 января, после тщательной подготовки, в том числе после проведения сильной артиллерийской подготовки, наши части перешли в наступление и взяли вначале восточную часть, а затем весь город. В этом бою проявил себя также 100-й Гвардейский стрелковый полк, куда я уже успел несколько раз отвезти различные документы. Командир полка — боевой офицер подполковник А. Н. Лобанов.

Бой был ожесточенный. Подбито 4 танка, 2 бронемашины, 53 тягача, уничтожено много стрелкового оружия и другого военного имущества. Но самое главное — были освобождены 200 наших раненых — бойцов и командиров (ЦАМО, ф. 1124, оп. 1, д. 147, с.

257). Они представляли собой тяжелое зрелище. Заросшие, грязные, давно не видевшие ни пищи, ни медикаментов, беспомощные. Они были бесконечно рады и тому, что наши наконец наступают, и, конечно, победе, принесшей им свободу. Видели бы вы эти глаза…

В дивизии много говорили о подвиге старшего лейтенанта Николаева, который в тяжелейшей ситуации прорыва группы противника в район расположения командного пункта 100-го Гвардейского стрелкового полка возглавил его оборону и совместно с подошедшими подразделениями ликвидировал нависшую тяжелую угрозу взятия КП фашистами.

В городе было захвачено много различных трофеев, в том числе боеприпасов и продовольствия. Естественно, определенную ценность представляли в первую очередь продукты питания, а также другое имущество, что явилось предметом особого интереса тыловых органов. Из армии приезжали какие-то начальники, осматривали склады и выставили свою охрану.

В конце января наступило резкое потепление. Дороги развезло так, что тяжелая техника, да и автомобили с боеприпасами продвигались с трудом, а впоследствии стали отставать. Моя обувка совершенно вышла из строя. От госпитальных валенок остались одни голенища. Что-то надо было делать. Обратился к начальнику хозяйственного отделения дивизии. Он удивленно посмотрел на меня и выругал, почему не обратился к нему раньше. Пошли к нему в обоз. Он спросил — не желаю ли я немецкие сапоги (в Старобельске на складах захватили) или, может, подойдут ботинки с обмотками союзников? Особого желания носить обмотки у меня, конечно, не было, все-таки лейтенант. А немецкие сапоги были нежелательны принципиально, хотя кое-кто в них уже щеголял. Когда мне показали добротные, светло-коричневые ботинки с толстой подошвой, то я сразу согласился. Конечно, обмотки особого авторитета не придавали, но ноги в новых байковых портянках были уже как в раю. В целом я был доволен, тем более что из-под длиннополой шинели обмотки особенно не просматривались. Но ребята все-таки подшучивали:

— С твоими усами и обмотками ты больше смахиваешь на врангелевского офицера в Крыму.

Я отмалчивался, и шутки прекратились. Меж тем боевые события развивались все больше и больше. Командир дивизии полковник И. Я. Кулагин приказал 100-му Гвардейскому стрелковому полку совместно с частями 195-й стрелковой дивизии овладеть населенным пунктом Красный Лиман. Уже чувствовалось, что наши командиры и бойцы имеют отличный

опыт организации и ведения боя. Естественно, сказывалась и общая обстановка, сложившаяся на фронтах после Сталинградской битвы, — стратегическая инициатива перешла в наши руки.

Должен сказать, что инициатива вообще много значит. Но если рассматривать проблему в рамках дивизии и тем более полка, то, конечно, важны личные качества воюющих. У нас мало того что сами подразделения проявляли максимально военную смекалку, инициативу и находчивость, но в ротах создавались еще или на базе одного из взводов, или на базе одного-двух отделений штурмовые группы. С прорывом обороны противника они своими дерзкими, смелыми действиями стремительно проникали в глубь позиций врага, выходили на его штабы и тылы, нарушая управление и захватывая запасы. Так было и с Красным Лиманом. Несмотря на то что противостоящие силы противника были значительные, что оборона у него была организована хорошо и оперативно-тактическое положение было также в его пользу, подразделениям 100-го Гвардейског о стрелкового полка во взаимодействии с частями 195-й стрелковой дивизии слева и 102-м Гвардейским стрелковым полком нашей дивизии справа удалось в короткие сроки окружить и уничтожить врага. Сказано коротко и легко, но на самом деле проделать все это было очень и очень тяжело.

К утру 31 января Красный Лиман пал. Наши части, не останавливаясь, продолжали продвижение на запад. В этот же день полк овладел Малой Еремовкой и, несмотря на плохие погодные условия, успешно развивал наступление. Командир 4-го Гвардейского стрелкового корпуса генерал Н. А. Гаген, стремясь заслуженно оценить действия войск и стимулировать их к дальнейшей активности, пишет 3 февраля в своей телеграмме командиру дивизии Кулагину: «За успешные действия объявляю всему личному составу дивизии благодарность» (ЦАМО, ф. 1124, оп. 11, д. 11, л. 14).

100-й Гвардейский полк, обходя Барвенково главными силами, устремился на город Лозовая. Забегая вперед, хочу заметить, что 35-я Гвардейская стрелковая дивизия получила почетное наименование — Лозовская — в связи с тем, что весьма успешно провела свой бой по овладению этим городом. По иронии судьбы дивизии пришлось проходить во время войны через Лозовую трижды: первый раз — штурмуя город зимой, второй — отступая весной, и третий — освобождая его вторично летом того же сорок третьего года.

10 февраля дивизия овладела городом Лозовая, командир дивизии в это время получил генеральское звание. Должен

отметить, что это звание расценивалось нами не только как проявление личных способностей Кулагина, а как признание и авторитета нашей дивизии. Для нас очень важно было, что дивизией командовал все-таки генерал.

Не успело остыть оружие, как уже 17 февраля наша дивизия получила приказ овладеть Павлоградом (в последующем, т. е. в 50–70-е годы, этот город становится одним из центральных объектов строительства стратегических ракет), а 18 февраля получает задачу наступать на Синельниково и Новомосковск. Таким образом, Днепр был уже рядом.

Однако в этот раз дивизии не суждено было выйти к могучей реке. Для того чтобы остановить продвижение наших войск, противник все больше и больше подкидывал свои резервы. Но не это было самым главным в сложившейся в то время оперативно-стратегической обстановке. Наши войска тогда глубоко вклинивались в оборону противника. На острие этой клинообразной дуги была в том числе и наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия. Соединения 4-го Гвардейского стрелкового корпуса, в состав которого входила и наша дивизия, преследуя противника, вышли за границы действий 1-й Гвардейской армии и оказались в полосе 6-й армии. В связи с этим командование Юго-Западным фронтом передает корпус в 6-ю армию. Не знаю, повлияло ли это на управление войсками или нет, но, на мой взгляд, в критической обстановке передавать соединения из одной армии в другую по меньшей мере было нецелесообразно. А сложность обстановки состояла в следующем.

Наше командование, увлеченное преследованием отходящего противника, а также успехом, который сопутствовал нашим войскам в целой серии боев, в том числе при овладении городами Старобельск, Изюм, Барвенково, Лозовая, Павлоград и т. д., не уделяло должного внимания ни надежному прикрытию флангов, ни поддержанию коммуникаций в надежном состоянии (а ведь наступала оттепель!), ни своевременной подаче передовым частям боеприпасов, горючего и продовольствия. Мало того, фактически израсходованы все резервы. В боях были задействованы даже учебные батальоны дивизий. Уж очень был большой соблазн — Днепр! А серьезные аргументы в пользу того, что такая ситуация потенциально несла в себе тяжелые последствия, находились в тени. Пожалуй, даже не в тени, а, знаете, некоторым недальновидным военачальникам было присуще чувство — авось пронесет!

Но войну с немцами на авось не выиграешь. Немцы воюют капитально, со знанием дела, упорно. А при виде крови, огня, слез и разрухи они, опьяненные всем этим, звереют. Но главное

— немецкое командование, которое, хотя ему и свойствен педантизм, подавляющий творчество, тем не менее действует хитро, с расчетом. Однако надо было «переиграть» его в стратегии и тактике. И в целом нашему командованию удавалось это делать. Однако в данном случае этого не произошло.

Учитывая просчеты нашего командования, состояние наших войск, растянутость фронта и поредевшие передовые части, а также конфигурацию фронта, гитлеровское командование принимает решение: втянуть возможно дальше образовавшийся «пузырь», разбить или сковать части Красной Армии на острие вклинения на рубеже Новомосковск — Синельниково и одновременно нанести два мощных удара: один из района Красноград, второй — из района Красноармейска, по сходящимся направлениям на Павлоград и Барвенково, т. е. под основание нашего вклинения. Ставилась задача — окружить и уничтожить главные силы Юго-Западного фронта.

С этой целью немцы еще к 13 февраля 1943 года создают группу армий «Юг» (на базе командования группы армий «Дон»). В состав ее вошли оперативные группы «Холдинг» и «Кампф», несколько танковых корпусов, в их числе танковый корпус «СС», танковые дивизии «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» — всего более 30 дивизий. При этом, кроме основных ударов, проводились удары, направленные на выход во фланг и тыл наших войск, составляющих первый эшелон. Там были и части нашей 35-й Гвардейской стрелковой дивизии.

21 февраля 1943 года (т. е. за два дня до праздника — Дня Красной Армии) танковый корпус «СС» прорывает оборону 101-го Гвардейского стрелкового полка нашей дивизии, выходит на дорогу Новомосковск — Павлоград, и уже к 15 часам немецкая мотопехота с танками была в Павлограде. Там противник смял учебный батальон дивизии и овладел городом. Однако немецкие танки напоролись на огневые позиции 65-го артполка дивизии. Потеряв в бою несколько танков, фашисты обошли этот опасный район и вышли в тыл нашей дивизии.

В то же время 100-й и 102-й Гвардейские стрелковые полки были скованы непрекращающимися атаками противника в районе Синельникова и Новомосковска. Авиация противника постоянно бомбила и штурмовала наши войска с воздуха. Части дивизии несли большие потери. Не хватало боеприпасов. Фашистские стервятники на бреющем полете разбрасывали листовки такого содержания: «Русский солдат! Ты находишься в окружении. У тебя один выход — сдаваться в плен. Кто придет к нам — тот останется жив и получит хорошее питание. Кто будет сопротивляться — тот погибнет. Не забудь взять котелок и ложку.

Эта листовка для тебя пропуск. Немецкое командование».

В этой сложнейшей обстановке генерал Кулагин, потерявший связь с командиром корпуса и выше, принимает, на мой взгляд, единственно правильное решение — прикрываясь от наседающего противника специальными отрядами, собрать дивизию в один кулак и ударом на северо-восток прорваться к соседу справа, о котором хоть и скудные, но были сведения. Генерал лично возглавил передовой отряд — 100-й Гвардейский стрелковый полк, усилив его танками и артиллерией. Всем была доведена задача. На каждую колонну назначен старший. В ночь на 22 февраля дивизия начала выходить из окружения. Мне суждено было действовать в составе передового отряда: доставив распоряжение командиру 100-го Гвардейского стрелкового полка, я в нем так и остался.

Полк основными силами (а их осталось мало) разместился десантом на танках 16-й танковой бригады Героя Советского Союза Н. М. Филлипенко. Первая ночная атака (а мы действовали в ночное время, днем же старались отсиживаться в лесопосадках) была предпринята у большого поселка Кочережки. В темноте роты скрытно подошли к селу полудугой и перебили весь немецкий гарнизон. Затем, не останавливаясь, двинулись на поселок Петровский и далее — на Сергеевку, Надеждовку.

Об этих боях в моей памяти отложилось немало ярких эпизодов. Например, командир противотанковой батареи лейтенант Сердюк, увидев, как на картинке, выдвигающиеся танки, с ходу развернул батарею и сразу подбил четыре танка. Остальные развернулись и ушли обратно. Другой случай. Командир пулеметной роты старший лейтенант Пузанов, скрытно разместив роту вдоль дороги, по которой должна была двигаться колонна мотопехоты противника, дождался ее и ураганным огнем роты уничтожил все, что было в секторе до двух километров. На этом участке дороги долго полыхали подожженные машины. Саперному батальону дивизии, которым командовал капитан А. Вахтин, было приказано минировать пути отхода, чтобы создать благоприятные условия для отрыва от противника. Выполняя эту задачу, саперы были вынуждены одновременно отражать атаки пехоты и танков противника. При этом не один его танк нашел себе могилу в этих боях. Знаменитым в дивизии стал старший сержант Мухальченко, который подбил из ПТР несколько танков.

Противник постоянно и активно, хоть и мелкими группами, применял авиацию, ведя разведку и нанося бомбо-штурмовые удары. Наблюдая движение наших колонн, он вышел на тылы дивизии в районе Сергеевка. Одновременно его танки выскочили на юго-западную окраину Лозовой. Завязался тяжелый бой. 35-й

Гвардейской дивизии удается оторваться от наседавшего врага. Кулагин изменяет направление действий. Дивизия в обход Лозовой выходит на Царедаровку. Артиллерийский полк опять развернулся и, ведя огонь прямой наводкой, встречает танки противника. Пылают восемь немецких танков, но и артиллеристы тоже понесли потери, а самое неприятное было то, что горючее в дивизии было на исходе. Решено было со всех машин слить все, что было, и отдать артиллеристам, а пустые машины вывести из строя и бросить. После этого наше движение значительно замедлилось.

В боях 26 февраля были захвачены небольшие трофеи, но самым главным из них была радиостанция. Радисты привели ее в порядок и смогли связаться со штабом корпуса. В то время это было счастьем. Ведь без связи нет и управления, и командир, естественно, как слепой. Но теперь управление восстановлено!

28 февраля идет тяжелый бой в районе Михайловки. Здесь противник нас, видно, поджидал — обрушился крупными силами. Вражеская авиация утюжила с бреющего полета. И все-таки мы сбили два «мессера», а приземлившихся летчиков взяли в плен. Наконец, к исходу дня дивизия вырвалась из окружения и вышла в район Яковенко и Борщовое. А на следующий день, 1 марта, получила от командира корпуса задачу — совместно с другими частями прикрыть переправу через реку Северный Донец в районе Меловое. До 12 марта дивизия вела тяжелые бои на этом участке, а затем свою оборону на плацдарме Северного Донца передала 263-й стрелковой дивизии. Сама же, вконец истощенная, была выведена в резерв корпуса.

Одним полком дивизия в течение марта еще вела бои. Но 10 апреля была все-таки полностью выведена во второй эшелон и приступила к получению пополнения, запасов и боевой учебе.

Вот так закончилось первое наше хождение к Днепру и обратно. А дни и ночи окружения, конечно, остались в памяти навсегда.

Кстати, не все воспоминания о тех днях были тяжелыми и грустными. В той многогранной жизни всякое бывало. Поэтому от слез, вызванных тяжелейшими страданиями, невыносимой болью, неизгладимой обидой, до слез неописуемой радости, огромного счастья и ликования — был буквально один миг. На войне как на войне. Случались в эти грозные дни и смешные бытовые сценки.

Как-то в ходе отступления мы вошли в хуторок, другие подразделения расположились по соседству. Выставили охранение, наблюдение, послали разведку, а основному составу было разрешено отдыхать. Едва мы зашли в хату, как сразу же повалились, как снопы — кто на лавку, кто на печь, а кто на пол.

Все забито. Дело уже шло к рассвету. Приблизительно через час, когда все мертвецки спали, скрипнула дверь, кто-то вошел и начал осторожно пробираться, перешагивая через спящих. Вдруг раздается голос:

— Кого тут… носит?

— Это я, Иван Кулагин.

Наступила тишина. Тогда командир дивизии, чтобы снять неловкое напряжение, продолжает, вроде извиняясь:

— Я вот туда к столу. Он свободен.

Вот такие бывали картинки.

Кстати, Иван Яковлевич Кулагин чем-то был похож на Ивана Ильича Людникова. Не тем, что оба Иваны, а своей мудростью, размеренностью, непоколебимостью в любой обстановке. Должен сказать, мне просто повезло, что на моем пути были такие командиры, у которых семь пядей во лбу. А для тех, кто с «кубарями» в петличках, конечно, это лучшие воспитатели.

В полковой батарее 120-мм минометов полка не хватало офицеров. Поэтому я рассчитывал, что меня все-таки направят в этот полк. Так и вышло, и даже без моего ходатайства. Очевидно, «постарался» начальник артиллерии полка старший лейтенант Геннадий Константинович Паскин. Человек он был молодой, года на три старше меня, но почему-то носил усы и бородку. Возможно, для солидности. По внешнему виду смахивал на Плеханова. Но ни до него, ни после, в том числе в послевоенный период, я не встречал ни одного военного с бородой. Паскин отличался высокой подготовкой (окончил Ленинградское военное артиллерийское училище), организованностью и исключительной порядочностью. Не в обиду будет сказано офицерам других специальностей, настоящие артиллеристы, независимо от того, что они заканчивали, обладают именно такими качествами.

Дивизия размещалась во втором эшелоне корпуса в районе Александровки, Савинцев, Установки, Борщовки. Штаб и подразделения управления нашего 100-го Гвардейского стрелкового полка стояли в Савинцах, а полковая батарея 120-мм минометов — в маленькой деревушке Крючки. Вместе с батареей находился и начальник артиллерии полка Паскин. Думаю, что это было сделано специально, так как с комсоставом батареи было неладно: командира не было, а исполняющий обязанности лейтенант Скиперский был со странностями — взвинченный, крикливый, необщительный, нуждами личного состава не занимался. Второй же офицер — младший лейтенант Килин чем-то тяжело болел и вечно куда-то ездил на процедуры, хотя внешне был похож на здоровяка. Поэтому Паскин сам устроился в расположении батареи, чтобы приглядывать за ней, да еще

постарался, чтобы командовать батареей прислали меня.

Начало апреля стало двойным праздником.

Во-первых, после двух с лишним месяцев своего неопределенного положения я, наконец, получил постоянную «прописку», то есть должность в полку, с которым уже крепко породнился в боях. Паскин как-то спросил меня: «Ты не жалеешь, что попал в наш полк?» Я ответил: «Наоборот. Да я уже и привык к ребятам».

Во-вторых, в это же время в дивизии был получен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. о награждении дивизии орденом Красного Знамени еще за бои на Среднем Дону. Это событие в дивизии превратилось в большое торжество. Правда, вручение ордена состоялось позднее — только в июне. К нам приехал тогда командующий 6-й армией генерал И. Т. Шлемин с членом Военного совета армии В. Я. Клоковым и командиром корпуса М. И. Золорожченко. Дивизия была построена у поселка Зеленый Гай, где располагался штаб дивизии. Было очень жарко, парило. С речью выступил командарм. С ответным словом — комдив. Нескольким начальникам, в том числе командиру дивизии, вручили правительственные награды. Затем части и подразделения разошлись по местам дислокации. Настроение было приподнятое. Тем более что нас ожидал праздничный обед. Тут, кстати, замечу, что, как только мы вышли во второй эшелон, продовольственное снабжение дивизии прекратилось фактически полностью. Продуктов питания не было вообще. Даже хлеб получали с большими перебоями и сомнительного качества — тяжелый, как кирпич, с остяками. Но ели. Мало того, находясь на подножном корме, использовали все и вся, чтобы мобилизовать местные ресурсы, хотя и они были очень скудными. Откуда-то появились камни-жернова. Мы доставали необрушенное зерно, обрабатывали его, затем мололи. Мука получалась, так сказать, крупного помола. Но лепешки из нее выходили отменные, значительно лучше хлеба.

Тяжелее приходилось с лошадьми. Овса было мало. Кормили их в основном соломой. А если она капитально подпрела, то запаривали, вымывали, а затем подсушивали и, перемешав с небольшим количеством овса, давали лошадям. Те, видно, тоже понимали, что сейчас тяжело, ели этот корм. В мае, когда появилась трава, лошадям стало легче, а вот нам надо было еще ждать, когда поднимется крапива. А зато в июне все вообще нормализовалось. Мы даже стали получать консервы, разные крупы. Появилось и обмундирование. Мне выдали кирзовые сапоги — просто загляденье, как лакированные, и совершенно

новенькую шинель, хотя и стояло лето. Первое, что я сделал — нарисовал на петлицах лейтенантские кубики. Потом пожалел, так как через два месяца мы получили сообщение о введении офицерских званий и, естественно, погон. Но об этом — позже.

В конце июня дивизия получила приказ сменить части действующей впереди, на Северном Донце, 20-й Гвардейской стрелковой дивизии. Мы приняли участок Красная Гусаровка, Жуковка. Это произошло накануне событий на Курской дуге. Задача дивизии в целом и в том числе нашего 100-го Гвардейского стрелкового полка состояла в том, чтобы не дать противнику снимать войска с нашего участка в целях усиления своей группировки в районе Курска. А через несколько дней после начала Курской битвы — это приблизительно через полтора месяца нахождения в обороне плацдарма на Северном Донце — мы получили приказ снова передать участок 20-й Гвардейской стрелковой дивизии и подготовиться к маршу. Но эти полтора месяца бесследно не прошли.

Учитывая, что глубина плацдарма была небольшая (во всяком случае на участке нашего 100-го Гвардейского полка от 1,5 до 2-х километров), огневые позиции батареи располагались на восточном берегу Северного Донца — неподалеку от поселка Ольховатка. А наблюдательный пункт — на плацдарме на огромном кургане, который, в свою очередь, сам находился на возвышенном месте. Поэтому видимость с НП была прекрасная: вправо и влево на 3–5, а прямо — до 6–7 километров. Это был уникальный наблюдательный пункт. Даже с учетом того, что вокруг был густой лес, этот курган возвышался над местностью, как айсберг в Ледовитом океане. Казалось бы, обладая такими возможностями, курган мог бы стать предметом особых интересов командира полка или хотя бы командира батальона, который оборонял это направление. Однако в связи с тем, что НП был в двустах метрах от нашей первой траншеи и в трехстах метрах от переднего края противника, да к тому же кургану немец уделял исключительное внимание и постоянно «гвоздил» его тяжелой артиллерией, никто из начальников претензий на него не имел. Что же касается меня и моей группы управления, то мы чувствовали себя прекрасно и мысленно постоянно благодарили умельцев, которые построили на скатах кургана, обращенных к нам, огромный, мощный, в четыре наката, блиндаж (бревна толщиной 30–40 сантиметров) и прекрасный пункт для наблюдения. Отрытый в полный профиль и так же перекрытый бревнами окоп с оборудованными щелями для наблюдения во все стороны, классические ходы сообщения от места наблюдения к блиндажу и от блиндажа до самой реки — это почти полтора

километра, из них большая часть — перекрыты. Кроме того, через каждые 50–70 метров — выходы в сторону и наружу. Это был действительно уникальный наблюдательный пункт. За всю войну такого я больше не встречал.

Мой предшественник, тоже командир батареи 120-мм минометов 20-й Гвардейской стрелковой дивизии, передал мне все пристрелянные реперы (ориентиры), подробно рассказал о режиме жизни противника, показал основные цели — огневые точки, штабы, склады, огневые позиции артиллерии, узлы дорог, просто участки дорог, которыми часто пользуется противник, и т. д. Оказалось, что между передними краями — нашим и противника — было около 100 метров, но местами они сближаются до 70 и даже 60 метров. Так что ловкий и сильный солдат мог добросить ручную гранату. Перед передними краями были минные поля с той и другой стороны, наверное, в несколько слоев, плюс проволочные заграждения. И везде развешаны различные банки и прочие гремящие предметы, задев которые сразу обнаруживаешь себя. Перед нашим курганом было не две, а три траншеи: вторая — в ста метрах от первой и третья — в ста метрах от второй, т. е. у самого подножья кургана. Далее она шла вправо и влево, сливаясь с общей второй траншеей нашей обороны. Третья траншея обороны была проложена за курганом — в 500–600 метрах. Была и еще одна траншея — практически вся вдоль правого берега Северного Донца. Здесь располагались в основном тылы батальонов.

Наблюдательные пункты командиров батальонов и передовой наблюдательный пункт командира полка находились приблизительно на нашем уровне от переднего края. Но основной НП командира полка был на левом берегу реки на возвышенном месте и позволял наблюдать на многих участках наш, а кое-где и передний край противника.

Почему я так подробно об этом пишу? Да потому, что хочу показать читателю, какую огромную работу проделывают солдаты и офицеры, когда строят оборону, чтобы отстоять занимаемый рубеж, сохранить личный состав от огня противника, совершить скрытно маневр (если это требует обстановка), подготовить и провести контратаку с отсеченных позиций (а они тоже представлены траншеями в полный профиль) — в случае, если противник вклинится в оборону.

Для того, чтобы оборона могла отразить натиск врага, очень важно построить такую систему огня, которая бы надежно обеспечивала поражение противника на дальних, средних и ближних подступах к нашему переднему краю, а также в случае его вклинения. Причем по мере приближения подразделений

противника уничтожающий огонь усиливается. В эту систему огня включаются все имеющиеся в полку огневые средства, в том числе те, которые временно приданы или поддерживают. Поэтому и инженерное оборудование (отрывка окопов, площадок для установки пулеметов, огневых позиций артиллерии, траншей в целом) делается так, чтобы стрелок, пулеметчик, артиллерист, танкист и т. д. могли бы использовать свое оружие в полную мощь.

Это — не простое дело. Лейтенанту, капитану, майору и до полковника включительно надо проползти (именно проползти): одному — полностью, а другому — частично по всему переднему краю и другим рубежам, где будут проходить траншеи, а в итоге принять решение на местности: пройдет ли траншея выше, ниже, впереди или несколько сзади, но так, чтобы везде было хорошо видно подходящего противника. Надо также учесть, что все это, как правило, делается в условиях непосредственного соприкосновения с противником, а следовательно, под постоянным его огневым воздействием.

Все это — большой труд.

Однако на Северном Донце на плацдарме мы вначале зацепились, откатываясь от Днепра весной 1943 года, затем закрепились и, наконец, пустили такие корни, что противнику просто не было смысла тратить на нас силы и средства. Кроме того, к тому времени созревал уже курский «орешек», который притянул с обеих сторон основные стратегические резервы.

Наша боевая жизнь в обороне была организована так, что с наступлением темноты и до рассвета большая часть средств ставилась на боевое дежурство. Как бы оборона ни была подготовлена — бдительность должна быть на высоком уровне. Кстати, почти каждый раз, когда опускались сумерки, у немцев в окопах начинали играть на губных гармошках. Иногда можно было услышать русскую речь (мы полагали, что на нашем направлении могли быть власовцы) и даже женские голоса, песни. Периодически немцы подтаскивали громкоговорящие средства и проводили, так сказать, агитацию на чистом русском языке. Рассчитывали на разложение наших солдат. Предлагали приходить к ним — у них есть водка, хорошая закуска и девчата. Естественно, это вызывало с нашей стороны однозначную реакцию — по «веселым» участкам наносился ружейно-пулеметный и минометно-артиллерийский огневой удар. Если противник пытался «огрызаться», то его давили капитально. Однако при этом сильно расходовались боеприпасы, что делать воспрещалось. Определялся строгий лимит на каждый день. Артиллеристы, как правило, несколько дней накапливали

снаряды, а затем обрушивались на особо важные цели: колонну грузовых автомобилей или бронетранспортеров, активность в районе штабов или излишне разгулявшихся вояк на переднем крае и т. д. Однако малейшее сосредоточение войск и тем более наличие в их числе танков считалось исключительной опасностью. В этом случае лимит расхода боеприпасов, так сказать, нарушался. Скопление войск противника в тактической глубине обнаруживалось не столько визуально с наших наблюдательных пунктов, сколько нашей разведывательной авиацией (район имел много лесных массивов, что позволяло укрываться от наземной разведки). Кроме того, мы получали данные через разведывательное отделение дивизии.

Интенсивно обстреливая различные объекты противника, мы получали «ответ» от его тяжелой артиллерии. И в первую очередь по нашему кургану. В этом случае мы укрывались в своем гарантированном блиндаже не в три, а в четыре наката и только посмеивались, даже тогда, когда фриц все-таки попадал в курган. Попасть в курган было очень трудно, но когда это ему удавалось, а он бил фугасными снарядами 152 или 175-мм калибра, то все вокруг содрогалось. Снаряд входил в грунт, разрывался, выворачивая землю и делая огромную воронку. В нашем блиндаже сыпались стены, в лампе из гильзы колыхалось пламя.

Конечно, каждый раз, когда фашистам удавалось попасть в цель, стрелявшие злорадствовали, но это им даром не сходило. На полковом участке фронта все отлично знали наш самоотверженный наблюдательный пункт и как могли его оберегали и защищали. В том числе и артиллеристы дивизионного артполка (который в июле был преобразован из 65-го обычного в 118-й Гвардейский). С началом обстрела я докладывал Паскину, он — начальнику артиллерии дивизии полковнику И. И. Лукьянову, и тот отдавал приказ — подавить стреляющую батарею. А искать ее было не надо — звуковая разведка артполка сразу засекала батарею и немедленно выдавала координаты всем, кого это касалось. Лукьянов отбирал наиболее выгодные в тот момент средства (батареи) и давал команду на открытие огня. Причем стрелял залпом и сразу на поражение. Через несколько минут повторялся еще один или несколько огневых налетов.

В целом же, хоть и были мы в обороне, но жизнь была сложной. Особенно когда проводили разведку боем, а это было дважды за полтора месяца, когда требовались достоверные сведения о противостоящем противнике: произошла замена или нет. Естественно, при этом мы несли потери. А учитывая, что любая оборона всегда имеет больше ограничений, чем

наступающие войска, то и с пополнением было сложнее.

Что же касается меня, то кроме боевых забот на мои плечи свалилась еще одна напасть — неожиданно я заболел малярией. Это тяжелая, изнуряющая болезнь. И хоть я принимал огромные дозы хинина, малярия выбила из меня всё — обмундирование висело на моих плечах, как на распялке. Хорошо хоть малярийные приступы не совпадали со временем, когда приходилось управлять огнем, вести бой. Удивительное дело: на протяжении всей войны от Сталинграда до Берлина я ничем не болел, хотя зимой и летом был только в поле, а вот здесь подхватил малярию.

Оборона на Северном Донце — это, конечно, не бои в Сталинграде. Но напряжение тоже большое. За весь оборонительный период не было того дня, чтобы не появлялась «рама» — так мы называли разведывательный самолет «Фокке-Вульф». По своей конфигурации самолет напоминал оконную раму (двойной фюзеляж). Этот разведчик сослужил немцам отличную службу: он не только выдавал координаты всего, что видел на земле, — естественно, все это обстреливалось, но и прекрасно корректировал огонь. При этом «рама» поднималась на достаточную высоту и оказывалась неуязвимой для зенитного огня. В связи с этим основные перемещения войск, смена позиций, подвоз боеприпасов, другого имущества и т. д. проводились, как правило, в ночное время.

Но больше всего нас обижало то, что такого рода бои «наверху», на наш взгляд, недооценивали: Совинформбюро по радио передавало, что на фронте (называли наше направление) идут бои местного значения. И все. Иногда вообще о нас ничего не говорили. А в это время у нас шла сильная огневая схватка, проводилась разведка боем, а то на каком-то участке отражалась атака противника, немецкая авиация бомбила наплавной мост через Северный Донец, или происходило еще какое-то событие. Для нас все это было существенно, а в масштабах страны — так, песчинка. Тогда же хотелось, чтобы о нас говорили ежедневно.

Особенно напряженные бои шли на протяжении всего июля месяца. В это время (с 5 по 23 июля) шло оборонительное сражение на Курской дуге. И сейчас мне приятно вспомнить, что задача — не допустить, чтобы с нашего участка были сняты немецкие войска и переброшены под Курск, нашей дивизией и армией в целом все-таки была выполнена. Следовательно, если не прямое, то косвенное отношение мы к Курской битве тоже имели.

На фронте в годы войны говорили об Орловско-Курской битве, а не о битве под Курском, как теперь. И наверняка это больше отражало истину. А если быть еще точнее и справедливее,

то эту битву, на мой взгляд, надо было назвать Белгород-Орловско-Курской. Эта битва, как известно, была хоть и скоротечной, но масштабной и состояла из двух главных этапов: первый — с 5 по 23 июля 1943 года — оборонительный, второй — с 12 июля по 23 августа — наступательный. По датам видно, что наступательный этап двумя неделями накладывался на оборонительный. Кратко разберем битву в целом.

Утратив после Сталинграда стратегическую инициативу, но показав весной 1943 года все-таки еще свои возможности, Гитлер, однако, не мог смириться с тем, что инициатива теперь останется у Красной Армии. Мало того, его постоянно преследовала идея реванша за сталинградский котел. Надо было хоть как-то реабилитировать себя в глазах немцев. И вот выдался такой случай.

Группа немецких армий «Центр» под командованием Клюге, удерживая Орел, своими главными силами глубоко вдавливала линию фронта на восток и, нависая с севера над Курском, создала тем самым орловскую дугу. Одновременно группа армий «Юг» под командованием Манштейна в ходе весенней эпопеи (которая разыгралась в районе юго-западнее Харькова) вынудила наши войска отойти и оставить значительную территорию, в том числе Харьков и Белгород. Линия фронта южнее Курска была значительно отброшена на восток. Таким образом образовалась Курская дуга с нашими войсками — она, имея в центре Курск, значительно выступала на запад. Этот выступ (120 км по фронту и 200 км в глубину), конечно, вызывал у немецкого командования соблазн «подрезать» его под основание, окружить и в конечном итоге уничтожить группировку наших войск. Тем самым можно было бы устроить второй Сталинград, но уже для советской стороны. Немецким командованием и был составлен такой план действий. Он предусматривал нанесение удара с севера — из района Орла и с юга — из района Белгорода. По этому замыслу ударные клинья должны были сомкнуться далеко восточнее Курска. Тем самым достигалась цель окружения крупной группировки наших войск.

Но надо отметить, что, несмотря на дерзкую идею, Гитлер уже не тешил себя авантюристическими помыслами о покорении России. Он больше думал, как выпутаться из этой истории, сохранив свое лицо и тем более не допустив разгрома Германии. Очевидно, Сталинградская битва его надломила. Плюс тяжелая внутриполитическая обстановка в Италии, где как раз уже свергли Муссолини, а дуче был главный союзник Германии. Об этом свидетельствует немецкий генерал Типпельскирх в книге «История Второй мировой войны» (Бонн, 1954; перевод

издательства «Иностранной литературы», 1956). В частности, он говорит, что в одной из речей перед наступлением под Курском Гитлер заявил о своем твердом решении перейти к стратегической обороне. «Германия, — сказал он, — должна отныне изматывать силы своих врагов в оборонительных сражениях, чтобы продержаться дольше, чем они; предстоящее наступление имеет целью не захват значительной территории, а лишь выпрямление дуги, необходимое в интересах экономии сил. Расположенные на Курской дуге русские армии должны быть уничтожены — нужно заставить русских израсходовать все свои резервы в боях на истощение и тем самым ослабить их наступательную мощь к предстоящей зиме» (с. 313).

Немецкое командование отдавало себе отчет в том, что позиционная оборона не удовлетворяла требованиям поставленной цели — изматывания противника, пишет далее Типпельскирх. Фактически она изнуряла свои силы значительно больше, чем силы противника. В то же время генерал отмечает, что разведка русских, конечно, обнаружила подготовку войск вермахта к наступлению и, разумеется, русские приняли необходимые контрмеры. Правда, он лукавит, совершенно ничего не говоря о нашей контрподготовке, которая была лейтмотивом нашей Ставки ВГК.

Буквально за несколько часов до начала немцами артиллерийской и авиационной подготовки наши тысячи орудий минометов и самолетов наносят мощнейший удар по изготовившимся к наступлению войскам противника — по их живой силе, скоплениям танков, огневым позициям артиллерии и пунктам управления. В результате немецко-фашистские войска понесли значительный урон, но не смогли сразу прорвать нашу оборону. Вводя все новые и новые резервы, немецкое командование все-таки рассчитывало выполнить приказ фюрера — окружить и уничтожить наши войска в районе Курска. Конечно, достигнув этой цели, они решали бы важную стратегическую задачу — получение определенной реабилитации за катастрофу под Сталинградом. Но повергнутым в Сталинградской эпопее не суждено уже было подняться с колен. 9-я немецкая армия, наступавшая с севера, продвинулась всего лишь на 12 километров, а 4-я танковая армия, нанося удар навстречу с юга, прошла 35 километров и заглохла.

Немцы начали свои атаки 5 июля. А уже 12 июля, отразив главный удар противника, но фактически в самый разгар сражения наши войска Западного и Брянского фронтов перешли в контрнаступление севернее и восточнее Орла. Затем к ним подключается Центральный фронт, который наносит удар с юга.

Красная Армия продвигалась стремительно. Противник понял, что удерживать прорванный на нескольких участках фронт нет смысла. Прикрываясь мощным заслоном и неся огромные потери, немецкое командование делает попытку отвести свои войска на линию восточнее Брянска.

3 августа на южном фасе Курской дуги, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, войска Воронежского и Степного фронтов тоже перешли в контрнаступление. А в последующем к ним присоединился и Юго-Западный фронт. 5 августа 1943 года в столице нашей Родины Москве впервые прогремел артиллерийский салют. Он был посвящен нашим войскам, которые освободили Орел и Белгород.

Гитлер и немецкое командование в очередной раз были потрясены развитием событий. Мир восхищался доблестью Советских Вооруженных Сил и нашим советским народом. Касаясь событий под Курском, Ф. Рузвельт 29 июля по радио сказал: «Русские не только ликвидировали это наступление, но и продвинулись согласно своим собственным планам… Спасая себя, Россия рассчитывает спасти весь мир от нацизма. Мы должны быть благодарны этой стране, которая сумеет также быть хорошим соседом и искренним другом в мире будущего» (журн. «За рубежом, 1970, № 19, с. 5, 6).

В ходе Курской битвы хорошо проявила себя связка действий группы фронтов, которые на этом направлении подключались в определенное время к месту проводимой стратегической операции. Вот и наш Юго-Западный фронт, подключаясь, конечно, использовал результаты этой битвы, но все делалось в развитие общего стратегического замысла.

Разрабатывая летне-осеннюю кампанию 1943 года, Ставка ВГК Советского Союза, располагая к этому времени более 400 стрелковыми и кавалерийскими дивизиями и 28-ю танковыми и механизированными корпусами плюс резерв: 20 стрелковых дивизий и 8 танковых и механизированных корпусов («История Второй мировой войны 1939–1945 гг.». М., 1976, т. 7, с. 189–190), приняла решение нанести главный удар на Юго-Западном стратегическом направлении. Поэтому на этом участке фронта, который составлял одну треть от всего советско-германского фронта, были решительно сосредоточены основные силы Красной Армии: 50 процентов личного состава, свыше 40 процентов артиллерии и минометов, около 70 процентов танков и более 50 процентов боевой авиации.

В июле 1943 года эта стратегическая операция началась двумя фронтами (отражение удара немцев), затем подключился еще один. А во второй половине августа на линии в 2000

километров наступало уже восемь фронтов. Растерявшись и стремясь, очевидно, поступить так, как это сделал Сталин под Сталинградом (который отдал приказ № 227 «Ни шагу назад»), Гитлер тоже помышлял отдать приказ: «Стоять до последнего». Но, проведя консультации со своими генералами и, в первую очередь, с командующим группы армий «Центр» генерал-фельдмаршалом Клюге, Гитлер понял, что из этой затеи ничего не выйдет, так как войска не смогут выполнить этот приказ, а сам фюрер может понести большой морально-психологический урон. Поэтому он отдает распоряжение о строительстве быстрыми темпами основного рубежа обороны, который должен проходить по реке Днепр.

Гитлер, как ни странно, еще на что-то надеялся. Он появляется в конце августа в Виннице и, разобравшись в обстановке с командующим группой армий «Юг» фельдмаршалом Манштейном, обещает ему 12 дивизий, однако, не выполнив этого обещания, через несколько дней разрешает отводить войска на подготовленные рубежи. В начале сентября уже в Запорожье Манштейн докладывает ему совсем плачевную обстановку и выдавливает из фюрера разрешение вести «подвижную оборону», а фактически тоже отводит свои войска и на этом направлении.

Оценив в целом сложившуюся ситуацию на Украине, Гитлер принимает решение и 15 сентября отдает приказ об отводе группы армий «Юг» на основной оборонительный рубеж, построенный на правом берегу Днепра. Этот рубеж получил условное наименование «Восточный вал». Гитлер и его генералы считали, что это неприступная крепость и что советские войска разобьют о нее свою мощь, что приведет к полному истощению людских и материальных ресурсов нашей армии. Также будут исчерпаны и потенциальные возможности. В целом наши Вооруженные Силы должны выдохнуться, на их восстановление потребуется большое время. А этого вполне достаточно, чтобы Германия могла провести серию политических комбинаций, в основе которых должно лежать прекращение войны и заключение договора на взаимно выгодных условиях (без победителей и побежденных). Немцам, конечно, хотелось бы удержать в своих руках богатую Правобережную Украину. Разумеется, имелось также в виду, что за это время Гитлер смог бы укрепить свой военно-политический блок и пополнить потрепанные войска всем необходимым. Однако и этому плану Гитлера не суждено было сбыться.

13 августа Юго-Западный фронт, в состав которого входила и наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия, начал совместно с Южным фронтом Донбасскую операцию. Войска фронта наносили

удар с рубежа Изюм, Богородичное в направлении Барвенково, Павлоград и далее на юго-запад, имея цели — взломать оборону противника, разгромить противостоящие соединения и отсечь группировку в Донбассе, не дав ей выскользнуть на запад.

С первых дней бои приняли очень тяжелый, крайне напряженный характер. Могу сказать, что только в районе Изюма, где действовала дивизия, в нашем полку погибло в течение месяца три командира полка: майор А. Д. Стахов, подполковник П. И. Пискарев и полковник М. И. Шапошников. Эта категория командиров, как правило, в атаку не ходила (такое случалось лишь в условиях чрезвычайной опасности). Теперь читатель может представить, какие потери были среди командиров взводов и рот, не говоря уже о солдатах…

Но несмотря на это, фронт идет тяжелой, но твердой и непоколебимой поступью на запад. 23 августа был освобожден Харьков (в чем частично заслуга и Юго-Западного фронта). Фронт двигался вперед, и все воины внутренне были уверены, что таких ситуаций, какие у нас были в феврале и марте 1943 года во время окружения юго-западнее Харькова, уже не повторится.

Итак, как только контрнаступление под Курском приобрело стабильно наступательный характер, нас снимают с обороны и, перебросив в район Изюма, уже 16 августа вводят в бой. Мы подоспели как раз к прорыву обороны противника, которую наши войска «прогрызали» с 13 августа. 35-я Гвардейская стрелковая дивизия, развернувшись, наносит удар в направлении высоты 200,5: Сухая Каменка, урочище Долгенькое.

Надо отметить, что во время выдвижения и развертывания для ввода в сражение дивизия подвергалась такой интенсивной бомбежке, продолжавшейся с рассвета и в течение всего дня, что мне все последующие годы войны испытать не довелось, хотя я еще не раз бывал в разных переплетах. Фактически весь день непрерывно, с горизонтального полета на большой высоте, «хейнкеля» сыпали и сыпали бомбы только на нашу дивизию. При этом мощность бомб от 300 до 500 килограммов. Хорошо, что мы успели вырыть хоть примитивные окопы. Они стали спасением, правда, не для всех. Тяжело был ранен в соседнем со мною окопе и наш начальник артиллерии полка, также всеми глубоко уважаемый старший лейтенант Г. К. Паскин. В целом и полк, и дивизия понесли большие потери. Поэтому, постепенно втягиваясь в бои, дивизия не смогла обрушить мощный удар на врага.

Перед нами была 15-я пехотная дивизия немцев. Она упорно сопротивлялась, постоянно проводя на различных участках контратаки. 100-й Гвардейский стрелковый полк наступал из

района Сухая Каменка на Викнино. Оборону приходилось буквально прогрызать. А перед Викнино вообще застряли. Учитывая безвыходное положение, заместитель командира полка капитан Н. А. Терентьев создал штурмовую группу, основу которой составляла рота автоматчиков, обошел село с юга и, стремительно атакуя противника с фланга и тыла, ворвался в село. Поднялся переполох. Этим воспользовались наши передовые подразделения и решительной атакой выбили противника. Однако он и не думал отходить. Наоборот, подтянув резервы, постоянно переходил в контратаку. Наш полк и дивизия продолжали нести большие потери.

Вообще для меня месяц август — знаковый. Жизнь почти ежегодно в августе выдавала какой-нибудь «сюрприз» с положительным или отрицательным знаком. Вот только некоторые крупные события.

В августе 1929 года погибла моя матушка, через год появилась мачеха… В августе 1936 года отца арестовали, но затем выпустили. 5 августа 1941-го принял присягу, пошел защищать Отечество. В августе 1943 года случайно остался жив на Северном Донце. 11 августа 1944-го тяжело ранен на Висле… В августе 1950 года — первая личная встреча с Брежневым. Ровно через год в августе меня зачислили в Академию имени Фрунзе… В августе 1956-го принял стрелковый полк в Мурманске, а спустя два года, т. е. в августе 1958 года — отдельный пулеметно-артиллерийский полк на полуострове Рыбачьем… В августе 1960-го, командуя на «Спутнике» (под Печенгой) 61-м мотострелковым полком, встретился и провел весь день наедине с генералом армии Н. И. Крыловым (тогда — командующим Ленинградским военным округом, позже Главкомом РВСН, маршалом Советского Союза)… В августе 1964-го Главная инспекция Вооруженных Сил СССР проверяла 54-ю мотострелковую дивизию, которой я в то время командовал. Дивизия была отмечена в числе шести лучших дивизий Сухопутных войск Вооруженных Сил СССР в приказе министра обороны. В августе 1965-го был зачислен в Академию Генерального штаба. В августе 1967-го принял 26-й армейский корпус в Архангельске… А в августе 1969-го уже командовал Третьей ударной армией в Группе Советских войск в Германии… В августе 1971-го назначен первым заместителем Главнокомандующего Группы Советских войск в Германии… Август 1973-го — принял Прикарпатский военный округ. Тогда же проводил совместные учения войск Болгарии, Венгрии и СССР в границах округа… В августе 1975-го меня «исключали» из КПСС. Август 1979-го — должность первого заместителя начальника Генерального штаба… В августе 1989-го, будучи Главкомом

Сухопутных войск Вооруженных Сил СССР, вместе с другими офицерами поставил вопрос о проведении Главного военного Совета Вооруженных Сил (состоялся 18 октября 1989-го)… В августе 1991-го — поддержал ГКЧП, был арестован, а в августе 1994-го судом оправдан… В августе 1995-го — активный участник кампании по выборам в Государственную Думу…

Наверное, читатель понял: август для меня действительно необычный месяц.

Мучительно тяжело осуществлялся тогда прорыв обороны противника. Порой было непонятно — кто наступает, а кто обороняется. Контратаки следовали одна за другой, а управление подразделениями было крайне сложным из-за отсутствия командира и заместителя командира полка (они погибли). Тем более что штаб полка во время массированных бомбежек приотстал и влиять капитально на обстановку не мог.

Единственное, что нас выручало, так это твердое управление внутри каждого батальона и надежная связь нашей батареи со всеми командирами батальонов, а также наличие большого количества боеприпасов на огневой позиции. Поэтому, прекрасно расположив батарею в небольшом овраге приблизительно в центре полка и заняв отличный наблюдательный пункт, с которого просматривался практически весь боевой порядок полка, я мог по заявке каждого из комбатов своевременно и надежно наносить поражение контратакующим немцам, перенося огонь с одного фланга на другой или ведя его перед центром боевого порядка. Это было действительно надежным огневым прикрытием наших стрелковых подразделений. Учитывая, что, по каким-то неведомым для меня причинам, поддерживающего артиллерийского дивизиона от артполка дивизии у нас не было, то главную роль в подавлении противника и нанесении поражения его контратакующим цепям наносила наша батарея 120-мм минометов плюс минометные роты батальонов и один взвод 76-мм орудий (эта батарея понесла большие потери). За день было отражено девять крупных, хорошо организованных контратак, подавлен огонь артиллерийской батареи противника, уничтожено много огневых точек и дзотов (ЦАМО, ф. 33, д. 165, л. 338).

За умелые действия в этой сложной обстановке командир 26-го Гвардейского корпуса генерал П. А. Фирсов наградил меня первым орденом — орденом Отечественной войны II степени. Кстати, практически в это же время случилось у нас и другое приятное событие — нам объявили, что введены офицерские звания, и командирам раздали соответствующие погоны. Мне старшина тоже принес, но объявил, что звездочек нет, их надо

рисовать. Однако разведчик взялся их сделать из алюминия, точнее из алюминиевой ложки. Пришлось ему помучиться, пока вырезал шесть звездочек — по три на каждый погон, так как к этому времени я уже получил звание старшего лейтенанта.

В это весьма противоречивое, очень сложное время и в до предела накаленной обстановке командиром нашего 100-го Гвардейского стрелкового полка был назначен полковник М. И. Шапошников. Это был умный, очень внимательный и глубокий человек. Каждое его распоряжение было продуманным, никогда не отменялось, а только корректировалось, если того требовала оперативно-тактическая обстановка. Особо бросался в глаза (на фоне других) его метод управления — ни одно распоряжение, независимо от накала обстановки, не отдавалось с надрывом. Наоборот, чем сложнее была ситуация, тем спокойнее становился наш комполка. Однако действовал всегда твердо и решительно. И еще одна замечательная его черта — исключительная внимательность. Вот пример. Один из батальонов попал в крайне тяжелую ситуацию — перекрестным огнем противник полностью простреливал местность, где залегли наши подразделения. Единственный выход — это зарыться возможно глубже в землю. Но ведь надо же наступать! Командир батальона по радио прямо открытым текстом дает мне координаты трех дзотов, которые не дают поднять головы. Два из них — перед фронтом батальона — я подавил сразу. Но с третьим, самым опасным, ситуация складывалась крайне тяжелая — наша пехота подползла к нему буквально на 100–120 метров и дальше — ни шагу. Пришлось пристреливать не классическим способом (брать в «вилку» и т. д.), поскольку можно было ударить по своим, а постепенно, с дальних рубежей на территории противника подтягивать разрывы к блиндажу как бы с тыла. Наконец мне удалось сделать это. Однако возникла другая опасность. По законам баллистики и тактико-техническим данным системы и боеприпасов, мина могла значительно отклониться, плюс некачественный или сырой заряд — и беда неизбежна: разорвавшись в боевых порядках своих войск, мина унесла бы и жизни многих наших бойцов, и морально-боевой дух оставшихся в живых.

Что может быть хуже, когда свои стреляют по своим? И все-таки надо было рисковать и стрелять. Другого выхода не было — противник хоть и не применял артиллерию и минометы по нашей пехоте по той же причине непосредственного соприкосновения, но пулеметным огнем продолжал выбивать личный состав. И я пошел на риск. Сосредоточив огонь всей батареи на этом опасном дзоте, «подтянув» разрывы каждого миномета, дал залп фугасными минами. Лишь одна мина отклонилась и взорвалась

на нейтральной полосе, не причинив нам ущерба (взрыв фугасного снаряда или мины любого калибра для открытой пехоты не имеет особой опасности). Эффект был исключительный. Я дал команду дать еще три залпа. Дзот заглох, а пехота с криками «ура» бросилась вперед. А потом, ведя впереди пехоты в 300–400 метрах неподвижный заградительный огонь то на одном направлении действия одного батальона, то перенося этот огонь на другое направление, обеспечил продвижение пехоты и, к всеобщему нашему удовлетворению, сделал доброе дело. Один из моих разведчиков, когда фактически «узел» был уже развязан, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, скажу честно, мы очень боялись и очень переживали, не дышали, ожидая результата. Только сейчас наступило облегчение.

Командир 1-го батальона, который наступал в центре, как раз на опасный дзот, вызвал меня по радио и поблагодарил нас. А через несколько минут звонит командир полка полковник М. И. Шапошников:

— Товарищ Варенников, это была блестящая стрельба. Я благодарю вас и весь личный состав батареи с выполнением боевой задачи на высоком уровне. Спасибо вам.

Конечно, услышать такие слова от командира полка на войне, да еще в горячие минуты боя — это выше всякой награды. Улучив момент, я по телефону передал старшему на батарее слова командира полка и поручил довести их до каждого расчета отдельно, а выдастся пауза — построить батарею и объявить благодарность полковника Шапошникова всему личному составу. После чего я объявил благодарность тем, кто был со мной на НП. А вслед за этим послал одного разведчика и одного связиста с двумя катушками кабеля вперед, указав им точку — куда выдвинуться и где обосновать новый НП. Это место было приблизительно в центре наступления полка ближе к линии цепи наступающей пехоты.

Вскоре, совершенно неожиданно для себя, я был назначен по представлению командира полка начальником артиллерии 100-го Гвардейского стрелкового полка. Я чувствовал высокую ответственность. Ведь теперь мне непосредственно подчинялись три полковые артиллерийские батареи, т. е. шесть 120-мм минометов, четыре 76-мм орудий и четыре 45-мм противотанковых орудия, а также три минометные роты, входящие в состав трех батальонов (по одной в каждой) и имеющие в своем составе по девять 82-мм минометов, т. е. всего 27 единиц 82-мм минометов. В полку же была 41 единица стволов. Кстати, в артиллерийском полку дивизии — 36 стволов.

Это вызывало некоторые хоть и товарищеские, но шутки: «У вас в артполку 36 стволов, но вам положены: командир полка — полковник, заместители командира полка и три командира дивизиона — подполковники, а у нас 41 ствол и на все хозяйство — только один подполковник, который сейчас всего лишь старший лейтенант. И справляется».

Но все это были шутки, в действительности же ответственность лежала большая. Особенно по управлению огнем и, в первую очередь, в момент прорывов, когда учитывали все до единого ствола, в том числе и 82-мм минометы. Во время наступления самый сложный раздел деятельности — это управление огнем и перемещением батарей. Хотя постоянное обеспечение боеприпасами, имуществом, продовольствием тоже было очень важным. Требовало внимания своевременное проведение ремонта или обеспечение запасными частями. И, что особо важно, — постоянная подача пополнения. Артиллерийские и минометные расчеты должны быть всегда укомплектованы. Если где-то будет не хватать хоть одного бойца — расчет уже не сможет выполнить свои огневые задачи с положенной для него эффективностью. Поэтому с начальником штаба полка капитаном Г. И. Васькиным у нас была вечная тяжба.

Естественно, для всех батарей надо было добывать разведывательные данные о противнике. Я обязан был систематизировать данные стрелковых батальонов, полковых батарей, сообщения артиллерийского полка или его артдивизиона, если он действовал вместе с нами, и, наконец, сообщения начальников разведки полка и дивизии (а последний имел сведения еще и от нашей авиации, а также от партизан). Исходя из этого, должен был отобрать наиболее опасные цели и назначить средства для их подавления или уничтожения. У начальника артиллерии в непосредственном управлении было всего семь человек: адъютант старший (как начальник штаба) — офицер, два разведчика-вычислителя, два телефониста и два радиста. То есть не густо. Плюс, правда, еще ординарец, который постоянно выполнял функции и посыльного, и разведчика, и связиста, и вычислителя, и хозяйственника, и коновода. А главная его забота, чтобы у нас всегда — и днем, и ночью, зимой и летом — были в достатке ржаные сухари, фляга с крепким чаем и сахар. Поэтому он еще должен быть «доставалой-вышибалой». В том смысле, что у тыловиков вытягивать что надо и промышлять на полевых кухнях. А раз так, то у него должен быть еще и дипломатический дар.

Вообще, до этого назначения я был все время командиром — командир отделения, командир взвода, командир батареи. А

теперь никакой не командир, а начальник, которому не надо было даже лично стрелять. Но, приняв должность и организовав необходимую систему нашего ратного труда, я, конечно, не упускал возможности пострелять. Эта страсть стала уже моей внутренней потребностью.

Получив назначение и передав командование батареей лейтенанту Шевчуку, я отправился на КП полка и представился командиру. Усадив меня, проанализировав пройденный путь, особенно прорыв обороны противника под Изюмом, как логическое продолжение Курской битвы, полковник Шапошников подробно нарисовал возможные предстоящие задачи и рассказал, как он представляет их выполнение. Подчеркнул роль и место во всем этом артиллерии нашего полка. Сказал в заключение, что впереди у нас, конечно, будет Лозовая, через которую дивизия уже ходила не один раз.

Внимательно слушая его, я одновременно невольно оценивал командира полка. Это, конечно, был умный, мудрый человек, способный свободно и очень точно оценить обстановку. На фоне общей оперативной ситуации он умело показывал место полка и выполняемые им задачи, а также роль, задачи и способ их выполнения тем подразделением, которому он посвятил свою речь. Я слушал Шапошникова и рассматривал его уставшее немолодое лицо, слегка прищуренные, в морщинках, глаза, седеющие виски, темную шевелюру. Этот человек буквально за несколько дней приобрел в полку всеобщее уважение, высокий авторитет. Глядя на него, я невольно думал о его судьбе. Как нам было известно, полковник М. И. Шапошников был начальником штаба корпуса, но, в связи с якобы допущенными какими-то ошибками в управлении войсками, был снят с занимаемой должности и направлен командовать полком. Мне не было известно, когда, где и чем он командовал раньше, но то, что полковник прекрасно руководил 100-м Гвардейским стрелковым полком, видели все. Мало того, трудно было даже представить, что такой человек мог допустить просчет, который потребовал бы снятия его с должности. Нет, скорее это проявленная каким-то крупным начальником горячность, решение, принятое опрометчиво. Возможно, полковник Шапошников в разговоре со старшим по званию допустил строптивость и несогласие с тем, что предлагал начальник. Ведь во все времена встречались такие личности, которые, занимая высокий пост и используя свое положение, не терпели малейших возражений, считая, что их личные высказывания — непоколебимая истина в последней инстанции. История с Шапошниковым, может быть, тоже из этой области. Наблюдая в последующем за его разговором по телефону

или радио с командиром дивизии Кулагиным и даже с комкором Фирсовым, я убеждался, что у него твердый характер, заискивать перед кем-либо он не станет. Печально, конечно, что, покомандовав полком непродолжительное время, Шапошников погиб. Любого нашего солдата и офицера жалко, если он пострадал или тем более сложил свою голову, но вдвойне жаль тех, кто погиб, самоотверженно выполняя свой долг.

В начале сентября мы получили пополнение и, как и предвидел командир полка, развили наступление на Лозовую. Это крупный железнодорожный узел, который фактически обеспечивал связь между двумя промышленными центрами — Харьковским и Донбасским. Естественно, немецко-фашистское командование уделяло этому объекту большое внимание. Кроме того, в Лозовой, занимавшей выгодное стратегическое положение, и прилегающих районах размещалось большое количество штабов, узлов связи, арсеналов, различных складов — особенно с боеприпасами и продовольствием. На железнодорожном узле чуть ли не все пути занимал в огромном количестве подвижной состав, обеспечивающий все воинские перевозки на юге. Кстати, именно Лозовая, как и некоторые другие населенные пункты, была тем центром, где немцы вначале сосредотачивали все награбленное на оккупированной территории, а затем вывозили в Германию. Особенно много отсюда было вывезено продовольствия. Все это, естественно, обязывало командование гитлеровской армии удерживать Лозовую любой ценой.

В то же время командование нашего Юго-Западного фронта, выполняя требования ВГК и замысел Ставки в этой операции, тоже сосредотачивало внимание на этом оперативно-стартегическом направлении. С захватом Лозовой мы лишали Гитлера не только одного из источников продовольственного снабжения, а также возможности маневрировать силами и средствами вдоль фронта, но и обеспечивали перспективу стремительного выхода к Днепру в районе Днепропетровска и Дежнева.

Подавляя противника артиллерией и авиацией, не ввязываясь в затяжные бои там, где немцы подготовили узлы сопротивления, а обходя их, 35-я Гвардейская стрелковая дивизия стремительно развивала наступление на Лозовую с темпом 20–25 километров в сутки. Для того времени такие темпы были, конечно, высокими. При этом был учтен печальный опыт недалекого прошлого, который мы приобрели на этом же направлении, и теперь соединения, т. е. их 1-й и 2-й эшелоны, резервы, а также пункты управления, тылы и все необходимое для обеспечения наступления, двигались компактно, не растягиваясь. Даже

аэродромная сеть с полевым базированием обеспечивалась своевременно и войска не только надежно прикрывались истребительной авиацией, но и по вызову немедленно проводили бомбо-штурмовые удары там, где этого требовала обстановка. Кстати, наша авиация, как правило, наносила удары по объектам, которые находились вне населенных пунктов.

16 сентября дивизия ворвалась на западную и юго-западную окраину Лозовой. Стремясь окружить и уничтожить противника в городе, командир дивизии отдал приказ 100-му Гвардейскому стрелковому полку стремительно выйти на западную окраину Лозовой и не допустить отхода врага на запад. Опрокидывая все на своем пути, полк устремился к намеченной цели. Однако немцы, приобретя к этому времени капитальный опыт попадания в окружение и испытывая на себе постоянно действующий сталинградский синдром, бросили все и начали спасаться бегством, не желая попасть в кольцо окружения.

Вообще сейчас сложно судить, что именно в то время доминировало: то ли страх попасть в окружение, то ли мощные удары частей дивизии с фронта, т. е. с востока. Но к утру 17 сентября в городе не было ни одного гитлеровца, кроме, разумеется, пленных. Противнику не удалось вывести даже минимум, советскими частями были захвачены большие трофеи — огромное количество продовольствия и другого имущества, награбленного оккупантами на нашей территории.

16 сентября мы захватили Лозовую, а уже 19 сентября с боями форсировали реку Самару (есть такая речушка на Украине), перерезали магистраль Новомосковск — Павлоград и 22 сентября вырвались к левому берегу Днепра. Это была победа! Тем более войска вышли компактно, сохранив силы и потенциал для дальнейших действий, для броска через эту могучую преграду.

Оглядываясь назад, на бои на Левобережной Украине, автор обязан подчеркнуть, что они были, конечно, не триумфальным шествием, хотя немцы уже испытали на себе, что такое Сталинград. Нет, это были тяжелые, изнурительные бои и операции. Часто с переменным успехом: приходилось не только наступать, но и отступать, оставляя уже освобожденные территории. Однако в итоге мы все же опять наступали! И, начиная с Курской битвы, стратегическая инициатива в целом для всей Красной Армии полностью и бесповоротно перешла в наши руки.

Немецко-фашистское командование, учитывая эту общую ситуацию, конечно, выработало соответствующую и тактику, и стратегию. В крупном плане еще весной оно увидело, что

советские войска способны, невзирая на грозящую опасность с флангов, опрокинуть все, что было на их пути, и выйти к Днепру. И хотя такой удар, в котором участвовала и наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия, немцы весной и парировали, а ударная группировка Юго-Западного фронта в тот раз была отброшена к Северному Донцу, вывод гитлеровцы сделали однозначный: надо готовить надежный стратегический рубеж на Днепре. Одновременно они считали необходимым упорной обороной отдельных районов и мощными контрударами и контратаками измотать советские войска на территории Левобережной Украины. И если Красной Армии и удастся выйти к Днепру, то это, по их мнению, должны быть обессиленные, обескровленные войска, которые не только не способны будут форсировать эту широченную реку, но вообще окажутся не в состоянии предпринять хотя бы какие-нибудь активные действия. То есть надо как минимум довести наши войска до положения, в котором они оказались после выхода из окружения весной сорок третьего года.

Одновременно немецко-фашистское командование намеревалось сделать все для сохранения сил вермахта и не допустить больших потерь в сражениях на Левобережной Украине. В этих целях после Курской битвы и прорыва нашего Юго-Западного фронта в районе Изюма тактика действий частей и подразделений немцев стала весьма шаблонной — днем они оказывали максимальное сопротивление на занимаемом рубеже, в том числе, и особенно, в населенных пунктах, вызывая тем самым наш огонь на города и села, и одновременно частью сил готовили в тылу очередной промежуточный рубеж. С наступлением темноты главные силы они выводили на этот рубеж, оставляя прикрытие, которое вело беспорядочный интенсивный огонь далеко за полночь, поджигая дома и различные строения, а затем быстро уходили на своих транспортерах и машинах. Часто минируя при этом дороги и различные объекты.

Однако у немецких генералов далеко не все получалось из того, что от них требовал Гитлер. Ушло безвозвратно то время, когда немецко-фашистские войска захватывали пядь за пядью нашу землю. Теперь музыку заказывали мы, и под ее мелодии вынуждены были танцевать в гитлеровской ставке.

Итак, перед нами Днепр — могучий, широкий, величественный и грозный. Что же он нам уготовил в своих водах и на своем правом берегу?

Глава III
О битве за Днепр и правобережье Украины

Выход к реке-океану Днепру. Фронт тяжелой поступью идет на запад. Свинцовая вода, как на Волге. Захват плацдарма у Войскового, вблизи Днепропетровска. Бои, как и в Сталинграде, только в поле. Захлестываем Никопольскую группировку. Могила Нечаева. Поцелуев — посмертно Герой Советского Союза. Позади Ингулец, Ингул и Южный Буг. Наконец, красавица Одесса. Но до этого — знаменитое село Христофоровка. Днестровский плацдарм у Паланки. На плацдарме у Шерпен бои, как на раскаленной земле. Кулагин собирает дивизию по крохам. Новое направление.

Развивая наступление, наши войска за август и сентябрь продвинулись до 300 километров. Юго-Западный фронт сосредоточивал основные свои усилия на Днепропетровском и Запорожском направлениях. 22 сентября войска вышли к Днепру южнее Днепропетровска. А уже 25 сентября форсировали реку и захватили плацдарм в районе поселка Войсковое. Однако противник в это же время сохранял еще множество плацдармов на левом берегу Днепра. Но войска Красной Армии в целом к исходу сентября вышли на Днепр на 100-километровом фронте. Это была огромная победа, и она во многом очертила грани перспективы развития войны.

У немецкого командования, которое в итоге Сталинградской битвы получило ошеломляющий удар и урок и приняло второй сокрушительный удар под Курском, к осени 1943 года уже устойчиво наблюдали явные психические отклонения — если в ходе сражения намечался малейший намек на окружение немецких частей нашими войсками, они ударялись в панику! Немецкие генералы сразу строили прогнозы: любой охват закончится окружением немецких соединений, а во что все это выльется — всем известно. Поэтому при малейшей такой опасности (тем более двойного охвата — с юга и севера) руководители высшего ранга ставили перед Гитлером вопрос о «выравнивании фронта». При этом старались убедительно показать преимущество этих действий: убирая свои войска из какой-то дуги (которая может превратиться в кольцо окружения) и отводя их на запад на заранее подготовленный рубеж, можно тем самым высвободить ряд соединений, поставить их в резерв или второй эшелон и удержать этот рубеж.

Однако Гитлер, как правило, отклонял эти предложения.

Больше того, он даже рассчитывал перейти на некоторых направлениях в контрнаступление. Выдвигая конкретные требования о безусловном удержании рубежа реки Днепр, он, конечно, руководствовался крупными политическими и экономическими соображениями.

Оценивая политическую ситуацию, он понимал, что операции, проведенные зимой 1942–1943 годов, и летние сражения 1943 года, безусловно, сильно подорвали престиж Германии. А выпадение из войны Италии и весьма ограниченное участие в военных действиях Венгрии и Румынии только способствовали снижению германского рейтинга. Поэтому от того, удастся или не удастся удержать Днепр, зависело положение этих стран — если события будут и дальше развиваться так, как это было летом 1943 года, то они вообще могут встать по другую сторону баррикад. Не останутся безразличными к этому также Болгария и Турция, которые, разумеется, сделают выводы в свою пользу. Таким образом, немецкому командованию надо было сделать все, чтобы удержать «Восточный вал» — иначе Германия окажется один на один с Советским Союзом. А это означало неминуемый крах! Кроме того, удержание рубежа реки Днепр в течение нескольких месяцев позволило бы Гитлеру, его политикам и дипломатам осуществить ряд политических манипуляций (о чем автор писал в предыдущей главе), которые, чем черт не шутит, могли бы вывести и на подписание мирного договора. А это для Германии означало спасение, жизнь.

Не менее важными были для Гитлера и экономические соображения. Дело в том, что германская сталелитейная промышленность (как и промышленность союзников Германии) более чем на одну треть своих потребностей в марганце покрывала за счет Кривого Рога. А вся Украина служила для Германии важнейшим источником различных других полезных ископаемых. Но, что особенно важно, она была главным поставщиком продовольствия.

Естественно, Гитлеру импонировали именно эти доводы и расчеты, и он не мог так легко отказаться от надежд переломить ход войны в пользу Германии. Немецкие генералы в прошлом, да и особенно сейчас, в своих мемуарах обвиняют Гитлера в упрямстве: по убеждению Гитлера именно упрямство должно было спасти положение, а не искусство полководца. По мнению немецких генералов, решения Гитлера ставили германские войска в крайне неблагоприятные положения. А генерал Типпельскирх даже договорился до того, что заявил: «Цепляясь со все возрастающим упрямством за стратегию «удержания любой ценой», он тем самым действовал только на руку русским»

(«История Второй мировой войны», с. 325).

Конечно, при живом Гитлере этот, как и другие немецкие генералы, такого заявления бы не сделали. Но факт остается фактом: генеральская каста вермахта хотела бы оправдать себя во всех просчетах и в целом в постигшем разгроме и поражении Германии. Но как бы они ни старались себя обелить, превосходство советского военного искусства было неоспоримо, и оно было ярко продемонстрировано во многих битвах, особенно в операциях под Сталинградом и Курском. Оно было столь же ярким, как и недальновидность немецкого командования.

Между прочим, в мемуарной литературе германских офицеров часто можно встретить мысль о том, что наша Ставка ВГК и командующие фронтов вроде бы действовали по шаблону. Но даже школьнику ясно, что, допустим, Сталинградская и Курская битва совершенно не имеют ничего общего. И, вообще, каждая из проведенных в годы Великой Отечественной войны операций имеет свое индивидуальное, присущее именно только ей лицо.

Вот и операция Юго-Западного фронта летом и осенью 1943 года по освобождению Левобережной Украины (совместно с другими фронтами) тоже имела свои черты и особенности.

Наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия еще на подступах к Днепру, после взятия Лозовой 16 сентября, была ориентирована командиром 26-го Гвардейского стрелкового корпуса генералом П. А. Фирсовым на то, что нам с ходу предстоит форсировать реку. С этой целью необходимо было уже заранее готовить передовые отряды из наиболее опытных и способных воинов. Это отвечало директиве Ставки ВГК от 9 сентября 1943 года, которая требовала форсировать водные преграды быстро и решительно. Одновременно там указывалось, что за успешное форсирование водных преград личный состав должен награждаться (Русский архив. Великая Отечественная, т. 5(3). М., 1999, с. 201). А 25 сентября Ставка вновь подтвердила эти требования, но уже конкретно относительно Днепра.

22 сентября войска Юго-Западного фронта, в том числе и наша дивизия, правым флангом вышли к Днепру. В это же время достигла реки севернее Киева 13-я армия генерала Н. П. Пухова (Центральный фронт) и сразу форсировала ее передовыми отрядами, а уже к исходу дня имела плацдарм в 25 километров по фронту и от 2 до 10 километров в глубину. Это, конечно, подвиг.

Но почему не форсировал Днепр с ходу Юга-Западный фронт? Причин было две: первая и основная — значительно сложнее условия для форсирования, и вторая — на западном

берегу имелись войска противника, хоть и незначительные, а точных данных об их количестве и группировке не было. Конечно, сказалось отсутствие подручных материалов для строительства плотов. Но сыграло роль и то, что река в том месте в три раза, а может быть, и больше, шире в сравнении с участком севернее Киева. Оказывается, что в месте, определенном для нашей дивизии, был лиман. Поэтому река представлялась неимоверно широкой, на наш взгляд — морем. Выйдя к берегу, я глянул на ту противоположную сторону и понял, что испытание для нас тоже будет неимоверно трудным. Всматриваясь в мутные воды реки, я почувствовал, что они такие же тяжелые и свинцовые, как на Волге в Сталинграде осенью 1942 года. Как встретит нас правый берег?

Командование принимает решение — немедленно приступить к подготовке форсирования. Все войска тут же рассредоточились по окрестным селам, рощам, посадкам. Была поставлена задача каждому подразделению срочно делать какие-либо «плавсредства» — плоты из досок, бревен, металлических бочек из-под горючего, опрометчиво брошенных немцами в исправном состоянии. Плоты, конечно, были тихоходные, на веслах, но артиллерийские орудия, боеприпасы, другие запасы, личный состав могли брать в значительных количествах. Кто-то подал мысль поискать рыбацкие лодки, и тут же вверх и вниз по течению были направлены взвод конной разведки от нашего 100-го Гвардейского стрелкового полка и несколько групп всадников от полковой артиллерии.

В районе дислокации дивизии был установлен жесточайший режим — никому на берегу не показываться, нигде не маячить. В случае появления разведывательного самолета гитлеровцев все работы и занятия немедленно прекратить и замаскироваться. И все же, несмотря на трудности, подготовка к форсированию шла быстро, работа кипела. Никого подгонять не приходилось, среди бойцов царил подъем — наконец-то мы у могучего седого Днепра! Он просился в наши родные объятия.

Разведывательные средства дивизии и полков были скрытно выдвинуты на берег и замаскированы. Они должны были визуальным наблюдением установить режим жизни и боевой деятельности противника на правом берегу, его систему огня и инженерных заграждений, приблизительную численность на переднем крае и в ближайшей глубине. Кроме того, разведке предстояло установить наиболее благоприятные — для захвата нашим десантом — участки обрывистого правого берега.

В целом разведка с этой задачей справилась. Было установлено, что противник в полосе наступления нашей дивизии

(в том числе с учетом сноса нашей «флотилии» течением) имеет незначительные силы. Да это и естественно: он не предполагал, что наше командование может «додуматься» форсировать реку на самом широком участке, к тому же совершенно не имея для этого табельных средств. А то, что мы их не имели, противник, конечно, знал из достоверных донесений и авиационной агентурной разведки, которая оставалась в наших краях. Обычно на войне так и делается: отступая, оставляют скрытые разведывательные пункты со средствами связи. Вот они и информировали немецкое командование. Исходя из разведданных немцы сосредоточивали основные усилия на особо опасных, на их взгляд, направлениях.

Но в этом-то и заключалась «изюминка» замысла: сбить противника с толку, развеять все его подозрения относительно наших намерений, сделать так, чтобы он поверил, будто мы несказанно рады выходу к реке, где и разбили свой «бивуак», приводим себя в порядок, подвозим запасы, пополнение, и больше никакие заботы нас не волнуют, в т. ч. форсирование. Поэтому даже вдоль берега у кромки воды не было выставлено крупных подразделений — все ограничено патрулированием. То есть, для отвода глаз противника был разыгран маленький спектакль: ему было показано ровно столько, чтобы немцы, наблюдая, делали выводы в нашу пользу. И, видно, «втереть ему очки» нам удалось, потому что за трое суток подготовки противник ни разу нас не обстрелял и ни разу не бомбил.

27 сентября 35-я Гвардейская стрелковая дивизия заняла исходный район для форсирования. Наш 100-й Гвардейский стрелковый полк сосредоточился в районе села Марьевка. С наступлением темноты полк стал похож на муравейник — все двигаются, все что-то несут, все озабочены. Но важно, что все знали, что нести, куда нести и в какое время. Каждый вытаскивал на свой участок берега плоты, лодки, в общем, мало-мальские переправочные средства — все, что могло плавать, спускал их на воду и закреплял, чтобы не унесло течением, хотя у берега оно и было слабым. Затем все это загружалось боеприпасами, различным имуществом, продовольствием. А наши артиллеристы закатывали 45-мм противотанковые и 76-мм полковые орудия и, закрепив их, проверяли, как держит плот. Надо отдать должное саперам полка — это они постарались и в основном обеспечили наших артиллеристов плотами разной величины, и эти плоты были наиболее устойчивыми и надежными. А самое главное — оснащены мощными гребными веслами и огромным кормовым веслом — рулем. Помахивая в воде этим рулем, как рыба хвостом, плот развивал приличную скорость движения — на

уровне пешехода.

Каждый боец и командир знал свои задачи. Они многократно были доведены до всех, разложены «по полочкам» на местности. Подразделения были разбиты на волны или линии, и каждый знал, откуда, какой волной он форсирует реку, куда его плот или лодка на той стороне должны причалить. Порядок действий на вражеском берегу, порядок применения оружия на воде и на суше, соблюдение мер безопасности и маскировки — все было затвержено наизусть. И, несомненно, гарантированно было подготовлено все, что связано с артиллерийской поддержкой форсирующих подразделений. Наша 120-мм батарея оставалась на левом берегу, но командир батареи со взводом управления форсировал реку с первой волной. Там же шла и вся 45-мм батарея. Во второй — форсировала 76-мм батарея. Поддерживающий наш полк дивизион артиллерийского полка развернулся на левом берегу, а командир со средствами управления форсировал реку вместе с нами — с командиром полка и его группой, в которую входил и я.

Одновременно эту операцию проделали командир артиллерийского истребительно-противотанкового полка, который был придан нашему полку на период боев за Днепр. Огневые позиции полка (пять артиллерийских батарей) были расположены вдоль опушки рощи, которая шла вдоль берега в 200–300 метрах от воды. Полк в основном должен был бить прямой наводкой — по видимым с огневых позиций целям. Но при необходимости мог вести огонь и по целям, которые находятся в глубине и видны только с наблюдательного пункта, расположенного на правом берегу Днепра.

Успех этой операции зависел еще от двух обстоятельств. Во-первых, от умелых действий на быстрине, т. е. на участке самого быстрого течения реки, который был до 200–300 метров, около 10–15 процентов всей ширины реки. На этом участке лодки и особенно плоты могли быть отброшены далеко вниз по течению. Поэтому тут надо было не только как следует поработать веслами, но и суметь изловчиться и поставить плот (лодку) по отношению к оси течения под таким углом, чтобы само течение подталкивало их к правому берегу.

Второе условие заключалось в том, что надо было изготовить плоты на все подразделения, которые по плану должны были переправляться именно на плотах. Другими словами, плоты были фактически разового пользования. Достигнув противоположного берега, они оставались там для других нужд. Из них делали причалы, блиндажи, дзоты и т. п. Все негодное для строительства шло на дрова.

Связь для управления войсками на первых порах, естественно, планировалась по радио. Но одновременно с первой волной войск связисты протягивали на правый берег сразу несколько «ниток» провода. Разумеется, на все случаи деятельности были разработаны и таблицы сигналов.

Конечно, перечислено далеко не все, что было сделано, но даже этот небольшой перечень в общих чертах дает представление о том, что к форсированию Днепра готовились капитально.

Первым получил команду «вперед» передовой отряд полка, который возглавлял лейтенант М. В. Кокоулин (кстати, он и сейчас здравствует и проживает в Москве). Два десятка лодок для автоматчиков и несколько легких плотов для минометчиков быстро, но бесшумно заскользили по воде. Мы облегченно вздохнули: началось! Минут через семь двинулась вперед первая волна — роты первого эшелона первого и второго стрелковых батальонов, на широком фронте. Здесь же батарея 45-мм орудий. За ней вторая волна — роты второго эшелона батальонов, минометные роты, полковая артиллерия, боеприпасы первой необходимости. Затем шла третья волна — батальон второго эшелона полка и т. д.

Когда передовой отряд полка достиг середины реки, т. е. попал на быстрину, неожиданно взметнулся вверх луч мощного немецкого прожектора. Вначале он замер, но тут же опустился на воду и начал шарить по поверхности Днепра. С юго-востока дул небольшой ветерок — нам-то он помогал в преодолении реки, и в то же время доносил различные шумы с реки до противника, — а это было не в наших интересах. Очевидно, сейчас передовой отряд, попав в полосу быстрого течения, начал усиленно работать веслами. Видимо, плеск воды был услышан на правом берегу, поэтому ожил прожектор, который вначале пробежал по всем близлежащим участкам реки, а затем стал обшаривать ее метр за метром — детально и внимательно. Как и следовало ожидать, его луч выхватил из тьмы одну из лодок. И сразу ударило три крупнокалиберных пулемета. Даже нам, находившимся на своем плоту на значительном расстоянии от этой лодки, стало неуютно.

Командир полка майор И. М. Полищук, поняв, что замысел скрытно перейти на правый берег сорван, дал команду артиллерии открыть огонь по всем разведанным целям и, в первую очередь, на переднем крае. И мы тут от души дали фашисту «прикурить», обрушив на него всю мощь наших батарей. Над Днепром все грохотало, гремело, раскалывало на части темное небо, бурлила и вспенивалась вода… Через одну-две минуты прожектор полностью «ослеп» и больше не «прозревал», а

пулеметы захлебнулись и заглохли. Тогда противник стал интенсивно освещать ракетами зеркало реки и открыл артиллерийский огонь. Конечно, прицельно вести ему огонь было сложно, однако залпы противника уже достигали своих целей, тем более что «заговорила» тяжелая дальнобойная артиллерия. У нас появились потери. В первой волне форсирующих снарядами было разбито две лодки, разворочена половина плота. Солдаты беспомощно барахтались в воде. Очередная, т. е. наша линия, выхватила их из воды, но всех подобрать не удалось, не смогли взять на буксир и поврежденный плот. Медленно вращаясь вокруг своей оси, он, груженный ящиками с боеприпасами, уходил вниз по течению.

Но вот в зону огня вошла и наша волна. Снаряды рвались повсюду и беспрерывно, гейзерами взметнулись вверх водяные столбы. Все вокруг кипело и гремело — взрывы на воде почему-то издавали мощный звук, который усиливало многократное эхо. Пройдя быстрину, вдруг ахнули: у кормы нашего плота рулевого весла как не бывало, а два солдата — рулевой и еще один — свалились в воду и больше не появились. Кто-то стонал. Майор Полищук закричал: «Спокойно! Навались на весла!» Все стали с весельными рядом, изо всех сил помогая грести. Разорвался очередной снаряд, и мы вошли в поднятый им столб воды. Нас окатило гигантским «душем». Если хотя бы на одну-две секунды мы продвигались быстрее, то снаряд разорвался бы, конечно, на плоту.

Берег был уже совсем близко. Там творилось что-то невообразимое: несколько групп наших бойцов, преодолев кручу и вскарабкавшись наверх, втянулись в бой, чтобы удержать клочки захваченной земли. Конечно, это были солдаты передового отряда. Их командир лейтенат Кокоулин, проявляя лично храбрость и мужество своими действиями, увлекал вперед бойцов и захватил малюсенький участок на высоком берегу, что явилось основой всего плацдарма.

На самом правом фланге — на очень узком прибрежном пляже — шла рукопашная схватка. Беспорядочная стрельба и разрывы ручных гранат, тяжелое уханье батарей — все слилось в сплошной гул и вой.

Командир полка приказал мне организовать максимально интенсивный огонь артиллерии полка, приданной и поддерживающей, а сам, уточнив, где находится командир 1-го стрелкового батальона старший лейтенант Иванов, бросился к нему. Командиры-артиллеристы остались со мной. Чтобы ввести в бой артиллерию, в том числе нашу 120-мм минометную батарею и управлять огнем со своего временного пункта управления,

устроенного у вытащенного на берег плота, я запросил по рации — где располагается 45-мм батарея. Оказывается, два орудия на лямках уже затаскивали по небольшим овражкам вверх, в захваченную нами первую траншею противника. Небо постоянно озарялось множеством осветительных ракет, и я увидел их. Мои разведчики, которые всегда были рядом, все время стреляли из автоматов.

Мы встретились с командиром батареи лейтенантом Шелудько, как родные братья, на миг обнялись — и за дело. Я обрадовался, что два орудия были уже почти наверху. Шелудько хотел затянуть еще два — на других участках, но я сказал, что нет смысла рисковать — здесь уже проторены дорожки. Надо всем навалиться и поднять орудия наверх. «Лезу наверх и жду тебя с орудиями именно здесь», — сказал я ему и стал карабкаться по круче. Это взбодрило людей, прибавило энергии. Моя группа — разведчики, связисты и старший адъютант (начальник штаба) тоже быстро двинулись вслед за мной. А на верхотуре — как на семи ветрах — все и всех продувает и простреливает — справа налево, слева направо и с фронта. Хотя наши передовые подразделения уже и были впереди метрах в 100–150. Мы броском рванули вперед, но все-таки одного радиста потеряли — Николая Цимбала. Он был замечательный воин и прекрасный человек. Когда у нас выдавалась минута затишья, он красиво играл на гитаре.

Все попрыгали в траншею, пересчитали людей — одного нет. Оказалось, Цимбала. Я послал двух разведчиков ползком обратно — разыскать его. Минут через 15–20 они волоком притащили его тело с буквально разорванным лицом. Его можно было узнать лишь по высокой статной фигуре и медали «За отвагу».

За это время два орудия уже включились в бой, еще два подняли наверх. Я связался с командиром батареи 76-мм орудий, чтобы сориентировать его — где лучше поднимать орудия, и он пошел по следу Шелудько.

Небо начало светлеть. Приближался рассвет, а вместе с ним и начались контратаки противника. Отыскав командира полка, я доложил обстановку с полковой артиллерией. С ним находились командир приданного артиллерийского полка и командир дивизиона нашего артполка. Огонь орудий и минометов сосредоточили на селе Войсковом, которое начал штурмовать 1-й стрелковый батальон. Командир старший лейтенант Иванов сам пошел в атаку в центре с одной ротой, с другой ротой, справа село атаковал начальник штаба батальона старший лейтенант Литвинчук. Слева, с третьей ротой, противника обходил и атаковал заместитель командира батальона по политчасти

лейтенант Минаев.

С восходом солнца наши подразделения захватили большую часть села. Затем командир полка подтянул резерв и, организовав сильный огневой налет по позициям немцев, атакой выбил их полностью из населенного пункта. К утру полк закрепился всеми силами в первых двух траншеях противника и овладел большим селом Войсковое, по названию которого и обозначался в последующем во всех официальных документах наш плацдарм.

Немецкое командование понимало, какую опасность для них представлял наш плацдарм на Днепре. Поэтому с учетом опыта, который немцы приобрели в борьбе с нашими войсками на Букринском плацдарме, они уже в первый день ввели в бой 257-ю пехотную дивизию с целью сбросить нашу дивизию в Днепр. С утра и до обеда контратаки шли одна за другой, как в Сталинграде. Первые удары противника увенчались для него успехом — приблизительно к 14 часам он захватил два участка на нашем переднем крае. Затем сделал двухчасовую паузу, которую заполнила массированными бомбо-штурмовыми действиями авиация. При этом она наносила удары, действуя вдоль правого берега, чтобы не зацепить свои войска. А по левому берегу, т. е. по нашим штабам дивизионной и приданной артиллерии, по нашим тылам авиация обрушивала бомбовые удары с горизонтального полета. Надо отдать должное немцам — они оперативно отреагировали на наши действия. Видно, понимая, что Букринский плацдарм им уже не ликвидировать, поэтому они решили больше не позволить нам занять позиции еще где-либо, в том числе в районе Днепропетровска.

Временно прекратив активно действовать, противник решил, очевидно, провести перегруппировку. Чтобы не дать ему спокойно готовить последующие удары, мы тоже усилили огневые налеты — особенно по артиллерийским батареям противника, по скоплениям его живой силы. Одновременно, хоть и под огнем, мы проделали маневр: подтянули к наиболее опасным участкам орудия для стрельбы прямой наводкой, отрыли для них и для пехоты тоже окопы, провели частично минирование перед передним краем, усилили передовые подразделения личным составом, доставили боеприпасы и продовольствие, в том числе воду для питья. Кстати, о воде. Был на исходе сентябрь, но дни стояли жаркие, даже знойные, как в июле. Плюс накал схваток с противником. Бойцов мучила жажда, питьевой воды требовалось много, и, хоть Днепр был рядом — до воды рукой подать, во второй половине дня воды во флягах уже не было. Спускаться же кому-либо к воде запрещалось. Вообще, днем идти или ползти в тыл нельзя. Эта вынужденная и временная мера была принята

командиром полка правильно. Движение назад могло действовать отрицательно на слабонервных. Поэтому первые трое суток мы капитально запасались водой в термосах только в ночное время.

Вторая половина дня до самой ночи тоже прошла в контратаках, однако существенных результатов противник не достиг. И он и мы несли большие потери. Павших ночью хоронили здесь же, в траншеях: выбивали ниши, завертывали тела в плащ-накидки и предавали их земле. Перед расставанием прощались, давали клятву отомстить. Два-три человека записывали адрес родственников погибшего, чтобы сообщить им о последних днях солдата.

На следующее утро противник обрушился на нас с новой силой — он ввел в бой свежие подразделения 46-й пехотной дивизии. Появились танки. После массированных огневых ударов артиллерии и бомбо-штурмовых налетов авиации противник перешел в контратаку по всему фронту. И на одном участке ему удалось ценой больших потерь прорвать оборону нашего 100-го Гвардейского стрелкового полка, хотя мы и подбили два танка.

Обстановка крайне осложнилась. Было ясно: чтобы расширить прорыв, а затем начать сматывать нашу оборону, немцы на этом участке введут резервы. Здесь мы и сосредоточили все имевшиеся силы артиллерии (печально, но факт: наша авиация не появлялась — очевидно, все было брошено на Киевское направление). Командир полка майор Полищук в короткие сроки собрал для атаки всех — саперов, связистов, санинструкторов, даже раненых, но способных стрелять и двигаться. Мы все — солдаты и офицеры во главе с командиром полка — были как один монолитный кулак. Все понимали — от нашей атаки зависела судьба дальнейших событий: или мы закрепимся на плацдарме, или нас всех перебьют. Конечно, на войне командир полка не должен был ходить в атаку. И, как правило, не ходил. Но были особые случаи, когда только такой поступок мог спасти и изменить ситуацию. Все проверили оружие, взяли по три-четыре гранаты, флягу с чаем и два медицинских пакета.

После огневого налета взлетела красная ракета и прокатилось громовое: «За Родину, за Сталина — в атаку, вперед! Ура-а-а! Ура-а-а!» Стреляя на ходу, точнее на бегу, мы неслись по колдобинам, не чувствуя земли. Сколько это продолжалось — трудно сказать. Но, соединившись со 2-м стрелковым батальоном (противник прорвался на стыке между батальонами), мы уже все, в том числе фланги батальонов, устремились вперед и захватили траншею, где у нас в первый день проходил передний край. Противник вызвал авиацию и бросился в контратаку. Командир

полка поднял в атаку и нас. Во встречном бою майор И. М. Полищук погиб, но мы далеко отбросили немцев, захватив промежуточную позицию. Потом быстро подошел 3-й стрелковый батальон и закрепился на достигнутом рубеже, загнав немцев в балку. Мы подтянули остатки 45-мм противотанковой батареи (два ее орудия были разбиты) и батарею 76-мм орудий (одно было повреждено, его пришлось оставить). Саперы под огнем устанавливали противопехотные и противотанковые мины — мы, как могли, пытались облегчить их ратный труд: дымовыми снарядами и минами ставили довольно плотную завесу, а они под ее прикрытием — «работали». После этой нашей атаки противник хоть еще и контратаковал, но уже робко.

На фронте как бывало? Погибает командир, что ж, старший по званию берет на себя его функции. Так и теперь — вместо убитого майора Ивана Михайловича Полищука командование полком взял на себя его заместитель по политической части майор М. Л. Величай, который все это время был вместе с нами. Этот офицер довольно успешно справлялся со своими обязанностями и пользовался среди личного состава большим авторитетом.

30 сентября, составляя донесение командиру дивизии о проведенных боях (а обстановка уже начала стабилизироваться), Михаил Лукич Величай сидел за столом в одном из домов села Войсковое. Здесь же неподалеку был наш полковой командно-наблюдательный пункт. Внезапно артиллерия противника произвела по этой окраине сильный огневой налет. Один снаряд влетел в хату, где находился Величай, и Михаила Лукича не стало.

Так одна за другой оборвалась жизнь двух майоров, двух воинов-патриотов, двух замечательных офицеров, которые не щадили себя во имя интересов народа, во имя победы. Оба были удостоены высшей награды — звания Героя Советского Союза (посмертно). Их имена навечно вписаны в историю. В Днепропетровском историческом музее они помещены в диораме «Битва за Днепр». В местах их рождения их имена присвоены школам, где они учились. Все сделано достойно, как требуют человеческая совесть и долг перед памятью павших за Родину.

Вскоре в полк прибыл новый командир полка — майор Н. П. Хазов. Он сразу стал командовать так, будто уже был с нами не первый год. Чувствовалось, что на фронте он далеко не новичок, в боях уже побывал, о чем говорили два ордена на груди.

Последние сентябрьские дни были омрачены скорбью — тяжело хоронить товарищей, горько с ними прощаться. Но когда 30 сентября к нам на плацдарм переправился дивизионный 118-й

Гвардейский артиллерийский полк, а вслед за этим в воздухе появились наши истребители — душа запела! Теперь нас не собьет никакая сила. До 2 октября мы существенно улучшили свои позиции: капитально окопались, создали систему огня и готовы были принять на себя любой удар. В это же время поступает приказ командира корпуса о передаче полосы обороны нашей дивизией другой, но этого же корпуса, — 57-й Гвардейской стрелковой дивизии. Однако противник внезапно переходит в контратаку и бросает на нас большое количество танков. При массированной поддержке своей артиллерии и авиации фашисты провели еще одну мощную, но уже последнюю попытку сбросить нас в Днепр. Понеся потери, он, наконец, отказался от своей затеи. Тем не менее нам удалось передать свою полосу только 5 октября. Одновременно была получена задача принять полосу обороны 25-й Гвардейской стрелковой дивизии.

Скажу откровенно, маневр командования мне не ясен до сих пор (как, кстати, и в то время) — с какой целью наша дивизия сдавала свою полосу 57-й дивизии и тут же принимала полосу обороны у 25-й дивизии? Я думал тогда, что все можно было бы сделать более оперативно, грамотно и с большой пользой. Полосу 25-й дивизии, если уже ее надо было высвободить, следовало сразу передать 57-й. Не думаю, что здесь причиной стала явная бестолковщина. Видно, какие-то веские основания для такого сложного маневра были. Хотя уровень боевых качеств нашей и 57-й дивизии был приблизительно одинаковый.

Приняв новую полосу, мы встретились и с более грозным противником — с его 9-й танковой дивизией, на вооружении которой были новейшие танки «Тигр» и штурмовые артиллерийские установки «Фердинанд». Наконец, в полосе дивизии действовал полностью укомплектованный 943-й отдельный охранный батальон.

Если в прежней полосе нашей обороны противник отказался, на наш взгляд, от активных действий, то здесь — наоборот, все говорило за то, что он может нанести удар в любое время. В связи с этим командир дивизии Кулагин переправляет на плацдарм свой второй эшелон — 102-й Гвардейский стрелковый полк, штаб дивизии в полном составе и основную часть тылов. Одновременно ставит вопрос о срочном усилении дивизии, в первую очередь противотанковыми артиллерийскими средствами. Проводятся меры по инженерному оборудованию обороны.

Действительно, скоро дивизии были приданы 543-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 870-й легкий артиллерийский полк и 55-й армейский инженерно-саперный батальон. С помощью этих частей плюс наши средства

(а мы пополнились — были созданы системы огня и инженерных заграждений. Поэтому мы готовы были отразить любой удар, в том числе и танковый.

Утром 21 октября противник перешел в контратаку. Признаюсь честно: хоть так на войне вроде не должно быть, но мы вздохнули с облегчением — наконец-то! Все уже заждались — когда же немцы решатся. И вот свершилось. Бой сразу принял ожесточенный характер. Внезапно появились немецкие самолеты, которые наносили удары по нашему полку и соседу слева. Но бомбы ложились в основном на берегу. Соседи сбили один самолет, и он рухнул в Днепр. На наших позициях это вызвало всеобщее ликование. Однако вслед за этим артиллерия противника открыла ураганный огонь по переднему краю и по всем объектам — вплоть до береговой черты. Одновременно наносился удар и по нашей дальнобойной артиллерии на левом берегу. Огонь был такой сильный, что пришлось мобилизовать все возможное на контрмеры, и тут наши батареи дали немцам достойный ответ.

Наконец, появились «Тигры», а вслед за ними в 100–150 метрах «Фердинанды» вместе с пехотой. Танки вели огонь с ходу, самоходки — с коротких остановок. Главный удар противник наносил по 100-му Гвардейскому стрелковому полку.

Наша противотанковая артиллерия открыла огонь по танкам, а с закрытых позиций — по самоходкам с целью отсечь от них пехоту немцев. Артиллеристы-противотанкисты были в отчаянии: прямое попадание в башню и в лобовую броню танка не имело никакого эффекта — все снаряды рикошетировали в сторону или вверх. А в это время четыре гитлеровских танка шли напролом в центре и несколько впереди всего фронта атаки. Вот они, наконец, вошли на минное поле. Было видно, как взрывались противопехотные мины, но ни на одну противотанковую «Тигры» не напоролись. Однако справа и слева от них уже горело по одному бронированному чудовищу. Затем еще один танк подорвался и развернулся бортом. Вот тут-то наши артиллеристы отвели душу. Да и стало понятно: бортовая броня — не лобовая, при попадании танки горят как «миленькие». Что ж, влепили им по несколько бронебойно-зажигательных — и танки действительно задымили, экипажи, однако, не показывались.

Между тем первые четыре все-таки прорвались на передний край, но здесь-то их встретили как нужно — расстреляли в упор. Один задымил и встал, три загорелись сразу. Что интересно, два танка горели, как факел. В открытые люки выпрыгивали танкисты, но тут же находили свою смерть. Вдруг один «Тигр» взорвался с такой силой, что заглушил все остальные взрывы и

всю стрельбу. Башня танка, перевернувшись в воздухе, улетела метров на 40–50 и упала рядом с огневой позицией нашего противотанкового орудия, как бы в награду за ратный труд артиллеристов.

Танки и самоходки противника остановились, пехота группами начала отходить. Наши артиллеристы усилили огонь. Задымил еще один танк. Затем все они стали пятиться назад, одновременно ведя огонь на ходу. «Фердинанды» тоже непрерывным огнем прикрывали этот отход.

Итак, сильная контратака противника на новом направлении была успешно отражена, немцам не помогло и массированное применение танков. До самой ночи мы ждали новых атак, однако они не последовали ни в этот, ни на другой день. Противник убедился, что это уже бесполезно.

23 октября наша дивизия, как и другие соединения, находящиеся теперь уже на большом плацдарме, получила задачу — прорвать оборону противника и развить наступление на запад. Что и было сделано. Во взаимодействии справа — с 57-й Гвардейской и слева — с 74-й Гвардейской стрелковой дивизиями прорвала оборону немцев и уже к исходу 26 октября овладела крупным районным центром Соленое. Вслед за этим была с ходу форсирована река со странным названием Сухая Сура, после чего в нашей полосе была введена армейская подвижная группа под командованием полковника М. Г. Вайнруба (ЦАМО, ф. 1124, оп. 1, д. 11, л. 80). Река хоть и называлась Сухая, однако оказалась довольно трудным препятствием. Возможно, в жаркое лето в ней действительно почти не бывало воды, но сейчас осень вступила в полные права и дождь лил ежедневно. Даже небольшие речушки превращались в мощные потоки. Балки наполнились водой. Все грунтовые дороги раскисли. А по бездорожью вообще невозможно действовать. Все это, конечно, накладывало отпечаток на наше наступление: надо было преодолевать огневое сопротивление противника, вести с ним бой и в то же время преодолевать препятствия, которые чинила природа. «Перешагнув» Сухую Суру, мы затем форсировали Мокрую Суру.

В районе села Староширочанского дивизия, по приказу командира корпуса, была остановлена для приведения себя в порядок и получения пополнения. Полосу наступления передали соседнему соединению. А уже через два дня, т. е. с 4 ноября, наша дивизия сменила 57-ю Гвардейскую и вновь была введена в бой. Перед нами была уже знакомая по предыдущим боям 46-я пехотная дивизия немцев. Она не только стремилась отразить наши попытки перейти в наступление, но сама активно проводила на различных участках контратаки.

Поскольку у командира дивизии Кулагина не было четких и ясных данных ни о нынешнем составе противостоящих частей противника, ни о системе обороны, ни о замысле его действий на ближайшее время, он отдает приказ полкам об усилении всех видов разведки и одновременно засылает в тыл 46-й пехотной дивизии две группы разведчиков. Однако они не вернулись, видно, сами попали в засаду. Тогда Кулагин принимает решение послать еще одну группу — действовать вслепую, ничего не зная о противнике, было бессмысленно. На этот раз группу возглавил старшина А. С. Петрукевич. Сибиряк, с твердым решительным характером, и в то же время выдержанный и осторожный, что особо важно для разведчика. Он уже не один раз выполнял специальные задания командира дивизии. Вот и сейчас, инструктируя его, Кулагин сказал: «Все надежды на вашу группу».

Встретившись через много лет, однополчанин А. С. Петрукевич рассказывал подробности этого эпизода. Двое суток разведчики Петрукевича изучали противника с нашего переднего края. Вечером на третий день опустился густой туман, а ближе к ночи пошел холодный дождь. Дул порывистый ветер. Редко постреливали.

Наши саперы мастерски, в короткие сроки, разминировали проход и доложили, что до колючей проволоки противника путь свободен. Группа двинулась вперед. Петрукевич шел первый, медленно, но уверенно показывая путь остальным. Казалось, все идет нормально, но вдруг один из разведчиков проваливается в хорошо замаскированную яму. Сразу на переднем крае противника взвыла сирена. По этому месту начали бить пулеметы. Но сирена взвыла и замолкла. Разведчик, провалившийся в яму, понял, что из нее идет сигнализация, поэтому лежал не шевелясь. Вслед за сиреной умолкли и пулеметы. Петрукевич ползком вернулся к этому разведчику, нащупал провода, которые шли из ямы, перерезал их и только после этого помог разведчику выбраться наверх. Группа двинулась дальше. Уже слабо просматривались контуры переднего края — самое главное препятствие. Но сильный дождь загнал немцев в укрытие. Поэтому, немного понаблюдав за обстановкой уже в 10–15 метрах от траншеи, разведчики преодолели первую, а через 200–250 метров — и вторую траншею. Дальше, уже действуя в полный рост, но очень осторожно, двинулись влево к посадке, где и замаскировались. Отсюда была тускло видна железнодорожная станция. Туман еще мешал, но электрическое освещение, плюс паровозные гудки и лязг вагонов позволяли правильно ориентироваться. Было также видно, как от станции по дорогам в разные направления уходили

машины. Те, что шли к фронту, были с притушенными фарами, но их можно было пересчитать.

С наступлением рассвета открылась отличная панорама. Естественно, разведчики всё, что обнаружили, нанесли на карту. В течение всего светового времени они смогли определить режим жизни и движения через железнодорожную станцию и по дорогам. Таким образом, представление уже было достаточным. Ночью двинулись обратно. Было решено по возможности прихватить «языка».

Как говорят в случаях везения, «на ловца и зверь бежит». Так и у Петрукевича. Пересекая дорогу, которая шла к фронту, разведчики услышали шум работающего двигателя автомобиля. Притаились в кювете. Когда машина подошла ближе, Петрукевич выскочил из укрытия, загородил путь и, направив автомат в ветровое стекло, крикнул: «Хальт!» Машина остановилась. Разведчики — тут как тут: вытащили из машины офицера и солдата, заткнули им рты, связали сзади руки. А в машине, забрав портфель с документами, подвесили гранаты, которые должны взорваться при открытии дверцы.

Обратно шли тем же путем, ступали след в след. Немцам «популярно объяснили», что они должны делать то же самое, иначе погибнут. В общем, ребята вернулись без потерь. Пленный штабной офицер и солдат-шофер дали ценные сведения, которые подтверждались документами в портфеле. Кстати, было точно установлено, что перед нашей дивизией находятся 42-й, 72-й и 97-й пехотные полки и 114-й артиллерийский полк 46-й пехотной дивизии. Сама она хорошо укомплектована, расположена на хорошо оборудованном рубеже. Стык с соседом справа с 525-м пехотным полком 387-й пехотной дивизии находится в районе села Гегеловка (ЦАМО, ф. 1124, оп. 1, д. 195, л. 14). За этот подвиг вся разведывательная группа была представлена к правительственной награде.

А на рассвете следующего дня на участке нашего 100-го Гвардейского стрелкового полка противник силой пехотного батальона с 12-ю танками внезапно перешел в контратаку, причем без артиллерийской подготовки. Однако наша полковая артиллерия была начеку — тут же обрушила свой огонь на пехоту и танки противника. Но они уже успели подойти буквально на сто метров к нашему переднему краю. И все же пять машин загорелись. Командир полка принимает решение перейти в контратаку, во встречном бою добить атакующих немцев и на их плечах ворваться в оборону противника. Маневр был проведен блестяще и неожиданно для противника. Когда мы овладели второй траншеей, командир полка ввел в бой второй эшелон и

уже через два часа мы были на железнодорожной станции.

Ведя тяжелые бои в течение ноября и декабря, дивизия, как и вся наша армия и 3-й Украинский фронт, медленно продвигалась на юго-запад. В одном из боев мы опять потеряли командира полка. И к нам пришел — из госпиталя, после ранения — на эту должность майор А. М. Воинков, с которым я дошел до Берлина. Кстати, уже в первые дни, как он принял полк, противник атакой с фланга вышел на наш командно-наблюдательный пункт. Воинков попал в такое положение, что мог бы погибнуть, как и все мы вместе с ним — все-таки против нас батальон пехоты и шесть «Фердинандов». Спас положение командир полковой роты автоматчиков старший лейтенант И. Н. Поцелуев. Атакуя противника тоже во фланг и тыл, его автоматчики подожгли два «Фердинанда», перебили несколько десятков немцев, а остальных обратили в бегство.

Новый, 1944 год мы встретили в районе большого села Александрополя. В полевых условиях, по-фронтовому провозгласили тост за окончание войны в наступающем сорок четвертом, выпили за нашу грядущую Победу и поклялись сделать все, чтобы приблизить этот день.

В изнурительных боях в течение декабря и января дивизия вместе со своей 8-й Гвардейской армией прошла значительный путь, преодолев ряд преград, в том числе реку Бозавлук. Постоянно идет дождь со снегом, мы промокаем до нитки, потом пронизывающий до костей ветер леденит так, что шинели стоят колом. Но на эти детали мы не обращаем внимание. Во-первых, за два с лишним года войны ко всему привыкли. Во-вторых, и это самое главное — мы идем на запад, а это значит — пядь за пядью освобождаем родную землю.

С началом нового года 8-я Гвардейская армия готовилась к наступлению на крупнейшую в этом районе узловую железнодорожную станцию Апостолово. Через нее проходило также много шоссейных дорог. Этот город был связующим звеном между Криворожской и Никопольской группировками противника. Поэтому сама операция 3-го Украинского фронта именовалась Никопольско-Криворожской.

Здесь, в Апостолово, располагались огромные арсеналы с вооружением, различные склады, в первую очередь, с боеприпасами, военным имуществом и продовольствием. Неудивительно, что в планах противника роль этому узлу отводилась исключительная. В связи с этим, по мере нарастания угрозы немецкое командование стало дополнительно к находившимся здесь в обороне силам перебрасывать сюда 46-ю и 123-ю пехотные дивизии. На этом же направлении немцы держат

16-ю моторизованную, 9-ю танковую дивизии и 506-й отдельный танковый батальон. Все эти части противника имели задачу не просто удержать Апостолово, но и не допустить окружение немецкой группировки советскими войсками.

Еще до выхода на Апостолово было видно, что в Никополе сосредотачивается крупная группировка немцев. Командарм В. И. Чуйков в январе перебрасывает на правый фланг армии весь 4-й Гвардейский стрелковый корпус. В том числе и нашу 35-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. Ей была поставлена задача: во взаимодействии с 152-й стрелковой дивизией (наш сосед справа), совместно с 11-й танковой бригадой, а также с 10-м и 991-м самоходно-артиллерийскими полками нанести удар в общем направлении на Апостолово, прорвать оборону противника и овладеть городом и узловой станцией Апостолово. Для успешного решения этой задачи дивизия усиливалась: 456-м артиллерийским полком, 527-м, 528-м и 529-м минометными полками, а также 29-м и 45-м отдельными дивизионами Гвардейских минометов («Катюша»).

Как видите, читатель, усиление дивизии было мощное. Аналогичное получила и 152-я стрелковая дивизия. Сосед слева — 47-я Гвардейская стрелковая дивизия — тоже был усилен, но несколько меньше.

Все это говорило о значительном росте мощи наших Вооруженных Сил.

31 января в 9.00 часов утра, несмотря на то, что шел дождь со снегом, наши войска после мощной огневой подготовки по переднему краю противника и ближайшей его глубине перешли в наступление. Начало огневого налета было обозначено залпами двух дивизионов «Катюш». По расчету предполагалось, что двадцатиминутный огневой налет был вполне достаточным, чтобы подавить особо опасные цели, а пехоте и танкам приблизиться к переднему краю противника, на безопасное от разрыва наших снарядов расстояние. Однако трудные условия передвижения по вспаханному и раскисшему полю не позволили это сделать. Поэтому артиллерийскую подготовку по переднему краю противника продлили еще на пять минут.

В это же время наша бомбардировочная авиация с горизонтального полета бомбила объекты противника в ближайшей глубине. К сожалению, штурмовики из-за непогоды не смогли принять участие в начале наступления.

Все опасались, что могут увязнуть в этом месиве наши танки.

По поводу природно-климатических трудностей того времени командарм В. И. Чуйков в своей книге «Гвардейцы Сталинграда идут на Запад» (с. 154) пишет:

«Бездорожье не дало нам возможности полностью обеспечить новую атаку артиллерийской поддержкой. Многие орудия никак не удавалось протащить через грязь и переправить через балки и овраги, до краев наполненные талой водой… нужно было делать опять остановку для того, чтобы переместить прежде всего артиллерию. Именно «переместить». Слово «перевезти» здесь никак не подходит… Все вязло в совершенно разбухшей от избытка влаги земле… Боеприпасы доставлялись вручную, в заплечных ящиках, на повозках. А все это требовало времени».

Наши опасения, к счастью, не оправдались. Танки, не торопясь, на второй передаче, и не маневрируя, чтобы не «закопаться», двигались вперед, ведя огонь из орудий и пулеметов. Жаль, конечно, что противнику удалось все-таки подбить две наши «тридцатьчетверки», но экипажам удалось выскочить, хотя среди них и были раненые. Передний край был атакован, и вот захвачена первая траншея, а за ней и вторая. Наш полк втянулся в уличные бои.

Во что бы то ни стало надо захватить город, и особенно станцию, где находились основные склады, в том числе продовольственные. Поскольку наши коммуникации растянулись, то войска снабжались с перебоями.

Но прежде чем решить задачи с Апостолово, надо было еще «разобраться» со станцией Ток. В условиях распутицы и фактического отсутствия грунтовых дорог, поскольку все они раскисли, железнодорожные узлы имели исключительное значение. С помощью железных дорог противник не только решал задачи маневрирования войсками и материальными средствами, но и вел боевые действия прямо с железной дороги. Так было и на станции Ток.

Тогда, чтобы оказать своим войскам в районе Апостолово помощь и понимая грозящую опасность, немецкое командование направляет 4 февраля из района Никополя на станцию Ток бронепоезд — несколько бронированных вагонов с пулеметными установками. Вместе с бронепоездом прибыли части 3-й горнострелковой дивизии немцев.

Все происходило на наших глазах. Поэтому я дал командирам батарей 45-мм и 76-мм орудий задание разбить паровоз и последний вагон бронепоезда. Что и было сделано в считанные минуты. Противник не смог даже сориентироваться — что же происходит? Младший лейтенант Ф. И. Марковский выкатил на прямую наводку два 45-мм орудия и первыми

выстрелами вывел из строя паровоз. Батарея 76-мм орудий добила его, а затем перенесла огонь на хвостовой вагон, из которого, как горох, в панике посыпались фрицы. Но вагон мои артиллеристы разбили капитально — одной стороной он даже осел в землю. Таким образом цель вроде бы была достигнута. Но одновременно мы, не желая того, сделали удобное укрытие для противника, и как раз перед собой. Немцы, разумеется, воспользовались им, тем более что огневой реакции с нашей стороны уже не было — боеприпасы почти кончились, а подвезти их из-за бездорожья не успели.

Получив эту вынужденную с нашей стороны передышку, немцы 8 февраля перебрасывают на станцию Ток еще два железнодорожных эшелона с войсками. На следующее утро противник силой до полка с танками переходит в контратаку. Используя все оставшиеся боеприпасы, подпустив его как можно ближе, мы наносим ему максимальное поражение. Однако он вводит свежие силы, и наш полк, вместе с соседом слева, вынужден отойти и закрепиться на рубеже рощи. Противник продолжает перебрасывать свои войска из района Никополя, стремясь уйти от окружения. На нашем направлении вводит еще одну — 9-ю пехотную дивизию. Как это ни печально, мы вынуждены отходить…

Лишь 12 февраля нам подали первую партию боеприпасов, и мы ожили. Было принято решение — лишить противника железной дороги и тем самым отрезать каналы питания его всем необходимым.

После короткой подготовки наша дивизия первой же атакой не просто теснит противника, а отбрасывает его за железную дорогу. Теперь немцы остались без боеприпасов. Прикрываясь специальными подразделениями, они отходят на запад. Мы продолжали наступление.

В боях за станцию Ток был ранен Иван Николаевич Поцелуев. Но уйти в госпиталь отказался, остался в строю. А уже через несколько дней его ожидали боевые схватки на высоте Могила Нечаева.

Даже спустя годы тяжело вспоминать те дни и ночи. Каждый метр продвижения вперед стоил немало сил, нервов, крови, да и жизней тех, с кем сроднился за годы войны.

Противник хоть и откатывался, но огрызался, как раненый зверь, постоянно проводя контратаки с танками. Пехота же десантом находилась на броне и оттуда «поливала» все из пулеметов и автоматов. Иногда танкам удавалось прорваться на наши ближайшие позиции. Противник делал все, чтобы задержать наше продвижение, цепляясь за любой, мало-мальски выгодный

для ведения боя рубеж. Все населенные пункты превращал в опорные пункты, выставляя вперед свои танки и штурмовые орудия.

Важной и характерной особенностью боев того периода в полосе наступления войск 3-го Украинского фронта были специальные боевые действия по овладению огромными курганами. Это были скифские могильники, где некогда эти древние племена хоронили свою знать. Курганы достигали 10–12 и более метров и, размещаясь на ровной местности и открывая с верхней точки видимость вокруг до самого горизонта, являлись прекрасным местом для командно-наблюдательных пунктов.

«Специалистом», так сказать, по захвату таких курганов у нас в полку был командир роты автоматчиков старший лейтенант Иван Николаевич Поцелуев. Это был прекрасный воин — командир и замечательный товарищ. Его действия всегда отличались смелостью, решительностью и дерзостью. Ему подражали все без исключения солдаты, сержанты и офицеры роты. Они выполняли любую специальную боевую задачу только «на пять с плюсом», и мы этим восхищались. При этом всегда говорили: «Так мы же поцелуевцы!» Мол, чему тут удивляться и восхищаться — другого у поцелуевцев и быть не может. Кроме сильной воли и решительности, Иван Николаевич, конечно, располагал и богатым боевым опытом, который он приобрел еще на озере Хасан, где служил в пограничных войсках и отличился в боях с японцами.

О Поцелуеве в дивизии ходили легенды. Его фамилию всегда можно было найти в дивизионной армейской газете. Последний бой с фашистами он провел в составе нашего полка, после чего получил посмертно звание Героя Советского Союза. Мы полагали, что он умер от тяжелой раны, но через год, после излечения вернулся в полк уже капитаном и был назначен на должность начальника разведки полка.

Так вот, о том, последнем бое.

В полосе наступления дивизии была огромная высота-курган — Могила Нечаева. Эту высоту было видно километров за десять. Естественно, далеко на подступах к ней и на непосредственно прилегающей местности немцы организовали мощную оборону, сделав необходимые инженерные сооружения и выделив для этого необходимые силы. Конечно, можно было бы эту высоту вообще не трогать, обойдя ее далеко справа и слева. Но дело в том, что этот маневр был бы у противника, как на ладони, и мы могли понести большие потери — противник мог бы избирательно выбивать у нас самое необходимое и важное (например, пункты управления) — ведь он все видит.

Естественно, для нашего командования овладеть такой высотой было крайне важно.

В лоб брать высоту — большие потери. Командир дивизии решил заслать в тыл противнику группу автоматчиков во главе с Поцелуевым: она должна была проникнуть на высоту, перебить там гарнизон и дать сигнал для общей атаки. Поцелуев приступил к выполнению задания.

Но легко сказать: «Проникнуть в тыл противника». А как это сделать, если всюду сплошные траншеи и везде немцы? Однако у Поцелуева были удивительные качества — чутье и особый нюх на немцев. Он безошибочно мог найти самые слабые и самые сильные стороны противника и действовать соответственно. Мало того, он прекрасно ориентировался ночью — в любую погоду и фактически в кромешной тьме. Просто удивительно!

Вот и сейчас, получив от командира дивизии лично задачу и согласовав все с командиром полка (порядок действий, сигналы, связь, огневая поддержка и т. д.), Поцелуев отобрал в свою группу самых крепких и опытных бойцов, выдвинулся с ними на передний край и все оставшееся светлое время посвятил изучению противника. С наступлением темноты подвел итог, объявил план действий, проверил готовность каждого и ночью, отправившись на задание, растворился в темноте.

Оказывается, он перешел передний край на участке нашего соседа слева, где у противника не было сплошной обороны. Перешел, значительно углубился в позиции противника и лишь тогда начал выходить на тыльную часть кургана. Около получаса разведчики лежали перед курганом, изучая режим жизни гарнизона, а затем прыгнули в траншею — и быстро начали подниматься вверх по склону. Свернув в одну из ветвей хода сообщения, вышли к блиндажу. После короткой потасовки двух немецких солдат оглушили, офицера связали, заткнули рот кляпом и положили в угол. В блиндаже телефонов не было. Значит, большого значения он не имел. Здесь и решили базироваться. Ровно в три часа ночи сообщили по радио командиру полка Воинкову, что находятся на высоте Могилы Орлова в укрытии (в блиндаже) и вызывают огонь всей артиллерии на себя — как и было условлено. Артиллерийский полк дивизии, артиллерия нашего и соседнего полка, ожидавшие эту команду, обрушили всю свою огневую мощь на курган. Позже Иван Николаевич говорил: «Казалось, что весь курган ходуном ходит от разрывов наших снарядов».

Немцы с перепугу — видно, посчитали, что начался ночной штурм — открыли беспорядочную стрельбу из всех видов оружия. Ровно через пять минут, как и планировалось, наша артиллерия

прекратила огонь, а группа Поцелуева выскочила из блиндажа и начала «снимать» очередями все пулеметные точки, которые обнаруживали себя стрельбой. На кургане среди немцев началась паника. Поцелуев дал вверх три зеленые ракеты — сигнал для атаки нашего полка. Проведя короткий огневой налет по переднему краю перед курганом и перенеся огонь в глубину и на фланг, полк перешел в атаку. На высоте шла рукопашная схватка. Все-таки количество противника недооценили — немцев было в несколько раз больше, чем мы предполагали. Но все уже было предрешено — батальон старшего лейтенанта Иванова уже был на высоте и добивал тех, кто еще оказывал сопротивление.

Однако были потери и с нашей стороны. Среди них и Иван Николаевич Поцелуев. В одной из схваток немец выстрелил ему в упор в лицо. Пуля прошла ниже глаза и вылетела через шею. Когда ему оказывали первую помощь, бездыханное тело Ивана Николаевича было залито кровью. Положив на плащ-палатку, его унесли вниз, где уже были врачи. Поцелуева отправили в тыл, а нам сообщили, что надежд на спасение никаких. Поэтому к чувству радости примешивалась печаль. На фронте это обычное дело: победа и траур идут рядом.

Командир дивизии представил Ивана Николаевича Поцелуева к присвоению звания Героя Советского Союза. И когда месяца через три стало известно, что Героя ему присвоили, мы посчитали, что это — посмертно. А потом оказалось — жив, курилка! Хотя восстановление здоровья после таких ранений шло тяжело.

После войны, обосновавшись в Сочи, И. Н. Поцелуев стал директором одного из крупнейших магазинов города — Центральным гастрономом, рядом с морским портом. Руководитель из него получился неплохой. Возглавлял коллектив несколько лет. Является почетным гражданином ряда городов, в том числе и Сочи. Это очень авторитетный и всеми уважаемый человек. Несмотря на возраст и пережитое, он очень подвижен и деятелен. Его ясный ум и неизменно высокий морально-боевой дух напоминает мне того молодого и бесстрашного старшего лейтенанта, а затем и капитана, который отчаянно дрался с немецко-фашист-скими захватчиками, выполняя опасные задания. Мы частенько, к нашей общей радости, встречаемся, вспоминаем о перенесенной нашим народом войне и сокрушаемся, что «демократы» порушили все, что было завоевано и построено нашим поколением.

В то время — в январе и феврале 1944 года — мы день за днем, как следует, били врага, отбрасывая его части на юго-запад. Командующий 8-й Гвардейской армии генерал В. И. Чуйков

разместил свой командно-наблюдательный пункт на высоте Могила Нечаева. Конечно, он знал, какой ценой эта высота досталась нашим войскам.

27 февраля дивизия наступала на крупный населенный пункт Широкое (на реке Ингульце есть еще Широкое между Днепром и рекой Мокрая Сура). 16-я моторизованная дивизия противника при поддержке 450-го артиллерийского полка сопротивлялась жестко, отчаянно. Первые наши атаки успеха не принесли. Комдив Кулагин вносит изменение в свои решения, производит перегруппировку и, обходя город одним полком с севера, вторым — с юга, третьим — с фронта, наносит сокрушительный удар. К середине дня 29 февраля город был взят. В этот же день наш полк форсировал реку Ингулец и захватил плацдарм на западном ее берегу.

На этом и завершилась Никопольско-Криворожская наступательная операция войск 3-го Украинского фронта. В итоге ее наши войска разгромили крупную группировку противника. Особенно тяжелые потери понесла 6-я немецкая армия (как известно, 6-я армия Паулюса была полностью разгромлена под Сталинградом, а эта 6-я армия была создана вновь по приказу Гитлера). 12 дивизий этой армии, в том числе три танковые и одна моторизованная, понесли такие потери, что немецкое командование было вынуждено создать из них боевые группы. Четыре дивизии полностью утратили все свое тяжелое оружие, автотранспорт и значительную часть личного состава («История Второй мировой войны 1939–1945 гг.», т. 8, с. 78).

До 3 марта наша дивизия вела бои по расширению плацдарма на реке Ингулец, а уже 6 марта началась Березниговато-Снигиревская наступательная операция фронта — фактически без паузы после Никопольско-Криворожской операции. Это важная черта — в ходе одной операции готовилась последующая с учетом прогноза результатов первой. Осуществить все это — от разведки и планирования операции и до материально-технического ее обеспечения — было крайне сложно. Не говоря уже о пополнении войск личным составом. Да и природно-климатические условия нас по-прежнему не баловали, но и войска, и командный состав Вооруженных Сил располагал таким потенциалом, что проведение последующих операций без оперативных пауз стало уже делом обычным.

В первый же день наступления нашей армии оборона противника была прорвана, и в эту брешь была введена конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева. Перед войсками была поставлена задача овладеть городом Новый Буг и тем самым создать условия для окружения крупной группировки противника

в районе Березниговатая и Снигиревка.

Тем временем, 10 марта наша дивизия получила задачу перегруппироваться вправо и наступать на Ново-Очаков. При этом 100-й Гвардейский стрелковый полк получил задание овладеть большим селом — Христофоровкой. Завязался тяжелый бой. Располагая уже достаточным количеством боеприпасов, я начал уничтожать наиболее опасные огневые точки противника. Но далеко продвинуться нам не удалось. На подступах к селу в километре от Христофоровки полк залег и окопался, так как противник нещадно поливал местность огнем из пулеметов, обстреливал артиллерией и минометами. Высокие бодылья подсолнухов, с прошлого года оставшиеся на поле, где мы окопались, не позволяли нам увидеть хоть что-нибудь, кроме крыш высоких домов и ветряной мельницы. Противник же, устроив свои наблюдательные пункты на чердаках, конечно, просматривал все наши боевые порядки. Маневр полка был полностью скован. Но село надо брать — здесь у противника имеются не только большие запасы военного имущества, но было и другое не менее важное обстоятельство: положение этого населенного пункта — командное. Не овладев Христофоровкой, невозможно было действовать дальше. Что делать?

Оценив обстановку и обдумав замысел действий, я подошел к командиру полка. Мы, как всегда, были в одном окопе.

— Что-то надо предпринимать. Лежать нет смысла. Немец выбивает наших людей.

— Я вот тоже думаю, что надо делать. Но действовать можно, когда будут подавлены огневые точки, — заключил Воинков и вопросительно посмотрел на меня.

— Верно! Но их не видно — вот беда. Только общее направление знаем, откуда бьет пулемет или орудие. И все. Этого мало.

— Как же быть? — опять вопрошает Алексей Михайлович.

По глазам его вижу, что он хочет, чтобы я предложил решительный шаг. И я предложил:

— На противоположной стороне села есть балка, которая выходит к нашему правому флангу и упирается в озерцо. Думаю, что балка сейчас очень мокрая, если вообще не наполнена водой. Вполне понятно, что немцы отсюда опасности не ждут. Поэтому предлагаю…

И далее я рассказал план возможных наших действий. Их суть сводилась к тому, что подразделения полка (т. е. на занимаемом рубеже) проявляют огневую активность, но не поднимаются. И это продолжается два часа. За это время я с ротой автоматчиков, разведчиками полка и небольшой группой саперов отползаю в

тыл до первой складки местности, за которой противник уже не ведет наблюдения. Затем перемещаюсь в сторону балки. Независимо от того, в каком она состоянии — обязан выйти в тыл противнику. В период выдвижения в исходное положение для атаки наш огонь, особенно артиллерии, максимально усиливается (я дам к этому сигнал). Но огонь — только прицельный. Когда я займу исходное положение для атаки — даю сигнал о прекращении артиллерийского и минометного огня. Вся пехота, не выскакивая из окопов, дружно и долго кричит «Ура!» и одновременно ведет огонь вверх (чтобы не перебить нас). Наш отряд бросается в атаку: разведчики атакуют южную оконечность села, автоматчики — центр и северную оконечность. Как только ворвусь в село, даю две зеленых ракеты и по радио сигнал — «В атаку!». Значит, полк может атаковать. Желательно, чтобы в это время один батальон сделал маневр и обошел село с юга, юго-запада, чтобы противник не смог удрать на Одессу.

Воинков слушал внимательно. По ходу доклада задавал вопросы. Затем уточнил отдельные моменты и в целом план одобрил. Вместе с начальником штаба полка капитаном Васькиным, который оказался на командно-наблюдательном пункте, я тут же стал быстро формировать ударный отряд, укомплектовывать всем необходимым, готовил свою группу, непосредственно действующую со мной, и одновременно ставил задачи нашей артиллерии.

Когда все было организовано, мы начали действовать, как спланировано. Приблизительно через два часа мы уже отползли в тыл и приблизились к балке. Как мы и предполагали, она была заполнена водой. Пришлось идти по колено в воде, потому что левый склон балки, примыкающий к селу, был вскопан под огороды и практически оказался непроходимым. А дно балки было с крепким дерном, поэтому вода хоть и поднималась высоко, но идти можно было уверенно. Да и безопаснее в отношении мин — противник их в воде ставить не будет. Из балки просматривались только некоторые крыши хат, да и то за деревьями, хоть и без листьев, видно было мало.

Выдвинувшись в назначенное место, я уточнил задачу разведчикам и направил их к южной окраине. О готовности должны доложить по радио. Автоматчиков разбил на две группы: одна под руководством командира роты старшего лейтенанта Б. Скорбина атакует северную часть села, а вторая со мной — центральную часть и мельницу. Как только разведчики доложили о готовности, я дал по радио сигнал о прекращении артиллерийского и минометного огня. Это было выполнено, и мы сразу же услышали наше родное «Ура!» по ту сторону села.

Поднялась неимоверная стрельба. Все, что было в селе, стреляло в сторону полка. Командую: «В атаку, вперед!» Мы быстро, без выстрелов, влетели в село и начали автоматными очередями «снимать» всех, кто стрелял. Немцы забегали по селу с криками: «Рус, рус!» Я дал две зеленые ракеты и по радио: «Мы в селе».

Через 20 минут мы встретились с нашим 2-м батальоном, который атаковал с фронта. 1-й батальон атаковал северную часть села и соединился с нашими автоматчиками. А 3-й батальон несколько запоздал с выходом на южную окраину, в результате из села выскочили около десяти бронетранспортеров, два штурмовых орудия и несколько крытых грузовых машин, а разведчики смогли поразить только две из них. В машинах оказались солдаты, которые отстреливаясь убежали в посадку и скрылись.

Приблизительно через час все было кончено. Во дворах и на дороге валялось около 60–70 убитых солдат противника. Еще столько было найдено в хатах ранеными. И около ста было взято в плен, в том числе несколько офицеров. Кроме того, было подорвано четыре орудия и около десятка пулеметов.

В качестве трофеев взяли 6 хороших исправных орудий, но самое главное — четыре склада с боеприпасами, в том числе для этих орудий. В условиях нехватки боеприпасов это было для нас хорошим подспорьем. Мы прихватили еще около двадцати лошадей и много повозок. А поскольку наш полковой обоз и транспорт батарей были полупустыми, все захваченное, разумеется, было использовано по-хозяйски.

За этот бой я был награжден орденом Красного Знамени.

Увы, и в этот раз не обошлось без потерь. Мы тоже недосчитались нескольких человек убитыми и ранеными. Был тяжело ранен командир роты автоматчиков полка Борис Михайлович Скорбин. Ранение оказалось настолько тяжелым, что он больше к нам в полк не вернулся, о чем мы очень сожалели. Скорбин по своему характеру во многом нам напоминал Поцелуева.

Разобравшись в обстановке и уточнив у командира дивизии задачу, командир полка развернул полк строго на юг, и мы форсированно двинулись вперед, преследуя отходящего противника.

Маневр значительными силами на юг означал, что командование наших войск было решительно настроено окружить крупную группировку противника в районе Березниговатой и Снигиревки. И в этой операции немалая роль отводилась нашей дивизии. Командарм В. И. Чуйков в своей книге «Гвардейцы Сталинграда идут на Запад» пишет: «В Березниговато-

Снигиревской наступательной операции 35-я Гвардейская стрелковая дивизия с другими соединениями армии являлась тем молотом, под ударами которого вражеские войска откатывались на этом участке фронта в южном и юго-западном направлениях» (с. 203).

На завершающей стадии операции командующий армией возложил на дивизию особо важную задачу — прикрыть левый фланг 4-го Гвардейского стрелкового корпуса и одновременно — блокировать все дороги, которые идут из Николаева на север, не допустить прорыва противника на запад.

Немецкое командование, конечно, понимало, что их ожидает. Поэтому оно срочно перебрасывает в район Малеевки и Ново-Сергеевки три пехотных дивизии — 17-ю, 125-ю и 302-ю. Их задача состояла в том, чтобы прорваться на запад и создать для других дивизий возможность прохождения через этот коридор. 12 марта они обрушились на 35-ю Гвардейскую. Сражение было жесткое, но гвардейцы устояли. Исключительную роль в этой схватке сыграл 23-й танковый корпус, который отражал атаки в боевых порядках нашей дивизии.

Немцы не ожидали такого исхода. Они срочно делают перегруппировку. В район Ново-Сергеевки перебрасывается пять дивизий: 3-я горностелковая; 97-я, 79-я, 258-я пехотные и 24-я танковая. Против нашей дивизии дополнительно перебрасывают 306-ю пехотную дивизию. И в районе Нов-Севастополь, Татьяновка и Краснополье немецкое командование сосредотачивает 294, 304 и 307-ю пехотные дивизии. Для немцев реально возникла опасность окружения.

Вопрос стоял: или — или! Высшее руководство противника готовилось к смертельной схватке.

14 марта 1944 года в два часа ночи невиданные доселе массы гитлеровских войск сплошной лавиной, как сель, хлынули на боевые порядки нашей дивизии и соседей. Ведя огонь на ходу и не обращая внимания на потери, немцы двигались вперед, как маньяки, топча своих же упавших замертво или раненых.

Наше командование имело полные данные о скоплении немецких войск и о возможных их действиях. Поэтому все части получили необходимую информацию и приказ не допустить прорыва. И, однако, наша бомбардировочная авиация показалась только пару раз, но удары были маловпечатляющие. Фронтовая авиация из-за погодных условий и раскисших «аэродромов» отстала (ее взлетно-посадочные полосы — грунтовые). Но стрелковые части успели сделать глубоко эшелонированную оборону, создать эффективную систему огня всех видов, а также инженерных заграждений, особенно противопехотных минных

полей.

И тем не менее сплошная масса немецких солдат и офицеров катилась на нас, невзирая ни на что. А наши артиллеристы все орудия поставили именно на прямую наводку. Задействовали еще и шесть трофейных пушек, для которых прямо у окопов выложили сотни снарядов на каждый ствол. Немцы вынуждены были обтекать наши позиции, однако упорно двигались вперед.

Побоище было неслыханное. Противник нес колоссальные потери. Только отдельным группам его удалось прорваться, да и то лишь потому, что сплошного фронта все-таки не было. Ночью сложно было что-то разглядеть, а с рассветом открылась тяжелейшая картина.

> «За два дня боев в полосе действий 8-й Гвардейской армии было уничтожено 25 тысяч солдат и офицеров противника и около 10 тысяч было взято в плен», — писал В. И. Чуйков («Гвардейцы Сталинграда идут на запад», с. 204).

Под ударом советских войск 6-я немецкая армия фактически развалилась. На наш взгляд, на Правобережной Украине это было второе ее захоронение. Лишь крохи от нее успели выскользнуть на запад, а вместе с ними и командование, символизируя номер армии, но отнюдь не ее славу и силу.

18 марта 1944 года наши войска вышли к Южному Бугу и к Николаеву. На этом закончилась Березниговато-Снигиревская операция. Оперативно проведя перегруппировку и подав войскам запасы, особенно боеприпасы, 3-й Украинский фронт буквально через неделю начал Одесскую операцию.

Однако полагаю, читателю интересно знать — а что думали по поводу изложенных событий немецкие генералы? Обратимся по этому поводу к генерал-лейтенанту К.Типпельскирху. В «Истории Второй мировой войны», сваливая, разумеется, все в основном на Гитлера, он пишет:

> «Тяжелым поражением, не на много уступавшим по своим масштабам катастрофе 8-й армии (речь идет об окружении и уничтожении 8-й немецкой армии в Корсунь-Шевченковской операции. — Авт.), ознаменовалось начало февраля и на южном фланге 1-й танковой армии, когда удерживаемый немецкими войсками выступ в районе Никополя подвергся ударам русских войск с севера и с юга…
>
> …Русские хорошо постигли стратегию Гитлера и поэтому вряд ли опасались, что немецкое командование

добровольно отведет далеко выдвинутое вперед южное крыло, лишив их тем самым возможности его уничтожить. Необходимость в радикальном сокращении фронта ощущалась еще больше, чем в предыдущие месяцы… Но Гитлер оставался глухим ко всем доводам…

…Постоянное вмешательство Гитлера в действия командования групп армий и его непрерывные возражения против своевременного отвода немецких войск с безнадежных участков, чрезвычайно затруднявшие руководство боевыми действиями…

…Гитлер издал директиву, смысл которой сводился к следующему. Наступление русских на юге прошло свою кульминационную точку. Их силы измотаны и распылены. Поэтому наступил момент окончательно остановить продвижение противника» (с. 335, 357 и 358).

Из этих высказываний Типпельскирха ярко видно, как деформировалось сознание немецкого генералитета, как они возненавидели своего кумира. С каким сарказмом Типпельскирх комментирует решения и действия Гитлера. Взять хотя бы последнее — содержание смысла директивы Гитлера! Конечно, о какой кульминации могла идти речь, если говорить о нашей армии?! Всему миру было видно, что силы у нашей армии, как и у государства в целом, из года в год прибавляются и конца этому подъему не было видно.

Но и у немецких генералов типа Манштейна, и у западных историков были и другие приемы. Даже историки- англичане П. Калвокоресси и Г. Винт (употребляю слово «даже» потому, что англичане все-таки во Второй мировой войне были нашими союзниками), даже они, стараясь обелить немецкое командование в связи с провалом в сражениях на Правобережной Украине, допускают гнусные приемы. В частности, в книге «Тотальная война. Причины и ход Второй мировой войны» на с. 481 пишут о количестве дивизий, принимавших участие с той и другой стороны. Из этого сопоставления можно понять, что в Красной Армии их было значительно больше, но ничего не говорится о том, что немецкая дивизия того времени имела численность от 7 до 9 тысяч, а советская — от 2,6 до 6,5 тысячи. Объективно же принципиальное соотношение сил и средств сторон на Правобережной Украине на 1 января 1944 года дается в «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.» (Воениздат, 1977, т. 8, с. 66), где сказано:

— соотношение по личному составу 1,3:1 в пользу Красной Армии,

— соотношение орудий и минометов 1,7:1 в пользу немецкой армии,

— соотношение танков и САУ 1:1,1 в пользу немецкой армии,

— соотношение боевых самолетов 1,8:1 в пользу Красной Армии.

Таким образом, мы несколько превосходили противника по артиллерии и авиации. Количество же личного состава и танков было приблизительно равное.

Формально такое соотношение сил и средств, конечно, не позволяло нам проводить наступление, да еще с такими для немцев кульбитами: не успели они отдышаться от Никопольско-Криворожской операции (понеся огромные потери, но все-таки частью сил выскользнув из возможного окружения), как вдруг на их головы обрушились удары Березниговато-Снигиревской операции, которая унесла немецко-фашистских войск еще больше в сравнении с Никопольско-Криворожской. Хотя К. Типпельскирх приравнял поражение под Никополем (где фактически было брошено все тяжелое вооружение, техника и запасы и уцелело лишь незначительное количество личного состава) к катастрофе в районе Корсунь-Шевченково.

Конечно, чтобы гарантировать успех наступления, формально требовалось иметь трехкратное превосходство над противником. Причем и это преимущество должно быть использовано умно. А у нас общее соотношение сил и средств было почти равным. Мы выигрывали сражения за счет того, что на избранных направлениях и в определенный момент создавалось подавляющее превосходство в силах и средствах. Однако создать скрытно такое превосходство и нанести противнику сокрушительный удар там, где он его не ждет, — это уже военное искусство. Вот об этом-то искусстве немецкие генералы и западные историки стараются умалчивать.

Ну, и совсем неуместны их сетования на непогоду, на раскисшие дороги, на тяжелую непроходимую грязь и т. д. Действительно, благодатные украинские черноземы, если они вспаханы, в непогоду пройти нельзя, и эффективный маневр исключен. Но не надо забывать, что этот природно-климатический фактор в равной степени влиял и на советские войска. И даже больше на Красную Армию, чем на войска вермахта, так как нашим надо было наступать, а следовательно, больше двигаться и маневрировать. Они же у нас не летали, а так же, как и немецкие, перемещались по бездорожью, грязи, пахоте, по болотам, по залитым водой балкам и даже, как на подступах к Одессе, по лагунам. Конечно, было бы благороднее, если бы эти военные историки и мемуаристы сказали честно: да, уровень

военного искусства советского генералитета, а также уровень подготовки войск, их боевые и морально-психологические качества значительно выше (или просто — выше) в сравнении с немецким командованием и подчиненными им войсками.

Но этого не сказано. Для такого шага нужны: сила воли и мужество.

Итак, нанеся поражение немцам на Правобережной Украине, Красная Армия уже была близка к выполнению стратегической задачи, поставленной Верховным Главнокомандующим, — полному изгнанию немецко-фашистских захватчиков с нашей священной земли. Что касается 3-го Украинского фронта, то перед ним на оперативном горизонте вырисовывалась Одесса. Взять ее так, чтобы не разрушить и чтобы не пострадало население, было важнейшей задачей.

Уже давно позади реки Ингулец, Ингул. Уже захвачены плацдармы на западном берегу Южного Буга. Уже созданы на этих плацдармах ударные группировки для развития наступления на Одессу. Но самым главным и самым интересным для истории моментом является то, что Ставка Верховного Главнокомандования впервые за всю историю войны в своей директиве назвала Государственную границу СССР как рубеж, которого надо было достигнуть в ходе наступательной операции. Это было событие исключительной важности — впервые через три года войны мы выходили на государственную границу нашей державы…

Освобождение героического города Одессы, конечно, тоже было задачей первостепенной важности. В начале войны город 73 дня героически сражался с немецкими и румынскими захватчиками, а когда последние все-таки овладели этой жемчужиной у моря, жители не встали на колени — они продолжили борьбу: в городе действовало 6 партизанских отрядов и 45 подпольных групп, которые объединились под общим руководством подпольного обкома партии. На протяжении всей войны они не давали оккупантам спокойно пребывать в этих краях. Поддерживая надежную связь со Ставкой ВГК, они действовали по общей стратегии и плану.

Приближался час освобождения всеми любимой Одессы. Операция по освобождению города была детально проработана. Всем частям и соединениям был доведен план действий. С фронта, т. е. с востока на запад, наступали 6-я и 5-я Ударная армии 4-го Украинского фронта. 8-я Гвардейская армия, взаимодействуя с 46-й армией 3-го Украинского фронта, наносила удар севернее. Захватив частями 35-й Гвардейской стрелковой дивизии город Новая Одесса на реке Южный Буг

(наша дивизия за этот город получила орден Суворова), армия вначале развила наступление на запад, а затем, не доходя до станции Раздельная, резко повернула на юг и совместно с конно-механизированной группой генерала И. А. Плиева стала наносить удары с запада и юго-запада. Тем самым делался глубокий охват группировки противника, крупные силы наших войск выходили ему в тыл, отрезая пути отхода. Поэтому многие немецкие и румынские части, прослышав, очевидно, что их могут захлопнуть в Одессе, в панике бросали город и мчались к Днестру, переправляясь на западный берег на любых средствах.

Конечно, не обошлось и без курьезов. Так, командир соседнего 101-го Гвардейского стрелкового полка подполковник П. И. Смирнов ночью послал свою разведку в район села Татарка (в полосе наступления нашей дивизии) с целью оседлать дорогу и не дать возможности противнику безнаказанно уводить свои войска на запад. Нам об этом было известно в принципе. Дивизия, выйдя на выгодный рубеж, готовилась к решительному броску. Перед нами на некоторых участках стояли небольшие группы противника, которые слегка огрызались, но могли быть немедленно раздавлены при первой же команде. Однако дивизия пока не двигалась — подтягивала тылы, пополняла боевые подразделения (особенно первого эшелона) всем необходимым.

Чтобы не попасть впросак, командир полка Воинков принял решение построить глубоко эшелонированный боевой порядок. Перед полком поставили задачу — прочно удерживать занимаемый рубеж и быть в полной готовности перейти в наступление. Систему огня построили так, чтобы она могла обеспечить отражение удара противника и переход наших войск в наступление. Но мы, естественно, как и все, ждали команду — вперед.

По центру участка полка из района Татарки проходила к нам, на север, дорога. Естественно, справа и слева от нее были наши боевые порядки, а орудия поставлены на прямую наводку.

7 апреля все было готово к продолжению наступления, тем более что уже успешно форсировали Хаджибейский лиман. Командир полка дважды при мне доложил по радио комдиву, что полк к действиям готов, но оба раза Кулагин отвечал: «Хорошо! Ждите сигнала!» Как выяснилось позже, авиация, действовавшая в полосе 3-го Украинского фронта, полностью была брошена на поддержку конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева. А она выходила далеко западнее Одессы и должна была нанести удар по городу с запада, взаимодействуя с нашей 8-й Гвардейской армией, которая наступала на Одессу с северо-запада и севера. Очевидно, командование фронта, желая все-таки

что-то прихлопнуть в Одессе, не хотело наступлением с востока и севера лишь выдавить немцев и румын из города.

Пока эти крупные оперативные задачи решались верхами, низы продолжали жить своей жизнью. В один из дней приблизительно в 10 часов утра по переднему краю волной прокатился раз, потом еще и еще раз крик: «Немцы, танки!» И это ударило в каждого, как молния. Наш полковой командно-наблюдательный пункт находился сразу за второй траншеей 1-го стрелкового батальона. Командовал батальоном вместо старшего лейтенанта Иванова, который был ранен, старший лейтенант Лынев. Он скомандовал: «К бою, приготовиться к отражению атаки».

Ничего не видя с нашего наблюдательного пункта, я сказал командиру полка, что выдвинусь на передний край (это 200–250 метров), он повыше, и «загляну» к противнику. Тем более что здесь стояли орудия на прямой наводке. Получив от командира полка «добро», я помчался к 76-мм орудию, которое стояло прямо на переднем крае у дороги, замаскированное кустарником. А командир полка по телефону выяснял у Лынева, что происходит.

Добежав до орудия, я прыгнул в окоп и спрашиваю у расчета:

— Где танки?

Командир орудия отвечает:

— Вроде шли танки, но я не видел.

Я напираю:

— Так кто начал кричать: «Танки»?

Прибежал командир артиллерийского взвода:

— Докладываю. В пехоте по цепи стали передавать: «Танки! Немцы!» А затем прошла команда: «К бою!»

Верно, отвечаю, но кто из вас видел танки?

— Товарищ старший лейтенант! — продолжает командир взвода. — Я видел, как в нашу сторону вдалеке по дороге вроде двигался танк. Но местность всхолмленная, поэтому дорога то повышается, то опускается, и разглядеть было трудно.

Вдруг рядом с нами в траншее бойцы опять стали кричать: «Танки!» Я поднялся во весь рост и посмотрел поверх орудийного щитка — точно танк! Видна только одна башня, причем башня угловатая, смахивает на «Тигра». Я моментально к панораме (орудийному прицелу) и одновременно даю команду: «Коммулятивный, зарядить!» (Это я дал команду зарядить орудие коммулятивным снарядом.) Эта новинка только что появилась в полковой артиллерии. И эти снаряды были предназначены для борьбы со всеми танками противника, так как пробивали любую броню того времени и надо было только попасть.

Смотрю в панораму — ничего не видно, поскольку она

значительно ниже. Я опять посмотрел поверх орудия — видна верхушка башни, колыхается. Взял бинокль — точно! Мало того, за первой башней видна вторая — обе двигались, покачиваясь. А там, может быть, и третья. Я дал по радио команду артиллеристам: «Приготовиться к отражению атаки танков». Предупредил, что открывать огонь — только по моей команде.

Пока давал распоряжения и переговорил с командиром полка, танки вместе с дорогой исчезли в последнем понижении. Вот сейчас головной танк должен появиться на последнем взгорке.

Я приказал расчету приготовиться к бою и припал к панораме. Расстояние до пригорка небольшое — метров 700–750. В том, что я попаду, сомнений не было. Я опасался другого — танки противника могли за последним укрытием свернуть с дороги и начать выстраиваться в боевую линию, принимая боевой порядок для атаки.

Время тянулось медленно. Напряжение достигло предела. Орудие заряжено и наведено на ту часть дороги, где она переваливает на обратные скаты. Осталось только нажать на спуск — и раздается выстрел, но нет цели… Вдруг кто-то рядом громким шепотом: «Идет!» Я еще раз быстро глянул поверх орудия: точно, идет! Опять припал к панораме. Что-то в прицеле колыхнулось и опять опустилось. Жду. Наконец, медленно покачиваясь, начинает вырастать башня. Я быстро соображаю: «В башню бить — рискованно! Да и надо ли подбивать головной танк прямо на высоте? Нет, надо дать перевалить на эту сторону хотя бы трем-четырем танкам. Затем — огонь!»

Пока я рассуждал, башня уже вылезла. Среди расчета слышу перешептывание: «Надо стрелять. Уже пора!» Но что за наваждение?! Это же не башня! Я оторвался от панорамы, еще раз посмотрел поверх орудия. Точно — это не танк. Взял бинокль: да, это кабина грузовика. Кабина с тупым «рылом», как мы называли те машины, у которых двигатель не был выдвинут вперед.

Вдруг у кого-то не выдержали нервы, тишину взорвала пулеметная очередь. Я заорал во всю силу: «Не стрелять! Передать по цепи — не стрелять!» Переговорив с Лыневым, чтобы батальон захватил обе машины, связался с командиром полка и кратко доложил обстановку.

Две группы солдат по пять-семь человек справа и слева от дороги цепью бросились к машинам. На дороге, на переднем крае, во весь рост встал наш офицер и руками подавал знаки машинам остановиться. Я схватил автомат и с двумя артиллеристами тоже бросился к машинам. Метрах в стах от переднего края оба автомобиля остановились. И что вы думаете?

Из кабины выпрыгивают наши солдаты. Оказывается, это были разведчики соседнего 101-го Гвардейского стрелкового полка, которых командир полка послал в Татарку, чтобы те захватили «языка» и перекрыли дорогу из Татарки на запад и удерживали бы ее до подхода наших.

Повыпрыгивали из машин, улыбаются:

— Мы из Татарки.

— Оно и видно… — кто-то крепко выругался. Наши солдаты гудели.

— Вас наши же могли перебить! — сердито разъясняю я им возмущение солдат. — Ведь если нельзя было передать по радио о ваших действиях, то поставили бы на машине высокий белый флаг — и все напряжение было бы снято.

Я забрался в кабину головной машины, и мы поехали к нашему командиру полка. Тот поинтересовался обстановкой. Разведчики доложили, что они налетели на село ночью. Большинство немцев удрало на машинах на запад к Днестру, а небольшая часть — обратно в Одессу, но одного унтер-офицера захватили — сидит в машине. 17 разведчиков с командиром взвода разведки находятся на западной окраине Татарки.

Воинков связался с командиром полка Смирновым, сообщил, что у нас его разведчики на двух машинах, он сейчас их пришлет. А в конце: «С тебя причитается — чуть было их не перебил». Тот, видно, извинялся и благодарил, но, как я понял позже, у разведчиков вышла из строя радиостанция (разбило осколком), поэтому послали две машины с донесением и «языком», но всё толком не продумали.

Майор Воинков, отослав машины к Смирнову, связался с комдивом и доложил, что, пока не поздно, нам надо перейти в наступление и выйти хотя бы на рубеж Татарки. Через полчаса поступила команда: «Вперед!»

Одесситы фактически ждали своего освобождения с первого дня оккупации. Я уже говорил, что они не сидели сложа руки, — боролись как могли. С подходом Красной Армии их давление на немецко-румынские части усилилось.

А наши войска, преодолевая сопротивление противника, стремительно продвигались к своей цели. 35-я Гвардейская стрелковая дивизия 9 апреля 1944 года овладела поселком Дальник, а в два часа ночи 10 апреля наши части ворвались в город Одессу. Не обошлось и без уличных боев. Но, выполняя требования командарма В. И. Чуйкова сохранить город, наши войска вели стрельбу только в исключительных случаях, выборочно и по конкретной цели, подавить которую другим путем не представлялось возможным.

Наш 100-й Гвардейский полк, наступая на Одессу со стороны поселка Застава, уже к полудню 10 апреля выполнил свою боевую задачу и сосредоточился на улицах в районе Малая Фонтанка. Естественно, народ ликовал и воины были рады, что выполнили свой долг. А вечером нам объявили приказ Верховного Главнокомандующего:

> «Войска 3-го Украинского фронта сегодня, 10 апреля, в результате умелого обходного маневра пехоты и конно-механизированных соединений в сочетании с фронтальной атакой овладели важным хозяйственно-политическим центром страны, областным городом Украины и первоклассным портом на Черном море Одессой — мощным опорным пунктом обороны немцев, прикрывающим пути к центральным районам Румынии.
>
> В боях за овладение Одессой отличились войска (далее перечислялись все командующие армиями, командиры корпусов и т. д. — Авт.)… генерал-полковника Чуйкова…
>
> Сегодня, 10 апреля, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Одессу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий…
>
> За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Одессы.
>
> Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!
>
> Смерть немецким захватчикам!
>
> *Верховный Главнокомандующий маршал Советского Союза*
>
> *И.Сталин».*

Приказ Верховного имел колоссальное влияние на морально-боевой дух воинов, он удваивал наши силы, и это не фантазия. Хоть он и лаконичен, краток и даже суховат, но сколько в нем внимания, заботы и торжественности! Слушая его, и особенно слова о том, что Москва от имени Родины салютует нам, мы чувствовали, как нас распирала гордость. Вот какое у нас Отечество! В нашей стране постоянно помнят об армии, ценят ратный труд воина — солдата и офицера.

Сегодня, перечитывая этот приказ, я невольно сопоставляю

отношение теперешнего государства к воинам, которые выполняли свой долг в Афганистане и Чечне. Конечно, это совершенно разные события. Великая Отечественная война не может идти в сравнение ни с какой другой — это священная война по защите Отечества. Война в Афганистане — выполнение интернационального долга, союзнических обязательств и, естественно, поддержание в какой-то мере престижа нашей страны. А война в Чечне — это гражданская война, организованная и проведенная ельцинскими правителями России, которая в итоге переросла в борьбу с международным терроризмом.

Однако во всех трех случаях наш воин (офицер и солдат) выполнял свой долг. Ему приказано было с оружием в руках решать боевые задачи. Хотя в Великой Отечественной войне, кроме этого приказа, главной движущей силой было чувство сыновнего долга перед Родиной, чувство патриотизма. Но везде был приказ государства, а следовательно, государство должно проявить о своих воинах и всестороннюю заботу.

Сразу после Великой Отечественной войны и на протяжении многих лет воины Вооруженных Сил, находящиеся в строю, и те, кто уволился в запас, пользовались глубоким уважением у всего нашего народа, им оказывалось большое предпочтение, когда речь шла о выдвижении на общественные посты. Поистине это был золотой фонд страны. Что касается пенсий, то инвалиды войны, конечно, их получали. По мере укрепления нашего государства помощь им повышалась. Остальные участники войны, уволенные в запас, были еще молоды и успешно участвовали в созидательном труде. Вопрос о пенсиях не возникал.

Первые проблемы, связанные с престижем Вооруженных Сил, возникли с приходом к руководству страной Хрущева. Он уронил и растоптал этот престиж. Должностные лица, стремившиеся угодить Хрущеву, всячески ущемляли интересы военных в целом и персонально каждого. И тогда чуть ли не в массовом порядке фронтовики начали по возрасту и по болезни уходить на пенсию. С приходом Брежнева к управлению государством военные вопросы снова стали занимать свое достойное место. А увольняемые из Вооруженных Сил и в целом из народного хозяйства лица, участники Великой Отечественной войны, стали пользоваться определенными льготами, что, конечно, народом было воспринято положительно. С приходом Горбачева отношение к армии резко ухудшилось. Псевдодемократы, захватившие большую часть средств массовой информации, обрушили на наши доблестные Вооруженные Силы грязь, клевету. Начался антигосударственный процесс развала армии. Это не

могло не отразиться и на отношении к ветеранам. Их положение резко ухудшилось, когда у руля России стал Ельцин. Обеспечение ветеранов стало крайне плохим, хотя в своих письмах к ветеранам он лицемерно говорил: «…мы своею жизнью Вам обязаны». Конечно, обязаны! А закон о ветеранах не выполняется столько лет, сколько он существует и сколько Ельцин был у власти.

Что касается наших воинов — интернационалистов-«афганцев», то здесь с самого начала была ярко выраженная ошибочная позиция государства по отношению к самому факту ввода наших войск в Афганистан и к воинам, которые были исполнителями воли государства. «Страусиная» политика — «Да, войска ввели, но в боевых действиях мы не участвуем!» — усугубила общую обстановку вокруг афганского вопроса и поставила всех «афганцев» как бы вне закона. А ведь министр обороны Д. Ф. Устинов, он же и член Политбюро, обязан был добиться у Брежнева не просто нормального, а особо уважительного в стране отношения к «афганцам». А у нас даже хоронили убитых украдкой, чтобы никто не знал, что погиб в Афганистане. Почему? Почему в США участие в войне во Вьетнаме породило дополнительное внимание государства к воинам — участникам этой войны, а у нас некоторые местные вельможи — правители областного или районного масштаба — на просьбу уволенного после войны в Афганистане воина: «Помогите, я оказался инвалидом» — могли нагло ответить: «А мы тебя туда не посылали. Вот кто посылал — к тому и обращайся». С приходом же Горбачева обстановка стала еще хуже. Но нарастающее недовольство и ропот в народе обязали все-таки принять некоторые нормативные акты.

Наконец, война в Чечне. Это вообще преступное позорище. Нет слов, чтобы выразить возмущение тем, как она готовилась и как велась. Преступно позорное участие в ней различных политиков и государственных чиновников. А какое дикое отношение было к солдату и офицеру на самой войне и после войны! Я помню, как мы лезли в Афганистане в самое пекло, чтобы достать тело убитого солдата и обязательно похоронить его дома. А во время первой войны в Грозном по телевидению показывали разбросанные по улицам и площадям обглоданные бездомными собаками-людоедами человеческие скелеты. Это наши погибшие воины! А где же государство? А где гарант Конституции президент Ельцин, пославший этих солдат и офицеров на верную гибель?!

Ничего этого во время моей молодости в нашем Советском Союзе не было. И в те долгие 1418 дней войны, когда мы мокли, мерзли или умирали от жажды, когда враг поливал нас свинцом,

а мы вопреки всему отвоевывали землю, оккупированную врагом, нам и в страшном сне не могло привидеться, что когда-нибудь в нашей стране армия будет раздавлена и разложена, а отношение к человеку в шинели станет презрительным, свысока. Ничего этого мы не могли представить. Мы шли вперед, бросались в атаки, ходили в разведку, словом, шла Великая Отечественная война, война народная, каждый бой приближал победу, и каждая победа окрыляла, давала новые силы для борьбы, каждый воин выполнял свой долг перед народом и Отечеством.

Вот так же нас окрылило и освобождение «милой Одессы», как называют этот город в одной из песен.

Ликование народа по этому поводу и радость воинов, согретых теплом и заботой государства, лично Сталиным и нашим народом, были беспредельны.

Неудивительно, что утром 11 апреля 1944 года мы, получив приказ выступить из Одессы на запад, ничуть не удивились и не выразили неудовольствия. Наоборот, после приказа Сталина было настроение у всех одно: да, Одесса освобождена, но война не кончилась. А кончать ее надо в этом, 1944 году. Это мы так думали на уровне полка.

Уже в середине дня наши передовые подразделения завязали бои в районе поселка Гроссе — Либентаев (в Одесской области тоже были значительные немецкие поселения). Затем на нашем пути были Богатырка, Роксоляны, а 14 апреля мы вышли к Днестру.

В этот же день восточного берега Днестра достигли и основные силы 8-й Гвардейской армии. На этом Одесская наступательная операция закончилась.

74-я стрелковая дивизия нашей армии тоже вышла к Днестру и с ходу форсировала его в районе поселка Паланка, имея небольшое количество табельных переправных средств. Стояла середина апреля — время самых высоких вешних вод и плюс период интенсивных осадков. Это, к сожалению, не учитывалось. Неся большие потери, дивизия окончательно выдохлась, и ее надо было срочно менять.

Конечно, по истечении времени, когда десятки раз можно проанализировать сложившуюся обстановку, легко критиковать прежние просчеты и ошибки. И все же рассматривая ситуацию, сложившуюся на этом операционном направлении, нельзя не заметить, что весьма соблазнительно было бы нанести удар южнее Тирасполя и развить наступление на запад и юго-запад. Тем самым можно было бы отсечь яссо-кишиневскую группировку противника и от войск, находящихся южнее, и от Черного моря, которое еще позволяло немецкому командованию в то время

маневрировать силами и подпитывать свои войска материальными средствами. Разумеется, успех на этом направлении обеспечил бы стремительное развитие ясско-кишиневской операции, далее открывались перспективы наступления на Бухарест.

Но одно дело — желание, а другое — реалии. А реалии были таковы. Командарм Чуйков, понимая, что 74-я стрелковая дивизия уже на последнем дыхании, и желая все-таки сохранить престиж армии, укрепляясь на плацдарме в районе Паланки, принимает решение — заменить 74-ю дивизию более сильной 35-й Гвардейской. В ночь на 17 апреля мы переправляемся на другой берег. Наш 100-й Гвардейский стрелковый полк получил участок обороны восточнее Паланки.

Весь день 17 апреля мы разбирались в обстановке и поняли, что попали в капкан. Впереди и сзади — сплошная вода, проглядываются лишь многочисленные кустарники и деревья. Вперед, до материковой части берега, а он был высокий и доминировал над местностью, — километра два, и до основного русла Днестра — приблизительно столько же. Дивизия «сидела» на узкой, но длинной (около 15–20 км) полоске земли, где располагалось все «хозяйство». Рыть окопы было нельзя — сразу выступает вода. Поэтому наносили бревна, пилили деревья, там, где никто не «сидел», срезали дерн и несли к себе — нужны были окопы, а точнее, теперь укрытия от огня противника. Надо было спасаться кто как может. Учитывая, что наши сооружения торчали над землей, как хорошие мишени, мы срочно пересаживали многие кусты, делая из них сплошную линию — маску, в которой уже было сложнее отыскать тот или иной окоп. Но артиллерия и минометы противника «гвоздили» постоянно, и мы несли неоправданные потери.

Конечно, надо было не сменять 74-ю дивизию, а вывести ее ночью и бросить этот, так называемый «плацдарм». Он не имел никакой ценности. Наоборот, был братской могилой для тех, кто его удерживал. Понимая, что спасение утопающего — дело рук самого утопающего, командир дивизии срочно готовит дивизию к решающему бою за захват высокого берега, где сидит противник. Я постоянно обстреливаю противника дымовыми 120-мм минами с целью «ослепить» его и не позволить наблюдать за нашими действиями. К нам подключился артиллерийский полк дивизии, который тоже обстреливает противника дымовыми снарядами. Немцы и румыны явно нервничали и вели беспорядочный обстрел наших боевых порядков и переправы. Но и этот огонь наносил нам существенный урон.

Командир дивизии Кулагин в рамках полученного приказа

правильно решил — надо было обязательно захватить передний край противника и лишить его высокого берега, а следовательно, и возможности просматривать всю нашу глубину, выбивая важнейшие объекты. К тому же, с захватом материковой части берега наши войска видели бы перспективу. Атаку предусматривалось провести ночью. Без артиллерийской подготовки тихо сблизиться с противником до 200–300 метров, а затем, уже исходя из обстановки, дать короткий огневой налет по переднему краю, чтобы подавить пулеметные огневые точки и орудия прямой наводки и затем перенести огонь нашей артиллерии на батареи противника, или же атаковать вообще без шума. Но во всех случаях несколько дней методически обстреливать передний край дымовыми снарядами. Тем самым «приучить» его к такому режиму и одновременно «ослепить».

Дивизия практически уже была готова к наступлению, как вдруг 23 апреля пошел сильный дождь со снегом. С юга подул штормовой ветер, который нагнал морскую волну в лиман, а потом погнал его воду вверх по течению. Уровень воды резко поднялся, и теперь уже скрылась и наша узкая полоска земли. Все мы оказались в воде. Несмотря на это, мы и в этих условиях продолжали вести боевые действия. Но двигаться вперед было уже бессмысленно — впереди ожидали глубины в человеческий рост.

Разум все-таки возобладал над престижем и желанием использовать это направление для удара. 27 апреля последовал приказ командующего 8-й Гвардейской армией — покинуть плацдарм и сосредоточиться на левом берегу Днестра. Прикрываясь огневыми налетами нашей артиллерии, в ночь на 28 апреля мы уже были на левом берегу. В этот же день мы получили приказ совершить марш и выйти вверх по Днестру севернее Тирасполя в район плацдарма, который удерживала 5-я Ударная армия нашего фронта на правом берегу Днестра — в районе Шерпены. Марши совершались ночью, чтобы противник не смог разгадать, где наша Ставка ВГК сосредотачивает усилия.

Ночь с 30 апреля на 1 мая застала нас на марше. Вдруг пошел холодный ливневый дождь, он сменился дождем со снегом, а затем повалил только один снег. Температура резко понизилась. Поднялся ураганный ветер. Такие фортели природы были крайней неожиданностью. Да и, как оказалось, для апреля здесь это вообще небывалое явление.

Представьте этот поход. Ненастная ночь. Ледяной ветер. Вымокшая до нитки пехота топает в поле. Воины одеты уже в летнюю форму одежды. Поверьте, испытание было не легче, чем в бою. Но выдержали и это. И надо же! — даже не болели. Правда,

несколько человек кое-что себе подморозили, но — не страшно. За четыре ночи мы прошли сто двадцать километров! Выйдя на шерпеновский плацдарм, приняли полосу обороны 93-й стрелковой дивизии, которая в числе первых форсировала Днестр и уже почти три недели вела непрерывные бои по расширению плацдарма.

Район обороны для нашей дивизии: высота 164.5, село Спея. Тыльной линией был западный берег Днестра. Разбираясь в обстановке, мы с удивлением отметили, что у противника была отнюдь не оборонительная группировка. Только в полосе нашей дивизии он имел 320-ю и 920-ю пехотные дивизии и хорошо нам знакомую по предыдущим боям 13-ю танковую дивизию.

Но и это еще было не все! Как стало известно позже (уже после событий, о которых здесь будет описано), в последующие три дня противник подтянул в полосу 8-й Гвардейской армии, что имело отношение и к нашему плацдарму, дополнительно четыре пехотных и одну танковую дивизию. Наконец, в своей ближайшей глубине немецкое командование имело в резерве три танковых и одну моторизованную дивизии, о чем пишет в своей книге «Стрелы скрестились на Шпрее» бывший начальник штаба 8-й Гвардейской армии генерал-лейтенант В. А. Белявский (с. 154).

Это был один из редких случаев 1944 года, когда наша разведка «проспала» сосредоточение такой мощной группировки противника. Не надо быть военным специалистом, чтобы понять, что такая сила (превосходство в 4–5 раз над нашими войсками) предназначена для решительных действий по ликвидации плацдарма наших войск. Но для этого надо было знать, что такая сила сосредоточилась. Однако командование этим не располагало. Почему? Только не потому, что наша разведка утратила свое мастерство. Это результат общей самонадеянности и недооценки возможностей противника. Вот поэтому разведка «проспала».

Работа по подтягиванию резервов, материальных средств и т. д. для создания и обеспечения ударной группировки с этого плацдарма была в полном разгаре. Наступление, полагаю, готовилось на двадцатые числа. Видно, где-то была утечка (это в основном могло произойти только по причине недостаточно скрытного маневра войск), что и стало достоянием немецкого командования. Да и, если бы в мае здесь даже и не сосредотачивались бы войска, можно было бы и без этого сделать вывод, что огромный по своим размерам плацдарм, способный вместить несколько армий, нужен, разумеется, не для обороны.

Немцы, прогнозируя события, понимали, что только мощный упреждающий удар со 100-процентной гарантией может спасти их

от неминуемого разгрома на этом направлении. Скрытно, с большим старанием и присущей им педантичностью, они создают «кулак», внезапно для всех наносят удар и достигают своей цели. Точнее, достигают срыва нашего наступления на несколько месяцев, однако полностью ликвидировать наш плацдарм немцы не могут. Вот как это было.

8-я Гвардейская армия продолжала сосредотачиваться на плацдарме. Наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия в основном сменила 93-ю стрелковую, за исключением левофлангового 51-го стрелкового полка, который должен был быть сменен 102-м Гвардейским стрелковым полком нашей дивизии.

Ночью 10 мая 1944 года в 2 часа 30 минут противник внезапно открыл ураганный артиллерийский и минометный огонь по нашему переднему краю и важнейшим объектам на плацдарме. Мы поняли, что за ним последует атака, о чем командир полка предупредил по телефону все батальоны, а я — все батареи, а также 140-й минометный полк, входящий в состав дивизионной артиллерийской группы, но поддерживающий наш полк, как и 1-й дивизион 118-го Гвардейского артиллерийского полка нашей дивизии. Командир полка Воинков доложил командиру дивизии свое мнение о том, что противник безусловно перейдет в атаку, чтобы ликвидировать плацдарм. Комдив согласился.

Ровно через сорок минут немцы начали психическую атаку. Небо к этому времени уже стало голубым, но солнце еще не поднялось. Погода стояла ясная. С атакой противника появилась авиация, которая свои бомбо-штурмовые удары сосредоточила на нашей артиллерии и танках, на переправе и прилегающих объектах.

Атакующую пехоту немцев поддерживала большая масса танков и штурмующие орудия, в основном «Фердинанды». Наши войска открыли из всех средств ответный сильный огонь. Противник нес потери, но шел напролом. Главный удар приходился на 39-ю и 47-ю Гвардейские дивизии, а также на наш 100-й Гвардейский полк 35-й Гвардейской стрелковой дивизии, который примыкал своим правым флангом к 47-й.

Между правым флангом нашего полка и левым флангом 47-й дивизии проходила довольно широкая балка. Ею мог воспользоваться противник — балка выводила далеко в тыл наших войск. В связи с этим, по согласованию с командиром полка, я сосредоточил основные усилия артиллерии — полковой и нас поддерживающей — именно здесь, тем более что перед передним краем мы последние две ночи устанавливали

противотанковые и противопехотные минные поля. А батарею 45-мм противотанковых орудий и батарею 76-мм полковых орудий поставил на прямую наводку на склонах этой балки.

Наши предположения оправдались — в нее в предбоевом порядке устремились более тридцати танков и несколько сот пехотинцев. За ними двигались бронетранспортеры. Как только большая часть танков втянулась в балку, я дал команду открыть огонь. Как и договаривались, первые выстрелы были по головным и по хвостовым танкам. Словно по команде, они загорелись, как факел. Открылись люки, выпрыгивают танкисты, но их уже поджидают наши пулеметчики. Затем начался буквально расстрел всех остальных, кто втянулся в эту ловушку. Пехота в ужасе металась. Еще «живые», танки неуклюже старались выползти на склон балки, но мы их тут же добивали.

Всего тридцать минут длилась эта схватка. Противник потерял убитыми более 200 человек. 16 танков и 2 бронетранспортера горели или дымились (ЦАМО, ф. 1124, д. 27, л. 211 и 212).

Перед остальным фронтом полка атака была отбита, и подразделения чувствовали себя уверенно. Однако на самом левом фланге дивизии обстановка была сложной — 102-й Гвардейский полк не успел сменить 51-й полк 93-й стрелковой дивизии и противник значительно потеснил его. Но развернувшийся ему в затылок 102-й полк обеспечил отход 51-го полка и достойно встретил немцев, которые вынуждены были закрепиться. В целом для нас итог был приличный.

Трагически развернулись события у нашего соседа справа — 47-й Гвардейской стрелковой дивизии и далее, в полосе обороны 39-й Гвардейской дивизии. Когда шел бой в балке (а точнее — за балку) на нашем правом фланге, мне некогда было разобраться, что творится у соседа — надо было успевать управлять огнем своих средств. Но мы нанесли немцам поражение, и после этого невольно привлекла внимание непрекращающаяся канонада у соседей справа.

Передний край наших подразделений на плацдарме проходил значительно ниже позиций немцев. И когда они пошли в атаку, сползая вниз к нашему переднему краю, то все это выглядело, как в кино: масса танков, пехоты, штурмовых орудий и бронетранспортеров — невзирая на разрывы наших снарядов и потери, двигалась только вперед. Гитлеровцы уложили сотни своих солдат на переднем крае 47-й дивизии и пошли дальше. А по всему полю, где они прошли, факелами горели десятки танков.

В полосах обороны 47-й и 39-й дивизий размещалась, занимая огневые позиции, тяжелая артиллерия РВГК (резерв

Верховного Главного Командования) калибра 152 и 203-мм гаубиц. Они оказались здесь в связи с предстоящим наступлением, а теперь обстановка сложилась так, что им пришлось в дуэльной стрельбе прямой наводкой сражаться один на один с танками противника. И это все было у нас как на ладони. Танки шли в несколько линий, стреляя на ходу. За последней линией — масса пехоты. Орудия, на которые шли танки, стреляли в упор фугасны ми и бетонобойными снарядами. От динамического удара такого снаряда — бомбы (весом от 50 до 100 кг) проламывалась любая броня и затем внутри этот снаряд разрывался, уничтожая все, срывая башню танка и отшвыривая ее на значительное расстояние. Но и наши орудия при прямом попадании снаряда противника разлетались на части. Некоторые танки старались обойти артиллеристов слева и справа. Я смотрел на эту борьбу как завороженный и в то же время не мог найти выхода — чем помочь. Вдруг телефонист кричит, что вызывает командир полка. Я взял трубку: «У соседа справа на левом фланге прорываются танки. Нам отсюда из-за складки не видно, а тебе — тем более. Надо помочь огнем и колесами!»

Я бросился на батарею 45-мм орудий. С помощью стрелков быстро прокатили их по диагонали через балку назад и вправо. Легко было спускаться вниз, просто было идти по ровному дну долины и тяжеловато, хоть и с лямками — когда поднимались на той стороне. Выкатили первое орудие, и тут же танки — в 250–300 метрах бортами к нам. Стреляя, они движутся прямо, не маневрируя. Мы развернули первое орудие, выстрел — есть попадание! И сошники орудия сами зарылись и закрепились после первого выстрела. Вытащили остальные орудия. А первое орудие уже подбило еще один танк. Тут «заговорили» и другие орудия. Огнем батареи было сожжено семь танков. Семь танков только в одной схватке! Остальные остановились, но два пошли прямо на батарею и тремя выстрелами разнесли одно орудие в пух и прах. Остальные орудия мы быстро, не сводя даже станины, спустили вниз и откатили еще дальше по балке к кустам и вновь развернули. Но, видно, атака в целом захлебнулась. По району, где шли танки, уже наносились бомбо-штурмовые удары авиации противника. Следовательно, немцы должны были отойти, чтобы собраться с новыми силами. Обрушилась авиация и на наш полк. Появилась наша истребительная авиация. Начались жаркие бои уже не только на земле, но и в воздухе.

В обед и перед наступлением темноты противник предпринял еще две атаки, но — безуспешно. Он пытался выйти в район балки и, очевидно, на буксире вытащить часть подбитых танков. Однако наша батарея 76-мм орудий, подбив еще один танк на

этом направлении, совсем отбила у немцев желание предпринимать какие-то меры.

Ночь прошла относительно спокойно, но в постоянной перестрелке, маневрировании силами и средствами, уточнении задач, организации системы огня, инженерном оборудовании обороны, установки минных полей и других противотанковых и противопехотных заграждений, в организации взаимодействия у себя внутри полка и с соседями, а также надежного управления (особенно основных и запасных пунктов управления и проводной радиосвязи). Наконец, предпринято было все, чтобы убитых и раненых отправить на левый берег, а в подразделения максимально завезти боеприпасы и продовольствие.

Конечно, за всю ночь никто даже не прикорнул, не говоря уже о хотя бы непродолжительном сне. Но все было готово, и это действовало на моральный дух благотворно, хотя беспокойство за фланги — правый нашего полка и левый дивизии — не проходило. Особенно нас беспокоил правый фланг — противник значительно потеснил 47-ю Гвардейскую стрелковую дивизию и к вечеру занял Пугачены.

11 мая в 5 часов утра после массированных ударов авиации и артиллерии немцы вновь пошли в атаку. Танки, штурмовые орудия и огромная масса пехоты обрушились на соединения и части нашей армии. На этот раз противник особо сосредоточил свои удары против соседа справа — 47-й Гвардейской стрелковой дивизии. Очевидно, потому, что вчера, 10 мая, он имел здесь успех и сейчас решил его развить. Это ему удалось — с середины дня он полностью охватывал наш правый фланг и уже начал выходить на тылы дивизии. Однако танки противника напоролись на огневые позиции нашего 118-го Гвардейского артиллерийского полка. Артиллеристы сражались до последнего снаряда. Было уничтожено несколько десятков немецких танков и самоходок. Но и полк потерял больше половины своей материальной части и одну треть личного состава. Геройски сражаясь, погиб командир артиллерийского полка полковник А. И. Логинов. Оставшаяся без единого снаряда материальная часть была вывезена к берегу.

Надо отметить, что из-за постоянной бомбежки переправы наши службы обеспечения не в состоянии были своевременно подавать боеприпасы. А то, что мы успели завезти за ночь, хватило только до середины дня.

Но два обстоятельства несколько снизили опасность окружения нашей дивизии. Во-первых, на правый фланг выдвинулся с хорошим запасом боеприпасов 37-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион — он добил острие вклинения танков противника, начатое артполком дивизии. И, во-

вторых, появились, наконец, наши «Илы». Они «утюжили» пехоту и танки противника до тех пор, пока те не «успокоились». Что касается нашего полка, то у нас, в отличие от других, было еще одно преимущество — наличие значительного количества боеприпасов (мы их заполучили у 93-й стрелковой дивизии, которую сменили). Поэтому снарядов не жалели, и наша оборона для немцев была довольно ощутимой проблемой.

И все-таки противник на участке 47-й дивизии прорвался на Шерпены и вышел в тыл нашей дивизии. Чтобы избежать полного окружения, командир дивизии дает команду отойти и занять рубеж в районе леса юго-восточнее села Спея. Ведя огонь всеми оставшимися орудиями и минометами, артиллеристы максимально выкладывались, чтобы прикрыть маневр пехоты.

Понимая безвыходность положения, командир корпуса вечером 11 мая отдает приказ нашей дивизии переправиться на левый берег и к утру 12 мая сосредоточиться в районе села Бутор. Что и было сделано.

Бои за удержание плацдарма продолжались еще некоторое время, но уже без нас. Противник не смог полностью ликвидировать плацдарм, но площадь его уменьшил более чем в два раза и тем самым сорвал план нашего командования провести наступательную операцию в направлении Кишинева и Яссы в мае месяце. Эта операция была отнесена на август.

Что касается нашего полка, то, выдвинувшись в район села Бутор, он фактически размещался в поле. Получали пополнение, новую материальную часть — орудия и минометы, пополняли свои запасы. А главное — интенсивно занимались боевой подготовкой, особенно стрельбами. Первое время все очень переживали в связи с этой, фактически трагической для нас, развязкой на плацдарме. Конечно, противнику нанесен колоссальный ущерб. И если бы это было в наступлении или хотя бы в условиях удержания плацдарма, то многие были бы отмечены наградами. Одних только танков сколько подбили! А у нас закончилось все тем, что руководство вынудили (получается так) принять решение об оставлении дивизией плацдарма. Печально, но факт. А за это не поощряют, хотя солдаты проявили героизм.

Вначале мы даже не смотрели друг другу в глаза. Но, по истечении времени, горечь этих переживаний стала уходить. Учеба и повседневные заботы заслонили пережитое.

6 июня наша дивизия сосредоточилась в районе Ново-Бессарабки. Здесь были выстроены все боевые подразделения. Приехал командарм В. И. Чуйков. Он выступил перед личным составом и рассказал подробно о боевом пути дивизии, начиная

от Сталинграда. Очевидно, это делалось для того, чтобы поднять морально-боевой дух. Затем Чуйков зачитал указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии за высокие успехи в боях по освобождению Правобережной Украины орденом СувороваII степени и за освобождение города Одессы — орденом Богдана Хмельницкого II степени. Теперь наша дивизия именовалась так: 35-я Гвардейская Лозовская Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия.

Конечно, это вселяло в наши сердца гордость за наш ратный труд. И, хотя это событие с награждением не корреспондировало с боями на плацдарме, все-таки это было очень важно и необходимо, и особенно в то время. Награды дивизии подняли морально-боевой дух всех офицеров и солдат. В. И. Чуйков сказал, что он уверен в том, что дивизия и в грядущих боях прославит свои боевые знамена. А комдив И. А. Кулагин от имени личного состава дивизии дал клятву, что воины не посрамят свое боевое, трижды орденоносное Красное знамя. Все мы мысленно тоже поклялись.

Через десять дней дивизия выдвинулась в район железнодорожных станций Мигалово и Веселый Кут. Мы перебрасывались в составе армии в полосу действий войск 1-го Белорусского фронта, о чем, разумеется, узнали только тогда, когда уже прибыли на место назначения.

Начались новые страницы боевой биографии нашей дивизии…

Глава IV
Висла — река незабываемая…

Коренные изменения на фронте к лету 1944 года. 1-й Белорусский — замысел действий. 8-я Гвардейская армия — роль и место. Сокрушительный удар Ковель — Люблин — Висла. Варшавский набат и предательство тех, кто поднял восстание. Захват и удержание Магнушевского плацдарма южнее Варшавы. Завалили меня капитально. Однако напрасно опасался: война не кончилась. Возвращение в свою дивизию и родной полк. «Одно Знамя хорошо, а два — лучше…»

Думаю, не только мне, но вообще всем фронтовикам не могла не броситься в глаза одна удивительная закономерность: лейтенантам и капитанам, не говоря уже о солдатах, а в некоторых случаях также и войсковым полковникам общая военно-стратегическая обстановка в годы войны обычно представлялась весьма туманно. Вот где линия фронта, где и какие произошли события, что делается в тылу — это было ясно, поскольку обо всем сообщало Совинформбюро, плюс еще фронтовая и армейская газеты. И это принципиально было важно для каждого солдата и офицера, ибо влияло на его морально-боевой дух, мировоззрение, общее настроение. Но подробности военных действий на фронтах и особенно перспективы представлялись расплывчато обще, хотя в принципе все думали о победе. В границах же дивизии и полка существовал свой автономный мирок. Здесь каждый из нас был как «щука в море»: все известно, все знаем и представляем поворот событий на небольшом отрезке ближайшего будущего. И строим свои планы — в первую очередь, конечно, по выполнению поставленных боевых задач.

Однако у всех у нас, кто размышлял о крупномасштабных действиях Советской Армии и о судьбе страны в целом (а это несомненно имело место в сердце и сознании практически большинства фронтовиков), было реальное представление о том, что в нашей стране существует мощная, четко отлаженная государственная машина, которая охватывает и военный (фронты и флоты), военно-промышленный и аграрно-промышленный комплексы, транспортный и энергетический, идеологический и научный, мобилизационный и другие направления. И все они приводятся в движение мозговым центром — Государственным Комитетом Обороны во главе со Сталиным. Мы верили и знали, что он действует твердо и надежно. Ведь в самом начале войны

было сказано: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» И слово с делом не расходилось. Именно так все и делается, и в итоге именно так и будет сделано. В этом были уверены все.

Мы не сомневались в высоких организаторских и интеллектуальных качествах такого органа, как Ставка Верховного Главнокомандования. Выпутаться из тяжелейшей ситуации, в которую мы попали в 1941-м и в первом полугодии 1942 года, действительно могло только наше руководство. Поставьте на наше место любую другую страну с соответствующим военно-государственным руководством — вряд ли кто мог бы сделать то, что сделала советская Ставка ВГК. Уверен, никто бы этого сделать не смог. Только те, кто прошел войну, изведав и горечь поражения, и утраты боевых товарищей, и счастье первых успехов, а потом и победоносного наступления и неуклонного продвижения вперед, на запад, до самого фашистского логова, знают истинную цену подвига, который совершила в годы войны вместе со своей армией и всем народом Ставка Верховного Главнокомандования во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Считаю своим долгом засвидетельствовать это перед ныне живущими и будущими поколениями, ибо и по этому поводу наворочены ныне горы черной лжи.

Наступило лето 1944 года. Наша армия на ряде направлений вышла, а на других — готовится выйти на Государственную границу Союза Советских Социалистических Республик. Вслед за этим последуют крупные, имеющие мировое значение действия наших Вооруженных Сил — освобождение Европы от немецко-фашистской оккупации, разгром фашистской Германии, уничтожение зверя в его логове, наконец, организация послевоенного устройства мира. С учетом Тегеранской конференции и строились соответствующие ходы и планы Советской Армии, всего Советского государства.

В связи с тем, что нашей армии на территории европейских государств было суждено самой историей выполнить великую освободительную миссию, то западное (т. е. германское) стратегическое направление приобретало особое значение. Поэтому Ставка ВГК подбирала и соответствующие войска, которые должны были отличаться особыми качествами, в первую очередь динамизмом. Естественно, командование подбирало их задолго до начала этих решающих операций. По вполне понятным причинам в число таких попала и наша 8-я Гвардейская, как мы ее сами называли Сталинградская армия. По тому же принципу подбирались и известные всему миру полководцы.

Эти вопросы в нашей исторической литературе почему-то

обойдены вниманием. Но это факт, и эти идеи и замыслы принадлежат Сталину. Как и подобает талантливому, мудрому государственному деятелю, он смотрел далеко вперед и предвидел возможный ход событий. Но чтобы происходило так, как задумывалось, и шло в нужном русле и направлении, этот ход надо было еще и всесторонне обеспечить, Верховный Главнокомандующий делал это продуманно, умело, четко и надежно.

Читатель может упрекнуть автора в непоследовательности: мол, начальный период вроде бы «убедительно» говорит о просчетах Сталина — его-де предупреждали, что Гитлер нападет, а он даже (хотя бы за неделю) не отдал распоряжения приграничным военным округам о приведении войск в полную боевую готовность и занятии рубежей обороны. А сделал это только накануне удара агрессора. Однако упрек несостоятелен — никакой непоследовательности вовсе нет. Просто на все события прошлого надо смотреть глазами того времени, а не сегодняшнего дня. Задним числом судить всегда легко. Но попробуйте поставить себя в рамки именно тех обстоятельств. Ведь такой противоречивой информации, какую получал Сталин в то время, не получал никто. Блуждали и наши разведорганы.

Извините, читатель, но я вынужден сделать еще раз небольшой экскурс в прошлое.

Было известно, что Гитлер первоначально не собирался вести войну на два фронта: с Англией — воздушную, а с Россией — полномасштабную.

Но триумфальное шествие по Европе с 1939 по 1941 год ослепило Гитлера и породило в нем искушение (точнее — безрассудную авантюру) напасть на СССР. И в то же время он понимал и боялся того, что Россия из месяца в месяц, из года в год становится все мощнее и мощнее. К тому же 1940 год — это пик взлета всеобъемлющего авторитета Германии, ее военной и экономической мощи, что, несомненно, вдохновляло фюрера. Будучи по своей натуре авантюристом, он был уверен, что Советы можно свалить только одним, непомерной силы, сокрушительным ударом и что расправиться с Россией можно и нужно за три-четыре месяца. Поэтому в первый стратегический эшелон Гитлер включил 80 процентов всех сил вермахта, причем почти 100 процентов танковых войск и боевой авиации. Гитлер просчитался. Он и его соратники совершенно не представляли возможностей социалистического общества, монолитной сплоченности советского народа. Вот если бы он со своими мерками вышел на арену в 1995–2000 годах, то, несомненно, достиг бы намеченных целей, поскольку нынешняя Россия и Советский Союз накануне и

в годы войны — это небо и земля. Тогда разгромить нашу страну было невозможно. Сегодня же она уже расчленена без единого выстрела. А новый Президент РФ В. В. Путин предпринимает титанические усилия, чтобы полученное «наследство» привести в нормальное состояние.

Сталин ясно представлял, какой могучей силой являются в своем потенциале наш строй и наш народ. В то же время он и мысли не допускал, что Гитлер совершенно не понимает и не учитывает этого. Сталин предвидел, что война неизбежна. Но он был абсолютно уверен, что, в случае нападения Германии на СССР, она при всех условиях обречена. Понятно его стремление форсировать производство вооружения и подготовку страны к войне: он хотел достигнуть уровня, при котором Советский Союз станет гарантированно непобедимый и не дрогнет даже в начальном периоде войны. А если такой уровень будет достигнут и об этом станет известно всему миру, то можно будет вообще не допустить войны и избежать жертв. Однако он ясно представлял, что это может произойти лишь при условии создания мощной индустрии и всесторонней морально-политической подготовки народа. Вот откуда исходит его жесткая требовательность, которая, по словам маршала Жукова, «невозможное делала возможным» и которая сегодня не нравится псевдодемократам.

Однако слишком мала была передышка, которую удалось вырвать у мировых сил зла, слишком мало времени было дано нашей стране и Сталину, чтобы встретить войну во всеоружии или же достичь такой мощи, которая сделала бы нападение на СССР невозможным.

Конечно, Сталин мыслил другими категориями и все процессы в мире видел несравненно глубже Гитлера. Особенно отчетливо он представлял возможные последствия. Но, разумеется, Гитлер тоже не был круглым идиотом, каким некоторые старались и стараются его представить.

Сталин правильно оценивал Гитлера, однако, как мне кажется, он в силу своих личных убеждений, очевидно, все-таки рассчитывал, что Гитлер достаточно прозорлив, чтобы понять: СССР Германии не по зубам и в случае свершения агрессии это будет не только трагедией для советского народа, но и концом гитлеровской Германии. Сталин мыслил как крупный стратег. Его мозг, подобно рентгену, просвечивал все и вся, логично подсказывая, чем все кончится. Он и до этого не ошибался, и никто из основных политических воротил мира обмануть его не мог. Возьмите хотя бы мощные и беспощадные разоблачения Сталиным политики Англии, Франции, Италии — от Версальского мира и до начала Второй мировой войны в 1939

году. И в 1941-м его никто не обманул. Он сам обманулся в Гитлере — в его возможностях и способностях.

Итак, оборонительная стратегия Гитлера, начиная со второй половины 1943-го и до весны 1944-го с треском провалилась. В связи с этим изменилось военно-политическое и оперативно-стратегическое положение коалиции и конкретных государств воюющих сторон.

Несмотря на сложнейшие природно-климатические условия зимы 1943–1944-го и всего весеннего периода 1944-го, Вооруженные Силы СССР добились исключительных успехов на всех основных направлениях.

В целом обстановка выглядела следующим образом. На северо-западе наши войска за этот период продвинулись на 400–450 километров. Была снята блокада Ленинграда и освобождена вся Ленинградская и соседние с ней области.

На западном направлении мы вышли на подступы к Польше и Чехословакии. На юге полностью очистили Правобережную Украину и Крым, и боевые действия готовы были перенести на территорию Румынии. Наши войска, разгромив в боях более 170 дивизий противника, уже реально угрожали жизненно важным для немецко-фашист-ских захватчиков и их сателлитов районам. Вся эта ситуация несомненно укрепляла положение СССР и его союзников, повышала его авторитет в глазах народов мира, роль и место в международной политике.

Используя эти успехи, англо-американские войска активизировали свои действия в Италии, в акватории морей, омывающих Европу, а также в Атлантическом и Тихом океанах.

Однако в это время наивысшую остроту обрел вопрос открытия второго фронта. Как известно, Сталин обращался к союзникам и в 1941-м, неоднократно в 1942-м и 1943-м годах. Но каждый раз СССР, получая от союзников обещания, не подтвержденные действиями, все больше и больше убеждался в истинной подоплеке этой двойной политики, которая впоследствии была обнародована: англо-американские предводители, будучи проводниками интересов своего класса, были, конечно, заинтересованы в том, чтобы немцы и русские максимально убивали друг друга на Восточном фронте. Когда же они во взаимной схватке будут обессилены, а все их резервы и ресурсы полностью исчерпаны — тогда и можно будет ввязаться в войну, чтобы полностью убрать с арены немецкий фашизм как угрозу порабощения мира. А во-вторых, и это главное — продиктовать Советскому Союзу свои условия, лишая его преимуществ как победителя. В случае же несогласия — применить силу и решить все проблемы национальных интересов

США и Англии за счет СССР.

Все предельно ясно.

Однако события развивались вопреки грезам Черчилля и его единомышленников в США. Этот непонятный им Сталин, мобилизовав весь народ, давит немцев на всех фронтах. Они не смогли удержаться не только в Сталинграде, но и на Кавказе, на Днепре. Нависла угроза выхода советских войск в Европу с соответствующими политическими итогами. США и Англия могут оказаться на обочине истории, а все лавры победы достанутся СССР. Но самое главное — какие режимы окажутся у руля европейских государств? Нет, дальше тянуть нельзя. Надо открывать второй фронт! Уже и школьнику было ясно, что СССР без помощи союзников не только полностью разгромит немцев, но и может пронзить всю Европу и выйти к Бискайскому заливу. Вполне понятно, что в конце ноября — начале декабря 1943 года на Тегеранской конференции по предложению Сталина было наконец принято решение об открытии союзными войсками второго фронта в Европе. Назначили срок — май месяц. Но англо-американские войска высадились в июне 1944 года.

Однако в целом антигитлеровская коалиция в первой половине 1944 года была несомненно всесторонне упрочена. Четко выразилась тенденция более тесного взаимодействия и сотрудничества в деле разгрома общего врага, хотя некоторые разногласия и оставались. Что касается вражеской коалиции, то она очень ослабла. Поражения, понесенные немецко-фашистскими войсками и их сателлитами на Восточном фронте, конечно, породили разброд и шатания в их стане, серьезные противоречия и обострения. Гитлеровский блок закачался.

К лету 1944-го немецко-фашистские войска, сражавшиеся на Восточном фронте против СССР, насчитывали: личного состава более четырех миллионов человек, орудий и минометов 50 тысяч единиц, танков и САУ—5250, боевых самолетов — свыше 2800 («50 лет Вооруженных Сил СССР», с. 406).

Однако надо отметить, что и германская военная промышленность достигла к этому времени высшей точки своего производства. За первое полугодие 1944-го она сумела выпустить тысячи танков и самолетов всех видов. Таким образом, если говорить о техническом обеспечении вермахта, то обстановка ему благоприятствовала. Хотя военные потери немцев были колоссальными и эти цифры таяли.

Что же касается военно-политической ситуации, то положение Германии было уже крайне сложным. Несмотря на это, немецкое командование не теряло надежд избежать полного поражения. 5 мая 1944-го в Зонтхофене было проведено

заседание высшего командного состава вермахта. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии фельдмаршал Кейтель доложил новый оборонительный план на лето 1944-го. Помимо всего прочего, там было сказано: «Вести войну за выигрыш времени в ожидании событий». То есть довольно прозрачно намекалось, что делается расчет на возможные разногласия внутри антифашистской коалиции, при этом главная ставка делалась, конечно, на англо-американцев, которых они считали в потенциале своими возможными союзниками. Небезынтересно отметить, что подтверждение тому, что именно такие расчеты имели место, было получено при допросе Кейтеля в июне 1945 года.

Почему же у высшего командного состава вермахта сквозила обреченность в докладах? Да потому, что сам Гитлер в этой ситуации уже не надеялся на какое-то чудо, а с ним и на возможный перелом в войне в пользу Германии. Поэтому и генеральный штаб сухопутных войск еще в марте 1944-го официально признал превосходство Советской Армии над вермахтом («История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945», т. 4, с. 129).

Каковы же были стратегические планы Ставки ВГК СССР в этот период?

Опираясь на все возрастающую экономическую мощь страны, на величайшую силу Вооруженных Сил, на высокий патриотический долг и наступательный порыв советских воинов, их массовый героизм, Ставка ВГК планировала несколько основных наступательных операций группы фронтов во взаимодействии на приморских направлениях с флотами, а также самостоятельные фронтовые операции. План стратегических наступательных операций на 1944 год был полностью создан перед поездкой Сталина на Тегеранскую конференцию. Политический и военно-стратегический смысл этих операций, их замысел состоял в том, чтобы:

— разгромить все основные стратегические группировки немецко-фашистских войск и их сателлитов;

— завершить освобождение нашей территории от оккупантов;

— оказать братскую помощь народам Европы;

— вывести из войны союзников Германии и тем самым оказать помощь их народам в освобождении от фашистского ига.

Этот военно-стратегический замысел военного командования СССР не держался в тайне — наоборот, он был широко обнародован в первомайском 1944 года приказе Верховного Главнокомандующего И. Сталина. Такой удивительный и в то же время грозный шаг могла сделать только страна, полностью

уверенная в своих собственных силах, уверенная в необратимом разгроме агрессора. Свою роль сыграло также полное отсутствие у наших союзников другого варианта, кроме совместных действий с Советской Армией. Если бы они даже и захотели изменить СССР, а коварность характерна для стран Запада, то они просто не в состоянии были бы это сделать, не нанеся себе военно-политического и морального ущерба. Они вынуждены были идти с нами до конца.

Для исполнения изложенного политического и военно-стратегического замысла советское командование привлекает следующие силы и средства: личного состава — 6,5 миллионов человек, орудий и минометов — более 83 тысяч, танков и САУ — около 8 тысяч, боевых самолетов — почти 12 тысяч («Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история», с. 343). Принципиально планируя проведение наступления на всем советско-германском фронте от Баренцева до Черного моря протяженностью 4,5 тысячи километров, советское ВГК решило подготовить и провести ряд последовательных, но мощных ударов. Всего их было несколько десятков, но главных было десять. Реализовать все эти планы было вполне возможно, так как наше командование полностью владело инициативой на фронте и в войне в целом.

В соответствии с намеченными целями и замыслом действий Ставка Верховного Главного командования на 1944 год ставит конкретные задачи — провести ряд операций групп фронтов, нанося последовательные и одновременные удары фактически на всех стратегических направлениях.

Что касается войск 1-го Белорусского фронта (в состав которого прибыла и наша 8-я Гвардейская армия), то ему ставилась задача — принять участие в двух крупных операциях. Вначале в операции «Багратион» — ударом своего правого крыла совместно с войсками 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов разгромить группу армий «Центр» немецких войск и освободить Белоруссию. А затем ударом своего левого фланга совместно с войсками 1-го Украинского фронта разгромить группу армий противника «Северная Украина» и освободить польские земли от оккупантов к востоку от Вислы.

В состав группировки войск левого крыла 1-го Белорусского фронта входили: 8-я Гвардейская, 47-я, 69-я и 70-я общевойсковые, 2-я танковая и 6-я воздушная армии, а также 2-й и 7-й Гвардейские кавалерийские корпуса. В этой же группировке действовала 1-я польская армия.

Находясь в составе основной группировки войск фронта, 8-я Гвардейская армия наносила главный удар из района Ковеля в

направлении Люблин, Демблин с задачей — совместно со 2-й танковой армией разгромить противостоящего противника, с ходу форсировать реку Висла и захватить плацдарм на ее западном берегу в районе поселка Магнушев.

Наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия в соответствии с полученной задачей вначале действовала на открытом фланге армии, прикрывая ее главные силы, а с подходом к Висле была введена в сражение с задачей — форсировать реку, с ходу захватить плацдарм и совместно с другими соединениями армии создать благоприятные условия для последующих действий наших войск.

Забегая вперед, надо отметить, что все намеченные на летне-осеннюю кампанию войны операции 1944 года были блестяще выполнены. Это была великая освободительная миссия Армии советского народа в отношении народов Польши, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Югославии и других стран. Воины Советских Вооруженных Сил с вдохновением взялись за выполнение этой благородной задачи и с честью и достоинством исполнили свой интернациональный долг, проявляя при этом массовый героизм.

Окидывая взглядом в целом грандиозные операции нашей армии и флота в летне-осенний период 1944 года, невольно мысленно возвращаюсь к летне-осеннему периоду 1941-го. Как зеркально отражаются те события — трагические вначале для одной, а затем уже для другой стороны! Но для другой — уже как возмездие. События лета и осени 1944-го стали уже петлей на шее гитлеровской Германии. И эта петля затягивалась надежно и все туже и туже. Гитлеровская государственная и военная машина хоть и представляла еще большую реальную силу, но уже дышала все тяжелее, а в пульсе ее явно отмечалась аритмия.

Конечно, и в интересах народов мира, а тем более в интересах немецкой нации, чтобы предотвратить дальнейшие кровопролития, Гитлеру и его окружению следовало найти в себе силы самим пойти на капитуляцию безо всяких условий (разумееется, Ставка ВГК СССР не пошла бы на какие-либо компромиссы). Да, это удар по их самолюбию, да, это позор, это признание авантюризма, своей неминуемой и собственной недееспособности и т. д. Но это сохранило бы жизни миллионам людей, а многие города, в том числе в самой Германии и на пути к ней, не были бы разрушены. Ведь всем было ясно, что Германию ждет неминуемый разгром. Однако признать поражение своей человеконенавистнической, захватнической политики Гитлеру и другим «вождям третьего рейха» не хватило мужества. Гитлер просто озверел. Он начал казнить своих генералов! Их

подвешивали на огромных крюках (типа багров) с толстыми цепями, надежно прикрепленными к громадным деревьям на старинной аллее в Потсдаме. Она находилась недалеко от домов, где проживала знать Германии, которая по традиции степенно прогуливалась вечерами по этой знаменитой аллее. А теперь там болтались генералы со связанными руками, схваченными крюками за горло и челюсти, как рыба — за жабры. Гитлер, приходя в ярость от поражений, нанизывал своих верных служак прямо в генеральской форме, а затем эсэсовцы сгоняли всех в Потсдам на эти жуткие смотрины. Мало того, из Берлина колонны автобусов сюда привозили интеллигенцию и военных, показывали этот чудовищный «спектакль», считая, что это лучше всякой агитации убеждает немцев беспрекословно, преданно, до конца своей жизни служить идолу нации — фюреру! Каждый немец должен знать, что его ждет, если он ослушается. Каждый должен понимать, что если ослушается Гитлера или тем более начнет роптать, то его ждет вот такой позорный конец.

Мне довелось бывать на этой аллее дважды: сразу же в 1945-м, и через четверть века — в 1970-м, когда я посещал 10-ю танковую дивизию, входившую в состав 3-й Ударной армии, которой я тогда командовал. Дивизия стояла в Потсдаме, ею командовал известный генерал, Герой Советского Союза В. Крот. Он был авторитетным человеком не только у нас в войсках, но и среди немцев, и даже у американской и английской миссий, которые располагались в Потсдаме. Как-то из разговора с ним я понял, что неподалеку от военного городка расположен гаштет (небольшой ресторанчик) и его хозяин является американским осведомителем по части действий нашей дивизии.

— Возможно, есть смысл решить — через немецкие власти — этот вопрос в нашу пользу? Они же пойдут нам навстречу!

— Думаю, делать этого не надо, — сказал генерал Крот. — Дело в том, что, кроме этого бармена, у американцев есть еще немало других немцев, следящих за нашей дивизией. А если мы этого уберем, то сами лишимся источника информации. А мы через него хоть знаем, чем они интересуются и, конечно, подкармливаем его. А американцы и англичане делают то же самое, получая своевременно сигнал, когда дивизия начинает «шевелиться».

Из дальнейшего рассказа генерала я понял, что бармен является свидетелем проведенной Гитлером казни подозреваемых в измене. И я попросил генерала Крота организовать мне встречу с ним. Поскольку я выезжал в дивизии обычно на несколько дней и останавливался в нашей гостинице, то в один из вечеров и состоялась эта встреча.

Карл Шмулькер (позже читателю станет понятно, почему мне запомнилась эта фамилия) — рыжеватый мужчина за пятьдесят, среднего роста, плотный, с багровым лицом и бегающими глазками в обрамлении коротких, как щетина, белесых ресниц. Прихрамывает. На правой руке нет двух последних пальцев (невольно провожу сегодня аналогию с другими известными не только мне, но и всему миру лицами). Не дожидаясь моих вопросов, сам охотно рассказал все о себе. Оказалось, гаштет, который построил его отец, ему достался по наследству. В армии не служил — еще в детстве попал в автомобильную катастрофу и повредил себе правую ногу и правую руку. Считается инвалидом, но был в особом списке информаторов полицейского участка в Потсдаме. Рассказывая о казни, изменился в лице. Постоянно откашливался, видно было, что даже по прошествии десятилетий вспоминать тот страшный эпизод ему было тяжело. Он нарисовал ужасную картину казни. Но, что удивительно, при этом не обронил ни одного слова упрека в адрес фюрера, хотя из его же рассказа было видно, насколько дикой и жестокой была расправа разгневанного диктатора. Но странное дело — эти крючья с цепями висели на мощных древних платанах и в 1969 году. К чему бы это?

Да, Гитлер метался, как зверь, загнанный в угол. Время неумолимо приближало час расплаты. Всем становилось ясно, возмездие наступит скоро.

Мною, читатель, сделано такое отступление в целях более полного представления обстановки того времени.

Советская Армия в ходе зимне-весеннего наступления 1944 года разгромила все южное крыло немецко-фашистских войск и выдвинулась в район южнее реки Припяти (то есть на севере этого стратегического направления) — в районы Ковеля, Верба, Берестечко. Это приблизительно 30–50 километров до границы с Польшей. По решению Ставки ВГК, на основное западное стратегическое направление советско-германского фронта выдвигаются самые мощные и прославленные соединения и объединения Вооруженных Сил. Такая честь была оказана и нашей 8-й Гвардейской армии, которая была включена в состав 1-го Белорусского фронта. Уже тогда можно было предположить, что перед нами кратчайшее расстояние до Берлина. А какие личности командовали нами! На это направление выдвигаются: Георгий Константинович Жуков, Константин Константинович Рокоссовский, Иван Степанович Конев, Василий Иванович Чуйков другие полководцы. Уверен, что от одних этих фамилий немцев уже бросало в дрожь, а личный состав наших войск эти военачальники вдохновляли на подвиги. Такие фигуры уже были

хорошо известны миру.

Переброска войск с юга страны на север, в сторону Белоруссии, осуществлялась по железной дороге. Через пять дней 35-я Гвардейская стрелковая дивизия выгрузилась на станции Сарны и 21 июня 1944-го сосредоточилась в лесах восточнее Ковеля. Части дивизии в первые же дни зарылись в землю «с ушами», чтобы никакая бомбежка не могла нанести ущерб. Была организована четкая система огня по отражению наземного и воздушного противника. Выставлено охранение. В течение оставшихся дней июня и в первые две недели июля в дивизии, как и в других соединениях армии, шла интенсивная подготовка к предстоящим боевым действиям. Принимали пополнение, подвозили боеприпасы, горючее, продовольствие, другое военное имущество. Проводили занятия по военной подготовке. Приблизительно за десять дней до начала наступления командир 4-го Гвардейского стрелкового корпуса генерал Глазунов собрал у себя вблизи штаба командный состав дивизий, бригад и всех полков. На огромном макете местности в течение шести часов шли занятия по организации взаимодействия частей корпуса при прорыве обороны противника.

Вместе с командиром и начальником штаба полка был приглашен на эти занятия и автор этих строк, занимавший в то время должность начальника артиллерии 100-го Гвардейского стрелкового полка 35-й Гвардейской стрелковой дивизии. Дело в том, что для огневой подготовки прорыва обороны противника привлекались все без исключения артиллерийские и минометные стволы всего корпуса, в том числе и тех частей и подразделений, которые находились во вторых эшелонах и резерве. Наша дивизия в этот раз не была в числе непосредственно прорывающих оборону противника — она стояла во втором эшелоне и обязана была продвигаться за открытым флангом корпуса и армии, обеспечивая тем самым прикрытие от возможных ударов противника во фланг и тыл нашим войскам. Задача далеко непростая, тем более что из мобильных и быстродействующих средств, обеспечивающих информацию о противнике, кроме конной разведки и средств дивизии, у нас ничего не было.

В то же время на период огневой подготовки атаки все орудия и минометы нашего полка, как и других стрелковых полков, и тем более 118-го Гвардейского артиллерийского полка, привлекались по общему плану. Таким образом на участке прорыва обороны противника достигалось 7–10-кратное превосходство артиллерии. Несомненно, это обеспечивало и подавление, и разрушение обороны противника. Каждой батарее были определены конкретные цели, которые она обязана была в

строго назначенный период времени, с четко отведенным расходом снарядов, подавить или уничтожить. Учитывая, что с началом наступления вперед двинется огромная масса войск, надо было сделать все, чтобы наши батареи, участвуя в огневой подготовке, не затерялись и не отстали бы от своего полка или батальона, которые должны были подойти.

После занятий на макете местности у комкора такие же занятия были проведены в дивизии и в полку. Плюс всё было отработано также непосредственно на местности (в рамках возможного). Вместе со всеми, естественно, готовился к операции и автор этих строк: определил огневые позиции для каждой батареи; маршруты выдвижения к ним; места для НП, организовал связь и управление в целом. Особо разбирали с каждым комбатом участки (рубежи) огней на местности — как в период огневой подготовки, так и в период поддержки (в нее включался также и огневой вал).

По ночам мы отрывали огневые позиции и наблюдательные пункты, а к утру все маскировали. Однако самолеты-разведчики «фокке-вульф» все-таки появлялись на большой высоте, но и наши истребители «не спали» — не давали им зависать над передним краем наших войск, тут же отгоняли прочь.

В ночь на 17 июля все заняли свои НП, а в следующую ночь — вышла на огневые позиции вся приданная и поддерживающая артиллерия. Утром 18 июля 1944 года 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского нанес своим левым крылом мощнейший удар по противостоящему противнику. И, несмотря на хорошо подготовленную систему обороны и крупные силы, немецкие войска были буквально раздавлены. Наша дивизия двигалась в северо-западном направлении из района севернее Владимира-Волынского на Красностав и Люблин. Уже к исходу 20 июля, то есть на третий день наступления, в обороне противника зияла брешь в 130 километров по фронту и 70 — в глубину.

Перед германским командованием отчетливо и реально вырисовывалась очередная катастрофа, тем более что войска 8-й Гвардейской и 47-й армии с ходу форсировали реку Западный Буг и вступили в Польшу. Удар 1-го Белорусского фронта был такой силы, что наступление главной группировки войск развивалось очень высокими темпами. Поэтому, несмотря на довольно приличную подготовленность в инженерном и в других отношениях промежуточных рубежей обороны в глубине, противник не способен был предпринять что-либо эффективное не только для парирования удара, но хотя бы для временного задержания наших войск на любом направлении. Мало того,

введенная в прорыв 22 июля 2-я Гвардейская танковая армия, как стрела, промчалась 75 километров и в этот же день завязала бои за Люблин — один из крупнейших административных и промышленных центров Польши. Тяжело раненный в этих боях, командующий армией генерал-лейтенант танковых войск С. И. Богданов навечно прославил Советскую Армию и ее танкистов. Этот танковый удар — словно удар кинжала в грудь врага в открытом бою — несомненно, сказался на развитии дальнейших событий. А уже через сутки, то есть 24 июля, во взаимодействии с нашей 8-й Гвардейской армией танкисты Богданова овладели Люблином.

Этому событию предшествовал небольшой эпизод, когда автор был буквально на волосок от тяжелых последствий.

Действуя во втором эшелоне корпуса, 35-я Гвардейская стрелковая дивизия двигалась на открытом левом фланге армии, прикрывая главные силы от возможных ударов противника. В условиях, когда впереди действуют соединения и части первого эшелона да плюс еще мощная 2-я Гвардейская танковая армия сокрушает все на своем пути, настороженность и бдительность частей нашей дивизии, в том числе 100-го Гвардейского стрелкового полка, оказались недостаточными. Хотя формально все меры предосторожности мы как будто выполнили: вперед был выслан взвод конной разведки полка, полк двигался в походной колонне, имея в голове главных сил авангард в составе усиленного стрелкового батальона, справа и слева, по параллельным маршрутам, двигались боковые походные заставы в составе усиленных стрелковых рот, в арьергарде, то есть в хвосте колонны, за тылами полка, шел стрелковый батальон без роты. Артиллерия и приданный полку артиллерийский дивизион 118-го Гвардейского артиллерийского полка двигались ближе к голове главных сил.

Утром 23 июля, совершая марш по заданному маршруту, полк вошел в лесной массив, который периодически разрывали большие поляны. Впереди, в 3–5 километрах, двигалась наша конная разведка. Между нею и авангардом на равном удалении ехали верхом на конях начальник разведки полка — мой тезка, капитан Валентин Сергеев, и автор этих строк. Мы спокойно беседовали, в основном на тему второго фронта — в это время англо-американцы наконец решились-таки высадиться на севере Франции. В общем, ехали, абсолютно уверенные в том, что разведчики в случае опасности немедленно дадут сигнал. Дорога, извиваясь, вышла из леса на очередную, на этот раз очень большую, лесную поляну. Посередине поляны, справа налево, проходил овраг, через который был переброшен мост.

Ничего не подозревая, хотя и посматривая внимательно по сторонам, мы проехали мост, продолжая беседу, как вдруг с противоположной опушки леса — впереди справа от нас — раздалась одна, а затем вторая длинная пулеметная очередь. Лошадь начальника разведки рванула и помчала галопом вперед. Ее всадник как-то неуклюже припал к луке седла. А мой конь, вздыбившись свечой, сразу замертво рухнул на правый бок и, словно капканом, зажал мою ногу. Напрягая все силы, стараюсь вырваться и одновременно вижу, что от опушки леса, откуда раздалась пулеметная очередь, отделились трое верзил и бегут в мою сторону. Понял: это немцы. Естественно, это придало мне сил. Я наконец вырвался из одного плена и, боясь попасть во второй, то есть к немцам, а они, несомненно, ставили перед собой цель захватить меня, кубарем скатился у моста в овраг. Овраг густо порос терновником, покрытым большими жгучими колючками. Первая моя мысль: где пистолет? Хвать — кобура пуста. Сердце так и оборвалось. Но я рванул, как на старте, стометровку. Мчался по дну оврага к его устью, словно метеор. Недаром говорят, что у страха глаза велики. Это верно, но он еще и удваивает силу.

Немцы бросились за мной в овраг, закричали: «Рус, сдавайся!» Я слышу их топот за своей спиной и, казалось, ощущаю их дыхание. Это еще больше прибавило мне сил. Затем они начали беспорядочно стрелять из пистолетов, поскольку четко разглядеть мою фигуру в кустах им не удавалось. Наконец я почувствовал, что мои преследователи стали отставать. Правда, они еще до моста пробежали около трехсот метров, но я все так же мчался с неугасающей скоростью. Подгоняла мысль, что я без оружия — пистолет, очевидно, выпал из кобуры, когда мой конь вздыбился или когда я упал на землю и суетился, выбираясь из-под мертвой туши. Кобуру пистолета мы, как правило, никогда не держали закрытой. Она была расстегнута, чтобы можно было быстро воспользоваться оружием.

Погоня постепенно стала утихать, топота ног за собой я уже не слышал. Я решил поубавить свою прыть и вдруг почувствовал адскую усталость. Я сел. Сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди. В горле пересохло, чувствую, страшно болят десны и зубы. Руки и лицо расцарапаны в кровь, одежда разорвана в клочья — колючий терновник сделал свое дело: проучил меня, но и защитил от верной смерти. Соленый пот, стекая со лба, падал в глубокие борозды царапин и разъедал ранки. Но это уже мелочи, главное — я жив, самое страшное — возможный плен — позади. Прислушался: скрип телег, голоса. Спускаюсь по оврагу ниже — слышу: русская речь! Быстро пошел

на эти дорогие мне звуки. Вышел из оврага — и сразу передо мной открылась дорога, а по ней шагает наш полк. Увидев меня, все, кто был поблизости, остановились. По колонне пронеслась команда: «Стой!» Подъехал верхом командир 2-го стрелкового батальона и спрашивает: «Что с тобой?» Коротко рассказал о своем «приключении». Мне подвели коня, и мы вдвоем поскакали в голову колонны — к командиру полка. Я доложил о происшествии майору Воинкову. Не расспрашивая о подробностях, Алексей Михайлович дал команду авангардному батальону развернуться в цепь, а сам помчался к командиру этого батальона. Полк остановился. Минометы были приведены в боевое положение. 45-мм батарея действовала вместе с авангардом. Командир полка кинул мне:

— Приведи себя в порядок, я сейчас.

Я разделся по пояс и хорошо вымылся. Солдат, сливая мне на руки воду, все уговаривал, чтобы я полностью разделся и окатил себя как следует. Вообще, можно и нужно было это сделать, тем более что из брюк торчали колени — голые и расцарапанные. Но, хотя соблазн был большой, я воздержался. Подошел полковой врач с санинструктором, обработали мне ранки — где прижгли, где смазали приятной и пахучей мазью, забинтовали кисти рук. При этом хихикали:

— Боя еще не было, а уже раненый.

Мне, конечно, было не до смеха. Вскоре принесли обмундирование, я переоделся и отправился к командиру полка. А здесь уже была продумана целая операция. Оказывается, в лесу, куда выходила дорога после моста, находился Господский двор. Это обнесенный сплошным забором участок, на котором имеются несколько строений, в том числе как центральное здание — большой барский дом. В нем засели немцы. Видно, наша конная разведка не осмотрела Господский двор, так как он стоял в стороне от дороги и не проявлял признаков жизни, а сейчас, в связи с моим «эпизодом», все и проявилось.

Авангардный батальон обложил по периметру весь Господский двор, а батарея 45-мм орудий «вентилировала» осколочными снарядами окна во всех зданиях. Им вторили пулеметы всех видов. Громкоговорящая установка полка, обращаясь к немцам, призывала выбросить белый флаг и сдаваться. Однако в плен немцы не торопились, наоборот, постреливали. Подъехал начальник штаба полка майор Васькин, предложил командиру оставить действующий батальон на него для доведения операции до логической развязки, а полку двигаться вперед. При этом имелось в виду, что очередной батальон в колонне составит авангард полка, а тот, что

задействован у Господского двора, займет в свое время положение арьергарда. 45-мм батарею разделили пополам. Один взвод остался здесь, а другой отправился во вновь созданный авангард. Командир полка согласился с этим предложением, но наказал:

— Всех немцев, кто сдается, — брать в плен. Тех, кто не сдается и тем более стреляет, — уничтожать беспощадно!

Отдал также распоряжение, чтобы похоронная команда подобрала тело убитого начальника разведки. Его нашли, а коня почему-то не было. Возможно, немцы воспользовались им. Полк двинулся вперед, а начальник штаба полка майор Васькин с первым батальоном остался добивать противника в Господском дворе. Впереди опять действовал взвод конной разведки. До этого бойцы взвода, услышав стрельбу, примчались к месту событий и стали свидетелями всего того, что происходило. Командир полка А. М. Воинков дал им хорошую «накачку»:

— Вы что позорите полк? Ведь личный состав перестанет в вас верить. Немцы у вас под носом, как мухи, а вам лень даже от них отмахнуться. Так вы можете подставить весь полк, а с ним и дивизию, тем более что мы действуем на открытом фланге.

— Да мы же, товарищ майор, думали…

— Что вы думали? Чем вы думали? Вам и думать-то не надо — тщательно только осматривать все объекты, которые попадались на пути и поблизости: есть немцы — брать в плен, и ко мне. Кто сопротивляется — уничтожать. Все четко и ясно. Да по радио, как приказано, давать сигналы по установленной таблице. Если еще раз допустите такой ляп — всех отправлю в стрелковую роту и наберу других.

Подумав, добавил:

— Я никогда не прощу вам гибель нашего товарища — вашего начальника, начальника разведки полка.

Разнос был сделан по всем правилам войны — беспощадный, резкий, но справедливый. А концовка была убийственной. Конечно, разведчики проявили халатность, не проверив Господский двор. А немцы их пропустили и надеялись прихватить «языка», чтобы, допросив его, ориентироваться, что происходит. Конечно, для каждого из конной разведки самой большой опасностью была не внезапная встреча с сильным противником, а перевод в пехоту, как не оправдавшего надежды. Ведь каждый раз, когда бойцы из конной разведки, отправляясь на задание, лихо гарцевали на своих лошадях и, обгоняя пешие строи полка, демонстрировали свою молодцеватость и способность выполнить любую задачу — все смотрели на них с завистью. Еще бы! Они на коне, а мы — на своих двоих. Кое-кто из пехоты иронически

ронял: «Подумаешь, полковая конница». В то же время все отлично понимали, что «работа» разведчиков всегда сопряжена с большим риском.

Командир полка доложил по радио обстановку командиру дивизии, и мы тронулись в путь, обсуждая по дороге случившееся. На этот раз я подробно рассказал, как все было, и добавил:

— Конечно, немцы допустили ошибку, когда все трое попрыгали в овраг, стараясь догнать меня. Хотя бы одному из них надо было бежать сверху, по берегу оврага, там никаких препятствий не было, и задача по моему захвату была бы решена.

— Да, это для нас урок, — продолжил Алексей Михайлович. — Сейчас везде бродят разрозненные группы гитлеровцев. Наши танкисты рассекли части противника, а добивать их придется нам.

На следующий день стало известно, что наша армия совместно со 2-й Гвардейской танковой овладела Люблином. А еще через сутки, т. е. 25 июня, танкисты вместе с нашими гвардейцами захватили крупные опорные пункты противника Демблин и Пулавы и широким фронтом вышли на правый (восточный) берег Вислы. Наша армия, не форсируя реки, продолжала двигаться в северо-западном направлении вслед за танкистами 2-й Гвардейской танковой армией — вдоль правого берега, свертывая оборону противника.

Эти действия, конечно, наглядно демонстрировали, что наши войска стремятся сосредоточить усилия на овладении Варшавой. Поскольку Висла была для немцев последней опорной преградой, которую можно и нужно было использовать для организации мощного рубежа обороны, гитлеровское командование бросает сюда крупные силы. Особенно важно для них было удержать столицу Польши Варшаву и ее пригород Прагу, как мощный плацдарм на правом берегу Вислы.

В связи с этим хочу напомнить, хотя бы в общих чертах, Варшавскую трагедию.

С момента вступления наших войск и взаимодействующего с нами Войска Польского на территорию Польши, а также создания Польского Комитета национального освобождения действия польских патриотов активизировались. Советское командование предприняло все меры к тому, чтобы поддержать здесь национально-освободительное движение. С этой целью 2-я Гвардейская танковая армия после выхода к Висле была немедленно развернута строго на север, получив задачу с ходу овладеть Прагой и мостами через Вислу, что позволяло бы перебросить в Варшаву крупные силы, способные освободить

город от оккупантов.

27 августа 2-я Гвардейская танковая армия, оторвавшись от общевойсковых объединений, стремительно совершает маневр к Праге. К этому времени противник сосредоточил только в Праге четыре танковых и одну пехотную дивизии, плюс различные артиллерийские и специальные части.

Встревоженные таким оборотом событий, польские реакционные круги по указке эмигрантского правительства, находящегося в Лондоне, поднимают Армию Крайову, которая в свою очередь 1 августа 1944 года провоцирует восстание в Варшаве, действуя без согласования с Советским командованием (хотя К. К. Рокоссовский предпринимал все возможное, чтобы найти контакты), без учета развивающихся на фронте событий. Цель была одна — не допустить патриотические силы к власти, не допустить победы народной власти в Польше, тем более что их поддерживает Советская Армия.

Но даже беглый взгляд позволял убедиться, что выступление Армии Крайовой было авантюристическим. Взять хотя бы материально-техническое обеспечение повстанцев. На 38 тысяч человек было всего 1000 винтовок, 300 автоматов, 1700 пистолетов и несколько пулеметов. Но и на это оружие было крайне ограниченное количество боеприпасов, которых фактически хватило на два дня боев (М. М. Семиряга. «Антифашистское народное восстание», с. 74).

Однако восстание явилось той искрой, которая разгорелась в настоящее пламя. Народ думал и верил в то, что это выступление согласовано с действиями Советской Армии. И, несмотря на крайне неблагоприятные условия, повстанцы сражались два месяца.

1 августа 1944 года, когда выступила Армия Крайова, главные силы правого крыла 1-го Белорусского фронта, которые шли непосредственно на Варшаву, были в 150 километрах от Вислы. Противник перебросил на это направление огромные силы и организовал жесткое сопротивление. В то же время наши войска, понеся значительные потери в предыдущих боях, были слабо укомплектованы, коммуникации, как обычно в наступлении, растянулись, артиллерия крупного калибра приотстала. Вообще главные силы фронта от баз снабжения к началу августа оторвались уже на 400–500 километров.

Но решение командующего 1-го Белорусского фронта К. К. Рокоссовского — резко повернуть прорвавшуюся 2-ю Гвардейскую танковую армию на север и захватить Прагу — было не только дерзким, но и оригинальным. Оно было и исключительно глубоким — группировка противника, которая противостояла

правому флангу и центру фронта, отсекалась от Вислы, а в случае овладения Прагой вообще могла оказаться в полуокружении. Предвидя такую перспективу, немецкое командование к перечисленным силам бросает в Прагу еще несколько соединений и 1 августа (т. е. одновременно с восстанием в Варшаве) переходит в контрнаступление на всем фронте, который занимала к этому времени 2-я Гвардейская танковая армия. Тяжелейшие непрерывные бои шли пять суток. В итоге части армии были потеснены и отошли от Праги. Армия за эти дни потеряла почти 2 тысячи человек, в том числе 300 убитыми, около 500 танков и САУ, много автомобилей и бронетранспортеров. А 1-й Гвардейский танковый корпус вообще был выведен из боя в резерв без материальной части (Архив МО СССР, д. 115, л. 90–97). Боеприпасы были на исходе. Но подошла 47-я армия и обстановка стабилизировалась. Противник вынужден был прекратить свой контрудар.

Важно отметить, что руководство Армии Крайова на протяжении полутора месяцев после начала восстания не желало поддерживать контакт с нашим командованием и, лишь когда наши войска освободили Прагу, пошло на этот шаг. Но 2 октября руководство Армии Крайова сдалось немецко-фашистским захватчикам само и сдало оставшихся в живых повстанцев.

Это событие осталось темным пятном в истории польского народа, которому эта авантюра обошлась очень дорого. Сама Варшава по приказу Гитлера подверглась страшным разрушениям.

Эти действия польской реакции были преступлением против собственного народа, и никогда не забудутся.

Оказавшись перед фактом восстания народа, Советское командование сделало все возможное, чтобы оказать ему помощь. А с освобождением Праги, т. е. восточной части Варшавы, 16 сентября 1-я армия Войска Польского при поддержке пяти советских артиллерийских бригад и 16-й Воздушной армии форсировали Вислу. Переправилось до шести батальонов 2-й и 3-й пехотных дивизий польской армии. Но и здесь было совершено предательство. По договоренности, высадка должна была проходить на участках, которые заняли повстанцы. Но руководители восстания к моменту высадки десантов отвели свои отряды от берега реки в глубь города, а их места расположения заняли немцы. Учитывая, что к 20-м числам сентября на захваченных все-таки плацдармах обстановка крайне обострилась, командование 1-го Белорусского фронта, по согласованию с командованием 1-й Армии Войска Польского, вынуждено было эвакуировать переправленные подразделения со

всех небольших плацдармов в районе Варшавы, а заодно и часть повстанцев.

Вот так трагично закончилось восстание в Варшаве.

Советский народ после войны сделал все, чтобы оказать всяческую безвозмездную материальную помощь для восстановления польской столицы. И за то, что Варшава в короткие сроки залечила раны войны и стала красивейшим современным городом, поляки несомненно должны быть благодарны советскому народу, как и за освобождение страны в целом: 640 тысяч солдат и офицеров Советских Вооруженных Сил полегли в 1944 году на польской земле. И автор этих строк из трех ранений за всю войну дважды был ранен именно в Польше — под Магнушевом и под Кастшином (Кюстрин).

Некоторые историки и политики заявляют, что, мол, надо было Рокоссовскому отказаться от захвата плацдарма в районе Магнушева и Пулавы, а все силы бросить на Варшаву, в том числе 8-ю Гвардейскую и 69-ю армии.

Однако подключением этих армий немедленное и кардинальное разрешение проблемы не гарантировалось, так как соотношение сил все равно было не в нашу пользу. Но играл роль и другой фактор. Наши союзники к этому времени успешно высадили десант на севере Франции и готовились к наступлению на Германию. Нам крайне необходимо было иметь крупные плацдармы на Висле, чтобы в последующем начать мощное наступление на Германию. Это было крайне необходимо в политическом и военно-стратегическом отношениях.

Что же касается самого восстания в Варшаве, то по этому поводу очень четкое и ясное заявление сделал Сталин («Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», т.1, с. 257 и 258). Здесь два документа. Первый — Сталин пишет Черчиллю 16 августа 1944 года:

> «…После беседы с г. Миколайчиком я распорядился, чтобы командование Красной Армии интенсивно сбрасывало вооружение в район Варшавы. Был также сброшен парашютист-связной, который, как докладывает командование, не добился цели, так как был убит немцами. В дальнейшем, ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция (речь идет о поднятом Миколайчиком восстании в Варшаве. — Авт.) представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не

было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт. При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию…»

Второй документ, направленный Сталиным 22 августа 1944 года в адрес Черчилля и Рузвельта, гласил следующее:

«…Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы.

С военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем советские войска, встретившиеся в последнее время с новыми значительными попытками немцев перейти в контратаки, делают все возможное, чтобы сломить эти контратаки гитлеровцев и перейти на новое широкое наступление под Варшавой. Не может быть сомнения, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам».

Этими письмами Сталин все и всех ставил на свое место. И хотя он проявляет союзническое благородство, всем понятно, что главные виновники этой трагедии это наши союзники, и особенно Англия, пригревшая у себя в Лондоне так называемое польское правительство в изгнании под руководством Миколайчика. Союзники вместе с Миколайчиком рассчитывали, что имеющиеся силы в Варшаве смогут захватить город и выбить немцев. Поэтому само выступление готовилось и проводилось втайне от Москвы. А когда все провалилось, то все взоры были обращены к Красной Армии: «Спасайте». И Красная Армия, верная союзническим

обязательствам, спасала, как могла. Хотя эту трагедию, конечно, можно было бы избежать, если бы союзники и сторонники Миколайчика свои действия согласовывали с нашим командованием.

29 июля 35-я Гвардейская стрелковая дивизия, после 400-километрового выдвижения на открытом фланге армии, была введена в первый эшелон, в этот же день вышла на правый берег Вислы и сразу же получила задачу форсировать реку. Принимая все меры к сохранению скрытности подготовки, командир дивизии И. Я. Кулагин выдвинул непосредственно к берегу только охранение и разведку, жесточайше предупредив их о строгом соблюдении режима — не стрелять, не ходить, огонь не разводить, только наблюдать и охранять, а в случае переправы противника на наш берег — захватывать.

Одновременно главные силы готовились к броску. Готовились передовые отряды, табельные переправочные средства, делались расчеты на рейсы, изучались река в целом и особенно участки форсирования. Важнейшей задачей было отыскать на противоположном берегу и в глубине обороны противника его огневые средства. В ночь с 30-го на 31-е июля разведчики переправились на берег противника, уточнили отдельные элементы его обороны, начертание переднего края, расположение огневых средств и пунктов управления, приблизительную численность и, захватив «языка», 31 июля вернулись обратно. О результатах разведки подробно доложили командиру дивизии.

В связи с разведданными в наши планы — в огневые налеты артиллерии, места форсирования и т. д. — были внесены определенные коррективы В оставшееся светлое время И. Я. Кулагин еще раз провел с командирами полков и передовых отрядов рекогносцировку и уточнил на местности все вопросы. В рекогносцировке принимали участие также командарм генерал-полковник В. И. Чуйков и командир 4-го Гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант В. А. Глазунов. Последний поставил передовым отрядам задачу захватить участки на левом берегу с целью обеспечения форсирования реки главными силами. Были тщательно разобраны все вопросы, связанные с обеспечением действий передовых отрядов.

Нас очень беспокоило большое количество пулеметов и 22-мм автоматических пушек противника, установленных на переднем крае. Они очень эффективны в борьбе с десантами. Поэтому на каждую огневую точку такого типа назначалось по несколько видов огневых средств — орудий, минометов, даже противотанковых ружей, а также снайперов.

Утром 1 августа 1944 года 8-я Гвардейская армия начала

форсирование Вислы между устьями речушек Пилица и Радомка, впадающих в Вислу. 35-я Гвардейская стрелковая дивизия, построив боевой порядок в два эшелона (в первом — 100-й и 102-й Гвардейские стрелковые полки и во втором — 101-й), в ночь накануне форсирования заняла исходное положение и еще до рассвета приступила к выполнению задачи.

Командир нашего полка майор А. М. Воинков, понимая важность действий передового отряда, лично занялся его формированием и организацией подготовки. В основу отряда была взята 4-я стрелковая рота старшего лейтенанта И. Ф. Котляра. В дополнение ей был придан взвод 82-мм минометов из 2-го батальона. Из этого и других батальонов было переведено еще полтора десятка солдат и сержантов, имевших опыт форсирования водных преград. Выделены основные и дублирующие средства связи. Командиром передового отряда был назначен капитан М. М. Кириченко — заместитель командира 2-го стрелкового батальона. Это был первоклассный офицер. Его отличали не только исключительная храбрость и бесстрашие, но и умелые, а если хотите, то и хитрые действия. Он, как и И. Н. Поцелуев, был хорошо известен в полку и дивизии, так как прошел с дивизией от Сталинграда.

Мы с Михаилом Кириченко встречались часто, не раз совместно решали поставленные задачи. И сейчас, когда его назначили командовать передовым отрядом, мы облазили с ним весь берег, уточнили все вопросы по огневой поддержке действий передового отряда и вместе доложили командиру полка о готовности. К моменту рекогносцировки старших начальников у нас фактически все было готово.

1-го августа в 5 часов утра по сигналу командира дивизии передовые отряды полков первого эшелона на «амфибиях» и моторных лодках рванули на левый берег. И, несмотря на то, что мы с М. М. Кириченко и командиром роты И. Ф. Котляром разобрали все на местности, все-таки нас поджидал неприятный сюрприз. Одна группа лодок, достигнув середины реки, уперлась в отмель — узкий, длинный песчаный островок, разделявший реку на два неравных рукава. Кириченко скомандовал: «Вперед!» Сам бросился на остров, быстро его преодолел и, идя по грудь в воде, стал преодолевать вторую часть реки. Все дружно двигались вместе с ним. Противник обнаружил десант и начал поливать его свинцом. Но ширина протоки была небольшая — до 40–50 метров, и эта часть отряда, вскоре добравшись до крутого левого берега, уже завязала рукопашную схватку с противником. Хуже пришлось второй части отряда. Она хоть и успела проскочить островок раньше, но сразу же попала под шквальный огонь

крупнокалиберных пулеметов и автоматических 22-мм. пушек. А вскоре подключилась и артиллерия противника. Две «амфибии» сразу пошли на дно. Остальные с трудом, но добрались до берега. Наша артиллерия в основном прямой наводкой выбивала огневые точки противника. Когда передовой отряд зацепился за берег, первый эшелон главных сил полка устремился на переправочных средствах на левый берег.

Тем временем М. М. Кириченко, соединив свой отряд в единое целое, с криком «Ура!» — буквально проскочил первую и вторую траншею противника и, поливая немцев из автомата и забрасывая ручными гранатами, устремился вперед. Уже к восьми часам утра он «оседлал» дорогу, которая шла в Рычивул. Это приблизительно в двух километрах от реки. Понимая, что наш первый эшелон за ним не успеет и поэтому в тыл передовому отряду может войти противник, Кириченко оставляет в первой и во второй траншеях по стрелковому отделению с пулеметами с задачей — обеспечить тыл отряда и форсирование реки главными силами полка. В районе безымянного хутора отряд встретил упорное сопротивление врага. Мало того, при поддержке трех «Фердинандов» (САУ) немецкие автоматчики перешли в контратаку. По каким-то причинам Кириченко не смог вызвать ни одну станцию нашего полка и, переключившись на дивизионную волну, попросил срочно поддержать его огнем. И тогда 118-й Гвардейский артиллерийский полк дивизии обрушился на контратакующего противника. Отряд к этому времени занял круговую оборону и окопался. Наши артиллеристы отлично накрыли «огоньком» противника и тем самым сняли угрозу с передового отряда.

Действия отряда были поддержаны и 279-м минометным полком «Катюш». Ураганный огонь полка сметал все и создавал отряду Кириченко благоприятные условия.

Через многие годы, когда я уже был генералом армии и занимал пост первого заместителя начальника Генерального штаба, а Михаил Михайлович Кириченко, давно уволившись по состоянию здоровья «на гражданку», жил в Москве, нам с ним довелось встретиться. Из всех боевых дел этот эпизод с форсированием Вислы занял в наших воспоминаниях исключительное место. С особым удовольствием мы припомнили, как при разговоре по радио с командиром дивизии И. Я. Кулагиным последний сообщил Кириченко, что рядом находится командарм и объявляет благодарность всему личному составу передового отряда, а командира отряда поздравляет еще и с правительственной наградой. Такие минуты на фронте окрыляют.

После горячих боев, уже в сентябре, подводили итоги,

отмечали отличившихся в бою. Михаила Михайловича Кириченко заслуженно представили к званию Героя Советского Союза. Однако прошло время, и это высокое звание получает не Михаил Михайлович, а его командир батальона капитан Г. В. Бердников, а М. М. Кириченко награждается орденом Ленина. Награда, конечно, большая, слов нет, но Михаилу было обидно. Тем более что Бердников фактически продвигался в затылок за передовым отрядом Кириченко. Но в штабе фронта чины, которые готовили реляции, подошли к делу формально. Вопрос стоял так: представить к званию Героя командиров батальонов, которые первыми форсировали Вислу. Все получалось вроде правильно: в нашем полку первым форсировал реку 2-й стрелковый батальон капитана Бердникова — вначале передовой отряд под командованием заместителя командира 2-го стрелкового батальона капитана Кириченко, а затем и весь батальон.

В 1981 году мне пришлось первый раз выйти с ходатайством о присвоении Кириченко звания Героя, приложив к этому все копии реляций. Но проблема не была решена. Думаю, что этого не захотел сделать министр обороны СССР Д. Ф. Устинов (потому что ходатайствовал именно Варенников). Затем все как-то закрылось разными событиями. Будучи Главкомом Сухопутных войск, я еще раз возбудил ходатайство о присвоении Кириченко Героя. И в 1990 году Михаил Михайлович получил это звание. То есть через 46 лет, но получил!

Мы, однополчане, были все за него рады. Жаль только, что здоровье не позволило ему носить «Золотую Звезду» больше двух лет. Возможно, на нем отразилось потрясение, которое обрушилось на нашу страну в 1991-м и в 1992-м годах. Ведь в это время многие ветераны ушли из жизни…

Но вернемся к плацдарму на Висле. В результате трех дней боев 8-я Гвардейская армия смогла силами 35-й и 57-й Гвардейских стрелковых дивизий захватить плацдарм — 20-километровый по фронту и 10–12 километров — в глубину. Поскольку противник все больше и больше наращивал усилия и для удержания плацдарма создавалась вполне реальная угроза, командир корпуса 5 августа 1944 года отдал приказ о переходе дивизий к обороне. При этом требовалось создать оборону глубокоэшелонированную и всесторонне оборудованную в инженерном отношении. В связи с появлением у противника танковых дивизий (в том числе дивизии «Герман Геринг» на танках «Тигр») предусматривалось действие в полосе 35-й и 57-й Гвардейских стрелковых дивизий 187-го отдельного самоходно-артиллерийского полка в качестве подвижного противотанкового резерва корпуса.

Оборону пришлось создавать под ударами противника. Только за 6 и 7 августа было отражено 20 контратак. На многих участках передний край нашей обороны был «плавающий» — утром мы его удерживаем, в обед под натиском превосходящих сил приходится отходить, а к вечеру, проведя контратаки, положение восстанавливаем.

Авиация противника постоянно совершала массированные налеты и, отбомбив, заходила по нескольку раз на наши позиции, поливая их пулеметным и пушечным огнем. Введением в сражение танковых дивизий противник рассчитывал вначале рассечь оборону, а затем уничтожить наши части и восстановить положение на Висле.

Участник этих боев, автор книги «От Волги до Шпрее», Н. И. Афанасьев пишет (с. 200):

> «…На участок обороны 2-го батальона 100-го полка был направлен основной удар. На узком участке фронта противник пытался прорвать нашу оборону. Казалось, нет такой силы, которая могла бы остановить эту бронированную лавину. И когда до танков врага осталось 300–500 метров, открыли огонь пушки 37-го истребительно-противотанкового дивизиона и уцелевшие пушки полковой артиллерии. Густой шлейф дыма потянулся за одним танком, ярким пламенем вспыхнул другой. Остановились еще несколько подбитых машин…
>
> Нещадно палило августовское солнце. Пыль, поднятая разрывами снарядов, авиабомб и гусеницами танков, перемешанная с пороховой гарью и дымом, неподвижно висела в воздухе, мешала вести прицельный огонь, затрудняла дыхание. Самоотверженно дрались гвардейцы 35-й Гвардейской стрелковой дивизии, поистине не на жизнь, а на смерть, проявляя массовый героизм, стойкость и выдержку. Заканчивалась первая декада боев… на захваченном войсками 8-й Гвардейской армии Магнушевском плацдарме. Гитлеровцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы столкнуть гвардейцев в Вислу. Мы в те страшные дни начала августа 1944 года хорошо понимали, что надо выстоять во что бы то ни стало. По 10–12 контратак приходилось отбивать за день сильно поредевшим полкам 35-й Гвардейской стрелковой дивизии. В кровавой круговерти мы потеряли счет времени, силы были на исходе. Пополнения в батальоны не поступало. В строй вставали

саперы, связисты и солдаты хозвзвода — все, кого можно было поставить в боевой порядок стрелковых подразделений».

Роковым для меня был день 11 августа 1944 года. Накануне, т. е. еще 10 августа, уже к исходу дня, после практически непрерывной бомбежки, начиная с рассвета, а также непрерывных массированных огневых налетов артиллерии, противник перешел в атаку. Он атаковал пехотой и танками по всему фронту полка, сосредоточивая основные усилия на стыке с соседом — 47-й Гвардейской стрелковой дивизией. Авиация противника постоянно бомбила наши боевые порядки. Солдаты изнемогали от зноя, грохота пыли, постоянных разрывов снарядов, мин и бомб, от непрерывных штурмующих ударов авиации. Несмотря на большие потери в пехоте, несмотря на многочисленные факелы горящих «Тигров» и «Фердинандов», немцы вводили новые резервы и давили изо всех сил, стараясь все-таки столкнуть нас с плацдарма. Это была схватка не на жизнь, а на смерть.

Наш передний край продолжал «дышать» — в смысле: то продвигаться вперед, то отходить назад. И в итоге 10 августа под натиском превосходящих сил противника мы вынуждены были оставить первую траншею почти на километровом фронте. Уже темнело. Что-то предпринимать по восстановлению было бесполезно. Поэтому командир полка принял решение: закрепиться, убрать убитых, оказать помощь раненым, пополнить боеприпасы, накормить и напоить личный состав, создать систему огня с учетом, что вторая траншея становилась передним краем, а «в затылок» ей отрыть в двухстах метрах еще одну траншею и считать ее второй. Наконец, сосредоточив все резервы полка на левом фланге, с рассветом, после мощного огневого налета артиллерии, нанести удар по флангу вклинившегося противника. К контратаке привлечь приданный полку дивизион САУ.

Мы учитывали, что только за 10 августа противник у нас выбил два орудия и одно повредил. Естественно, предполагали, что чем дальше, тем натиск противника, и особенно его танков, будет становиться сильнее. Поэтому две пушечных батареи полка и приданный отдельный истребительный противотанковый дивизион поставили полностью на прямую наводку против танков уже на новой второй траншее, между второй и третьей, и на последней, которая проходила на опушке леса. Таким образом обеспечивалась и значительная глубина, и возможность одновременного применения всех основных противотанковых средств.

Все шло нормально. Даже отрыли простенький окоп для

передового наблюдательного пункта командира полка. Размещаясь между второй и третьей траншеями, он обеспечивал отличный обзор и в то же время был хорошо замаскирован кустарником. Неподалеку проходила дорога от фронта в тыл, кюветы которой тоже поросли кустарником. На пункте размещались командир полка майор А.М.Воинков, его адъютант лейтенант Н. И. Королев, два радиста и два телефониста, командир полка, а также я со своей небольшой группой управления: два связиста (радист и телефонист) и ординарец-разведчик. Столь сокращенный состав определили умышленно, чтобы не привлекать внимания противника. Это был у нас, так сказать, третий усеченный вариант. Второй вариант предпочитал еще присутствие начальника разведки полка с группой разведчиков, третий же включал всех основных командиров, которые нужны комполка для ведения боя и управления подразделениями.

Ночь с 10 на 11 августа прошла в подготовке организации боя, в том числе контратаки по флангу противника с целью уничтожения его на участке вклинивания. Безмерно уставшие, но довольные выполненной работой, мы еще до рассвета собрались на передовом командно-наблюдательном пункте командира полка и, обменявшись мнениями и информацией о положении дел, начали позванивать по телефонам командира полка в батальоны, а я — в свои батареи и приданную полку артиллерию. Кажется, было предусмотрено все. Однако, как говорят в народе, пришла беда — отворяй ворота.

Вот и у нас. Накануне, вечером 10 августа, противник вытеснил нас из первой траншеи, а на рассвете, еще в утренних сумерках, ровно за час до нашей огневой подготовки и проведения контратаки наносит сильный массированный удар авиацией по второй и третьей траншеям и глубине наших позиций. При этом свои основные усилия авиация сосредотачивает именно по нашей группировке, которая была предназначена для проведения контратаки на левом фланге. Через 15 минут после начала авиационного удара включилась артиллерия противника — до этого по нашим огневым точкам на переднем крае вели огонь только орудия прямой наводки и САУ. Стало совсем светло, брызнули первые лучи солнца. Так уж устроен человек, что вместе с восходом поднимается и человеческое настроение. Но на этот раз солнце не было нашим союзником. Наоборот, на восходе противник выдвинул на опушку своего леса армаду танков и САУ, которые вместе с артиллерией и авиацией мигом «распахали» все поле.

Видно, противник или предугадал наши возможные действия

с контратакой, или, желая развить наметившийся накануне вечером успех, упредил нас, перехватив инициативу, и буквально решил взорвать оборону нашей дивизии. Но и мы не дремали. Как только танки противника появились на опушке леса и начали обстрел нашего переднего края, мы немедленно ответили огнем прямой наводки. Однако расстояние было большое (от наших позиций до танков не менее километра). Поэтому «Тигра» и «Фердинанда» в лоб не прошибешь. И нам было хорошо видно, как бронебойный снаряд с красным трассером долетал к танку и, ударившись о броню, рикошетировал в сторону или вверх.

Видно, что противник был настроен весьма агрессивно. Некоторые наши подразделения начали отходить с первой траншеи под прикрытием огня артиллерии. Стало ясно, что при подаче пополнения в прошедшую ночь не следовало в подразделения первого эшелона полка давать молодых, необстрелянных ребят. Их надо было направить во второй эшелон, а батальоны первой линии пополнить уже опытными бойцами второго эшелона полка. Но теперь дела не поправить, можно лишь сожалеть о просчете. «Юнцы» дрогнули. Обычно это психологически действует на остальных. Остановить общее бегство было невозможно. Однако самым опасным было то, что, отступая, бойцы проскакивали вторую траншею и устремлялись к третьей, на опушке леса. Правда, у орудий прямой наводки кое-кто «затормозил» — видать, их приободрил огонь артиллеристов. Но тем не менее итоги были плачевными. На позициях остались только орудия прямой наводки и мы на своем наблюдательном пункте…

Пусть не подумает читатель, что наши войска скромничали по части огня. Наоборот, шквальный огонь из всех видов оружия, конечно, наносил противнику ощутимый ущерб. Неподвижный заградительный огонь артиллерийского полка дивизии и залпы «Катюш» приданного нам минометного полка по рубежу танков противника первой линии возымели действие — во всяком случае, то, что была отсечена пехота противника, — это факт.

Но надо было срочно предпринимать меры по стабилизации обстановки.

К этому времени танки противника оторвались от опушки леса и часть их пошла в атаку. Остальные прикрывали их огнем с места. И сразу несколько машин вспыхнули, над ними заклубился черный дым — это наши артиллеристы наконец сработали. Мы приободрились.

Несмотря на то что поле было буквально взорвано и перепахано снарядами и бомбами, у меня и у командира полка сохранялась проводная связь. Естественно, она была напряжена

до предела нашими непрерывными командами. Командир полка отдал приказ начальнику штаба полка майору Васькину, чтобы он лично и все офицеры штаба немедленно вышли на третью траншею, вместе с личным составом второго эшелона полка остановили отступивших с переднего края и заставили их окопаться. От артиллеристов большего требовать уже было нельзя — я их только подбадривал. Два танка, ведя огонь на ходу, приближались к нашему наблюдательному пункту. Напряжение достигло максимальной отметки. Вдруг один танк, что шел несколько впереди, «заерзал» — оказывается, у него слетела гусеница, и он развернулся бортом. В тот же миг артиллеристы влепили ему сразу два снаряда, видно комулятивных. Танк взорвался и загорелся. Он хорошо горел, от такого огня спастись невозможно.

Второй танк вначале остановился, но тут же, через несколько секунд, стал пятиться назад, непрерывно ведя беспорядочный огонь из пушки и пулемета. «Пожевал» он и наш наблюдательный пункт. Но это было уже не страшно, поскольку на поле горело несколько машин, да три-четыре были без гусениц, что оказало психологическое воздействие на другие экипажи. Танкисты, покинув свои машины, пригибаясь, бежали к «своему» лесу, то и дело падая.

Однако танки противника потеряли полтора десятка на линии нашей обороны и пятились обратно, а его пехота так в атаку и не пошла. Командир полка майор А. М. Воинков был раздосадован, что задуманный план не удалось осуществить. Он решил передислоцировать наблюдательный пункт в район третьей траншеи, а этот временно «законсервировать» и не снимать линию связи. Он послал вперед (в смысле назад) своих разведчиков, радиста и телефониста, чтобы они отыскали удобное место, сам же собирался прибежать туда минут через 10–15. Понятно, что в этой ситуации управлять надо было именно оттуда. Прежде всего капитально подготовить и провести контратаку, позаботиться, чтобы нас поддержали авиация и танки. Хотя мы сами понимали, что вся авиация, да и основная масса танковых частей и соединений были задействованы на варшавском направлении.

Что ж, теперь приходилось начинать все заново.

Порядок перехода на новый наблюдательный пункт определили следующий: первыми перебежками отрываются от нас А. М. Воинков с адъютантом, затем, через интервал в 20–30 секунд, отправляется остаток его связистов, после чего перемещаюсь я со своей группой. Мой ординарец-разведчик уже убыл, и нас оставалось трое. Случилось это так. В тот момент,

когда был подбит танк перед нашим наблюдательным пунктом, почти в это же время прямым попаданием вдребезги было разбито одно из наших 45-миллиметровых орудий, разумеется, пострадал и расчет. Поскольку произошло это недалеко от нас, я направил туда ординарца-разведчика старшего сержанта В. И. Василенко — он захватил с собой санитарную сумку, чтобы оказать помощь раненым. Видно, нашим артиллеристам пришлось несладко, потому что он там и застрял. Будучи очень добросовестным и точным (учитель по образованию), Василенко, конечно, не мог вернуться, не приняв всех необходимых мер для спасения людей. Таким образом, как в известной песне, «нас осталось только трое»…

Как и условились, первыми рванули с наблюдательного пункта А. М. Воинков и его адъютант Н. И. Королев. Мы напряженно следили, как они, «выписывая» зигзаги, бежали, падали и вновь мчались к лесу. Когда эта пара была почти уже у цели, из нашего окопа выпрыгнули оставшиеся связисты командира полка и помчались по тому же маршруту. Но вдруг, как раз в это же время, появились немецкие бомбардировщики-штурмовики. Очевидно, недовольное результатами своей атаки, немецкое командование решило еще раз «обработать» нашу оборону и вновь перейти в атаку. Судя по всему, от намерения «столкнуть» нас с плацдарма немцы не отказались. Командир полка майор А. М. Воинков был прав, говоря, что противник допустил принципиальный просчет, когда перешел в танковую атаку: вместо того, чтобы нанести один мощный удар всеми танками сразу, он оставил часть машин на опушке леса, чтобы они поддержали своих огнем, и это, конечно, ослабило первую атаку и ее эффективность. Так рассуждал командир полка, и я с ним полностью был согласен. Фактически же многое нам было неизвестно. Не исключено, что вторая часть танков и все САУ перейдут в наступление вместе с пехотой, а последняя, возможно, так и не организовывалась для атаки, поскольку понесла большие потери от нашего артиллерийского огня и особенно от удара «Катюш».

Итак, авиация противника начала свой штурм. Небо почернело от вражеских самолетов. Стало ясно, что немецкое командование решило парализовать весь плацдарм: они массированно наносили удар за ударом по нашему первому эшелону и одновременно бомбили объекты в глубине позиций, вплоть до переправы через Вислу. Стервятники шли волна за волной.

Между тем связисты командира полка, попавшие под бомбежку, еще и обстреливались каким-то орудием, скорее всего

из танка. Пока им удавалось ускользнуть от поражения, мы решили бежать тоже. Однако едва первый мой связист высунулся из окопа, как сразу же на нашем бруствере разорвался снаряд. Солдат упал на дно окопа. Хорошо, что не ранило, но слегка контужен. Видно, противник засек наш окоп и постоянно следил за ним в прицел орудия. Стоит кому-то появиться — жди снаряда. Что делать? Выхода-то другого не было! Надо пружиной вскочить и бежать в разные стороны — авось, кому-то и повезет. В этом случае оставалась хоть какая-то надежда на спасение. А если задержимся, то первая же атака противника станет нашей общей погибелью.

К счастью, телефонная связь еще работала. Я попросил, чтобы открыли неподвижный заградительный огонь по опушке, откуда палили из пушек танки противника. Я знал, что такой огонь подготовлен и уже применялся не раз, поэтому рассчитывал, что его мы увидим уже через несколько минут. Так и произошло: наши товарищи понимали, в каком мы положении. Связист отключил телефон, и мы приготовились к «марш-броску». Поскольку тяжелее всех было радисту — его рация весила изрядно! — ему определили бежать слева — кратчайшим путем к посадке, ведущей к нашему лесу. Мне досталась середина, правый «фланг» — телефонисту. Мы выскакиваем из окопа — и врассыпную. Каждый по своему направлению, чтобы распылить внимание противника. Однако в это же время наши позиции накрыла очередная волна авиации противника. Так теперь на нас обрушились еще и бомбовые удары вражеских самолетов. Как выяснилось позже (после возвращения из госпиталя), нашим, так сказать, «счастьем» было то, что немецкие летчики, бомбя наш передний край, бросали не осколочные, а фугасные бомбы. Очевидно, опасались поразить свои войска.

Вот так наша тройка попала в кромешный ад. Вой снарядов, грохот взрывающихся бомб, свист пуль — все смешалось в одну грозную, тягучую какофонию. Черная земля, вывороченная при разрыве бомб, вздыбилась вверх, летела в черное от дыма и самолетов небо и тут же падала на поле, по которому мы бежали. Казалось, нашему пути к своим не будет конца. Наблюдавшие за нами командир полка и другие видели, как танк стрелял по бегущим. К сожалению, один из нас трех погиб сразу — это был телефонист. Я попал под разрыв бомбы, меня ранило, тяжело контузило и волной отбросило в заросший кустарником дорожный кювет. А третьему, т. е. радисту, который был в самом сложном положении, повезло: без единой царапины добрался до своих. Что это? Везение? Случайность? Это, конечно, судьба. Для всех троих она обернулась своей гранью. Я хоть пострадал, но

остался жив и, конечно, как и радист, благодарен судьбе. А телефонист сложил голову. Причем трагически — его всего изрешетило осколками танкового снаряда.

Судя по рассказам моих товарищей, дальше события разворачивались так. Командир полка отыскал моего ординарца В. И. Василенко, который вместе с другими вытаскивал раненых артиллеристов к нашему, теперь уже новому, переднему краю, и дал задание: живым или мертвым отыскать и доставить ему Варенникова. Выделил ему разведчика.

Меня же не просто забросило в кювет, но еще и изрядно завалило землей. Василий Иванович Василенко, мой спаситель, позже рассказывал, как он, чисто случайно отыскав мое бездыханное тело (был без сознания), вместе с разведчиком притащил меня ночью на плащ-накидке. После небольших мытарств доставили в медсанбат, где осмотрели врачи и вместе с еще одним «тяжелым» отвезли на телеге в эвакопункт, где нас без задержки загрузили в «кукурузник» — так мы называли универсальные самолетики-бипланы У-2, и отправили в армейский госпиталь, который располагался в польском городе Гарволине. Здесь меня уже привели в чувство и «распяли» — скверно было с левой ногой. Поэтому лежал почти месяц. Кости срослись, костная мозоль образовалась хорошая, а нога болела и была сильно отечная. В связи с этим меня отправили в Люблин уже во фронтовой госпиталь.

Госпитальные периоды — тоже своего рода испытания. Они, на мой взгляд, в моральном отношении тяжелее, чем даже самый трудный бой. Там хоть все ясно — где противник, где наши, какие цели у сторон и т. д. Но главное — каждый день и каждый час новая, неповторимая обстановка. А в госпитале — стоны, крики, окровавленные бинты, запахи лекарств, выбившиеся из сил врачи и медсестры. Однако самое тяжелое — страдания изувеченных людей, многие из которых навсегда лишились надежды на нормальную человеческую жизнь. «Ну, куда я такой? Без ноги, избитый весь? Не просто инвалид, а калека… Что мне делать? Лучше б убило». Слушать такое горько, больно. И совсем становится невыносимо, когда из палаты уносят умерших от ран: все, кто может, встают, прощаясь и таким образом отдавая последние почести товарищу…

А вида изувеченных собратьев по несчастью, совершенно отчаявшихся, потерявших веру в будущее, я вообще не мог переносить и уходил куда-нибудь подальше, старался уединиться. Но ведь от мыслей не уйдешь — не спрячешься: они всегда с тобой. Когда в палате обсуждают жгучие темы — забыли тебя в родном полку или нет; или, к примеру, о войне в целом, о

союзниках, о нашем фронте и т. д., здесь у каждого своя точка зрения, и наши споры бывали весьма бурными. Но когда война страшно изуродовала и обкорнало тело — совершенно не находишь никаких слов, которые хоть как-то могли бы утешить человека.

Да, в больших госпиталях были и концертные бригады, и госпитальная самодеятельность, и радио, и кинопередвижка, и газеты. Однако что скажешь, когда человек лишился слуха или зрения или когда на сцену в вихре танца вылетали лихие джигиты, а бойцу пару недель как ампутировали обе ноги! Что он думает? Как помочь?

И это повторяется изо дня в день.

Когда я волей событий стал председателем Комитета Государственной Думы по делам ветеранов, на меня свалились судьбы всех этих людей, а не только друзей по палате. Их остается все меньше, но раны их до сих пор болят, им с каждым годом требуется все большая помощь и поддержка. Но как сложно вбить в сознание чиновнику-бюрократу, что государство обязано содержать ветеранов, а тем более — инвалидов. Ведь они отдали, защищая Отечество, самое дорогое — свое здоровье. Значит, и государство, если оно нормальное (а не урод, где у власти грабители и изменники Родины), обязано ответить взаимностью, максимально позаботиться и дать ему все, чтобы он мог остаток жизни прожить по-человечески.

Как-то прислал мне письмо инвалид Великой Отечественной войны Николай Дмитриевич Хватов. Пишет, что никто не хочет ему помочь, всюду, куда он ни обращается, даже не желают и слушать о том, что ему нужна путевка на санаторно-курортное лечение. Думаю, чтобы человеку помочь, надо поехать и разобраться на месте, хотя дел в Комитете и без того невпроворот. Тем более что приходится много разъезжать по стране. Звоню по указанному в письме телефону. Трубку берет ветеран. Сообщаю, что хочу заехать к нему, договариваюсь о встрече.

И вот я у него дома. Если бы читатель видел радость этого позабытого, позаброшенного человека! Но если бы читатель видел меня, то он прочувствовал бы мое состояние: передо мной на платформе-коляске стояло только туловище человека с головой и руками. Я не знал и не предполагал, что ноги у него отрезаны до основания. Конечно, к своему положению за 50 с лишним лет он уже привык, хотя страдания его просто неописуемы. Но больше всего страдает он от бездушия и невнимания, бюрократических проволочек и даже презрительных взглядов. А ведь он совершил подвиг!

Каждый раз, когда у меня бывают встречи, я переживаю все заново. И тогда невольно вновь вспоминаю госпитальные разговоры с ранеными и больными, вообще с теми ранеными фронтовиками, что честно и добросовестно исполнили свой долг и были вправе ожидать, что этот долг будет оплачен им сторицей.

Почему-то особенно мне запомнился младший лейтенант Митин из Холмогор Архангельской области. Русый, голубоглазый богатырь. Ему отрезали ногу. Были мы с ним одногодки. Как-то сидим с ним, и он рассказывает:

— Принесли меня на носилках. Сняли гимнастерку, сняли бинты, наложенные поверх брюк, распороли брюки… Левая нога страшно болела от множества осколков, но когда я глянул — она вся синяя и в два раза толще правой, то почему-то подумал: все, пришел мой конец. В бою не погиб, а после боя затянули лечение раны — и вот результат. Врач говорит: «Придется ногу отнять, чтобы тебя спасти». Я ответил: «Делайте что хотите», а сам подумал о Настеньке: как же она меня, безногого, примет? Хорошая она. Мы очень любили друг друга. Но куда я ей такой? Она теперь, наверное, пойдет за Сашку. Он тоже за ней ходил. На фронт не послали, был на броне — работал в Мурманском порту крановщиком.

Алеша был мне очень симпатичен, и я не избегал общения с ним, хотя разговоры, как и с другими, всегда были одни и те же — тяжелые и гнетущие. Но с ним мне почему-то было легче, чем с другими. И я старался его утешить, как мог, и вселить веру в то, что Настенька и такого его будет любить, дюжину детишек подарит и жить они будут вместе долго и счастливо. Наверное, он ждал этих слов, он просто не мог без них, я это чувствовал. Однажды я ему после обычных утешений вдруг говорю:

— Я тебя, Алеша, не хотел расстраивать, но меня в твоем деле другое, более важное, беспокоит…

— А что именно? Говори же быстрей, не тяни!

— Смотрю на твои веснушки и думаю: вот это может стать препятствием к свадьбе, это факт.

— Так и у Настеньки их полно, и не только на мордашке, а и на плечах.

— Так, значит, и ваши дети будут в веснушках?

— Ну да! Пусть будут в веснушках, зато не потеряются. А вообще лишь бы здоровые были да работящие и родителей своих любили, как мы с Настенькой.

Мы дружно расхохотались и разошлись. А у меня свои заботы. «Завалили» фрицы меня капитально. Уже проходит третий месяц, а я все в госпитале. Парафин, массаж и другие процедуры не дают эффекта. Все мне надоело. Да и война вот-вот

должна кончиться, а я вылеживаю тут на казенных харчах! На утреннем обходе врачей я попросил выписать меня в часть. Врач сказал, что он согласен с тем, что в последние дни никакой динамики нет. И добавил:

— Но вы можете пройти военно-врачебную комиссию, она дает такие ограничения.

— Мне не нужны никакие ограничения.

— Тогда пишите рапорт.

Пока врач осматривал других, я написал и вручил ему ходатайство о направлении меня в мою часть в связи с выздоровлением. Доктор скептически посмотрел на листок, повертел его в руках, видно, хотел что-то по этому поводу сказать, потом выпалил:

— Хорошо, завтра отправим.

Я шел за ним до самой двери и радостно его благодарил. Врач обернулся, пожал мне руку, приветливо улыбнулся вместе с сестрами и пожелал успеха.

А через два дня я на перекладных добрался до полка. Меня не забыли, ждали, чем растрогали до глубины — ведь больше трех месяцев держали место за мной! Возможно, потому, что были в обороне, а сама оборона приняла позиционный стабильный характер. Но, в общем, мне повезло. Да и не только в этом. После того как А. М. Воинков наконец кончил тискать меня в объятиях, он вызвал других заместителей командира полка (а моя должность тоже значилась как заместитель командира полка) и сказал:

— Начальник штаба, читай!

Васькин развернул документ и торжественно зачитал о том, что я награжден орденом Красного Знамени. Это уже был второй подобный орден, а всего четыре. Николай Королев, адъютант командира полка, разлил нам по кружкам капитально, от души. Воинков взял орден у начальника штаба, опустил его в мою кружку, и мы все разом выпили. Потом прикрепили орден на гимнастерку. Кто-то сказал: «Одно Знамя — хорошо. А два — лучше».

Выпили по второй. Затем командир полка рассказал, как они воевали без меня. Оказывается, уже в конце августа противник смирился с присутствием нашего плацдарма и больше никаких шагов к его взятию не предпринимал. А танки перебросил в Варшаву.

Фронтовики, конечно, знают цену возвращения после излечения в свою родную дивизию, а тем более в свой полк и если в этом полку прошел уже большую часть войны. Это же все равно что после долгой разлуки вернуться в родную семью. Где

ни появлюсь — всюду родные лица, улыбки и рукопожатия. Я уж не говорю о наших артиллеристах. Здесь вообще был праздник. Вся эта обстановка меня трогала до глубины души, и я был искренне благодарен всем моим фронтовым друзьям за сердечную встречу.

Уже на второй день, приняв дела и должность, я полностью окунулся в заботы по подготовке войск к наступлению.

Глава V
Отдельно об Одере и Берлине. Конец войны в Европе — конец Великой Отечественной. Парад Победы

Военно-политическая обстановка на фронтах. Некоторые подробности о втором фронте. Висла — Одер, небывалые темпы. Опять плацдарм, но у Кюстрина. И опять медсанбат. Впервые близко Жуков. Самолеты-снаряды, как психологический фактор, но это и последние конвульсии. Наконец-то решающее наступление! Немцы все-таки вояки хорошие. Да и государственная система могла мобилизовать многое. Зееловские высоты — крепостные ворота к логову зверя. Штурм Берлина. Руины — как в Сталинграде. Правительственный квартал — Вильгельм-штрассе. Парламентеры, переговоры. Падение Берлина. Рейхстаг и знамя Победы. Капитуляция Германии. Парад Победы в Москве. Парад союзных войск в Берлине.

Шел четвертый год Великой Отечественной войны — самой тяжелой войны за всю историю человечества, которая уже к декабрю 1944 года унесла десятки миллионов жизней.

Принципиально на советско-германском фронте обстановка складывалась таким образом, что ни на одном из основных направлений стратегическая инициатива уже не могла перейти в руки гитлеровского командования, даже если бы Гитлер приказал бросить сюда все и сосредоточить усилия только в одном районе. Советский Союз все больше и больше наращивал свои силы. Советская Армия располагала такой мощью, которой никто не мог противостоять. Мы уверенно шли к Победе.

Открытый США и Великобританией второй фронт в Европе решающего значения на военные события уже не имел, хотя и оттягивал на себя определенные силы немцев. Восточный фронт в Европе оставался главным и решающим фронтом всей Второй мировой войны.

В то же время к декабрю месяцу 1944 года Западный фронт в Европе полного статуса так и не приобрел. Высадив, наконец, морской и воздушный десанты на севере Франции, англо-американцы понемногу адаптировались и, не торопясь, используя успех действий наших войск в весенне-летнем наступлении, начали расширять свой плацдарм, а затем организовывать

наступление войск в общем направлении на Германию, на Берлин.

Подчеркиваю, открытие второго фронта, конечно, уже не имело серьезного значения в оперативно-стратегической обстановке, хотя сама высадка десанта с военных позиций должна быть оценена высоко. Но англо-американ-ское руководство в этом акте преследовало именно политическую цель: максимально укрепить позиции США и Англии в странах Европы и одновременно всячески препятствовать Советскому Союзу распространять свое влияние.

Руководство США и Англии придавало большое значение высадке своих войск на севере Франции. Предусматривалось, что они нанесут поражение немецко-фашист-ским оккупантам там, в Западной Европе, и освободят от них Францию, Бельгию и Голландию с последующим развитием наступления на Германию.

О том, что такая высадка рано или поздно может произойти, немецкое командование, несомненно, знало, однако, несмотря на эту угрозу, усилить это направление должным образом не имело возможности. Да и другие политические мотивы не позволяли это сделать. Поэтому в Западной Европе было немецких войск крайне мало, тем более что на Восточном фронте обстановка с каждым днем становилась все хуже и хуже. В то же время читатели старшего возраста, очевидно, помнят неимоверную трескотню в средствах массовой информации того времени о так называемом «Атлантическом вале», который якобы создан немцами на Западе Европы в целях защиты ее от возможных десантирований. Немцы и англо-американцы расписывали этот «вал» в стихах и красках как мощнейшее и непреодолимое препятствие. Фактически же вообще ничего похожего не было. Лишь одно эффектное название, на что Гитлер и его генералитет были мастерами, да массированная реклама, развернутая Геббельсом и англо-американскими средствами массовой информации.

Для той и другой стороны было очень выгодно пропагандировать неприступность и непреодолимость несуществующего «Атлантического вала». Уверен, что читатель уже понял, чем объяснялась эта парадоксальная ситуация, когда враждующие стороны наперебой расхваливали один и тот же предмет. Немцам это было нужно, чтобы скрыть свою фактическую слабость в Европе, вселить, так сказать, страх англо-американцам, точнее, военно-политическому руководству США и Великобритании. А последним это тоже было как нельзя на руку. Они приняли «игру» немцев и не только подтверждали то, что пропагандировали немцы, но и усиливали эту пропаганду, используя убедительный предлог для затягивания открытия

второго фронта против Германии в Европе. И это им удавалось.

Однако с наступлением лета 1944 года союзникам стало ясно, что тянуть дальше нельзя: фашистская Германия и ее коалиция истощаются, а Советский Союз, наоборот, — становится все более могущественным и во втором фронте уже не нуждается. Поэтому Западу надо было не упустить политическую ситуацию и объявить свое присутствие в Европе. Тем более надо было выполнить решение Тегеранской конференции.

Итак, англо-американское командование окончательно принимает решение о высадке воздушного и морского десанта на севере Франции в начале июня 1944 года.

Десантирование на севере Франции союзники провели 6 июня 1944 года. К этому времени вермахт в Западной Европе был представлен следующим образом.

Автор не является участником и не намерен делать подробнее описание этой сложной десантной операции, которая по своим масштабам является непревзойденной. Это уже сделано нашими историками. Однако некоторые фрагменты, характеризующие обстановку и саму операцию, я обязан дать.

Все немецкие войска насчитывали 58 дивизий (в т. ч. только 9 танковых). Из них 33 дивизии фактически не имели средств передвижения и могли решать задачи только вблизи своих пунктов дислокации. Остальные дивизии или только начали формироваться, или восстанавливались после перенесенного разгрома. Но важно также иметь в виду, что максимальная укомплектованность дивизий составляла 70–75 %, т. е. их численность не превышала 10 тысяч человек, тогда как пехотная дивизия немцев по штату насчитывала почти 13 тысяч, а танковая — 17 тысяч. Кстати, в танковой дивизии по штату значилось 200 танков, фактически же было от 80–90 до 100–130 единиц.

Таким образом, на огромной территории нескольких европейских стран с протяженностью побережья на севере и западе более 2000 километров, а на юге почти 1000 километров находилась, конечно, далеко не мощная группировка немецкого командования.

Но еще более интересно то, что фактическая подготовка к возможному десантированию в середине 1944 года начала проводиться англо-американским командованием уже конкретно с конца 1943 года, или за полгода до начала действий, т. е. сразу после Тегеранской конференции. Причем если говорить об условиях подготовки этой операции, то они были уникальными, о чем свидетельствует английский историк Л. Еллис в книге «Победа во 2-й мировой войне» (с. 28): «Союзники имели такие преимущества, какие обычно получает только агрессивное

государство. Они располагали достаточным временем для подготовки операции с той тщательностью и продуманностью, которую требовала ее сложность, на их стороне были инициатива и возможность свободного выбора времени и места высадки».

Наиболее наглядным примером длительной и капитальной подготовки операции является факт разрушения на территории Франции ударами авиации союзников всех основных железнодорожных объектов противника (кстати, одновременно было уничтожено и около 1500 локомотивов), а также уничтожения всех мостов на реке Сене от ее устья до Парижа включительно. Естественно, это крайне отрицательно сказалось на проведении оборонительной операции немцами. Но и сами действия десантов союзников заслуживают положительных оценок.

Ночью, накануне высадки основного десанта, а им являлся морской десант, решались две крупные принципиальные задачи.

Первая — ударами авиации уничтожались артиллерийские батареи, узлы сопротивления, важнейшие пункты управления и скопления войск как на побережье, так и в ближайшей оперативной глубине немецкой обороны.

Вторая задача — высадка воздушного десанта, который должен был создать благоприятные условия для морского тем, что оттягивал на себя силы противника. Кроме того, воздушный десант должен был блокировать или захватывать важные в оперативно-стратегическом отношении немецкие объекты.

6 июня с утра силами корабельной артиллерии (более 100 кораблей) была проведена артиллерийская подготовка, и начали высадку морского десанта.

Но в целом операция развивалась успешно. За первый день было захвачено три плацдарма, причем на некоторых участках глубиной до 10 километров. Надо отдать должное: операция такого рода и масштаба проводилась впервые. Военное командование США в Европе в лице генерала Д. Эйзенхауэра и Англии в лице генерала Б. Монтгомери со своими задачами справилось успешно. Операция «Оверлорд» по открытию второго фронта в Европе состоялась.

Советская военная наука объективно, по достоинству оценила эту операцию, вошедшую в историю Второй мировой войны под названием «Нормандская десантная». К примеру, Военный энциклопедический словарь под редакцией маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева (Воениздат, 1986, с. 493) характеризует ее так:

«Нормандская десантная операция — самая крупная

морская десантная операция Второй мировой войны. Проводилась при полном господстве союзников в воздухе и на море и в благоприятной обстановке, созданной в результате поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте».

Последнее обстоятельство нелишне напомнить сейчас, когда история Второй мировой войны фальсифицируется, роль Советской Армии и Советского Союза, вынесших главную тяжесть войны и внесших решающий вклад в разгром фашистской Германии, принижается, а роль США, Великобритании возвеличивается. Не будь наших побед и героизма Советской Армии на Восточном фронте, эта операция могла быть не столь результативной (точнее, ее вообще могло не быть).

Нельзя не обратить внимания на то, что реакция на открытие второго фронта со стороны немецкого командования была удивительно слабой. Некоторые военные источники утверждают, что немцы «устали» ждать эту высадку. Другие говорили, что Гитлер якобы высказывал мысли вообще о неспособности англо-американцев высадиться на Западном и Северном побережье Франции и тем более в Бельгии и Голландии. Допустим, что эти факторы могли иметь место. В подтверждение этого приводятся даже такие примеры: командующий группы армий «Б» генерал Роммель был в момент начала операции в пути из ставки Гитлера, а командир 84-го армейского корпуса, который оборонял район устья Сены вечером 5 июня, пышно отмечал день своего рождения, и это торжество затянулось далеко за полночь и т. д.

И все-таки почему пунктуальные и дотошные немцы проявили такую небрежность, беспечность и даже равнодушие к тому, что на крошечной территории Великобритании пересосредоточилась такая огромная армия, а в ее портах собралась невиданная армада кораблей США и Англии? Это в приволжских просторах советское командование могло «спрятать» от всевидящего ока немецкой разведки группировку войск, предназначенную для контрнаступления под Сталинградом. Но здесь, под носом у Гитлера? Нет, совершенно невозможно, чтобы немцы прозевали и подготовку, и саму высадку.

Любопытное признание сделал Б. Монтгомери в своей работе «Нормандия для Балтики» (с. 43): «…на всем пути корабельной армады из контрольного района к югу от острова Уайт, как докладывал мне адмирал Рамсей, со стороны противника не было оказано никакого сопротивления, и это было настолько необъяснимо, что все движение казалось окруженным атмосферой нереальности…»

Попытаемся все же это «необъяснимое» объяснить.

Советский Союз за годы войны обретал все новые и новые силы, а к лету 1944 года непоколебимо утвердился в мире, как Великая держава. Советская Армия фактически очистила территорию нашей страны от оккупантов и уже была готова самостоятельно разгромить Германию и полностью освободить всю Европу. Союзники СССР продолжают его поддерживать, и их число растет. Коалиция же Гитлера разваливается, а сама Германия уже стоит на пороге роковых итогов. Всем ясно, что Сталин ни на какие компромиссы с Гитлером не пойдет и будет требовать полной и безоговорочной капитуляции. В то же время у Гитлера несомненно, были варианты найти понимание на Западе. Почему? Да потому, что вся политика Запада во время Второй мировой войны — это сплошные предательства и измены. Да и социально-политический строй Германии по духу идентичен странам Запада. Неспроста Гитлер еще с начала мая 1941 года в Лондон забросил самого близкого своего человека — Гесса. И то, что он, Гесс, свою миссию не довел до конца, не означает, будто надежды Гитлера на Запад были исчерпаны.

Наоборот, чем ближе становилась развязка, тем логичнее были предположения о том, что Гитлер, чтобы сохранить ядро своей стратегии, будет искать временные компромиссы с Западом — в расчете, что последний повлияет на Советский Союз, который, свободно вздохнув после разгрома и выдворения оккупантов со своей земли, возможно, прислушается к доводам США и Англии.

С учетом всего этого выгодно ли было Гитлеру впускать англо-американские войска в Западную Европу? Несомненно! Здесь он видел благоприятные для себя возможности быстрее прийти к примирению. К тому же как «аварийный» этот вариант мог открыть пути англо-американцам в походе на Германию, не допустив при этом проникновения сюда советских солдат.

Гитлер пока еще не допускал мысли, что Германию постигнет полный крах и разгром. Он еще на что-то надеялся и искал выход из тяжелейшей ситуации.

С одной стороны, он возлагал огромные надежды на рубеж обороны на реке Висле, особенно после того, как ему удалось огнем и мечом подавить восстание в Варшаве, спровоцированное эмигрантским польским правительством в Лондоне. Кроме того, вся полоса от Вислы до Одера глубиной 500 километров была капитально подготовлена к обороне: через каждые 50–100 километров — мощные оборонительные рубежи с большой емкостью для войск, с широкой сетью инженерных сооружений, в том числе системой траншей, отсечных позиций, позиций для

артиллерии и танков, противотанковых рвов, пунктов управления, минно-взрывных заграждений и т. д. Проводились работы на рубеже Одера и даже вокруг Берлина. Но это — больше для демонстрации, хотя соблюдались при этом все существующие требования.

С другой стороны, он хотел англо-американцев, которые уже имели второй фронт в Европе, всячески побудить к переговорам с ним на равных. Он надеялся, что это можно сделать без обострений и тяжелых — для Гитлера — последствий. Но ни американцы, ни тем более англичане на диалог пока не шли. Почему англичане — «тем более»? Да потому, что они, во-первых, опрометчиво поступили с Гессом, который к ним прилетел, чтобы договориться о совместных действиях (он имел все полномочия), и теперь, возможно, жалели. Неспроста правители Англии не решаются даже сейчас, когда прошло более полувека, опубликовать документы по этому поводу. И, во-вторых, англичане были уже в состоянии реальной войны с Германией, хотя она и ограничивалась только бомбежками и столкновениями на море.

В связи с этим и учитывая уже опыт боев с англо-американскими войсками, Гитлер решает силой подтолкнуть наших союзников на переговоры. Он не рассчитывает на сепаратный договор, так как общественность в Англии и США просто не воспримет его. Но переговоры вообще о прекращении бойни на Западном и Восточном фронте с целью сохранения миллионов жизней, а также огромных ценностей — вполне реальны. И люди мира, особенно те, кто непосредственно испытывает на себе бремя войны, несомненно, будут поддерживать эту идею: военные действия прекратить, сесть за стол переговоров и определить основы послевоенного мира. Все логично. И Гитлер решается проучить наших союзников! Он готовит хоть и небольшими силами, но сокрушительный удар в районе Арденн. Естественно, в первый же день англо-американские войска побежали. С 16 декабря 1944 года и по конец месяца немцы вклинились в их фронт почти на 100 километров.

Кое-кто из политиков Великобритании и США, да и отдельные генералы этих стран пытались свое бегство объяснить плохой погодой, распутицей и т. д. Но ведь плохая погода плохой была для всех, в том числе и для немцев. К тому же надо иметь в виду, что наступающим (а в их роли были немецкие войска) в распутицу было значительно тяжелее, чем обороняющимся.

Почувствовав, что запахло катастрофой, наши союзники слезно просят Верховное Главнокомандование СССР о помощи. В частности, настоятельно высказывают пожелание, чтобы

созданная на Висле группировка войск Вооруженных Сил СССР как можно быстрее перешла в наступление. Тем самым она заставила бы немцев прекратить свое наступление в Арденнах и вынудила бы их перебросить крупные силы с Западного на Восточный фронт и, таким образом, спасти положение дел у союзников и самих союзников.

Несомненно, в этих условиях И. В. Сталин, представлявший Советский Союз и верный союзническим обязательствам, поступил исключительно благородно: выполнил просьбу последних — начать наступление раньше установленного срока. Наше наступление с рубежа Вислы планировалось начать в двадцатых числах января, теперь же мы вынуждены были начать его в первой половине января. Военные знают, что значит сократить сроки подготовки крупнейшей операции даже на сутки. А если сделать это нужно на неделю или целых десять дней раньше срока? Такая задача требует неимоверного напряжения сил, развязки сложнейших узлов, решения больших и малых проблем. Нехватка времени на все это может отрицательно сказаться на итогах операции. Однако надо было спасать союзников. И мы спасли их! Спасли ценою подвига и жертв нашего советского солдата, о чем они уже в следующем, 1945 году забыли. А через 50 лет вообще стали считать, что ничего подобного не было. Мало того, некоторые английские историки на официальных встречах с высоких трибун заявляли, что главный вклад в дело разгрома немецко-фашистских войск в годы Второй мировой войны внесла Англия. Та самая Англия, которая всю войну дрожала в ожидании приговора Гитлера?!

А мог ли Сталин поступить иначе?

Как руководитель нашей страны, как советский вождь и советский человек, конечно, не мог. Это Запад может отбросить всякую там порядочность, нравственность и прочее. Будь Сталин похож на деятелей Запада, он, конечно, с явной выгодой для себя презрел бы союзнические обязательства. И сейчас, по прошествии времени, когда произошло немало катастрофических событий, спровоцированных и организованных США и его союзниками против СССР, на мой взгляд, правильно было бы, если бы Сталин тогда не начал наступление с Вислы раньше установленного срока. Сказал бы им: не готов, и точка.

Итак, рассчитывая внезапным ударом разгромить англо-американцев севернее Люксембурга, в районе Арденн, Гитлер преследовал цель расколоть антигитлеровскую коалицию и склонить США и Англию к переговорам, чтобы тем самым избежать полного разгрома и капитуляции.

3. Вестфаль в «Роковых решениях» (с. 265), ссылаясь на

выступление Гитлера 12 декабря 1944 года на совещании перед военными, отвечающими за фронт на Западе, по этому поводу пишет: «Нужно иметь в виду следующее. В мировой истории еще не существовало коалиции из столь чужеродных элементов, преследующих столь различные цели, какую создали наши противники… Тот, кто внимательно следит за развитием событий, не может не видеть, что противоречия между нашими врагами с каждым днем все более усиливаются. Если теперь нанести по ним несколько мощных ударов, то в любой момент может случиться, что этот «единый», искусственно поддерживаемый фронт внезапно рухнет с оглушительным грохотом, подобным раскатам грома».

Это было сказано за четыре дня до нанесения удара. Но сама операция начала готовиться еще в середине сентября 1944 года, когда Советская Армия уже укрепилась на плацдармах на Висле и начала освобождать страны Восточной Европы от оккупантов. В это же время гитлеровское командование видит, что англо-американские войска неспособны прорвать линию Зигфрида с ходу, вследствие чего и остановятся на этом рубеже.

В октябре уже был готов план операции. Им предусматривалось нанесение удара по самой уязвимой группировке союзников — в Арденнах. Имелось в виду одним мощным ударом в общем направлении на Антверпен рассечь группировку: одна будет в районе Ахена (англичане и часть американцев), вторая — на территории Франции.

Что касается целей этих действий, то они наглядно изложены в изданной в Германии книге «Вторая мировая война» (с. 287):

> «Цель операции, — указывалось в директиве Гитлера от 10 ноября 1944 года, — заключается в том, чтобы путем уничтожения сил противника севернее линии Антверпен — Брюссель — Люксембург добиться решающего поворота хода войны на Западе и тем самым, возможно, и войны в целом».

Эта цель не достигнута, в первую очередь, не потому, что у Гитлера недостаточно было сил и средств на Западном фронте, а потому, что Советская Армия перешла в наступление с рубежа Вислы уже в первой половине января 1945 года. И хотя союзные войска от беспорядочного отступления на ряде направлений перешли к паническому бегству, немецкому командованию не удалось на одном дыхании выйти к морю. Немцы вынуждены были уже в январе перебрасывать из Арденн на Восточный фронт 13 самых сильных дивизий, в том числе почти все танки и боевые самолеты.

В целом высадка союзниками воздушного и морского десанта на севере Франции и открытие второго фронта против немецко-фашистских войск в Европе в 1944 году, конечно, сыграли определенную роль в нанесении ущерба Германии. В то же время Гитлер своими действиями в отношении США и Великобритании с учетом противодействия Советского Союза не способен был добиться поставленной цели по расколу антигитлеровской коалиции. Наши руководители времен войны были на высоте и не шли на обман союзников. Таковы были советские принципы.

Рассматривая обстановку со всех позиций тогда, было ясно, что и с экономической, и с политической, и тем более с военной точек зрения фашистская Германия уже доживает последние свои месяцы. Но гитлеровское командование, учитывая отведенную Висле роль в общей системе немецкой обороны, на протяжении всей осени 1944 года и до января 1945 года проводило интенсивную работу по созданию здесь оборонительных сооружений.

Понимая важность этого стратегического направления, Генеральный штаб сухопутных войск вермахта по указанию Гитлера стянул сюда самые опытные и подготовленные соединения и части. То же самое сделали и мы. И это вполне понятно. Здесь окончательно решался исход войны.

Соединения нашей 8-й Гвардейской армии, как и другие армии 1-го Белорусского фронта, на Магнушевском плацдарме капитально готовились к наступлению: были пополнены боеприпасы, продовольствие, личный состав. Каждый батальон в ближайшем тылу проводил суточные учения с боевой стрельбой. Артиллеристы и минометчики в свою очередь тоже «постреляли» по всем основным задачам. Была осуществлена капитальная перегруппировка войск. Наша дивизия была поставлена на левый фланг армии, но входила в состав ударной группировки. Командир корпуса, а затем командир дивизии и командир полка провели с соответствующими офицерами занятия на макете местности по организации взаимодействия при прорыве обороны и развитию наступления в глубину. День и ночь велась интенсивная разведка. В планы огневых ударов вносились последние коррективы.

Накануне наступления командующий армией генерал-полковник В. И. Чуйков объехал войска, проверяя их готовность и одновременно вдохновляя личный состав на успешное решение боевых задач. Таково было правило, что крупные военачальники выезжали к линии фронта и там в пешем порядке «лазили» везде, в том числе и по переднему краю.

Василий Иванович побывал и у нас в 35-й Гвардейской

стрелковой дивизии и 100-м Гвардейском стрелковом полку. Вместе с ним были адъютант капитан Н. Касюк, командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Н. Пожарский, начальник оперативного отдела армии генерал-майор М. Толканюк и начальник разведотдела армии полковник Н. Руднев. Всего пять человек. Закончив обход переднего края, командарм решил посмотреть роту второго эшелона нашего 3-го стрелкового батальона.

Начало смеркаться, а рота к тому же находилась на значительном удалении — почти в километре от противника. Поэтому он, не таясь, вышел из траншеи и, идя по брустверу, сверху разговаривал с воинами, сидевшими в окопах. Командарм и сопровождающие его военачальники набросили на шинели плащ-накидки, поэтому знаков различия не было видно. И вот тут происходит курьез. Подходят все к очередному солдату — тот с озабоченным видом что-то ест, ни на кого не обращая внимания. Василий Иванович остановился прямо перед ним — никакой реакции. Тогда командарм начинает разговор:

— Солдат, ты что там делаешь?

— Не видишь? «Энзу» до… — И далее прозвучало неделикатное слово.

— Что ты сказал? — грозно зарычал Василий Иванович, хотя и слышал, что именно было сказано.

Солдат сидел в пол-оборота к начальникам. Поднял кверху голову, встретился со взглядом Василия Ивановича и, чувствуя, что это большой начальник, спокойно ответил:

— Я же тебе сказал: «ЭНЗу» до-е-ды-ва-ю! Доёдываю».

— Так тебе паек «НЗ» дали, чтобы в случае тяжелой обстановки, когда невозможно подвезти пищу, ты мог бы подкрепиться. И называется-то «НЗ» — неприкосновенный запас. А ты уже сейчас… Что, плохо кормят? Где командир полка?

— Да зачем здесь командир полка? Я сам все расскажу. Ты что, новенький, на фронте впервые?

— Ты что мне вопросы задаешь?

— А то, что все бывалые солдаты, получив «энзу» и зная приблизительно, когда в атаку, распределяют ее и съедают, чтобы, не дай Бог, не пропало. Ведь еще Суворов сказал: «Пуля — дура!» Вот эта дура во время атаки брюхо распорет или вообще… И «энза» пропала. Есть-то некому. Вот для этого и поедают эту «энзу» солдатики. Оно, глядишь, и сил прибавляется, и добро на своем месте — не пропало. А если насчет кормежки, то она у нас отменная. Сегодня были макароны с тушенкой — пальчики оближешь. Да еще по полному котелку. Ну, а коли уж и попадем в беду и старшина со своими термосами к нам не доползет, то как-

нибудь перебьемся, перетерпим — не привыкать. Вот солдат съел свой запас, и у него образовался «нутряк», который у него растет, пока сидит в обороне. Как у верблюда горб. И если еды нет — энергия идет оттуда. Но, глядишь, еще какую-нибудь трофею прихватишь. В бою всякое бывает. Правда, хлеб у фрицев никудышный. Какой-то эрзац, говорят. Из опилок, что ли? Но консервы ничего, можно… Так что не волнуйся, — заключил свою тираду солдат.

Все стояли вокруг и молча слушали солдата. Он уже поднялся, повернулся к командарму, поправил ремень, шапку и рассказывал степенно, покачивая своими здоровенными плечами. И вдруг ротный командир — как выстрелил:

— Это лучший пулеметчик роты, товарищ командующий. Со Сталинграда в полку. Имеет орден и две медали.

Василий Иванович потоптался, крякнув, сказал, чтобы хорошо готовились к бою, и пошел дальше. Он любил сталинградцев и прощал им все.

Наблюдая за этой сценкой, я невольно вспомнил своего сталинградского Филимона Агапова из-под Абакана. Такой же крепкий, неторопливый, говорит размеренно, назидательно, никакой начальник для него не гроза, но почтение ему оказывает. И по возрасту такой же. Вот на таких-то Россия и держится.

Наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия получила задачу — совместно с 694-м самоходным артиллерийским полком, 266-м истребительно-противотанковым полком прорвать оборону противника на участке Леженце — Гловачув. Наступать в направлении местечка Едлинск — Радом. Наступление в глубину развивать совместно с армейской танковой группой.

14 января 1945 года в 8.30 грянула артиллерийская подготовка атаки на Магнушевском плацдарме. Через 25 минут ураганного огня батальоны первого эшелона нашего 100-го и соседнего 101-го стрелкового полка перешли в атаку и без особого напряжения захватили первую траншею. Чувствуя, что в ближайшие дни мы можем перейти в наступление, противник оставил в первой траншее только прикрытие, а главные силы отвел во вторую и третью траншеи, в укрытия. Как только наши пошли в атаку, немцы, решив, что это общее наступление, вывели все силы из укрытий и заняли позиции для отражения удара.

Но наши командиры быстро сориентировались и придержали передовые подразделения в первой траншее противника, артиллерия же обрушилась на его вторую и третью траншеи. И пока она их полностью не распахала, пехота ждала сигнала. Затем под прикрытием двойного огневого вала возобновила атаку. С позиций военного специалиста это были классические действия

по управлению атакующими подразделениями и огнем артиллерии. Командующий артиллерией 8-й Гвардейской армии генерал Н. М. Пожарский вообще вошел в историю военного искусства как один из самых одаренных военачальников. И здесь, и в Берлинской операции руководимая им артиллерия явила шедевр своих возможностей и способностей. Противник понес огромные потери.

Утром 15 января, после артиллерийской подготовки, в бой был введен второй эшелон 35-й Гвардейской стрелковой дивизии 102-го Гвардейского стрелкового полка. Сопротивление немецких войск было окончательно сломлено, и к исходу дня вся тактическая зона обороны была полностью прорвана. Части нашей дивизии начали преследование разрозненных групп, отходящих к Одеру.

Советские войска продвигались с невиданными темпами — по пятьдесят километров в сутки. Такое стремительное наступление ошеломило противника. Он совершенно ничего не смог предпринять, чтобы остановить этот накат, даже занять хорошо подготовленные в инженерном отношении и имеющие необходимые запасы и средства управления рубежи на территории Польши. Такому быстрому продвижению 8-й Гвардейской армии в целом способствовал и мощный удар 1-й Гвардейской танковой армии. Она глубоко вклинилась в оборону противника. Кроме того, части 35-й Гвардейской стрелковой дивизии, в частности наш 100-й Гвардейский стрелковый полк, широко использовал приданный ему самоходно-артиллерийский полк 76-мм установок. Это маневренные, очень удобные для десантирования по тому времени установки показывали высокую скорость и приличную проходимость. Фактически все боевые подразделения нашего полка двигались десантом, крюком прицепив к самоходке орудия и полковые минометы.

Наиболее организованное сопротивление мы встретили в районе города Оборники, который обороняла 258-я пехотная дивизия противника. Город Оборники был крупным опорным пунктом, стоял на важном узле дорог, имел более 30 крупных складов с военным имуществом. 38-я механизированная бригада 1-й Гвардейской танковой армии намерена была с ходу овладеть городом, однако втянулась в затяжные бои, понесла значительные потери и застряла до подхода наших войск. Части дивизии ударом по городу с севера и юга обратили в бегство подразделения противника и даже батальон СС, который контролировал их действия. Конечно, и наши войска понесли потери. Был убит и командир 102-го Гвардейского стрелкового полка майор А. В. Петров, которому было присвоено звание Героя

Советского Союза.

35-я Гвардейская стрелковая дивизия вышла к реке Варта и начала преследовать отходящего противника по правому ее берегу, продвигаясь на северо-запад. Вскоре командир корпуса генерал В. А. Глазунов приказал форсировать реку и во взаимодействии с 57-й дивизией и 40-й танковой бригадой наступать на Бирнбаум, что и было выполнено по всем правилам военной науки.

Утром 29 января 1945 года наша дивизия, сломив сопротивление немецко-фашистских войск, вышла на широком фронте на польско-германскую границу на рубеже Альт-Геритц, Фольварк, Биркен. Дивизия получила задачу наступать на Шверин. Этот город принадлежал уже Германии. Наступал грандиозный исторический акт уничтожения агрессора на его собственной территории.

А пока хотелось отметить весьма важный, принципиальный момент — все операции на территории Польши нашими войсками были проведены так, что подавляющее большинство населенных пунктов остались целыми и невредимыми. Это делает честь нашим воинам, которые входили в состав 2-го Белорусского фронта, 1-го Белорусского фронта и 1-го Украинского фронта (даю справа налево, как они наступали. — Авт). Лишь Варшава и Познань, а также те города и поселки, где проходил передний край, имели раны и шрамы.

Грудзенз, Тарунь, Влацлавск, Лодзь, Калиш, Радом, Мазовецки, Бреславль, Катовице и особенно Краков — вот далеко не полный перечень крупных городов, которые остались нетронутыми. В отношении же Кракова 1-м Украинским фронтом проводилась особая операция, чтобы сохранить его как памятник культуры. Помнит ли это польский народ? Ценит ли он жертвы, которые понес советский народ и его Советская Армия ради спасения Польши? Увы, сегодня сказать об этом однозначно нельзя.

30 января части дивизии форсировали реку Одер и ворвались в Мезеритцкий укрепленный район противника, расположенный в междуречье рек Варты и Одера и прикрывавший кратчайший путь на Берлин. Встретив ожесточенное сопротивление, наши передовые подразделения вынуждены были перейти к обороне. Назначенный на должность командира дивизии еще на Висле вместо генерала А. Кулагина полковник Н. П. Григорьев решил выехать на место и лично разобраться в обстановке. Пренебрегая мерами предосторожности и «пролетев» на машине поворот, который был последней точкой, где еще можно двигаться на автомобиле, Григорьев попал в зону ружейно-пулеметного огня

противника и был тяжело ранен в обе ноги. Это счастье, что его сопровождали три САУ-76 — они фактически спасли жизнь и раненому командиру дивизии, и всем остальным, кто был в его группе.

Дивизию принял заместитель командира дивизии полковник Г. Б. Смолин. Удивительный человек! У него с начала войны не было левой руки по локоть, он носил протез. Мог бы не воевать, но настоял, чтобы его отправили на фронт. Когда он был в настроении, то шутил по поводу руки:

— Надо было бить правой, а я замахнулся левой, вот и результат. Всегда надо думать, голубчик.

3 февраля 35-я Гвардейская стрелковая дивизия вышла в район Запциг (здесь расположился штаб дивизии), Чернов, Штепциг.

В ночь на 4 февраля 1945 года дивизия форсировала Одер и во взаимодействии с 57-й Гвардейской стрелковой дивизией в течение трех суток вела тяжелые бои за город Ретвейн. Выбив противника и очистив город, дивизия, продвигаясь вдоль левого западного берега реки Одер, подошла к пригороду Киц и закрепилась здесь силами 102-го Гвардейского стрелкового полка. 101-й Гвардейский стрелковый полк встал левее, и тоже южнее Кица, а нашему 100-му Гвардейскому стрелковому полку приказано было обойти его с запада, перерезав дорогу, идущую на Берлин.

В течение двух с небольшим недель части дивизии с боями прошли 510 километров. Это же не танковая и не механизированная, а стрелковая дивизия — но такие темпы! Кое-кто до сих пор еще брюзжит, охая и ахая по поводу того, с какими темпами продвигались по нашей земле немцы в начальный период войны, когда они напали на Советский Союз. Да и немецкую шагистику по Европе до этого тоже превозносят с непомерным восхищением. А почему бы не посмотреть на гитлеровцев конца войны и не взять для этого хотя бы Висло-Одерскую операцию? Ладно, вы замалчиваете подвиг наших воинов и наших полководцев, и теперь не будем говорить о них, но о немцах-то сказать можно?! Ведь они все заранее приготовили, оборудовали, оснастили и войск сюда полно нагнали — аж целых 250 дивизий! И никакой внезапности не было, а опыт у войск вермахта — богатейший. Драпали же фрицы нах Дойчланд проворнее, чем наступали в 1941 году. Вот это были «марш-броски»! Даже дух захватывало.

Пришло время расплаты! И 35-я Гвардейская стрелковая дивизия, как и другие войска, готовилась к этому необычному боевому ритуалу.

В слиянии рек Одера и Варты находился довольно большой остров, на котором обосновался старинный город-крепость Кюстрин. Крепость состояла из множества мощных фортов, оснащенных современными орудиями крупного калибра и другим вооружением. Огромные подземные казематы вмещали в себя большое количество боеприпасов, военного имущества, продовольствия и горючего. Крепость была подготовлена к длительной круговой обороне. Форты со всех сторон прикрыты глубоким рвом, заполненным водой, шириной 12 и глубиной 7 метров, да еще пятиметровым крепостным валом. Вдобавок на дамбе, которая окружала крепость, были расположены доты и дзоты, оснащенные артиллерийскими орудиями всех видов, как в укрепленных районах. Дамба прикрывала крепостные стены толщиной два и более метров, фактически они способны были выдержать удар фугасного или бетонобойного снаряда любого калибра.

С острова по обе стороны крепости были переброшены мосты. На восточном правом берегу находилась канатная фабрика с огромной вытяжной трубой, где размещались немецкие разведчики-наблюдатели. Мы из орудий пытались сбить эту трубу, но ничего не получалось. А на другом западном берегу, начиная прямо от моста, находился населенный пункт Киц. Считалось, что он является пригородом Кюстрина.

На мой взгляд, сам Кюстрин представлял интерес не столько как крепость на кратчайшем пути — всего в 70 километров — к Берлину, сколько как место, где родился Геббельс. Об этом знала вся Германия. Поэтому падение Кюстрина, несомненно, имело бы морально-психологическое воздействие на немцев. Понимало это и германское командование. Вот почему только внутренний гарнизон крепости состоял из множества известных частей: 10-й крепостной полк; сводные батальоны — «Вегер», «Гимен», «Готте», «Хитай»; боевые группы — «Шульц», «Шнайдер»; далее — 40-й отдельный саперный батальон, подразделения 303-й пехотной дивизии, а также 39-й и 58-й отдельные артиллерийские дивизионы.

Кюстрин отнюдь не являлся ключом к Берлину. Ключом были Зееловские высоты, о чем речь пойдет ниже. А эту крепость, конечно, можно было бы обойти, блокировать, и пусть гарнизон сидит себе здесь до посинения, пока не капитулирует. Однако нельзя было сбрасывать со счетов одну довольно серьезную опасность: своими крепостными дальнобойными орудиями он, конечно, мог принести немало бед. Тем более что в крепости имелись огромные запасы боеприпасов, о чем мы располагали достоверными данными. Но можно было пойти и по другому пути

— разбомбить все в пух и прах и превратить крепость в руины. Сделать это сверхтяжелыми девятитонными авиационными бомбами было совсем не трудно. Сужу об этом уже по своему более позднему опыту. Мне довелось их применять в Афганистане в ущельях, где у мятежников были пещеры с боеприпасами и оружием. Мощнейший взрыв заваливал все, в том числе и пещеры. Однако тогда, в конце войны, мы уже больше думали о мире. Ведь разрушив крепость, мы тем самым могли лишить Польшу древнего города. А Кюстрин, по уже имевшимся соглашениям, должен был отойти полякам, как и все земли восточнее Вислы. Таким образом, и этот вариант не подходил. Оставалось одно — брать Кюстрин штурмом. Ущерб если и будет, то незначительный.

Забегая вперед, должен сказать, что за два месяца боев, в течение февраля и марта, мы расширили плацдарм 8-й Гвардейской армии до 90 квадратных километров, имея по фронту 12–16 и в глубину от 6 до 8 километров. Но всему этому предшествовал напряженный ратный труд.

Выше по течению реки, южнее Кюстрина, была построена мостовая переправа через реку Одер. Мост был наплавной, но предмостные укрепления делались капитально. В их строительстве принимали участие и саперы, и артиллеристы 100-го Гвардейского стрелкового полка, чьи огневые позиции располагались неподалеку.

Во время строительства переправы мы наблюдали Г. К. Жукова на другой стороне реки. А когда мост был готов, он проехал на «виллисе» на левый берег и похвалил солдат и офицеров за труд. Мост — великое дело для плацдарма. Понимая это, немецкое командование постоянно бросало на переправу самолеты-снаряды. Психологически противник этими самолетами-снарядами на нас в какой-то степени еще влиял. Но вместе с тем мы видели, что применение самолетов-снарядов — это уже конвульсии огромной военной машины: исчерпав все, немцы прибегли к последнему средству. Так утопающий хватается за соломинку.

Самолет-снаряд «ФАУ-1» являл удивительное зрелище и в то же время очень опасное средство. «ФАУ-1» имел около 700 килограммов взрывчатого вещества большой мощности. Он подвешивался к самолету, который «подвозил» его к определенному рубежу и, придав самолету-снаряду определенный угол полета, нацеливал на переправу, пускал его, а сам отваливал вверх и — в сторону. Наши зенитки, захлебываясь, обстреливают «ФАУ-1». А он хоть бы хны — летит как ни в чем не бывало к цели. Правда, в мост попадал очень редко. Но взрыв был

мощный и нагонял «шороху».

Чтобы подобраться ближе к Кюстрину, решено было первоначально овладеть на западном противоположном берегу пригородом Киц. Эту задачу 35-я Гвардейская стрелковая дивизия решала с плацдарма во взаимодействии и совместно с соседом справа — с 82-й стрелковой дивизией 5-й Ударной армии. Предвидя, что в Кице придется вести бои, как в городе с крупными зданиями, создавали штурмовые группы и отряды, каждый из которых имел конкретный объект захвата.

В нашем 100-м Гвардейском стрелковом полку действиями штурмовых отрядов и групп лично руководил командир полка майор А. М. Воинков. Со своей группой управления он находился от них буквально в ста метрах. Наиболее активно действовал штурмовой отряд капитана А. В. Соломатина. Внезапным стремительным броском, «поливая» перед собой фашистов из пулеметов и автоматов, он захватил сразу несколько кирпичных зданий, расположенных вдоль магистрали Кюстрин — Берлин. В цоколе одного из них мы сразу разместили командно-наблюдательный пункт командира полка. Узкие, длинные окна обеспечивали нам хоть и под углом, но прекрасный обзор: полностью наблюдали действия наших штурмовых групп и отрядов, а также ответные меры противника. Нас особенно беспокоили два вкопанных по башню танка справа и слева от дороги. Они находились на возвышении и всё отлично просматривали и простреливали пушечным и пулеметным огнем. Выкатить 57-мм орудия (вместо 45-мм мы уже имели 57-мм противотанковые пушки, которые получали на Висле) и прямой наводкой расстрелять их? Но это равносильно самоубийству: танки немедленно бы «сняли» орудия, не позволив им даже развернуться.

В связи с этим было принято решение — штурмовым группам просочиться с фланга, т. е. со стороны реки, в «мертвое» пространство, которое образовывалось вблизи каждого танка и которое им не простреливалось. И если это удастся сделать, то, несомненно, цель будет достигнута: ребята забросают танки гранатами. Однако до этой зоны надо было преодолеть минные поля и сопротивление хорошо окопавшейся здесь пехоты. Ведя артиллерией массированный огонь по минным полям в расчете, чтобы подорвать их, а также по пехоте противника, мы подтянули штурмовые группы максимально ближе к рубежу, с которого уже можно было сделать бросок.

В итоге нам удалось все-таки одной штурмовой группой забросать одно бронированное чудовище противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. «Тигр», который был с

нашей стороны дороги, уже пылал. Экипаж его, видно, погиб или выбрался через люк в днище. Минут через пять танк взорвался. Подобраться ко второму оказалось значительно сложнее. С гибелью танка противник открыл интенсивный огонь по нашим позициям. Минут через тридцать прилетели «юнкерсы», однако хорошо отбомбиться не смогли — шестерка наших истребителей разогнала их по всему небу, двух — сбила.

Управляя действиями войск, большинство из нас расположились вокруг командира полка, обдумывая, как действовать дальше. У приборов наблюдения в соседней проходной, полуподвальной комнате остались только разведчики. В нашей комнате окно было забито периной и пуховыми подушками, чтобы не залетел снаряд. Это была ошибка. Точнее, ошибка состояла в том, что перина была белой, а значит, очень заметной. В прицеле танка тем более просматривалась отлично, хотя окно и было узким. Вот немец и влепил сюда снаряд. Конечно, перина максимально самортизировала удар и вобрала в себя основные осколки, однако все находившиеся в помещении пострадали: командир полка А. М. Воинков был легко ранен осколком в левое плечо и контужен (он стоял левым боком к окну), адъютант командира полка Н. И. Королев был ранен в шею и спину мелкими осколками и контужен (он стоял спиной к окну). Заместитель командира полка по политической части майор В. А. Иванов, сидевший на ящике в стороне от нас, в углу комнаты, писал донесения и отделался испугом. Мне же опять не повезло, хотя и незначительно: несколько маленьких осколков кирпича вогнало в лицо, контузило (я стоял лицом к окну). Произошло это 9 марта 1945 года. Самое интересное, как потом рассказывали перебежавшие в нашу комнату разведчики, так это то, что мы все, бездыханные, лежали на полу. И производили первое впечатление погибших. Но первым пришел в себя майор Иванов, и тут же общая ситуация стала меняться. А. М. Воинков никогда не держал около себя никаких медиков. Считал, что это плохая примета, и я придерживался той же позиции. Но поблизости всегда кто-то был. Вот и сейчас прибежал санинструктор, быстро всех осмотрел и вместо того, чтобы с каждым разобраться, дал команду оттащить всех на волокушах к реке и далее в медсанбат дивизии.

Вероятно, он принял такое поспешное решение потому, что у Королева была в крови шея, а у меня — лицо. Кровоточила и разбитая верхняя губа. Поскольку волокуш не было, нас тащили на плащ-накидках по булыжной мостовой. Видно, такая «транспортировка» и мертвого приведет в чувство. Вот и ко мне уже после нескольких десятков метров вернулось сознание.

Естественно, с каждым новым «броском» по мостовой меня пронизывала адская боль, причем почему-то во всем теле, так что невольно вырывались стоны.

Солдаты-разведчики, тащившие меня, после каждого моего стона говорили: «Потерпи, осталось немного». Почему-то я не мог подняться, хотя был в полном сознании. Так как меня волокли головой вперед, то я мог в какой-то степени наблюдать, что делается сзади меня, а фактически на переднем крае. Отчетливо видел, как оставшийся у дороги второй танк пускал по нашей группе короткие пулеметные очереди с трассирующими пулями. Сомнения не было — он засек нас и не отстанет, пока не прибьет. Я напряг все силы и говорю:

— Братцы, вы лучше бы тащили по кювету. Там его пулемет нас не достанет.

— По кювету ползти нельзя, — отвечает разведчик, — там полно мин. Уже осталось немного, потерпи, скоро мы вообще сползем с дороги, а там уж будем в безопасности.

И все-таки почти у самого финиша у одного из двух моих спасителей пуля распорола голень. И он дальше отправился вместе с нами уже в другом качестве. Нас подхватили санитары, уложили на волокушу, как в люльки, и бегом к берегу. А потом уж на «санитарке»-автомобиле привезли в медсанбат. Он располагался на восточном берегу Одера в населенном пункте Запциг. Там я увидел А. М. Воинкова, который крыл всех на чем свет стоит:

— Куда, черти, вы меня тащите? Я же здоров!

Но было видно, что сам подняться не может, как и я. Только Николай Королев помалкивал — лежал спокойно и был очень бледный.

Расположили нас в одном немецком домике. В большой комнате лежало еще два офицера из соседнего полка. Обработали раны, сделали нам какие-то уколы, и мы уснули. Уже на второй день я перемещался вполне свободно. Воинков ходил, держась за спинки коек, а Королев мог только сидеть. Но со временем у нас все нормализовалось. Единственно, что меня беспокоило, так это то, что корочки, образовавшиеся у меня на ранках под правым глазом и на носу, долго не отслаивались. Ребята шутили:

— Вот так и будешь ходить всю жизнь с плямбами на морде. Скажи спасибо, что вообще нос не отхватили. Да и глаз целый остался.

Действительно, еще чуть-чуть — и остался бы без глаза. Какая судьба! Плохо, когда человек вообще чего-то лишается. Но когда у него нет глаза — это, конечно, совсем особая утрата. С человеком говоришь — обязательно смотришь ему в глаза и

«читаешь» его мысли, видишь его внутренний мир. Глаза собеседника передают тебе его настроение. Но вот что странно: когда твой собеседник — с одним глазом, то невольно твой взгляд падает на протез глаза или на то место, где был глаз. При этом чувствуешь себя неловко, будто сам в чем-то повинен. Один из хирургов нашего медсанбата был без глаза, потерял его под Москвой. Протеза, однако, не носил, разбитую глазницу обычно прикрывала повязка. Он же и занимался с нами. Интеллигентный, очень внимательный, не по-врачебному боевой. Думаю, что, наверное, хирургам в большинстве случаев присущи эти черты — боевитость, решительность. Ведь приходится принимать решение резать-не резать, распороть или обойтись без этого. У нашего хирурга эта черта была выражена особенно ярко. И однажды, когда мы с ним познакомились поближе, Воинков сказал:

— Доктор, ты так здорово разбираешься в военном деле, что, можно подумать, командовал ротой.

— Ротой — нет, а взводом полгода командовал под Москвой, пока немцы мне глаз не выбили. Я ополченец, окончил 1-й Московский мединститут и год уже проработал, а когда война началась — добровольцем пошел на фронт. По ошибке направили санинструктором, но буквально через неделю командир батальона поставил меня на стрелковый взвод. И командовал. Получил младшего лейтенанта. А когда ранило, то уже в госпитале разобрались, что к чему, и мне сразу повесили шпалу капитана медицинской службы. С этим вот званием и добираюсь до конца войны.

Воинков поинтересовался, что, мол, так со званием, да и с должностью тоже непорядок.

— Это все зависело от меня. Можно было остаться в тылу или здесь тоже стать администратором. Но меня больше привлекает делать операции «свежераненым», если можно так сказать. Именно здесь начинается борьба за жизнь. Я делаю любые операции, хотя нам это не рекомендуется. А я оперирую. Какие могут быть рекомендации, когда речь идет о жизни или смерти? Я мог бы со своим ранением остаться в тыловом госпитале, но это не для меня. Я должен чувствовать бой. А глазницу не закрываю потому, что любая рана военного только украшает, как Потемкина, — засмеялся хирург, а потом продолжил: — Война закончится — конечно, я уволюсь. У меня так много планов, идей, над которыми, конечно, надо много работать, чтобы помочь человеку.

Мы смотрели на него с большим уважением. В отличие от других медиков, включая начмеда дивизии подполковника Сорокина, который нас посещал каждый день, этот капитан

оказывал на всех значительно больше влияния, чем все остальные.

18 марта мы уже были в полку. Воинков настоял, чтобы нас отправили к себе «домой», так как готовилась решающая битва. К моему огорчению, меня направили не в мой родной 100-й Гвардейский стрелковый полк, а в соседний 101-й. Там убило командира полка подполковника М. А. Коновалова. Это был всеобщий любимец дивизии. Его похоронили, как и еще 309 погибших бойцов нашей дивизии, на кладбище немецкого поселка Запциг. Полк принял прибывший с тыла и еще не нюхавший пороха подполковник И. А. Андреев. У меня с ним сразу сложились плохие отношения. Откровенно говоря, во всем был виновен я. Все-таки командир полка — есть командир полка. Он отвечает за все, и судьба людей в его руках. Наша задача состояла в том, чтобы помогать ему принимать целесообразное решение (тем более что он не обстрелян) и организовывать выполнение этого решения, в том числе всестороннее обеспечение боевых действий подразделений полка. К тому же его возраст — он был старше меня в 2,5 раза — тоже обязывал нас относиться к нему уважительно. Но его формально педантичные распоряжения и сухой, казенный разговор на любую тему, пренебрежительное отношение к заслуженным офицерам полка сразу воздвигли между нами стену. Его не восприняли и другие офицеры, в том числе начальник штаба полка, который в разговоре со мной как-то посетовал на то, что «старик» теряется в бою и по этой, на его взгляд, причине противник недавно потеснил полк своими контратаками. Лишь своевременная помощь соседнего 102-го полка нашей дивизии и частей 416-й стрелковой дивизии помогли восстановить положение. Особо запомнилась такая фраза, сказанная начальником штаба полка: «Я вижу, что он, как рыба, выброшенная на берег: воздух глотает, а никаких распоряжений не отдает. Решил командовать полком — так командуй!»

Командир дивизии полковник Г. Б. Смолин на основании распоряжений комкора и командарма 22 марта отдал приказ о наступлении дивизии с целью: прорвать оборону противника в районе железнодорожной станции Кюстрин, взять железнодорожный мост на речушке Штром и соединиться с частями 5-й Ударной армии, наступавшими с севера. Действия были не особенно сложные, но требовали, как всегда, кропотливой организации, они были направлены на расширение плацдарма. Командир полка решил провести занятия на ящике с песком. Конечно, если бы время для этого было, то можно и провести эти занятия, но в той обстановке каждая минута была

дорога, а он собрал командиров батальонов, заместителей командира полка, начальников служб полка и монотонным голосом начал читать нам лекцию. Через полчаса командир 1-го батальона, не выдержав, и говорит:

— Товарищ подполковник, мне задача понятна. Разрешите действовать?

Все тоже зашевелились. Андреев вскипел:

— Нацепляли орденов и думаете, что от этого ума прибавилось? К бою надо готовиться, а вы привыкли «нашармачка», вот поэтому и большие потери.

Это было слишком. Тут же взорвался заместитель командира полка по политической части майор В. В. Уткин. Никак не называя командира полка, выпалил:

— Во-первых, ордена заслужили без вас и носят их так, как считают нужным. Во-вторых, у нас никто «нашармачка» не воюет — все готовятся, а если бы не готовились, то не были бы сегодня на Одере. В-третьих, это с вашим приходом мы в первом же бою понесли большие потери. Конечно, с Коноваловым у нас в полку такого не было. Наконец, последнее, учитывая сжатые сроки на подготовку, предлагаю дать слово начальнику штаба полка. Он уточнит задачи, после чего можно офицеров отпускать организовывать бой.

Видно, у Андреева в практике такого не было, он никак не мог преодолеть охвативший его шок. А начальник штаба, используя замешательство и не ожидая разрешения командира полка, сразу приступил к работе. Он спрашивал каждого командира и начальника, как понял свою задачу, как он будет взаимодействовать с артиллерией, танками и соседями, а также с наступающими навстречу нам войсками 5-й Ударной армии, уточнял некоторые вопросы и буквально через 20 минут доложил командиру полка:

— Товарищ подполковник, все готово. Все офицеры свои задачи и порядок взаимодействия знают. Разрешите им отправиться в свои подразделения?

— Разрешаю, — ответил командир полка. — Время огневой подготовки и начало атаки — отдельным распоряжением. Всем можно идти. Заместителю командира по политчасти и начальнику штаба полка остаться.

Все было ясно. Будут объяснения. Но все были вроде довольны, что «новобранцам» преподнесен необходимый урок. Жаль только, что речь шла о человеке, занимающем высокий пост, да с седой головой. Поэтому хоть и были довольны, но внутренне — переживали.

Мы молча шли вдвоем с заместителем начальника штаба

полка майором Ф. И. Кауном.

— Да, плохо получилось… А ведь воевать-то вместе, — как бы в раздумье сказал Каун. — Какой-то он странный. Приказал переписать все наградные листы, составленные за форсирование Одера и бои на плацдарме, уже подписанные Коноваловым. Сказал, что сам будет подписывать. Но ведь мы воевали, когда его еще не было?! Сказал, что не все представленные заслуживают награждения.

Мы продолжали идти. Я не хотел поддерживать этот разговор. Но понимал, что таких отношений не должно быть, тем более на войне.

К бою все было готово. После мощного короткого огневого налета подразделения нашего 101-го и соседа справа — 102-го Гвардейского стрелкового полка перешли в наступление. Противник, видно, не ожидая таких действий, побежал, стараясь выскользнуть из кольца окружения. Преследуя отходящих немцев, мы соединились с частями 32-го Гвардейского стрелкового корпуса 5-й Ударной армии. В районе Ной-Блейм, Кубрюккен, Форштадт, Безымянный остров на реке Одер и мукомольный завод попала в окружение значительная вражеская группировка. Началась операция по ее уничтожению. Как и предполагалось, противник, чей передний край проходил по дамбе, полностью использовал арсенал вооружений своей крепости. Это накладывало на всю обстановку тяжелый отпечаток. Стало ясно — в тылу нельзя было оставлять этот окруженный гарнизон!

Командир корпуса решил на главный остров, где располагался основной город, высадить десанты с востока и запада. Сделать это на лодках — скрытно и внезапно, под интенсивным прикрытием дымовых завес.

27 марта командир дивизии отдал приказ: 100-му Гвардейскому стрелковому полку провести десантирование, 101-му Гвардейскому стрелковому полку овладеть дамбой северо-восточнее Кица и огнем поддержать десанты. 102-му Гвардейскому стрелковому полку поддерживать десант с юго-запада.

Наша дивизия действовала в тесном взаимодействии с 82-й Гвардейской и 416-й стрелковыми дивизиями. Но противник, контратакуя пехотой и танками, решил ликвидировать захваченные на острове подразделениями 100-го Гвардейского стрелкового полка плацдармы. Однако два других полка дивизии активно поддерживали действия наших подразделений на острове и не дали противнику выскользнуть по перемычкам через рукава Одера из окружения и уйти на запад.

30 марта дивизия фактически силами штурмовых отрядов

ликвидировала немецкий гарнизон в Кюстрине. Было уничтожено более 1000 человек и взято в плен 950 солдат и офицеров, захвачено большое количество техники, вооружений, боеприпасов. Таким образом, угроза, которая постоянно присутствовала на правом фланге 8-й Гвардейской армии, была ликвидирована. Плацдарм на Одере для войск армии был расширен.

С окончанием боев за Кюстрин войска нашей армии закончили проведение частных операций по созданию благоприятных условий войскам на западном (левом) берегу Одера, что, несомненно, положительно сказалось при подготовке и проведении Берлинской операции.

В связи с этим резонно еще раз обратить внимание читателя на тот факт, что войска 1-го Белорусского фронта не могли с ходу форсировать Одер в феврале, продолжить свое наступление и развить продвижение на Берлин без паузы. А мысль такая в высказываниях некоторых полководцев присутствовала. Но здесь, очевидно, просматривались элементы авантюризма, что повлекло бы за собой тяжелые последствия. А этого мы не могли допустить, тем более на завершающем этапе войны в целом.

Между тем немцы бросали на защиту Берлина и его подступов все и всех — от малолетних подростков до глубоких стариков, обученных стрельбе фаустпатроном. Полоса от Одера до Берлина была максимально подготовлена к обороне. О боях в Кюстрине здесь было сказано весьма в общих чертах. А ведь фактически драться приходилось так, что, пока весь дом не разрушишь, взять его было невозможно.

С падением Кюстрина формально можно было считать, что путь на Берлин открыт. Но это так только для прессы. Фактически же с крушением этой крепости ожесточенность боев и сопротивление противника приобрели еще более высокую фазу. Все-таки надо отдать немцам должное — не только фанатизм управлял их чувствами и действиями, но и патриотизм — такой, как они его понимали. Не будем разбирать, на какой почве все это зиждилось, но слово «Фатерланд» для каждого немца было священным.

Немецкое командование сделало все, чтобы сосредоточить основные оставшиеся силы на защите Берлинского направления и столицы непосредственно. Учитывая теперь уже скромные возможности в ресурсах и материально-техническом обеспечении, гитлеровский Генеральный штаб не позволял распыления сил и поэтому не проводил каких-либо частных операций и вообще активных действий, в т. ч. на этом направлении. Главной его заботой было — сохраняя живую силу и технику для решающей

схватки, всячески затруднить нашим войскам организованно подготовиться к наступлению. На основе разведывательных данных он постоянно наносил огневые удары артиллерией и авиацией, а по переправе, кроме того, еще и удары самолетами-снарядами.

Только против нашей дивизии противник выдвинул в первый эшелон усиленные артиллерией и танками две свежих, укомплектованных дивизии: 303-ю пехотную и 20-ю моторизованную. Но надо еще иметь в виду, что немецкие войска были буквально завалены боеприпасами, в том числе фаустпатронами, в чем мы убедились, в полную меру ощущая огневые удары на себе. Захватывая позицию за позицией, мы брали в качестве трофеев штабеля снарядов, мин, патронов и других боеприпасов, которые не вмещались в окопы и траншеи и были выложены прямо на грунт. Кстати, сами позиции были оборудованы отлично и в оперативно-тактическом, и в инженерном отношениях. Читатель может представить себе, какое почти неприступное препятствие находилось реально перед нами. Ведь по устоявшимся канонам войны было общеизвестно, что прорыв обороны может состояться в случае, когда наступающий имеет трехкратное превосходство над обороняющимся. У нас же, на этом ответственном этапе, даже по количеству дивизий обстановка сложилась совсем наоборот. А если учесть, что немецкая дивизия количественно превосходила нашу, то у всех возникал вопрос — как же командование намерено решать эту проблему? Тем более когда речь идет о последней решающей операции (правда, после Берлинской еще были тяжелые бои, но Германия уже капитулировала, и те схватки оказались всего лишь инерционными проявлениями маньяков, не хотевших смириться с поражением).

Не менее важным фактором было и то, что противник фактически знал, когда наши войска перейдут в наступление, допускалась ошибка в два-три дня, что для оперативно-стратегической обстановки не имеет никакого значения. О хорошей осведомленности немцев свидетельствует, например, показание пленного немецкого офицера 3-й роты 300-го пехотного полка 303-й пехотной дивизии, захваченного в ночном поиске. Он заявил: «Наступление русских мы ожидали около 12 апреля» (ЦАМО, ф. 345, д. 360, л. 16). У читателя не должно сложиться впечатление, что кто-то где-то что-то недосмотрел: то ли были нарушены меры предосторожности, то ли сказалось несоблюдение маскировки и т. п. Нет, все это у нас было уже отработано прекрасно, и все требования четко выполнялись всеми — от солдата до маршала. Просто такую махину, как ударные

группировки на плацдарме, конечно, невозможно спрятать. А здесь было сосредоточено все на «пятачке». И немцы понимали, что русские не позволят англо-американцам первыми выйти к Берлину. Поэтому несложные аналитические расчеты могли определить предполагаемую дату нашего наступления. Итак, началась Берлинская операция.

На рассвете 14 апреля 1945 года шквал огня обрушился на передний край противника. Проводилась разведка боем в составе усиленного стрелкового батальона от каждой дивизии первого эшелона. Была поставлена задача — уточнение переднего края, системы огня в обороне противника и определение слабых и сильных ее сторон. Цель в основном была достигнута, но противник всю систему своего артиллерийского огня, особенно той ее части, которая была расположена на Зееловских высотах, не раскрыл.

Наша полковая артиллерия и два дивизиона 76-мм орудий артиллерийского полка дивизии были на прямой наводке. Они вели огонь по хорошо разведанным и вновь обнаруженным целям. Минометные подразделения имели свои огни на переднем крае. С переходом от огневой подготовки к огневой поддержке (а это был настоящий огневой вал) артиллерийские орудия от стрельбы прямой наводкой переходили к стрельбе по целям на предельной дальности — кроме 57-мм орудий, которые сопровождают пехоту «огнем и колесами» (есть такое понятие, когда орудия перемещаются вслед за атакующими).

В течение двух дней передовым отрядам удалось вклиниться в оборону противника, местами до пяти километров. Фактически оборона уже была нарушена. Противник понимал обреченность этой полосы и, делая ставку на Зееловские высоты, отводил наиболее мощные артиллерийские средства на этот рубеж. В ответ наше командование вновь организует артиллерийскую подготовку.

Зная точно, во сколько начнется огневая подготовка, и многократно проверив готовность к действиям, все командиры и начальники часа за два-три до ее начала уже были на ногах и все равно находили для себя какую-то работу: что-то еще недосказано, какие-то распоряжения еще не отданы, что-то надо еще допроверить.

Мы все располагались на командно-наблюдательном пункте командира полка подполковника Андреева. Рядом с ним был адъютант и заместитель командира полка по политчасти майор Уткин, радисты и телефонисты. Остальные толкались около моей группы управления, в том числе начальник разведки полка с разведчиками и полковой инженер. В 4.55 майор Каун негромко и

так, чтобы слышали все, сказал:

— Осталось пять минут.

И вздохнул. Внутреннее напряжение поднялось до предела.

16 апреля за два часа до рассвета, фактически еще в сплошной ночной тьме, вдруг в небе появился яркий луч прожектора и встал вертикально, как огромная хрустальная колонна, привлекая внимание и завораживая всех вокруг на многие десятки километров. Это был сигнал! Буквально через несколько секунд мир перевернулся. 140 прожекторов, установленных по всему фронту через 200–300 метров, осветили яркими (в 700 миллионов свечей каждый прожектор) лучами все поле боя, ослепляя у противника всех и все. И сразу же все вокруг загрохотало. Началось артиллерийское наступление 1-го Белорусского фронта. Главным дирижером этого огромного артиллерийского оркестра был знаменитый военачальник — командующий артиллерией фронта Герой Советского Союза генерал-лейтенант Пожарский. На участках прорыва у нас было 300 артиллерийских и минометных стволов на один километр фронта!

Через 25 минут огневой подготовки в небе снова появился вертикальный луч прожектора. Это был сигнал пехоте и танкам к атаке, а для артиллерии — переходу к огневому валу — сопровождению пехоты и танков.

Танки и самоходно-артиллерийские установки двигались в боевой линии на высокой скорости и с включенными фарами, ведя огонь на ходу. Пехота быстрым шагом и перебежками старалась не отставать от танков и также периодически, на ходу, открывала огонь, встречая на своем пути сопротивление. Все двинулось к Зееловским высотам.

Артиллерия нашей дивизии, полностью участвуя в артиллерийском наступлении, по мере продвижения войск первого эшелона корпуса вперед — это были 47-я и 57-я Гвардейские стрелковые дивизии, — подключалась к своим частям, которые передвигались в предбоевом порядке во втором эшелоне. Преодолев с боями 8-километровую полосу обороны противника, наша армия уперлась в Зееловские высоты, которые фактически составляли основу всей обороны противника.

Командарм генерал Чуйков, стремясь развить наметившийся в полосе 47-й Гвардейской стрелковой дивизии успех, решил ввести в сражение нашу 35-ю Гвардейскую стрелковую дивизию на правом фланге 4-го Гвардейского стрелкового корпуса. Одновременно на это место перемещает 82-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. Для прорыва обороны на Зееловских высотах в течение следующей нючи создается необходимая

группировка войск и вновь готовится артиллерийское наступление, в том числе три-дцатиминутная огневая подготовка атаки. Данные по целям этой полосы были приобретены в течение наступления с плацдарма, плюс по данным аэрофотоснимков. Кстати, к концу войны это вообще у нас приобрело масштабный характер — авиационные разведданные получали даже в стрелковом полку.

Части 35-й Гвардейской стрелковой дивизии, используя результаты огневой подготовки артиллерии и удар 11-го танкового корпуса, с тяжелыми боями, но прорвав оборону противника в районе высоты с отметкой 58.9, вышли к реке Флис, которую к исходу дня форсировали на участке Альт-Розенталь — Гермедорф. Это создало благоприятные условия для развития наступления 4-го Гвардейского стрелкового корпуса и армии в целом. Таким образом, наша дивизия в полосе армии сыграла на этом этапе решающую роль. Важно отметить, что противник почти непрерывно проводил контратаки, подбрасывая свежие резервы. В этих боях у нас погиб отличный офицер — старший лейтенант Павел Шелудько, который командовал 57-мм батареей противотанковых пушек. Не один танк противника был на его счету. Среди артиллеристов, которых я знал, это был самый храбрый и отважный офицер. Он всегда был на острие, там, где было пекло. Еще только намечается на каком-то участке полка прорыв танков противника — он уже со своей батареей тут как тут. И как бы тяжело ни было, Павел всегда улыбается.

Осталось до Берлина всего несколько километров, а мы похоронили Павлика. Так в конце войны мы продолжали терять своих боевых товарищей. А они были для нас как родные.

Операция продолжалась. Нашу дивизию усилили двумя танковыми бригадами — 35-й и 65-й. И поставили задачу — завершить прорыв обороны противника на Зееловских высотах на всю глубину. Дивизия, напрягая все силы, справилась с этой задачей.

Важнейшим и решающим, на мой взгляд, историческим элементом в действиях командующего 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жукова было принятие им решения о вводе в сражение в середине дня 16 апреля сразу двух танковых армий. Это был большой риск. На карту ставилась судьба операции. Дело в том, что после мощной артиллерийской подготовки войска первого эшелона первые два-три часа наступали успешно. Для большей наглядности о представлении существа и содержания огневой подготовки, которая длилась всего 30 минут, читатель может судить даже по одному факту: за это время было израсходовано 500 тысяч снарядов и мин, что составляет тысячу вагонов!

Итак, первоначально войска наступали более-менее успешно. Но чем дальше, тем сопротивление противника усиливалось. Опираясь на систему инженерного оборудования высшего класса и вводя все новые и новые резервы, он гасил темпы продвижения 1-го Белорусского фронта. А совершить крупный маневр вправо или влево от Зееловских высот было нельзя, о чем мы раньше уже говорили. Надо было протаранить оборону именно на Зееловских высотах и во что бы то ни стало сломить сопротивление немцев. Сделать это в прежнем построении было невозможно. Вот почему в сражение была брошена главная ударная сила фронта — танковая армада.

1-я Гвардейская танковая армия генерала М. Е. Катукова действовала в полосе и совместно с соединениями 8-й Гвардейской армии. А 2-я Гвардейская танковая армия генерала С. И. Богданова — в полосе 3-й и 5-й Ударных армий фронта. Это было труднейшее испытание. Медленное продвижение 1-го Белорусского фронта, по мнению Ставки ВГК, ставило под угрозу срыва выполнение задачи по окружению Берлина, что было предусмотрено замыслом операции.

Поэтому командующим 2-го Белорусского фронта и 1-го Украинского фронта (т. е. соседям нашего фронта) была поставлена задача максимально ускорить темпы продвижения этих фронтов и тем самым содействовать 1-му Белорусскому фронту. Одновременно и командующему 1-м Белорусским фронтом было дано указание увеличить темпы наступления. С этой целью подтянуть всю тяжелую артиллерию ближе к переднему краю и решать боевые огневые задачи в двух-трех километрах от передовых частей, что должно улучшить взаимодействие с войсками.

Все эти крупные решения претворялись в практические действия войск уже в середине дня 19 апреля. Части 35-й Гвардейской стрелковой дивизии «пробили» третью оборонительную полосу противника и прорвались в Оберсдорф. Командир дивизии полковник Г. Б. Смолин уже вскоре докладывал командиру корпуса об организации преследования отходящего противника.

20 апреля 1945 года можно было однозначно утверждать, что обстановка в полосе всех трех фронтов (справа налево: 2-й Белорусский фронт, 1-й Белорусский фронт и 1-й Украинский фронт), от действий которых зависела судьба завершения Второй мировой войны в Европе, складывалась благоприятно.

Поэтому Ставка ВГК, предвидя ход развития событий, направляет директиву командующим этих трех основных фронтов, а также командующему Бронетанковыми и

механизированными войсками, командующему Военно-Воздушными силами, в которой требует установить знаки и сигналы опознавания и взаимодействия с войсками союзников. В целях избежания перемешивания войск рекомендовалось определить временную оперативно-тактическую разграничительную линию между нашими и англо-американскими частями.

В связи с предстоящими боями в Берлине обращалось внимание на организацию противником обороны столицы Германии.

Наши войска еще стояли на Висле, англо-американ-ское командование пока не видело выхода из ситуации, сложившейся в Арденнах, а гитлеровское командование уже организовывает инженерные мероприятия по созданию неприступной обороны Берлина, проводит тотальную мобилизацию мужского населения и ставит в строй всех, кто способен стоять на ногах и держать любое оружие.

Принципиально это была круговая оборона. Она состояла из внешнего, внутреннего и городского оборонительного обводов. Кроме того, в центре города, начиная от рейхстага, был ряд объектов, которые в свою очередь готовились автономно к обороне, как крепость.

Внешний оборонительный обвод проходил по окрестностям столицы. Он состоял из системы опорных пунктов, имеющих единую систему огня. Этот обвод считался как бы передовым краем обороны города, и ему уделялось особое внимание.

Внутренний оборонительный обвод проходил по набережной реки Шпрее и канала. Он тоже состоял из опорных пунктов, а их ядром были мощные каменные здания, нашпигованные автоматическими пушками, крупнокалиберными пулеметами и фаустниками (стрелками фаустпатронов).

Все пригороды и дачные поселки между оборонительными обводами также были превращены в опорные пункты. А все то, что находилось уже в самом внутреннем оборонительном обводе, максимально рассматривалось только с позиций обороны — от метро, коллекторов, водосточных каналов и подвальных помещений до заводских труб, чердаков зданий, вышек и различных высотных сооружений. Внутренний оборонительный обвод уже имел на каждой улице каскад баррикад, а городской оборонительный обвод вообще имел сплошные заграждения на всех улицах. Из каждого или почти каждого окна полуподвального помещения торчал ствол орудия.

Берлин, фактически превращенный в гигантскую крепость, состоял в свою очередь из множества самостоятельных крепостей.

Всю эту махину оборонял 200-тысячный гарнизон отборных войск, в основном члены нацистской партии и гитлерюгенда (не считая тотально мобилизованного населения города и его окрестностей). Подразделения гитлеровских войск имели очень конкретные задачи. Когда кто-то из них попадал к нам в плен, то показывал одно и то же: «Мне приказано вместе с (перечисляет) оборонять квартиру на третьем этаже дома», а в этой квартире у него был необходимый запас боеприпасов, продовольствия, воды, медикаментов, керосина и т. д.

Читатель может себе представить сложность положения наших войск, которым предстояло штурмовать эту цитадель фашизма.

Но опыт у войск 8-й Гвардейской армии в ведении и уличных боев, и штурма зданий был большой, начиная со Сталинграда. Уже там мы создавали штурмовые отряды или группы для того, чтобы отбить у противника какое-то здание. Уже тогда прошли хорошую в этом отношении подготовку. И так каждый раз, когда на протяжении войны приходилось вести бои в городе. Последними перед Берлином такие бои были в Познани и Кюстрине. Нашей дивизии пришлось немало повозиться с Кюстрином, а также с пригородом Киц — крепости в основном состояли из фундаментальных зданий. Фактически бои в Кюстрине были для наших войск хорошими репетициями перед штурмом Берлина. Кстати, Василий Иванович Чуйков накануне наступления с Одерского плацдарма написал и широко распространил в войсках статью в армейской газете. Она называлась: «Как действовать в бою за населенный пункт». Конечно, каждому из нас было понятно, что все это относится к действиям в Берлине. Фактически это была памятка для каждого. Тертому воину (офицеру или солдату) она на всякий случай напоминала все необходимое, а молодых подробно и доходчиво учила, начиная с азов и до крупных вопросов.

Итак, к исходу 19 апреля оборона на Зееловских высотах была прорвана и брешь на Берлин была наконец пробита. А 20 апреля стал знаменательным для всех не только тем, что Ставка ВГК уточнила задачу, но и тем, что дальнобойная артиллерия уже стреляла по Берлину, а наша полковая и дивизионная артиллерия 35-й Гвардейской стрелковой дивизии — по пригороду столицы Германии.

Разве мог я подумать в 42-м и даже в 43-м году, что вот так конкретно буду ставить боевую задачу на открытие огня по объекту, который расположен в пригороде Берлина? А через сутки-двое уже по самому Берлину? Да нет, конечно! Или когда я в 41-м году учился еще в училище, разве могла прийти мне такая

мысль, что я буду вести огонь по столице Германии и, отдавая команду, даже добавлять такие слова: «По фашистскому логову — Берлину залпом огонь!» (Эти добавления к командам делались с целью поднятия духа личного состава.) У меня была, конечно, уверенность, что мы победим. Я верил в это даже в самые страшные и горькие дни 1941 года. Тем более что Сталин сказал четко и ясно: «Враг будет разбит, победа будет за нами». А раз сказал Сталин, то так и будет. И не надо было ему для вселения уверенности в народ говорить, что, мол, если не победим, то я лягу на рельсы. Это было бы смешно.

Это после него в стране все пошло кувырком, особенно в 80-х. А в 90-х годах начался форменный кавардак. «Вожди» говорили и обещали одно, а сами делали другое. Криминальные же силы творили то, что считали нужным, они уже всем дали понять, что никакой — ни законодательной, ни исполнительной, ни тем более судебной власти не признают — законная власть ничего не значит, а только вот их решения определяют судьбу страны. Все эти фигуры и структуры, как-то президент, правительство, Федеральное Собрание, суды, для них это политическая мишура, марионетки. Они якобы существуют для приличия, создавая этой политической бутафорией видимость демократии. И они правы — ни малейших признаков демократии не наблюдается — все поглощено Ельциным. Сей царь, например, в перерывах между рыбной ловлей и прогулкой сказал: «Дума — это для меня ноль!» Значит, и для всех она должна быть нулем, в том числе и для десятков миллионов избирателей. Поэтому была и вся зависимость Думы от царя — и финансовая, и материально-техническая, и социальная, и охранная, и т. д. Захочет царь, чтобы Дума как-то суетилась, изображала свою деловитость, — она это делает. Захочет царь ее прихлопнуть — пожалуйста, это можно сделать в любую минуту. Захотел же он уже однажды «разогнать съезд к чертовой матери» — разогнал. И не просто разогнал, а расстрелял из танков. Такие бои и сражения ведет царь — «Верховный главнокомандующий». В этом вся его суть. Плюс, разумеется, запои.

А у Сталина заботы были другие — о стране, о государстве, о народе, о Победе, о перспективе развития Великой державы. Сказал Сталин: «Надо Берлин окружить и взять нашими советскими войсками!» И было сделано так, как он сказал.

21 апреля 1945 года был днем для всех нас и для меня лично историческим. Нашей советской артиллерией, в том числе нашей дивизией и нашего полка, проводился массовый обстрел Берлина. В этот день 8-я Гвардейская армия совместно с 1-й Гвардейской танковой армией вышла на внешний оборонительный обвод

немецкой столицы.

22 апреля создались все условия для полного окружения и рассечения Берлинской группировки. С севера и северо-запада, а также с востока и юго-востока Берлин охватывали войска 1-го Белорусского фронта — 47-я армия совместно со 2-й Гвардейской танковой армией. Они вышли севернее Потсдама, развивая наступление на Бранденбург, и находились всего в нескольких десятках километров от 4-й Гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, которая вышла западнее Потсдама и тоже наступала на Бранденбург. В то же время соединения 8-й Гвардейской армии совместно с 1-й Гвардейской танковой армией 1-го Белорусского фронта, прорвав внешний обвод Берлина и овладев станцией Эркнер, охватывали Берлин с юго-востока и своим левым флангом находились в 10–12 километрах от правого фланга 28-й армии и 3-й Гвардейской танковой армии 1-го Украинского корпуса — в районе Бансдорф, Малов, Цоссен.

Таким образом, соединения 1-го Белорусского фронта совместно с соединениями 1-го Украинского фронта создавали надежное внутреннее и внешнее кольцо окружения, захлопывая все выходы из Берлина на запад.

Одновременно 9-я полевая и 4-я танковая армии противника отсекались от главных сил и окружались нашими войсками юго-восточнее Берлина. А соединения 5-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта штурмуют Берлин прямо с востока, используя штурмовые действия 3-й Ударной армии с севера и 8-й Гвардейской армии с юго-востока.

Оперативными планами Ставки ВГК предусматривался (и были отданы распоряжения) выход на линию соприкосновения с союзными войсками (в основном по реке Эльбе) силами:

— 2-го Белорусского фронта — на рубеже Виснар, Людвигслуст, Виттенберг;

— 1-го Белорусского фронта — на рубеже исключительно Виттенберг, Зандау, Бурб;

— 1-го Украинского фронта — на рубеже Магдебург, Дессау, Вурцен и далее по реке Мульде.

22 апреля 1945 года знаменательно еще одним важным событием — Гитлер в имперской канцелярии провел фактически последнее крупное совещание с гитлеровским руководством, на котором присутствовала вся верхушка военной власти. Судя по его поведению, он был уже полностью подавлен и соглашался практически с любыми предложениями генералов. В частности, было принято предложение начальника штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта Альфреда Йодля о снятии с западного фронта всех без исключения войск

(т. е. войск, противостоящих нашим союзникам) и немедленной переброске их на защиту Берлина. В развитие этой идеи 12-й армии, которая занимала оборону на реке Эльбе, была поставлена задача выдвинуться на Потсдам, Берлин и соединиться с 9-й армией, которая уже была в полуокружении. Для координации действий 12-й и 9-й армий в 12-ю армию Гитлер направил фельдмаршала Кейтеля. Гитлер рассчитывал ударом 12-й армии с запада и армейской группы Штейхера с севера не допустить полного окружения Берлина советскими войсками. А учитывая, что к этому подключалась в его планах 9-я армия и часть 4-й танковой армии, которые находились юго-восточнее Берлина, да плюс 200-тысячный гарнизон непосредственно Берлина, то в целом и силы, и поставленные задачи, казалось, вполне реалистично могли отражать замысел и достижение поставленных целей.

Однако это только казалось. Фактически же уже никто и ничто не могли помешать осуществлению плана Ставки ВГК Советского Союза. Мощнейшая машина нашей армии, которая к концу войны приобрела поистине богатырскую мощь и силу, давила на своем пути все, что пыталось оказывать сопротивление. Уже никакие оборонительные рубежи или промежуточные позиции, никакие контрудары и тем более контратаки не могли остановить продвижение наших войск. И они действовали точно так, как были нанесены стрелы ударов на плане завершающей Берлинской операции.

Для поднятия морально-боевого духа в решающей схватке Военный совет 1-го Белорусского фронта направил в войска «Обращение к воинам». В нем говорилось:

> «Сегодня боевые знамена наших боевых частей уже победоносно реют над окраинами и пригородами Берлина.
>
> Настал решающий час. Для вас не было препятствий ни у стен Сталинграда, ни в лесах и болотах Белоруссии. Вас не сдержали мощные укрепления, которые вы преодолели на подступах к Берлину. Перед вами, советские богатыри, Берлин!
>
> За честь нашей Родины, вперед на штурм Берлина!»

35-я Гвардейская стрелковая дивизия 22 апреля захватила станцию Ландсберг, 23 апреля — Мальфсдорф — Зунд, а 24 апреля форсировала реку Шпрее и достигла станции Трептов-парк. Мне запомнился один тяжелый случай, происшедший на перекрестке у этой станции. Захватывая одно здание за другим, штурмовые группы относительно неплохо продвигались вперед.

Иногда, к сожалению, допускались огрехи: какой-нибудь этаж или квартиру забывали «провентилировать», наши подразделения уходили вперед, а там оставались немцы-фанатики, которые затем открывали огонь в спину. Были напрасные жертвы. И все потому, что срабатывал фактор русской доверчивости: несколько квартир подряд выбросили в окна белые флаги (в основном простыни) — наши решали, что здесь люди настроены мирно, и шли дальше. А им в затылок — очередь из пулемета или фаустпатрон. Такая вот доверчивая русская душа. А потом бойцы возвращались к этим белым флагам и огнем и гранатой вышибали гадов. Но много было и таких, которые искренне хотели сохранить свои жизни и выбрасывали белое полотнище, не используя этот шаг в коварных целях. Такие этажи и квартиры проверяли, но жителей не трогали, оружие, правда, отбирали.

На одном из перекрестков у станции Трептов-парк стоял, опустив дуло огромного ствола, сгоревший «фердинанд» (самоходно-артиллерийская установка). Вблизи — разбитый крупным снарядом бронетранспортер. Все люки и дверцы распахнуты. Снаряд ударом в лобовую часть разворотил броню, как консервную банку. Внутри валялось несколько изуродованных трупов немецких солдат. А у бронетранспортера лежал на спине, разбросав руки, молодой, крупный телом ефрейтор с оторванной ногой и торчащей, как костыль, без мышц, берцовой костью. Живот у него был разорван, и красно-голубые кишки вывалились наружу. Немецкий солдат был в шоке — широко раскрытые глаза смотрели в небо. Слегка перекошенный рот подрагивал. Совершенно стихийно мы сгрудились у этого умирающего человека. Кто-то подложил ему под голову какие-то тряпки. Так ему должно быть легче.

— Надо же что-то с ним делать, — сказал один из нас.

— А что делать? Он уже не жилец. Надо пристрелить, чтобы не мучился, — предложил другой.

— Ни в коем случае! Надо помочь.

Кто-то побежал за медиками. Вскоре появились двое — санинструктор и медсестра. Вначале они растерянно стояли, не зная, с чего начать. Затем быстро раскрыли свои пухлые сумки, сделали ему укол и приступили к «работе».

Таков он, наш русский характер. Разве можно бросить человека, когда его постигла такая страшная беда, даже если он минуту назад был враг и стрелял в нас? Нет, ни мстить, ни измываться над беззащитными людьми мы не можем.

Я отошел — не мог больше смотреть на эту тяжелую картину. Наша ячейка управления двинулась вслед за передовыми подразделениями.

И опять стреляли в нас, а мы стреляли в них. Ранили и убивали. А я все думал об ужасной участи изуродованного немецкого ефрейтора. Жизнь еле-еле держалась в нем и надежд на выздоровление было мало. Но ведь кто-то должен ответить за жизни погибших и изуродованных советских, американских, английских, французских, немецких, итальянских, венгерских, румынских, польских, чехословацких, болгарских, албанских, югославских и других солдат и безвинных гражданских людей, особенно детей?! Ведь человечество в конце концов должно сделать для себя здравый вывод, который был бы выше всех звериных устремлений капитализма к постоянному и безмерному обогащению, что в итоге приводило к войнам, гибели миллионов. Ведь вечно так продолжаться не может?!

Вот с такими наивными мыслями я продолжал войну во имя того, чтобы на земле вообще никогда больше не было войн. А на следующий день нам сообщили: немецкий снайпер выстрелом в голову убил любимца нашей дивизии командира 100-го Гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника Алексея Михайловича Воинкова. Это была тяжелейшая утрата. Мне просто не верилось, что он погиб. Ведь с ним вместе довелось воевать в 43-м, весь 44-й и часть 45-го годов. Такой тяжелый путь был позади! Такие жестокие бои и дикие «переплеты», в которые мы попадали. Но все прошли и перенесли, и вот теперь, когда осталось всего несколько дней до Победы, — вдруг… смерть. И тогда, и сейчас я уверен в том, что только отсутствие рядом с ним надежного друга, к которому он прислушивался, привело его к гибели.

Нет, рядом с ним надежный боевой друг был — старший лейтенант Николай Королев, его адъютант. Не раз он в буквальном смысле слова спасал своего командира. Но Алексей Михайлович частенько не прислушивался к нему, и тогда уже приходилось подключаться мне. Мы, так сказать, двойной тягой влияли на командира и частенько отговаривали его от ненужных опрометчивых шагов, которые могли привести к беде. Особенно он горячился во время контратак противника, или когда мы не могли продвинуться ни на метр, а надо было наступать. Конечно, каждый раз, анализируя ситуацию, мы, хоть и затрачивали на это время, все же находили причину и ключ к решению проблемы. И он всегда был благодарен нам. У нас уже утвердился «наш» метод организации и ведения боя, «наш» метод взаимного общения и взаимоотношений. Это создавало, так сказать, свой микроклимат, нашу дружную фронтовую семью, где каждый понимал друг друга с одного взгляда.

И вдруг после непродолжительного нашего совместного

пребывания в дивизионном медико-санитарном батальоне это сложившееся ядро решением командира дивизии полковника Смолина было разрушено. Мое переназначение из 100-го в 101-й Гвардейский стрелковый полк он объяснил мне тем, что это делается якобы для «подкрепления» нового командира полка подполковника Андреева, не имевшего боевого опыта. Внешне казалось это обоснованным: действительно, я имел более чем полуторагодичный опыт пребывания на фронте уже в должности заместителя командира полка — начальника артиллерии стрелкового полка. Но фактически причины были другие. Смолин почему-то завидовал, что у нас сложился такой дружный коллектив: командир полка Воинков, начальник штаба полка Васькин, заместитель командира полка по политчасти майор Иванов, заместитель командира полка по артиллерии Варенников, адъютант командира полка старший лейтенант Королев. Мы с Воинковым обычно находились на наблюдательном пункте, а Васькин с Ивановым — в штабе полка. Заместитель командира полка по общим вопросам майор Постников держался несколько особняком, но отношения с ним у всех были нормальные.

Казалось, командиру дивизии надо беречь то, что сложилось у нас. Однако, видно, между Воинковым и Смолиным были особые отношения. Уж очень официально относились они друг к другу, а когда в нашем кругу упоминалась фамилия Смолина, то Воинков умолкал и разговора не поддерживал. Это было очень заметно. Поэтому каждый из нас старался не произносить эту фамилию. Хотя в принципе я лично к Смолину относился с большим уважением, как к боевому офицеру, который, несмотря на потерянную в бою руку, продолжал воевать на фронте и успешно командовать вверенными ему подразделениями и частями.

Не поймите меня превратно: я вовсе не хочу обосновать гибель Воинкова моим переводом в соседний полк и тем самым возложить ответственность за эту трагедию на комдива Смолина. Он, конечно, не желал такого исхода. Но факт остается фактом: его решение о моем переводе все-таки тоже явилось причиной смерти Алексея Михайловича. Уже после боев, когда нашу дивизию вывели из Берлина, мы как-то встретились с Николаем Королевым, и я попросил его рассказать, как это все произошло. Вот что я услышал:

— Алексей Михайлович, конечно, переживал разлучение с вами, хотя и не высказывал этого. Новый заместитель командира полка по артиллерии не только не сблизился с ним, но держался как-то обособленно. Разговор вел в основном по телефону, хотя и

находился неподалеку. Но командир полка задачи ему ставил постоянно. И однако все это было не то. Все помнят, что вы постоянно лично и по телефону общались с командирами батальонов, отлично знали обстановку и их запросы, сами проявляли инициативу в подавлении целей, а затем уже докладывали командиру. И он это оценивал.

Что касается влияния на Алексея Михайловича со стороны нового полкового артиллериста, то оно было нулевым, а я не всегда мог его удержать. Так получилось и в том бою за пригород Берлина. Воинков нервничал: правофланговый и левофланговый батальоны выдвинулись вперед, а центральный 3-й стрелковый батальон отстает. Он на него нажимает и так, и этак. Спрашивает: «Что тебе мешает и нужен ли огонь артиллерии?» Тот отвечает: «Не нужен». Воинков предлагает ему, чтобы правофланговый батальон, который прошел далеко вперед, развернулся и ударил по тылам противника и тем самым создал бы благоприятную обстановку 3-му батальону. Командир батальона говорит, что может произойти перемешивание подразделений и что перебьем друг друга. И был прав.

Тогда Воинков, располагаясь со своим наблюдательным пунктом на втором этаже одного из коттеджей, начал бегать с биноклем от окна к окну, отыскивая место, откуда можно хорошо разобраться с положением подразделений первого эшелона полка. Точнее, всех штурмовых отрядов. Я предлагал Алексею Михайловичу вести наблюдение, используя стереотрубу, но вы же знаете его?! Не успел он подойти к окну в соседней комнате, как снайпер поразил его прямо в лоб. Он рухнул на спину, даже не вскрикнув. Умер сразу. Это был удар для всего полка. Молва о гибели командира разнеслась по всем подразделениям. Горе так ожесточило людей, что уже никто и ничто не могло их удержать.

Королев умолк, в глазах его стояли слезы. Я тоже чувствовал, как у меня сдавливает горло. Мы посидели, помолчали, повздыхали. Пообещали встретиться и еще поговорить на эту тему. Но военная служба разбросала нас по всей стране. Так мы с Николаем больше и не встретились. Он уволился из армии по болезни и жил на родине, в Белоруссии.

Между тем бои за Берлин с каждым днем принимали все более ожесточенный характер. Учитывая, что войска 1-го Украинского фронта уже к исходу 22 апреля вышли к южной окраине Берлина и западнее его, Ставка уточняет разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В течение 23 и 24 апреля были разрешены все судьбоносные в Берлинской операции проблемы. А уже 25 апреля был создан внешний фронт окружения с выходом на реку

Эльбу. В этот же день наши войска встретились с американцами в районе Торгау.

После успешных действий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов была уточнена задача и для 2-го Белорусского фронта. Первоначально он обязан был обходить Берлин с севера, чтобы создать благоприятные условия 1-му Белорусскому фронту. Теперь же Ставка ВГК поставила задачу ему — нанести удар в обход Штеттина с запада.

С выходом наших войск на Эльбу разделение Германии на две — Западную и Восточную — стало де-факто.

35-я Гвардейская стрелковая дивизия, форсировав реку Шпрее, 24 и 25 апреля штурмовыми действиями захватила целые кварталы города. Наступая на Ангальский вокзал, части дивизии 27 апреля вышли к правительственным зданиям.

В районе одной из станций метро наши штурмовые отряды прорвались в туннель подземки. Фашисты, спасая свою шкуру и совершенно не думая даже о своих согражданах-немцах, отдают приказ — открыть шлюзы и пустить воды реки Шпрее в метро. Жестокость, варварство и бесчеловечность сопровождали немецкий фашизм на протяжении всего времени его существования. Но они проявлялись, в первую очередь, по отношению к другим народам. Что же касается своих соотечественников, то гитлеровцы под видом соблюдения, так сказать, «чистоты расы» истребляли евреев и коммунистов. Эта омерзительная логика и «обоснование» выражали их нацистскую суть. Но как объяснить уничтожение тысяч немцев затоплением тоннелей метро? Мирные жители в поисках спасения вместе с детьми прятались в подземелье, а их безжалостно уничтожили их же соотечественники. Почему?! Мы, советские солдаты, были потрясены. Ведь в тоннелях метро находились не только женщины, дети и старики. Здесь размещалось множество госпиталей. Тысячи раненых солдат и офицеров германской армии надеялись остаться в живых независимо от исхода войны, и они тоже погибли при затоплении метро фашистами.

А сколько здесь погибло наших воинов из передовых подразделений, которые первыми овладели станциями и подземными сооружениями метро! Они должны были разоружить немецких солдат, в случае оказания сопротивления — уничтожить, а также разминировать и снять имевшиеся здесь фугасы. Располагая подробным планом Берлина и схемой метро, подразделения могли без потерь продвигаться под землей в интересующие их районы. Очевидно, это и послужило основной причиной вандализма немецкого командования. Естественно, наши подразделения погибли вместе с немецкими мирными

жителями.

Это дикое, особо жестокое преступление вызвало возмущение воинов нашей дивизии, да и вообще всех солдат и офицеров. Поэтому уничтожение озверевшего противника проходило с еще большим ожесточением.

Все улицы простреливались в буквальном смысле не только вдоль и поперек, но и сверху — с чердаков и снизу — из подвалов и цоколей, поэтому при штурме очередного здания нередко приходилось взрывом пробивать соседние стены, после чего в эти проемы устремлялись штурмовые группы. Минометчики и огнеметчики шли вместе с ними. Удавалось протащить даже 57-ми или 76-миллиметровые полковые орудия. Главное в нашем деле было овладеть первым этажом. Это залог успеха. Первый этаж позволял действовать и вниз, и вверх, общаться с соседними зданиями, с улицей. Захватив первый этаж, воины огнеметами и гранатами выкуривали тех, кто не сдавался.

Утром 27 апреля дивизия передовыми подразделениями форсировала Ландвер-канал, а к середине дня уже перебросила основные силы на другую его сторону и овладела перекрестком знаменитой Вильгельмштрассе и соседней улицы. Разгорелись бои за центральные здания на перекрестке и этих улицах. У противника действовали отборные части. Их хорошо поддерживали артиллерия и минометы из районов Тиргартен-парка и скверов западнее рейхстага.

Ситуация ничем не отличалась от Сталинграда. Во многих местах что-то горело, а кое-где просто полыхало. Что может гореть в уже разрушенном и фактически сгоревшем городе? Нет, все-таки горело, и над развалинами огромного с сохранившимися остатками старинной и ультрасовременной архитектуры города висели облака дыма и пыли. Снаряды и мины рвались беспрерывно, время от времени мощные взрывы вздыбливали землю, здания, развалины. Мы знали, что это фугасы или специальные заряды. А на пулеметные и автоматные очереди вообще уже не обращали внимания, как и на разрывы гранат или отдельные выстрелы. Во рту пересохло, на зубах хрустит песок. Глаза от бессонных ночей покраснели, в ушах постоянно гудит, их периодически закладывает, как на самолете при взлете и посадке. Лица у всех грязные, руки кровоточат от ссадин. В общем, это не прогулка по Арбату, а самое настоящее добивание зверя в его логове. Любой раненый зверь, а тем более такой, как гитлеровские фашисты, идет на все, чтобы выжить. Потому бои на берлинских улицах отмечались особой жестокостью. Наиболее зловещий характер приобретали бои ночью, когда мы или немцы пытались под прикрытием тьмы совершить какой-либо маневр.

Замысел сразу вскрывался, и тут же завязывались рукопашные схватки.

Сейчас, вспоминая те бесконечно долгие и тяжелые дни и часы, поражаешься многому из того, что пришлось тогда пережить. Но особенно двум обстоятельствам.

Первое — откуда у человека сила? Что еще, живое, может выдержать такое напряжение? Ведь с 16 по 27 апреля мы были, не сомкнув глаз, постоянно в боях. Причем их накал возрастал изо дня в день. И вместе с этим у нас откуда-то бралась все новая и новая сила. Конечно же, это был морально-психологический фактор, та сила духа, которая всегда отмечала русского и советского солдата. Именно сила духа стимулировала каждого из нас, поддерживала, подсказывала, что эти дни решают все, за ними грядет возмездие за многолетние страдания нашего народа и Отечества, за гибель десятков миллионов невинных советских людей, за угнетение и издевательства над угнанными в рабство, за кошмар, пережитый узниками концлагерей. Нет, солдат не может себе позволить расслабиться в такое ответственное, поистине историческое время.

А второй момент — это общая обстановка в этом огромном городе. На первый взгляд, можно было подумать, что все идет кувырком. Кругом полнейшая неразбериха, хаос, кавардак. Но таким было лишь внешнее впечатление. Фактически же все шло по плану, все подразделения, части и соединения имели четкие, ясные задачи, действовали строго в рамках своих границ, хорошо управлялись. Они умело взаимодействовали между собой и в целом все вместе внесли свой вклад в приближение Дня Победы.

Конечно, вести бой в любом населенном пункте вообще было особо сложной и трудной задачей, в громадном же городе с массивными, многоэтажными зданиями, сильно развитыми коммуникациями, в том числе наличием метро, системой каналов в городе, занимающем гигантскую площадь, — эта задача усложнялась во сто крат. От солдат до офицеров требовалось, помимо высокого духа, храбрости и мужества, еще и высокое мастерство ведения боя быстро и безошибочно ориентироваться в руинах города. А от полководцев требовалось высокое военное искусство. Они должны умело руководить армиями, которые были введены в город, и постоянно поддерживать четкое взаимодействие между соединениями и родами войск.

Когда бои в городе достигли своего апогея, командир 35-й Гвардейской стрелковой дивизии получает боевое распоряжение:

1. 4-й Гвардейский стрелковый корпус в течение ночи на 29 апреля 1945 года готовится к общему штурму центральной части Берлина. С утра 29 апреля быть в готовности овладеть центральными учреждениями Германии и выйти к реке Шпрее в районе университета и рейхстага.

2. Справа наступает 79-й стрелковый корпус 5-й Ударной армии. Слева — 29-й Гвардейский стрелковый корпус 8-й Гвардейской армии.

3. 35-й Гвардейской стрелковой дивизии с 35-й и 65-й танковыми бригадами быть в готовности наступать вдоль Сарландштрассе, Герман Герингштрассе и овладеть правительственными и административными зданиями: министерством иностранных дел, гестапо, дворцом канцлера империи, национальной галереей, бывшим посольством Великобритании, бывшим посольством Франции, рейхстагом, а затем выйти к реке Шпрее у рейхстага.

4. Командиру 35-й Гвардейской стрелковой дивизии тесно увязать действие с командиром правофланговой дивизии 29-го Гвардейского стрелкового корпуса.

Далее шли пункты, не имеющие отношения к нашей дивизии.

5. О готовности к штурму доложить в 9.00 29 апреля 1945 года.

Командир 4-го Гвардейского стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенант В. А. Глазунов

Начальник штаба 4-го Гвардейского стрелкового корпуса гвардии полковник В. А. Лебедев

(Центральный архив МО, ф. 345, д. 360, л. 343).

Распоряжение Героя Советского Союза генерала В. А. Глазунова фактически отражало стремление и горячее желание всех командиров и командующих того времени. Всем хотелось как можно скорее овладеть рейхстагом. Всем хотелось водрузить над ним Знамя Победы. И везде в частях, которые были в Берлине, такие знамена готовились. В одном случае это делалось официально — распоряжениями соответствующих командиров. В другом случае — стихийно, инициативой солдат и офицеров.

Если сопоставить планы штурма Берлина и выполнение поставленных задач, то для 35-й Гвардейской стрелковой дивизии все это было реально. Форсировав 27 апреля Ландвер-канал в установленном районе, дивизия развила наступление на северо-запад по Сарландштрассе и овладела центральным в столице — Ангальским вокзалом и рядом правительственных зданий. Готова наступать вдоль Герман Герингштрассе, которая вначале выводит к Бранденбургским воротам, а затем — к рейхстагу.

30 апреля на участке 102-го Гвардейского стрелкового полка немцы со стороны Фоссштрассе начали многократно передавать через усилитель (громкоговорящую связь) просьбу прекратить огонь, поскольку они хотят прислать к нам парламентера. Об этом было немедленно доложено командиру дивизии, который приказал огонь прекратить и парламентера принять. Для его встречи и сопровождения на командный пункт полка направляется заместитель начальника оперативного отделения дивизии майор И. Г. Белоусов. Долгожданная весть и команда комдива, как молния, облетела всех, кто был на переднем крае. Все бросились к окнам — наш передний край проходил по подвалам, окнам и цоколям правительственных зданий. Кое-кто поднялся на первый и второй этажи. К этому времени, а точнее, уже 29 апреля особо активных действий с нашей стороны, в смысле мощных обстрелов артиллерией на всю глубину, и продвижения войск уже не было. Наоборот, были ограничения в связи с тем, что внутреннее кольцо окружения с эпицентром в районе рейхстага было до того сужено, что стрелять и тем более продвигаться войскам без разрешения и команды сверху было нельзя, во избежание поражения своими войсками друг друга.

Итак, на нашем направлении появился парламентер. Поэтому все остановилось и замерло. Этот факт знаменателен для 35-й Гвардейской стрелковой дивизии и нашей 8-й Гвардейской армии. Немцами было избрано именно наше направление неспроста. Оно было самым угрожающим и именно здесь надо было все остановить и затянуть различного рода переговоры.

Но то, что на участке нашей дивизии завязались исторические переговоры, касающиеся прекращения войны, — это, конечно, исторический факт. И каждый из однополчан гордился тем, что судьба послала нам это событие. Оно, конечно, менее яркое, чем Знамя Победы над рейхстагом, но тоже заслуживает, чтобы о нем говорили. А в нашей литературе, за исключением книги Н. И. Афанасьева «От Волги до Шпрее», нигде ничего об этом не пишется.

Происходило же все следующим образом. Когда бой на участке 102-го Гвардейского стрелкового полка (а фактически на

участке всей нашей дивизии и соседей справа и слева) был прекращен, на переднем крае у немцев — а это противоположная сторона широкой, заваленной обломками домов улицы — появился на высоком древке белый флаг, а за ним немецкий офицер. Он шел, не торопясь, помахивая флагом. Стояли глубокие сумерки, все вокруг было в дыму, гари и пыли. Правда, с прекращением огня грязная пелена этого смога войны несколько спала, и небо было еще белесоватое, поэтому парламентера было видно отчетливо. Это был подполковник среднего роста, аккуратно одетый по полной форме, без оружия. Сапоги блестели. Это не могло не броситься в глаза. Он вышел на наблюдательный пункт 102-го Гвардейского стрелкового полка, затем его провели мимо нас по переднему краю и уже на нашем участке, тоже подвалами — в глубину, на командный пункт дивизии.

Командиру дивизии полковнику Смолину он представился так: «Командир боевого участка центрального сектора обороны Берлина подполковник Зейферд». Одновременно офицер предъявил письменные полномочия на немецком и русском языках, подписанные начальником имперской канцелярии Мартином Борманом. Во время этой церемонии присутствовал специально подошедший начальник штаба корпуса гвардии полковник Лебедь. В документе было записано: «Подполковник Зейферд уполномочен Германским Верховным командованием для встречи и переговоров с представителями Русского командования по вопросу установления места и времени перехода линии фронта начальником генерального штаба генерала Кребса для передачи Русскому военному командованию особо важного сообщения» (Н. И. Афанасьев. «От Волги до Шпрее», с. 240).

О прибытии парламентера и содержании представленного им документа было немедленно доложено командарму В. И. Чуйкову, который, как и Г. К. Жуков, уже несомненно знал о состоявшемся контакте и переговорах. Командующий фронтом разрешил В. И. Чуйкову принять Кребса и провести с ним переговоры. Парламентеру подполковнику Зейферду было разъяснено, что командующий армией генерал-полковник В. И. Чуйков уполномочен Советским командованием вести переговоры с генералом Кребсом по всем интересующим немецкую сторону вопросам. Подполковник Зейферд сообщил в связи с этим, что начальник Генерального штаба Сухопутных войск германской армии Кребс перейдет линию фронта ровно через полтора часа, после того как Зейферд возвратится в расположение немецких войск. Все было обговорено.

На обратном пути немецкого парламентария сопровождал

начальник разведки дивизии подполковник Г. Е. Городный с охраной. Мы опять наблюдали немецкого посланца. Он вернулся к себе точно тем же маршрутом и тем же методом. Мы уже знали, что переговоры состоятся.

Началось томительное ожидание продолжения встречи.

1 мая 1945 года в 3 часа ночи на том же участке фронта по громкоговорящим средствам немцы передали: «Не стреляйте! Идут парламентеры!» Это объявление было повторено на русском и немецком языках несколько раз. Затем появились четыре человека. Первый нес белый флаг. Остальные шли вместе. Все двигались по тому же маршруту, что прошел Зейферд. Парламентеров на переднем крае встречал начальник разведывательного отделения дивизии подполковник Городный, который после отправки Зейферда остался на наблюдательном пункте 102-го Гвардейского стрелкового полка в ожидании главных визитеров. Проверив на месте встречи документы прибывших, Городный установил, что прибыл действительно начальник генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал Кребс. С ним вместе был полковник генерального штаба Дуффинг — начальник штаба 56-го танкового корпуса, командир которого отвечал за оборону Берлина. Их сопровождали переводчик и дородный солдат, который нес белый флаг.

В штабе 35-й Гвардейской стрелковой дивизии парламентеров встретил заместитель командующего 8-й Гвардейской армии генерал-лейтенант М. П. Духанов, который сопровождал Кребса и Дуффинга к Чуйкову. Предъявив свои документы, Кребс заявил:

— Я, генерал Кребс, начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии, уполномочен передать Советскому командованию секретное, решающей важности сообщение.

Кребс дал понять Чуйкову В. И., что он хотел бы вести переговоры только наедине с ним. Однако В. И. Чуйков подтвердил свои полномочия вести переговоры от имени Советского командования и по всему перечню вопросов в присутствии генералов и офицеров командования и штаба армии.

Учитывая такой оборот начавшейся встречи, Кребс вынужден был предъявить В. И. Чуйкову документы: полномочия на право ведения переговоров с командованием нашей армии (подписаны М. Борманом и скреплены печатью), обращение Геббельса и Бормана к И. В. Сталину, список нового имперского правительства Верховного командования Вооруженных сил Германии.

Одновременно Кребс сообщил, что 30 апреля 1945 года в 15.30 по берлинскому времени Гитлер покончил жизнь

самоубийством, оставив завещание о формировании имперского правительства, что и было выполнено. Рейхспрезидентом стал гроссадмирал Дениц, рейхсканцлером — Геббельс и министром по делам партии — Борман. Вся власть в стране, по завещанию Гитлера, переходит в основном в руки этой тройки, хотя перечислялись и другие члены правительства.

По поручению Г. К. Жукова на командный пункт 8-й Гвардейской армии прибыл первый заместитель командующего фронтом генерал армии В. Д. Соколовский. Генерал Кребс от имени правительства Германии пытался склонить Советское командование к временному прекращению огня и организации в это время переговоров сторон. Однако Советское командование категорически отвергло эти условия и потребовало немедленной и безоговорочной капитуляции. При этом Соколовский предложил направить полковника Дуффинга и нашего представителя к немецкому руководству с целью передать им эти требования, дождаться их возвращения с ответом, а затем действовать. Кребс согласился.

Но прежде чем приступить к описанию этой части переговоров, автор просит читателя обратить внимание на некоторые любопытные моменты.

На переговоры Соколовского и Чуйкова с одной стороны и Кребса — с другой успел драматург Всеволод Вишневский. Он сделал по сути стенографические записи разговора, которые впоследствии воспроизвел И. Падерин в очерке «Мы в Берлине» (сб. «Надо отстоять Отчизну», с. 425).

Кребс вручил нашим генералам пакет, в котором было три документа. Один из них представлял особый исторический интерес.

Между сторонами произошел следующий разговор.

Кребс. Разрешите и помогите нам собрать новое правительство.

Чуйков. Мы можем вести переговоры только о полной капитуляции Германии перед союзниками по антигитлеровской коалиции: СССР, США и Англией. В этом вопросе мы едины.

Кребс. Я прошу… Нашему новому правительству надо собраться здесь, в Берлине. Дейниц в Мекленбурге…

Чуйков. Нам понятно, чего хочет новое правительство. Тем более нам известны попытки ваших друзей — Гиммлера и Геринга зондировать почву у наших союзников. Разве вы об этом не знаете?

Кребс. Может, появится новое правительство на юге, но оно будет незаконным. Мы думаем, что СССР будет считаться с правительством в Берлине. Для обеих сторон это выгодно и

удобно.

Чуйков. Вопрос о перемирии или капитуляции?

Кребс. Мы просим признать новое правительство Германии до полной капитуляции.

Чуйков. У нас одно условие — капитуляция.

Пауза. Кребс роется в карманах, что-то ищет.

Чуйков уходит в соседнюю комнату к прямому проводу с маршалом Жуковым. Докладывает ход переговоров. Через десять минут возвращается, вызывает начальника оперативного отдела полковника Толконюка и приказывает ему отправиться к маршалу Жукову с оперативной картой и пакетом, полученным из рук Кребса.

Генерал Толконюк через несколько часов доложил документы Жукову. Тот переговорил со Сталиным и, пока Толконюк возвращался обратно, дал указания Соколов-скому и Чуйкову, что Верховный Главнокомандующий принял однозначное решение: «Только безоговорочная капитуляция».

Переговоры продолжались с учетом этой позиции Верховного Главнокомандующего.

Соколовский. Когда вы объявите о Гитлере и Гиммлере?

Кребс. Тогда, когда мы придем к соглашению с вами о новом правительстве.

Соколовский. Сначала надо объявить Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам.

Кребс (оживился). Очень умный совет. Это можно сделать сейчас же. Конечно, с разрешения доктора Геббельса. Я прошу послать к нему моего адъютанта.

Чуйков. Посылайте. Надо передать Геббельсу: до капитуляции не может быть нового правительства.

Кребс. Нет.

Соколовский. Сложите оружие, тогда мы будем говорить о дальнейшем.

Кребс объясняет, что по завещанию фюрера президентом назначен Дейниц, который находится в Мекленбурге. До него четыреста километров. Он может прибыть в Берлин после перемирия. Пропустите его.

Соколовский. Капитулируйте — и мы пропустим его в Берлин.

Кребс. Я не уполномочен это сделать…

Соколовский. Тогда, господин генерал, мне не понятна цель вашего визита сюда.

Кребс (пауза). Гитлер покончил с собой, чтобы сохранить уважение немецкого народа. Было несколько свидетелей: Геббельс, Борман и я. Он был облит бензином и сожжен. Мы

отговаривали его, советовали ему прорваться на Запад…

Соколовский. Можете ехать к Геббельсу.

Кребс. Что нас ждет после капитуляции?

Чуйков. Вот наши условия о капитуляции Берлина. (Чуйков передает Кребсу лист с текстом капитуляции Берлина.)

Переговоры с Кребсом шли, но одновременно на той стороне, у Геббельса и Бормана, тоже все бурлило. Ведь полковник Дуффинг, прибывший вначале вместе с Кребсом, был последним направлен, по предложению Соколовского и Чуйкова, к политическим руководителям Германии с сообщением о том, что советская сторона придерживается только одного условия — немедленная и безоговорочная капитуляция. Дуффинга сопровождали начальник разведки армии подполковник А. П. Гладкой и переводчик В. И. Журавлев, а когда они прибыли на НП нашей дивизии, то к ним присоединился заместитель начальника оперативного отделения дивизии майор И. Г. Белоусов.

Группа на переднем крае была обстреляна, и Белоусов погиб. Остальные успели укрыться за развалинами. Доложили о событии Чуйкову. Тот приказал отправить на ту сторону только полковника Дуффинга, а нашим передний край не переходить. Дуффинг, энергично размахивая белым флагом и постоянно громко выкрикивая по-немецки: «Не стрелять! Идет полковник генерального штаба немецкой армии Дуффинг!» — отправился на свою сторону. Встретился с Геббельсом и Борманом, доложил им сложившуюся ситуацию и условия русских, а в 10.00 утра 1 мая вернулся обратно — уже с указанием своих вождей. Наблюдая эту картину, каждый из нас думал о том, что наконец-то мы дождались — война кончается и мы в 1945 году последний раз встречаем Первое мая еще не по-настоящему, но уже по-праздничному.

Дуффинг вернулся к нам точно в том же месте, где и переходил линию фронта раньше. Его сопроводили к командиру дивизии полковнику Смолину, у которого он попросил позволения связаться по телефону с Кребсом для передачи особо важной информации. Ему разрешили, и он сообщил: доктор Геббельс требует, чтобы Кребс прибыл к нему и лично доложил обстановку.

Когда полковник Дуффинг говорил с генералом Кребсом, то генерал уже ознакомился с условиями Советского командования, переданными ему письменно Чуйковым. Он прочитал их про себя, свернул лист с текстом и, положив его к себе в карман, сказал:

— Ультиматум… Сегодня Первое мая, у вас праздник, а у нас…

Он, как бы прощаясь со всеми и со всем окружающим, окинул

взглядом стены, взглянул на потолок, встал и отправился к выходу. Но не прошло и минуты, как Кребс вернулся. Якобы оставил здесь свою сумку. Однако никакой сумки не было. Видимо, он ждал от нашего командования предложения сдаться в плен. Но такого предложения не последовало. Кребс вернулся к Геббельсу и Борману. Доложил им обстановку и, как выяснилось позже, застрелился. Когда на обратном пути он проходил мимо нас, то мы рассматривали его уже не с любопытством, как в первый раз, а с состраданием, словно чувствовали, что его скоро не станет.

Какие же документы были в пакете, который Кребс вручил нашему командованию для передачи советскому руководству? Это были три посмертных завещания Гитлера. Вот их содержание.

В первом завещании Гитлер патетически сообщает, что он уходит из жизни вместе с женщиной, которая пришла к нему в этот окруженный город, чтобы не видеть падения Берлина и капитуляции Германии. Здесь же в этом завещании Гитлер просит Мартина Бормана как лучшего и верного друга после сожжения их тел (А. Гитлера и Е. Браун) пепел развеять, чтобы от него не осталось и следов.

Под завещанием стояла подпись: Адольф Гитлер.

Расписались и свидетели: доктор Геббельс, Мартин Борман.

Свидетели подписали завещание в 4 часа 29.04.45 г.

Первое завещание в комментариях не нуждается, поскольку оно имеет личностный характер. В то же время нельзя обойти одну важную деталь. Считая Мартина Бормана фактически единственным своим другом, Гитлер надеялся, что этот друг в точности исполнит его последнюю волю — сожжет тела его и Евы Браун, а пепел развеет. Но возможно и другое: Гитлер самим фактом такого обращения к Борману надеялся побудить его к благородному шагу — исполнить последнее желание фюрера.

Однако Борману было не до него. Как и другие вожди рейха, он был озабочен другими проблемами — как спасти свою жизнь, исчезнуть из Берлина и замести после себя следы. Так всегда было, есть и будет в любой преступной группе — будь то группа бандитов или группа политиков, волей случая добравшихся до власти в стране и творящих тяжелейшие преступления против своего народа.

Во втором завещании Гитлер информирует, что перед своей смертью он исключает из партии рейхсмаршала Геринга и лишает его всех прав, которые даны были ему указом от 29 апреля 1941 года. Далее он сообщает: «Исключаю из партии и лишаю всех прав бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гиммлера». Это решение он объясняет тем, что Геринг и

Гиммлер изменяли ему, Гитлеру, и покрыли несмываемым позором Германию, что вели тайные переговоры с противником и пытались захватить власть в государстве.

В этом же завещании определялся состав правительства:

— президент — Дейниц, гроссадмирал;

— канцлер — доктор Геббельс;

— министр партии — Борман.

Ниже шел список шестнадцати членов нового кабинета министров.

Как и любой диктатор, Гитлер считал, что самое тяжелое преступление — это измена лично ему. Не стране, не народу, а именно ему. А то, что он поставил свой народ в тяжелейшее положение, — это не в счет. У нас Горбачев тоже смахивал на Гитлера в миниатюре. Конечно, от Гитлера, как от личности, он отстает на несколько порядков, а по степени предательства своего народа превзошел всех иуд, кто был до него в истории. Только Ельцин мог «сделать» больше и «капитальнее» в этой области. А вот по части преданности и у Гитлера и у Горбачева (как и у Ельцина) эти понятия были одни: «Если мне лично предан — это правильно! Если в моих действиях, какими бы они ни были, начинаешь сомневаться или тем более выступаешь против — это преступление». А то, что выступление было против преступных действий, — не в счет.

А вы посмотрите, читатель, как Гитлер пытается снять с себя ответственность за катастрофическое поражение и падение Германии. Он говорит, что Геринг и Гиммлер вели тайные переговоры с противником и вынашивали мысль о захвате власти. Вам это ничего не напоминает?

Так вот, по второму завещанию Гитлера можно задать вопрос: а правда, что Геринг и Гиммлер вели переговоры с противником? Да, правда. Но в отличие от армянского анекдота, где все понимается наоборот, здесь присутствует другое: и то правда, и другое правда. Правда то, что Геринг и Гиммлер, спасая свою шкуру, хотели через англо-американцев решить эту проблему за счет Гитлера. Но сам Гитлер тоже в свое время вел переговоры с противником и являлся заразительным примером для подчиненных. Это он послал 10 мая 1941 года Гесса — самого близкого своего человека — на самолете в Англию для такого рода контактов с руководством страны, с которой Германия была в состоянии войны.

В связи с этим вспоминается очерк «Сталин и начало войны» Ивана Стаднюка, помещенный в сборнике «Народ отстоял Отчизну» (с. 28), где разбирается случай с Гессом:

«Вячеслав Михайлович Молотов… заговорил:

— Когда мы со Сталиным прочитали об этом (о Гессе. — Авт.), то прямо ошалели! Это же надо! Не только сам сел за управление самолетом, но и выбросился с парашютом, когда кончился бензин. Его задержали, это было близ имения какого-то герцога… кажется, Дунгвела-Кастл, Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика?! Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро мог решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал от ЦК над авиацией. Смеху было!.. Сталин предложил сбросить Маленкова на парашюте к Гитлеру, пусть, мол, усовестит его не нападать на СССР! А тут как раз и Маленков зашел в кабинет. Мы так хохотали, будто умом тронулись… Да, у Гесса были замыслы героические: он надеялся уговорить своих друзей в Англии заменить Черчилля другим премьером, создать при помощи небольшой группы английских аристократов античерчиллевское правительство, которое заключит мир с Германией и Италией, а затем они все вместе пойдут войной против нас… Лорд Биварбрук многие подробности мне рассказал. И это не бредни. Германия тогда тоже на какое-то время прекратила бомбардировки Лондона».

Этот эпизод, пронизанный юмором, который был характерной чертой и Сталина, и Молотова, еще раз подтверждает не только осведомленность, но и убежденность нашего руководства в решимости Гитлера на авантюру — рано или поздно напасть на Советский Союз.

Но я никак не могу отделаться от мысли, что даже этот «бесноватый» фюрер, будучи прагматиком-расистом, по-своему любил свой «Фатерлянд». Все действия Гитлера были направлены во благо немецкой расы и в ущерб всем другим народам. Это бесчеловечно, но это так. Он не хотел навредить Германии, но просчитался. Гитлер хоть и обвинял своих соратников по партии в личной измене, в проведении переговоров с противником, но сам служил примером таких переговоров. Однако в основе всего он все-таки видел великую Германию и ни одного действия, направленного на развал фашистского государства, он не предпринимал.

Наконец, третье завещание — политическое. Оно было сделано Гитлером устно и записано личным секретарем — стенографисткой фрау Вернер. Перевод стенограммы с немецкого

на русский сделал Ланге. Вот текст этого завещания:

«Прошло более 30 лет с тех пор, как я добровольно принял участие в первой мировой войне, которая была навязана рейху.

За эти три десятилетия только любовь и верность своему народу руководила всеми моими мыслями, действиями и жизнью. Они давали мне силу принимать наиболее трудные решения, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться смертному.

Неправда, что я или кто-нибудь другой в Германии хотел войны в 1939 году. Этого хотели и добивались только те международные государственные деятели, которые были или еврейского происхождения или работали в интересах евреев.

Я делал слишком много предложений об ограничении и контроле вооружения, которые потомство не может все время игнорировать, так как ответственность за начало войны будет возложена на меня. Больше того, я никогда не желал, чтобы после ужасов первой мировой войны началась вторая против Англии и Америки.

Пройдут годы, столетия, но из руин наших городов и памятников поднимется ненависть против тех, кто виновен в этом, а именно — международных евреев и их помощников.

За эти три дня до начала германо-польской войны я предложил британскому послу в Берлине урегулировать германо-польский вопрос так же, как был урегулирован вопрос о Саарской области, которая была под международным контролем. Об этом предложении тоже нельзя забывать. Оно не было принято только потому, что правящие политические круги Англии хотели войны частично по коммерческим причинам, а частично потому, что они находились под влиянием пропаганды международных евреев.

Для меня совершенно ясно, что если народы Европы опять будут рассматриваться как пешки в игре международных заговорщиков — банкиров и финансистов, то тогда евреи, которые действительно виноваты в этой преступной борьбе, понесут ответственность за все это. На этот раз не только миллионы детей европейских, арийских рас будут голодать, миллионы взрослых мужчин встретят свою

смерть и сотни тысяч женщин и детей погибнут в огне и под бомбами в городах, но я не сомневаюсь, что на этот раз действительные виновники будут наказаны, хотя и более гуманными средствами, чем война.

После шестилетней войны, которая, несмотря на все издержки, отойдет в прошлое, как наиболее славная и героическая борьба за существование нации, я не могу пожертвовать городом, который является столицей нашего государства. Так как наши силы слишком малы, чтобы выдержать дальнейшие атаки противника на этом направлении, и наше сопротивление будет в конце концов сломлено людьми, которые являются слепыми автоматами, я хочу разделить свою судьбу с судьбой миллионов других, которые остаются в этом городе. И я не попаду в руки противника, которому нужно новое зрелище, представленное евреями, чтобы отвлечь их истерические массы.

Поэтому я решил остаться в Берлине и добровольно умереть в тот момент, когда я увижу, что не могу больше оставаться фюрером и канцлером. Я умру с радостным чувством от сознания неизмеримых подвигов и достижений наших крестьян и рабочих, беспримерной в истории помощи нашей молодежи, которая носит мое имя. И то, что я от глубины своего сердца выражаю им благодарность, так же естественно, как и мое желание, чтобы они не сдавались ни при каких обстоятельствах и продолжали борьбу, где только возможно, против врагов Отечества, верные принципам великого дела. И на основе самоотверженности наших солдат и моей верности им до самой смерти, я надеюсь, что после моей смерти мой дух останется среди них и всегда будет с ними.

Пусть они будут жестоки, но всегда справедливы.

Пусть никогда страх не руководит их действиями и пусть для них честь нации стоит превыше всего.

Пусть они, наконец, осознают, что для выполнения нашей задачи создания национал-социалистического государства потребуются столетия и что это обязывает каждого человека всегда ставить общие интересы выше своих личных.

Я призываю всех немцев, всех членов национал-социалистической партии, женщин и солдат германских сил быть верными новому правительству и его президенту…

Кроме того, я приказываю правительству нации и народа до конца придерживаться расовых законов и беспощадно бороться с врагами всех наций — международными евреями.

Берлин, 29 апреля 1945 года. 4.00

Гитлер.

Свидетели:

Геббельс, Бургдоф, Борман, Кребс».

Конечно, мои слова по поводу положений, высказанных в завещании, прозвучат банально. И все-таки мне хотелось хотя бы некоторые моменты подчеркнуть.

В первую очередь, надо, конечно, иметь в виду, что слова «международные заговорщики» — это не кто иной, как коммунисты. Именно они являются злыми силами и их надо, естественно, истреблять наравне с евреями. Это у Гитлера всегда и везде было генеральной линией. Что касается оправдательных мотивов Гитлера, то они характерны для всех наглых политиков — авантюристов и лжецов. Ну, разве это не наглость заявлять — «это неправда, когда говорят, что я (т. е. Гитлер) или кто-то другой в Германии хотел войны в 1939 году»? Ведь весь мир знает не слова, а конкретные действия Гитлера: разжигание настроений реваншизма у народов Германии в связи с поражением в Первую мировую войну; вдалбливание в сознание немцев античеловеческой идеи о превосходстве арийской расы и ее исторической миссии править миром; перевод всей промышленности на военный лад, да и самой жизни немецкого народа на рельсы в начале полувоенного, а затем военного времени; присоединение Австрии; захват и оккупация Чехословакии; вторжение и оккупация Польши. Это что, все дело рук евреев или, так сказать, «международных заговорщиков» — коммунистов?

Гитлер говорил в завещании, что пройдут годы и из руин разрушенных городов поднимется ненависть против тех, кто действительно виноват. Мол, не он и не его соратники по партии виноваты в том, что во Второй мировой войне погибли почти 60 миллионов человек — столько, сколько составляет население самой Германии. Видите ли, отдельные нации виноваты, а не он, Гитлер, и его кровожадное окружение. А кто приглашал немецких оккупантов в Париж? Никто! Они сами явились с огнем и мечом.

А кто бомбил Лондон и зверски расправился с восстанием польских патриотов в Варшаве? Естественно, вермахт по личному указанию Гитлера.

Даже в конце жизни Гитлер не кается в своем завещании, а снова призывает свой народ, особенно молодежь, к той же бойне, которую он вел. Он не просит народы опомниться и прекратить кровопролитие. Нет, звучит новый призыв к войне уже и после него.

Конечно, все это противоестественно и античеловечно. Мы всегда должны помнить зловещие устремления Гитлера поработить мир в угоду «чистокровным» арийцам. Если мы это забудем, где-нибудь появится новый гитлер, и все пойдет по тому же кругу.

Тогда, в сорок пятом, мы ждали последнего аккорда — капитуляции. Верили, что эта война будет последней.

…С убытием генерала Кребса переговоры фактически прекратились. Только в 18.00 1 Мая 1945 года линию фронта перешел с белым флагом немецкий офицер в форме войск СС и попросил провести его к командованию. В штабе дивизии он вручил пакет представителю 8-й Гвардейской армии. Получив расписку, немецкий офицер в сопровождении наших воинов пришел к пункту перехода переднего края, крикнув по-немецки, что он возвращается, и, помахивая белым флагом, пошел в свою сторону. Скоро он благополучно добрался к своим войскам.

Надо отметить, что за все время перехода переднего края ни одного нарушения со стороны наших воинов не было допущено.

В пакете, который принес офицер СС, был ответ Геббельса и Бормана о том, что они не принимают предложения Советского командования о безоговорочной капитуляции. Спрашивается — на что рассчитывали эти оставшиеся еще в живых два вершителя судеб немецкого народа? Гитлер уже почил в бозе, а без него на заключительном этапе можно сохранить еще тысячи жизней. Ведь это человеческие жизни! Нет, они об этом не думали. Для них жизнь простых людей — так, пыль. Как, кстати, и для некоторых современных политиков — бывших и настоящих. Тысячи людей погибли, десятки тысяч искалечены, миллионы беженцев лишились крова и нормальной жизни в результате межнациональных конфликтов, произошедших в нашей стране за годы перестройки и диких реформ, то есть за последние 12–15 лет. Весь ужас состоит в том, что внутри нашей страны наши народы, когда-то считавшие себя не на бумаге, а в жизни братьями (они и были братьями, кровно связанными между собой), подогретые экстремистами и псевдодемократами, начали убивать друг друга. А потом «гарант» Конституции устроил бойню

на территории своей страны и послал Вооруженные Силы против народа этой республики, являющейся частью России. При этом в республике проживает пятьдесят процентов русских и других славян.

Параллели между прошлым и настоящим можно проводить до бесконечности…

Ответив отказом на логичное и единственно правильное предложение советской стороны, Геббельс и Борман умышленно продолжили кровавую бойню. И это должны знать все, в том числе и в первую очередь немецкий народ. Нам всегда было больно расставаться со своими однополчанами, кто сложил свою голову на полях сражений. Но особенно тяжело было прощаться с теми, кто погиб в последние дни и тем более в последние часы войны, как майор И. Г. Белоусов: он был убит 1 мая 1945 года, а на рассвете 2 мая бои в Берлине прекратились. Но, видимо, и немецкому народу тяжело вспоминать, что их соотечественники бессмысленно гибли и 30 апреля, и 1 мая 1945 года. Их были тысячи. Причем, уже в условиях, когда побеждающий не добивал, а гуманно предлагал — сложите оружие — и войне конец!

На переднем крае нашей 35-й Гвардейской стрелковой дивизии в итоге перехода парламентеров установилась гнетущая тишина. Все чего-то ждали. Но чего ждать солдату, если враг не сдается?

Наконец, поступила команда: подготовить и провести по разведанным реальным целям мощный огневой налет с привлечением всех имеющихся средств. Мы уточнили задачи всем орудиям, минометам, танкам, самоходным артиллерийским установкам и даже огнеметам. В 19 часов 1 мая 1945 года все загрохотало. Снова война! На противоположной стороне все рвалось, рушилось, горело. Передний край опять заволокло пылью и дымом. Уже через пять минут интенсивной стрельбы стороны противника не было видно. Штурм города возобновился с новой силой.

Наша дивизия немного улучшила свое положение — захватила противоположную сторону Флоссштрассе, по которой проходил передний край, соединилась с 207-й мотострелковой дивизией 3-й Ударной армии и окончательно закрепилась на занятых позициях.

Мы стояли на этом рубеже. А в те минуты историческую миссию непосредственного штурма рейхстага и водружения на нем Знамени Победы выполняла 150-я Идрицкая стрелковая дивизия.

В 0 часов 40 минут 2 мая радиостанция 79-й стрелковой дивизии перехватила радиограмму немецкой радиостанции на

русском языке следующего содержания:

> «Говорит 56-й германский танковый корпус. Просим прекратить огонь. Высылаем своих парламентеров на Потсдамский мост».

Обращение повторялось многократно. В связи с этим командующий 8-й Гвардейской армии приказал на этом участке огонь прекратить. Это сделали и наши артиллеристы. Штаб армии, как нас информировали, готовил группу офицеров для встречи с немецким командованием обороны Берлина.

В установленное время наши офицеры встретили на Потсдамском мосту уже известного полковника фон Дуффинга и двух майоров, которые заявили, что уполномочены командиром 56-го танкового корпуса генералом Вейдлингом заявить о его решении капитулировать. В 6.00 2 мая генерал Вейдлинг и все командование корпуса сдались в плен. На допросе выяснилось, что Вейдлинг одновременно является командующим обороны Берлина. На вопрос — произошла ли сдача с ведома Геббельса и какова численность сдавшихся в плен — Вейдлинг ответил, что решение он принял самостоятельно и оно распространяется только на 56-й танковый корпус. Он также отметил, что никакой связи с другими частями Берлинского гарнизона у него нет. Вейдлингу было предложено составить приказ по Берлинскому гарнизону о немедленном прекращении сопротивления. Этот приказ был оперативно размножен, разослан во множество наших частей, где содержание этого документа по громкоговорящим средствам и вещательным станциям на немецком языке широко доводилось до личного состава гарнизона и населения Берлина.

В целях быстрейшего достижения капитуляции Германии был умело использован заместитель министра пропаганды рейха (т. е. заместитель Геббельса) доктор истории и философии Фритцше и его аппарат. Он также написал приказ о безоговорочной капитуляции и призвал всех солдат и офицеров немедленно сложить оружие и сдаться в плен. Это тоже имело большой эффект.

Таким образом, в результате быстрых и энергичных мер, предпринятых командующим 1-го Белорусского фронта маршалом Жуковым и командармом генералом Чуйковым и их заместителями, было сделано все, чтобы избежать лишних жертв и в течение 2 мая 1945 года повсеместно в Берлине и его пригородах не допустить сопротивление противника и пленить его части.

Ожесточенные бои за рейхстаг продолжались до утра 1 мая. Отдельные группы противника капитулировали лишь в ночь на 2

мая. Но уже рано утром 1 мая на фронтоне рейхстага развевалось Красное Знамя 150-й стрелковой дивизии, которое водрузили разведчики 756-го стрелкового полка этой дивизии Егоров и Кантария.

Это было Знамя Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Мы узнали об этом радостном событии буквально через несколько минут.

Осматривая вместе с другими товарищами по полку уже с утра 2 мая 1945 года рейхстаг, мы могли только представить сложность боя, который разворачивался и на подступах, и особенно внутри здания. Даже через несколько часов по окончании боев здание еще дымилось. Все окна, заложенные кирпичом, были превращены в бойницы. Каждая площадка или выступ на фасаде использовались под огневую точку. И сейчас можно было наблюдать, как из амбразуры торчит ствол автоматической пушки, а на площадке валяется разбитый пулемет. Солдаты (очевидно, специальная команда) собирали оружие, боеприпасы, другое имущество и складировали все перед зданием.

Глядя на рейхстаг и представляя, как грозно он ощетинился во время боя, нетрудно было нарисовать в воображении картину штурма. Все подступы, площади и подходящие улицы представляли собой сплошное море огня. Все простреливалось вдоль и поперек. И, конечно, здесь смерть вырвала из наших рядов не один десяток, а может, и сотни воинов, сложивших свои головы в последний час окончания боев в Берлине. Вечная им память!..

Рейхстаг представлял собой огромное массивное здание с толстыми стенами и рядами колонн. Внутри — множество лестниц, коридоров, залов и комнат. Да и в подвале, кроме технических помещений и архивных хранилищ, было много просторных пригодных для жилья комнат. В подавляющем большинстве все они были приспособлены под госпиталь. Раненых немцев здесь было битком. Они лежали вповалку, занимая сплошь все полы, не говоря уже о койках и столах. Воздух был пропитан тяжелым запахом лекарств, пота, крови. Здесь же были врачи и медсестры в белых халатах. Но меня поразило, что здесь было электричество. Представьте, во всех комнатах подвального помещения ярко светились электролампочки. Видно, где-то в здании была автономная электростанция или какой-то другой источник тока.

Наше короткое знакомство с рейхстагом закончилось. Мы вышли к центральному входу и начали фотографироваться на память. Вдруг к нам подходит заместитель командира 100-го

Гвардейского стрелкового полка майор Иванов с небольшой группой офицеров. Они тоже решили сделать памятные снимки. Мы разговорились. И первое, что вспомнили, — это гибель командира полка Алексея Михайловича Воинкова. Так же, как и я, Иванов считал, что мой перевод в соседний полк в значительной степени сыграл отрицательную роль. Иванов сообщил, что намерен в ближайшее время подать рапорт об увольнении. «Хочу вернуться к своему любимому делу — преподавать историю», — добавил он. Это тоже заставило меня внутренне всколыхнуться: война ведь кончилась, жизнь продолжается, и надо идти по своему пути.

Мы сфотографировались на фоне разбитого рейхстага. Иванов, как всегда, начал философствовать:

— Что натворили, что натворили…

— Ты на кого сетуешь?

— Как на кого? На немцев, конечно, на Гитлера. Ведь можно же было город сохранить. Допустим, что он еще питал надежду на какие-то переговоры, когда мы готовились на Одере, но с прорывом Зееловских высот стало же все ясно! Надо было капитулировать.

И как бы в подтверждение слов Иванова огромный дом, стоявший напротив рейхстага, ближе к Шпрее, вдруг рухнул с грохотом и каким-то даже свистом. Поднялось огромное облако пыли, у основания появились языки пламени. Запруженная военными площадь мгновенно затихла. Все обернулись к развалинам. Но чей-то громкий голос из района обвала крикнул: «Все нормально!» И все, и всё опять начало двигаться. А Иванов продолжил свой экскурс в историю:

— Когда в 1814 году наш царь Александр вместе с войсками во главе с военным министром графом Барклаем и полководцами Раевским, Ланжероном, Ермоловым и Милорадовичем подошли вплотную к Парижу, уже овладев на севере Монмартром, а на востоке Бельвилем, то наполеоновский маршал Мормон, которому император поручил оборонять столицу, прислал нашему государю офицера с просьбой о пощаде. И государь помиловал. Но главный итог — красавец Париж остался целехонек. И ничего, что тогда наши солдаты поговаривали, что, мол, «не пришлось батюшке-Парижу поплатиться за матушку-Москву!». Ну и что? Зато город остался целым. А сколько жизней сохранилось. Вот и Берлин ведь тоже можно было хоть и не полностью, но спасти. Даже уже после смерти Гитлера и то многое бы сохранилось.

Он продолжал размышлять вслух, а я вспоминал приблизительно такие же его рассуждения, которыми он делился

со мной и с Воинковым на командном пункте полка в пригороде Киц на Одерском плацдарме. У него была хорошая память и логическое мышление. Обычно он молчал, когда у нас шел деловой разговор об организации боя, но когда речь заходила о материальном и духовном обеспечении воинов, тут он выходил на первый план. Зная хорошо обстановку, он непременно настаивал на максимальном обеспечении воюющих солдат и офицеров. И, конечно, это было правильно.

Мы потолковали еще немного и расстались, надеясь на скорую встречу. Иванов ушел, а я со своими товарищами задержался. Я стоял, смотрел на рейхстаг и думал: «Все справедливо. Зловещие планы завоевания мирового господства, родившиеся здесь, на этой земле, горе, причиненное народам, обернулись для Германии бумерангом: здесь взметнулось и понеслось по планете пламя Второй мировой войны, и именно здесь, в рейхстаге, оно было решительно погашено. Сделано это Советской Армией, Советским Союзом, советским народом. Но навечно ли погашено пламя войны? Ведь источник Первой мировой войны тоже находился здесь. Извлекут ли немцы уроки из Второй мировой войны?»

К 15.00 2 мая 1945 года бои в Берлине прекратились.

Через сутки нас вывели из Берлина и расположили юго-западнее города в пустующих немецких казармах. Мы начали обустраиваться, создавать элементарные условия для солдатского быта. Мирная жизнь, о которой мы так мечтали все долгие и тяжелые годы войны, становилась реальностью.

Но я и теперь помню свое сложное душевное состояние, которое тогда переживал. Казалось бы, все хорошо. Дошел до Берлина, остался, к удивлению, жив и даже капитально не покалечен — а это для каждого, конечно, было самым большим подарком судьбы. Жизнь! Продолжается жизнь… И все же на душе была какая-то пустота и тоска. То ли потому, что многие друзья погибли, а я вот не погиб и несу за это перед ними какую-то вину. То ли потому, что кончилась основная «работа» — больше не надо организовывать бой, не надо стрелять, штурмовать, идти в атаку, захватывать… То ли от неопределенности — никто не знал, что нас ожидает в ближайшем будущем, а это ослабляло дух…

И в то же время душа пела: мы победили!!!

О победе хочу сказать особо.

С падением Берлина и капитуляцией его гарнизона уже были все основания говорить о том, что Вторая мировая война в Европе закончилась. Следовательно, можно было бы подвести итоговую черту. Однако этот исторический рубеж жизни человечества не

может быть закреплен в памяти читателя только теми событиями, которые были описаны выше. Добивание зверя, агрессора в его собственной берлоге — все это было на поверхности. Но ведь параллельно и одновременно с этим по инициативе наших союзников уже велась скрытая борьба американцев и англичан (точнее — их руководителями) против нас. Цель ее — в итоге войны возможно больше и лучше разрешить свои национальные проблемы, сделать побольше политических и экономических приобретений, максимально пресечь пути расширения влияния Советского Союза и повышения его международного авторитета. А самое главное — построить послевоенный мир без участия СССР.

Учитывая все это, очень важно отметить роль и место лично глав государств США и Англии по отношению к Советскому Союзу. Фактически дальнейшее развитие событий зависело именно от их позиции. Приобретя в глазах своих народов и народов планеты ореол непоколебимых борцов против гитлеризма, борцов за мир и свободу, они пользовались непоколебимым авторитетом и большой властью. Никакая оппозиция не могла кардинально изменить принятые ими решения.

В то же время, всесторонне анализируя позиции Ф. Рузвельта и У. Черчилля, нельзя не отметить, что эти фигуры до войны, во время войны были и оставались детьми своего общества, представителями своего класса и, конечно, в первую очередь выражали его интересы. А это в свою очередь накладывало отпечаток на все их действия и политику, в том числе и на отношения с Советским Союзом, то есть с социалистическим государством. Одно дело — единство в борьбе против общего врага (при этом цели у каждого были свои) во время войны, и совсем другое, когда война кончилась, противник разбит, а интересы у стран с разными социальными системами полярно противоположные. Однако жить надо. А по нашим взглядам и убеждениям — можно и нужно жить в мире и сосуществовать с различными социальными системами.

Так как же все-таки выглядели после Победы лидеры двух основных союзных нам государств? И как они влияли на наши государственные отношения?

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль. Кто он? Мощнейший и последовательный борец за свободу, каким мы его представили выше? Ничего подобного! Из борьбы только с Гитлером такой вывод делать нельзя. Это было бы крупнейшей ошибкой. Да, Черчилль был сильной личностью, наделенной природным умом, незаурядными организаторскими способностями,

исключительной неиссякаемой энергией, сильной волей и мужеством. Но в то же время это личность, символизирующая враждебность к народам, которые хотели бы обрести социальную и национальную свободу. До конца жизни ему так и не дано было понять, что национально-освободительное движение народов, в том числе и тех, которые благодаря революционной освободительной борьбе избавились от национального гнета и тем самым разрушили Британскую империю, — это закономерная объективная реальность, результат закономерного развития человеческого общества, остановить которое приказами, распоряжениями и расстрелом невозможно. Когда читаешь его творения или знакомишься со стенограммами выступлений на этот счет (а он был блестящим публицистом и оратором), то невольно приходишь к выводу: либо он являл собою святое заблуждение, либо мы имеем дело с блестящим притворщиком.

Известно, что для XX века характерны два основных вида борьбы народов за освобождение и независимость: одна — это борьба за социальную свободу (примерами тому явились социалистическая революция в России в 1917 году, а в конце Второй мировой войны — социалистические революции в странах Восточной Европы); вторая — это борьба за свое национальное освобождение (революционные выступления колониальных народов в середине века, в основном после окончания Второй мировой войны).

Во всех случаях Черчилль выступал как ярый враг народно-освободительного движения. Он, как никто другой, делал все возможное, чтобы задушить революцию в России, раздавить народ и восстановить власть буржуазии. После войны требовал подавить все революционные выступления в странах Восточной Европы. И в своих требованиях доходил до бешенства. В 1946 году он договорился до того, что предложил применить даже ядерное оружие, лишь бы ликвидировать социалистический строй и реставрировать капитализм. Звучало это странно — ведь вроде бы умный человек…

Столь же упорно Черчилль боролся с национально-освободительным движением в колониальных странах. Он предлагал применить там новейшие виды боевой техники и вооружения, чтобы подавить народные выступления. Наиболее яркое проявление такой борьбы в то время явила Индия. «Человек с сигарой» никак не мог смириться с тем, что Англия должна остаться только в границах своего острова и, как корабль в океане политических течений и штормов, чтобы не разбиться о скалы, маневрируя и тем самым выживая, продолжать свое плавание уже не в качестве Великобритании, а просто Англии.

Между тем народно-освободительное движение нарастало, и даже такая сильная личность, как Черчилль, с этим уже не могла ничего поделать. Обладая колоссальным авторитетом, У. Черчилль не мог действовать по собственной прихоти. И фактически ни один проект «обуздания» народных выступлений за социальную и национальную свободу реализован не был.

Итак, У. Черчилль был ярым врагом какой-либо свободы народа. А Ф. Рузвельт?

Франклин Делано Рузвельт — это единственный гражданин США, который четыре раза принимал присягу президента. Учитывая его личный вклад в достижение победы над агрессором в годы Второй мировой войны, можно себе представить величие этого человека, его авторитет в США и во всем мире. А вместе с его личным авторитетом, естественно, рос и авторитет страны. Как и у нас — с повышением авторитета лично Сталина — повышался и авторитет СССР.

Ну, а как же Ф. Рузвельт относился не вообще к свободе, а к свободе народов?

Рузвельт был весьма обаятельным и внешне любезным и в высшей степени деликатным человеком, которого могли с полным основанием называть «мистер-душка». Кстати, бытовало ласковое сокращенное его имя ФДР, что означало: Франклин Делано Рузвельт. Но фактически он был весьма твердым и жестким. Внешне своего истинного настроения ни при каких обстоятельствах не проявлял, был очень скрытным и неоткровенным. Всегда свои карты держал от собеседника закрытыми, стараясь выудить из последнего все до дна, лишь потом принимал решение. И даже если оно было очень суровым, то все равно подавалось вежливо приятным тоном.

И в молодости, и уже будучи президентом, Рузвельт по отношению к другим народам был просто беспощаден. Так, когда в 1914 году США напали на Мексику, то он открыто принародно заявил, что рано или поздно Соединенным Штатам пришлось бы вмешиваться в дела Мексики и наводить у них порядок в политической неразберихе. Такого не мог себе позволить даже президент, а Рузвельт это сделал, и никто его не оборвал, хотя он был просто чиновник.

А через 25 лет, 1 сентября 1939 года, когда он уже был президентом, Рузвельт получил из Парижа телефонный доклад своего посла во Франции о том, что ему сообщили из Варшавы о нападении Германии на Польшу. Немецкие дивизии вклинились далеко на ее территорию, идут тяжелые бои, а польскую столицу бомбят самолеты со свастикой. Как же отреагировал душка-президент на это тяжелейшее в мире событие? Как вел он себя,

когда свобода народа, целого государства растаптывалась на глазах всего человечества? Этот «гуманист» срочно среди ночи вызвал к себе секретаря Белого дома и, не скрывая радости, сказал:

— Прекрасно, Билл. Наконец свершилось. Да поможет нам Бог.

Можно представить дальнейшую логику Рузвельта: коль Гитлер напал на Польшу, то следует в дальнейшем ожидать, что Германия вступит в войну с Советским Союзом; следовательно, дальше надо ожидать развязывания войны с Японией с целью захвата Советского Дальнего Востока. Таким образом, выпады Японии против США исключались, а это то, что и надо было Соединенным Штатам.

12 марта 1940 года Советский Союз подписывает мирный договор с Финляндией. Это совершенно не отвечает интересам США, поэтому Рузвельт отдает распоряжение о свертывании миротворческой деятельности и прекращении торговли с СССР.

Но с началом войны Германии против Советского Союза Рузвельт принял энергичные меры по организации помощи нашему народу, надо было, чтобы Гитлер все свое внимание сосредоточил на Востоке, а не на Западе. В сентябре 1941 года в Москве состоялась тройственная (СССР — США — Англия) конференция, где были определены размеры взаимных поставок. При этом за получаемые военные материалы СССР расплачивался наличными.

Рузвельт был уверен, что германо-советская война определяет и военно-политический курс Японии, который в этих условиях не может предусматривать столкновения Японии с Соединенными Штатами. А это было стержнем всей стратегии американской дипломатии. Поэтому не мотивы защиты свободы народов Европы и тем более СССР, а втягивание Германии в длительную войну с Советами и надежда на то, что в этой свалке окажется и Япония, у нее просто нет другого выхода, — вот где был главный мотив руководства США. Тем более что в октябре 1941 года в Японии пало либеральное правительство и к власти пришел кровожадный Тодзио со своим агрессивным кабинетом.

С учетом того, что, по заключению президента США, вопрос о нападении Японии на СССР фактически уже предрешен и что теперь дело лишь во времени, соответственно ориентируются и соответствующие политические и военные структуры США, в том числе командующий Тихоокеанским флотом адмирал Киммель, штаб которого располагался на Гавайских островах. Но, оказывается, и великие люди ошибаются, особенно самовлюбленные.

В воскресенье утром 7 декабря 1941 года Япония наносит по Гавайям удар величайшей силы. США сразу теряют практически весь Тихоокеанский флот. Только за первый день было потоплено 8 (из 9) линкоров, 6 крейсеров, эсминец. На аэродромах было уничтожено 272 боевых самолета. Потери личного состава составили 3400 человек. Япония сразу захватила стратегическую инициативу, завоевала господство на море и начала свободно проводить наступательные операции в Голландской Индии, Малайе и на Филиппинах.

День нападения Японии на Тихоокеанский флот американцев стал днем позора для США.

Но это уже военная сторона дела. Что же касается этической и нравственной граней всей большой политики, построенной Рузвельтом, то она не может создавать ему ореол славы борца за свободу. Мир — свидетель тому, как он поначалу всячески уклонялся от объявления войны Германии, даже тогда, когда на США напал союзник Германии — Япония. Что есть, то есть.

И все же, как бы мы его ни критиковали, он все-таки, в сравнении с Черчиллем, был менее агрессивен, когда речь шла о народах, борющихся за свободу и независимость.

В то же время и Ф. Рузвельт, и У. Черчилль на заключительном этапе войны в Европе были главными вдохновителями и организаторами сепаратной капитуляции немцев, что совершенно не вяжется с их внешней миротворческой позицией и тем более с союзническими обязательствами в борьбе с немецко-фашистскими душителями свободы. А суть вопроса состояла в следующем.

Проводя в начале февраля 1945 года Крымскую (Ялтинскую) конференцию, главы трех союзных государств Сталин, Рузвельт и Черчилль условились о порядке принудительной безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Все единодушно пришли к выводу: фашистская Германия развязала кровопролитную мировую войну, что явилось тягчайшим преступлением перед человечеством, и, следовательно, никакого другого подхода к ней быть не может. Только полная и безоговорочная капитуляция! Там же было принято решение о создании в Германии зон оккупации, об учреждении общегерманского контрольного органа — Контрольного Совета, куда вошли Г. К. Жуков, Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери, П. Кёниг (последний французской стороной был заменен на генерала де Латтара де Тассиньи). Этот орган обязан был контролировать проведение мероприятий по ликвидации фашистского режима, разоружению германской армии, созданию государства демократического типа. Кстати, там же, на конференции, с учетом изложенной договоренности, Сталин от

имени Советского Союза дал согласие союзникам о вступлении в войну против Японии через 2–3 месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

Таким образом, были оговорены все основные принципы действий союзников по антигитлеровской коалиции, в том числе и о сроках вступления СССР в войну с Японией — именно после безоговорочной капитуляции Германии.

Советский Союз ставил перед собой цель — полностью и окончательно ликвидировать фашизм, не допустить в третий раз развязывания Германией мировой войны, восстановить национальную независимость и возродить демократический порядок в странах, находящихся под гитлеровской оккупацией, обеспечить длительное и всестороннее сотрудничество народов Европы и других континентов. Казалось бы, эти цели могли бы преследовать и страны-союзники. Однако этого не произошло.

США и Англия ставили перед собой совершенно иную цель — ни о каком фашизме, ни о какой демократии можно и не упоминать. Главное — изгнать немецких и японских конкурентов с мирового рынка, а самим гарантированно утвердиться в Европе и Азии. То есть для империалистических кругов этих стран в основе были и остаются навечно их ненасытные чрева, стремление к наживе и обогащению.

Таким образом, по договоренностям, гласно вроде все было нормально, негласно же — готовилась полярная противоположность устройства послевоенного мира. Это уже принципиально для планеты в целом. И хотя формально, согласно принятым на Крымской конференции и официально взятым обязательствам, каждая из трех стран должна была проводить согласованную по отношению к Германии единую политику, фактически США и Англия начали за спиной Советского Союза и втайне от своих народов плести сети с полярно противоположными задачами в сравнении с теми чаяниями, которые вынашивала мировая демократическая общественность.

Немецко-фашистское руководство еще с осени 1944 года, когда стала уже видна безысходность войны в целом для Германии, пыталось найти путь к сепаратным переговорам с Англией и США на приблизительно равных условиях. Вот почему Гитлер решил дать нашим союзникам встряску в Арденнах, рассчитывая тем самым подтолкнуть их к сделке. Однако Сталин сорвал его замысел и перешел в наступление с Вислы раньше установленного срока, пресек дальнейшие события на Западном фронте, не дал возможности осуществиться роковой для народов развязке. Немцы вынуждены были перебросить свои главные силы

на Восточный фронт. Однако уже тогда немцы через посольства Скандинавских стран, Швейцарию, Испанию, Ватикан и других, искали контакты с союзниками СССР. Англо-американцы это чувствовали, но, окрыленные нашей Висло-Одерской операцией и стремительным продвижением советских войск, хотели бы все-таки вести переговоры не на равных, как мыслил Гитлер, а на положении побеждающих. Это отвечало бы изложенной выше цели американского и английского империализма.

Уже в феврале 1945 года немецкие спецслужбы в перечисленных странах, контактируя с американской разведкой (наверняка без ведома Гитлера, а скорее всего по указанию Гиммлера), готовы были передать ценные информационные материалы по различным стратегическим проблемам, в особенности относительно Японии, что, несомненно, для США было чрезвычайно важно. В целях организации непосредственных контактов фигур, от которых зависела в большей степени судьба решений, 8 марта 1945 года руководитель американской разведки в Европе — печально известный миру А. Даллес с помощью начальника разведки Швейцарии генерала М. Вайбеля встречается в Цюрихе с генералом СС К. Вольфом — представителем германского военного командования группы армий «Ц» в Италии. Немцы предложили немедленно прекратить военные действия. В этих условиях немецко-фашистские войска смогли бы отойти на юг, юго-запад Германии и нести там комендантскую службу. Тем самым полностью открыть путь англо-американским частям на север Италии и в Австрию. Это полностью отвечало интересам США и Англии. Через десять дней также на территории Швейцарии А. Даллес встречается уже с представителями главнокомандующего союзными войсками в районе Средиземного моря — английского фельдмаршала Г. Александера. Уточняется ряд позиций. В это время германское командование по всему Западному фронту создает для англо-американских войск самую благоприятную обстановку для продвижения.

Руководители Советского Союза, имея прекрасную агентурную и иную стратегическую разведку, хорошо были осведомлены о всех этих хитросплетениях и внимательно следили за ходом событий. Естественно, что по этому вопросу было принято однозначное решение — сорвать закулисную игру англо-американского руководства с представителями фашистской Германии. Делается «утечка» информации для разведки США и Англии о том, что в СССР эти ходы известны.

Поэтому послы Соединенных Штатов и Англии в Советском Союзе (соответственно А. Гарриман и А. Керр) вынуждены были

12 марта 1945 года официально сообщить в МИД СССР о прибытии в Швейцарию немецкого генерала Вольфа с целью обсуждения с англо-американ-ским представительством вопроса о капитуляции германских войск в Северной Италии.

В. М. Молотов немедленно оповестил послов союзных стран, что Советский Союз желает принять участие в этих переговорах и намерен направить туда своих представителей. Послы также оперативно ответили, что их правительства считают такое участие нецелесообразным. Обсудив сложившуюся ситуацию, 16 марта 1945 года Молотов повторно направляет Гарриману и Керру послания, в которых настаивает на нашем участии в переговорах. При этом открыто дает понять, что игнорирование Советского Союза на переговорах с представителями Германии может быть расценено как нарушение союзнических обязательств. В связи с этим правительство СССР потребовало немедленного прекращения этих переговоров.

В связи с письмом Молотова Гарриману президент Рузвельт 25 марта 1945 года пишет Сталину: «…Я уверен, что в результате недоразумения факты, относящиеся к этому делу, не были изложены Вам правильно…» И далее Рузвельт излагает все происходящее в Швейцарии как обычный маневр противника — прийти с белым флагом и провести зондирование, как это могло произойти и на советско-германском фронте.

Тогда 29 марта 1945 года Сталин посылает Рузвельту резкое по тону и убедительное по содержанию следующее письмо:

> «Лично и секретно от Премьера И. В. Сталина Президенту г-ну Ф. Рузвельту.
>
> Я разобрался с вопросом, который Вы поставили передо мной в письме от 25 марта сего года, и нашел, что Советское правительство не могло дать другого ответа после того, как было отказано в участии советских представителей в переговорах в Берне с немцами о возможности капитуляции германских войск и открытии фронта англо-американским войскам в Северной Италии.
>
> Я не только не против, а, наоборот, целиком стою за то, чтобы использовать случаи развала в немецких армиях и ускорить их капитуляцию на том или ином участке фронта, поощрить их в деле открытия фронта союзным войскам.
>
> Но я согласен на переговоры с врагом по такому делу только в том случае, если эти переговоры не поведут к облегчению положения врага, если будет

исключена для немцев возможность маневрировать и использовать эти переговоры для переброски своих войск на другие участки фронта, и прежде всего на советский фронт.

Только в целях создания такой гарантии и было Советским правительством признано необходимым участие представителей Советского военного командования в таких переговорах с врагом, где бы они ни происходили — в Берне или Казерте. Я не понимаю, почему отказано представителям Советского командования в участии в этих переговорах и в чем они могли бы помешать представителям союзного командования.

К Вашему сведению, должен сообщить Вам, что немцы уже использовали переговоры с командованием союзников и успели за этот период перебросить из Северной Италии три дивизии на советский фронт.

Задача согласованных операций с ударом на немцев с запада, с юга и с востока, провозглашенная на Крымской конференции, состоит в том, чтобы приковать войска противника к месту их нахождения и не дать противнику возможности маневрировать, перебрасывать войска в нужном ему направлении. Эта задача выполняется Советским командованием. Эта задача нарушается фельдмаршалом Александером. Это обстоятельство нервирует Советское командование, создает почву для недоверия.

«Как военный человек, — пишете Вы мне, — Вы поймете, что необходимо быстро действовать, чтобы не упустить возможности. Так же обстояло дело в случае, если бы к Вашему генералу под Кенигсбергом или Данцигом противник обратился с белым флагом». К сожалению, аналогия здесь не подходит. Немецкие войска под Данцигом или Кенигсбергом окружены. Если они сдадутся в плен, то они сделают это для того, чтобы спастись от истребления, но они не могут открыть фронт советским войскам, так как фронт ушел от них далеко на запад, на Одер. Совершенно другое положение у немецких войск в Северной Италии. Они не окружены, и им не угрожает истребление. Если немцы в Северной Италии, несмотря на это, все же добиваются переговоров, чтобы сдаться в плен и открыть фронт союзным войскам, то это значит, что у них имеются какие-то другие, более серьезные цели, касающиеся судьбы Германии.

Должен Вам сказать, что, если бы на Восточном фронте где-либо на Одере создались аналогичные условия возможности капитуляции немцев и открытия фронта советским войскам, я бы не преминул немедленно сообщить об этом англо-американскому военному командованию и попросить его прислать своих представителей для участия в переговорах, ибо у союзников в таких случаях не должно быть друг от друга секретов.

Сталин».

29 марта 1945 года.

(Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-Министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., с. 198–199).

К этой переписке подключился Черчилль. В своем письме от 5 апреля он пишет:

«Личное строго секретное послание от г-на Черчилля маршалу Сталину.

Президент послал мне письма, которыми Вы обменялись с ним о контакте, установленном в Швейцарии между одним британским и одним американским офицерами из ставки фельдмаршала Александера и германским генералом по фамилии Вольф по вопросу о возможной капитуляции армии Кессельринга в Северной Италии. Поэтому я нахожу уместным послать Вам точное изложение фактов, касающихся действий Правительства Его Величества…»

И далее, как и у Рузвельта, идет описание, так сказать, обычной встречи, которые бывают на войне между отдельными группировками враждующих сторон, когда одна из них подняла белый флаг и проявляет желание капитулировать. Мол, ничего здесь выходящего за рамки союзных отношений нет, информация у Сталина недостаточная, оснований для беспокойства нет. То есть как и Рузвельт, Черчилль всячески пытается оправдаться, поскольку придание огласке факта таких встреч означало бы падение кабинета — общественность несомненно взорвалась бы, узнав, что за спиной Советского Союза пытаются вести сепаратные переговоры. И в заключение Черчилль пишет:

«…Что касается обвинений, которые Вы выдвигаете в

Вашем послании Президенту от 3-го апреля, которые также чернят Правительство Его Величества, я и мои коллеги солидаризуются с последней фразой ответа Президента.

5 апреля 1945 года».

(Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-Министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., с. 315–317).

Несмотря на всякие ухищрения наших уважаемых союзников, Сталин все-таки сорвал переговоры Даллеса с Вольфом и тем самым исключил сговор союзников с гитлеровскими генералами, которые предполагали перебросить из района Северной Италии несколько десятков немецких дивизий на Восточный фронт (нет, не для комендантской службы на юге Германии, как это прозвучало у Вольфа, а для войны против России) и открыть все пути в глубь Германии для форсированного продвижения англо-американских войск. А если бы сговор удался, то что было бы в итоге? В итоге — сепаратный мир на англо-американо-германских условиях. А как же с верным союзником — Советским Союзом? А как с мировым общественным мнением? Верно, вопрос требует ответа. И он заготовлен.

Ну кто в мире, включая Советский Союз, будет выступать против скорейшего окончания войны, против сохранения тысяч и тысяч человеческих жизней и недопущения дальнейшего разрушения созданных цивилизацией ценностей? Конечно, никто! Это выглядит даже кощунственно. А как же с возмездием, ликвидацией гитлеровского фашизма и уничтожением корней, порождающих уже не в первый раз мировую войну в Европе? С этим разберемся потом. Главное — закончить войну, а там будет видно.

Имелось в виду, что, закончив войну сепаратным миром, англо-американцам можно было бы «причесать» всю Европу, в том числе Германию, под свой политический знаменатель. И продемонстрировать миру свой «решающий» вклад в дело разгрома фашистской Германии. А последней продиктовать в сепаратном мире условия, которые бы оставили зародыши всего того, в чем заинтересован германский и мировой капитал. А как же Крымская конференция? Ну, зачем держаться, как слепой за стены, за все положения, которые когда-то были выработаны, хоть и совместно?! Обстоятельства изменились. Ведь это же война. Жизнь потребовала новых решений во имя мира. Вот вам и новые решения.

Вполне возможно, что ход рассуждений союзников был или мог быть таким, как здесь изложено.

Сталин, как рентген, просвечивал наших союзников и видел далеко вперед, чем все это кончится и какую в перспективе угрозу миру хотят они оставить в Европе. Поэтому руководителем СССР были приняты все меры к пресечению сепаратизма. Тем самым создавались все условия для завершения войны на основе принятых в Тегеране и Ялте решений в целях установления справедливого, прочного и демократического мира. Демонстрация верности подписанным документам, открытость, честность, благородство и ясность действий наших дипломатов и военного командования «разоружили» союзников, и они вынуждены были идти по ранее согласованному пути.

Мы сегодня отдаем должное Черчиллю, который по прошествии многих лет после этих событий многократно официально и в личных беседах высказывался объективно и восхищался гением Сталина. Так было в день смерти Иосифа Виссарионовича. Это имело место и в речи Черчилля в парламенте, заседание которого было посвящено в 1959 году 80-летию со дня рождения Сталина. Это отмечалось и в его многочисленных произведениях. Черчилль был потрясен возможностями Сталина вообще, в том числе всеми его действиями и дипломатическими ходами в период Второй мировой войны.

И остается только сожалеть, что судьба не позволила Рузвельту как бы подвести черту под войной, высказаться о ней и, более широко, о личности Сталина и что фактически расставание с ним произошло внезапно, в момент недостаточно теплой, хотя и искренней переписки.

Кто бы что ни говорил о Рузвельте, но он вошел в Великую тройку американских президентов: Линкольн — Вашингтон — Рузвельт. И, конечно, он оставался сторонником мирного сосуществования с Советским Союзом, хотя и был капиталистом. Разумеется, своей политикой он отражал интересы монополистического капитализма и всячески мешал рабочему классу организоваться. Но другого пути у него не было. Точнее, другие пути вообще-то существовали — ведь материально обеспеченная семья Ульяновых дала миру Александра — революционера и Владимира — не просто революционера, а человека, создавшего мощную партию трудящихся, которая выступила против того класса, откуда он происходил сам, и преобразила мир. Они вот пошли другим путем. Но Рузвельт, отражая интересы своего класса, смог найти своему обществу в целом то место в мировом сообществе, которое позволяло США

быть в нормальных отношениях с любым государством, независимо от государственного устройства. Неспроста Рузвельт заявлял частенько: «Я нахожусь немного левее центра». Жаль только, что центр в политической жизни США всегда дрейфовал вправо. И жаль, что такая незаурядная личность покинула этот мир, прожив всего 63 года.

Франклин Делано Рузвельт внес значительный вклад в создание антигитлеровской коалиции. Он придавал огромное значение послевоенному международному сотрудничеству и учреждению во имя этого ООН. Он был за сотрудничество с Советским Союзом, высоко оценивал героизм советских людей в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. Именно по инициативе Рузвельта его правительство в 1933 году установило дипломатические отношения с Советской Россией.

Это немецко-фашистская элита безумствовала от радости, что умер Рузвельт. Еще накануне его смерти в бункере у Гитлера особым вниманием пользовалась книга о Семилетней войне 1756–1763 годов. Внимание окружающих Гитлера привлек один исторический эпизод, когда смерть российской императрицы Елизаветы фактически спасла жизнь Фридриха Второго, который уже намеревался покончить с собой. Дело в том, что после Елизаветы на российский трон пришел царь Петр III, который немедленно заключил мирный договор с Фридрихом Вторым и фактически начал всячески помогать пруссакам. Почему? Да потому, что сам он был Гольштинским принцем.

Гитлер и Геббельс взвыли от радости, прослышав о смерти президента США. Они сразу же начали проводить аналогии между смертью императрицы Елизаветы Петровны и Рузвельта. Они считали, что со смертью последнего судьба станет к ним более милостивой. Историк Тревор Ропер в книге «Ласт Дайз о Гитлере» (с. 141–143) пишет, что Геббельс восклицал: «Вот где поворотный пункт. Это как смерть царицы во время Семилетней войны». А Гитлеру он говорил: «Мой фюрер! Я поздравляю вас. Рузвельт умер. Звезды указывают, что вторая половина апреля станет для вас поворотным пунктом. Сегодня пятница, 13 апреля. Это и есть поворотный пункт».

Да, конечно, немецко-фашистским преступникам хотелось, очень хотелось спасти свои жизни. Но судьба и все человечество от них отвернулись.

Правда, даже после провала сепаратных переговоров в Швейцарии и смерти Рузвельта союзники опять, уже с Трумэном, чуть было не перекинулись на сторону немцев. Но наша разведка постоянно следила за каждым шагом всех деятелей противогитлеровской коалиции. Поэтому вполне закономерна

телеграмма Сталина, адресованная командующему 1-го Белорусского фронта, приведенная генералом С. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны» (кн. 2, с. 418):

> «Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину надо разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать».

Наблюдая стремительное продвижение наших войск, 20 апреля, т. е. накануне их выхода в пригороды Берлина, ближайшие соратники Гитлера Гиммлер и Геринг покинули столицу и, действуя независимо друг от друга, стали искать прямые контакты с англо-американцами с целью заключения сепаратного мира. Для достижения поставленной цели использовались все средства. Однако Геринг был пленен американскими войсками. А Гиммлеру удалось 23 апреля отыскать старого приятеля — председателя шведского Красного Креста графа Бернадотта, через которого он сообщил Эйзенхауэру, что немцы готовы сдаться ему в плен. При этом он заявил, что на востоке они будут сдерживать русских, пока не подойдут англо-американские войска. Эйзенхауэр срочно сообщил об этом Трумэну. Поскольку Черчилль первоначально согласился с предложениями Гиммлера, Трумэн был вынужден заявить, что «Америка может согласиться лишь на безоговорочную капитуляцию на всех фронтах при наличии соглашения с Россией и Англией… Мы должны выполнить свои обязательства» (адмирал У. Леги. «Личная история о главе государства президенте Рузвельте и Трумэне», с. 354–355).

Что произошло? Почему Трумэн, который по своим убеждениям был значительно правее Черчилля, вдруг не согласился с последним, а пошел с русскими? Дело в том, что Вторая мировая война полностью еще не была окончена, на очереди стояла Япония, а Советский Союз на Ялтинской конференции взял обязательство вступить в войну с Японией через два-три месяца после безоговорочной капитуляции Германии. В разгроме Японии США были заинтересованы не меньше, чем в разгроме Германии. А это можно было сделать только с помощью СССР, его мощных Вооруженных Сил.

Кроме того, Трумэн, несомненно, учитывал, что у американского народа не изгладилось из памяти все то хорошее, что говорил Рузвельт о Советском Союзе: и о его выдающейся роли в разгроме немецко-фашистских войск, о самоотверженности советских людей, о верности союзническим

обязательствам. Видимо, они помнили и его слова о том, что в послевоенное мирное время мы должны сотрудничать так же, как это было в годы тяжелых военных испытаний. Поэтому действия Черчилля, направленные на подталкивание уже теперь президента Трумэна против Советского Союза, эффекта не имели.

Неудивительно, что Черчилль в своих мемуарах «Вторая мировая война» (т. 6, с. 400) пишет:

> «Соединенные Штаты не имели ясных и последовательных целей (по Черчиллю — общий враг — это не цель?! — Авт.). Англия, хотя она все еще оставалась весьма сильной державой, не могла одна действовать решительно. В этот период я мог лишь предупреждать и взывать. Таким образом, этот, казалось бы, кульминационный период безмерного успеха был для меня наиболее печальным».

Вот так-то! Разгром фашистской Германии, развязавшей Вторую мировую войну, которая унесла в могилу десятки миллионов жизней, для Черчилля был печалью?! Почему? Да потому, что не удалось урвать на заключительном этапе войны столько, сколько хотелось. Победные шаги Советских Вооруженных Сил он воспринимал, очевидно, с не меньшим страданием, чем и Гитлер. Наша победа для него была его личной трагедией.

Поэтому, чем ближе подходил день и час подписания безоговорочной капитуляции, тем большими становились суета и напряжение у наших союзников и правителей Германии. Никто из них не хотел, чтобы подчеркивалась достойная роль в этой победе наших Вооруженных Сил и в целом СССР.

Адмирал К. Дениц, которого Гитлер в завещании благословил на пост главы Германии, делал все, чтобы спровоцировать разногласия между союзниками. По его распоряжению, в ставку Эйзенхауэра (город Рейнс) прибыл адмирал Фридебург, который сообщил, что весь немецкий флот в портах Балтийского моря, а также находящиеся там немецкие гарнизоны капитулировали и переданы фельдмаршалу Монтгомери. Он также сообщил, что часть сил групп армий, находящихся в Центральной и Западной Германии (Бавария, Тироль, Форарльберг) и в западных районах Австрии, сдались американскому генералу Доверсу. В то же время немецкий посланец поставил вопрос о частичной капитуляции немецких войск, находящихся на юге страны. Очевидно, новое немецкое руководство рассчитывало на то, что, сохранив хоть какую-то часть своей армии, немцы вправе будут рассчитывать хотя бы формально на сохранение государственности. Однако

Эйзенхауэр потребовал только безоговорочной капитуляции всех войск на всех фронтах.

На следующий день Дениц посылает к Эйзенхауэру более гибкого и самого опытного военного деятеля Йодля, который растолковал выгодность их условий: первое — Западный фронт полностью открывается немецкими войсками, а на Восточном продолжаются боевые действия; второе — после подписания акта о капитуляции немецкому командованию предоставляется двое суток на проведение организационных мероприятий. Если, например, документы подписаны 8 мая, то реальное осуществление сдачи войск может проводиться 10 мая. Под давлением своего начальника штаба генерала У. Смита Эйзенхауэр согласился, но уточнили даты: подписание документов о капитуляции в полночь 6 мая, а сдача войск — с полночи 8 мая. Дениц согласился.

Поскольку правительства США и Англии считали, что война в Европе закончена, они предложили: главы правительства трех держав должны объявить о победе над фашистской Германией 8 мая.

Так как на советско-германском фронте боевые действия продолжались и Дениц никаких распоряжений о капитуляции немецких войск на Восточном фронте не отдавал, Сталин сообщил Трумэну и Черчиллю, что такое заявление будет преждевременным и лишь введет мировое общественное мнение в заблуждение. Однако и тот и другой ответили, что уже поздно что-то менять — механизм объявления уже запущен. Они спешили с объявлением о капитуляции немцев перед англо-американцами с тем, чтобы не была подчеркнута решающая роль СССР в победе.

Однако Сталин продолжал настаивать на том, чтобы все было сделано честно и объективно. Он направляет главам государств послания следующего содержания:

> «Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть ее подпишет кто-то из главарей бывшего нацистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством (С.Штеменко. «Генеральный штаб в годы войны», т. 2, с. 323).

Железная логика! Ничего не убавишь и не добавишь. И если

бы это послание было предано гласности, то, конечно, оно получило бы поддержку во всех странах мира. Поэтому Трумэну и Черчиллю ничего иного не оставалось, как дать согласие. При этом они решили объявить, что проведенное в Рейнсе мероприятие является предварительной капитуляцией. Все согласились с тем, что Акт о капитуляции будет подписан 8 мая в Берлине по всем правилам дипломатических процедур. Советское Верховное командование не дало никому и малейшего шанса отклониться от ранее принятых в Крыму и Тегеране решений.

Итак, подписание Акта о безоговорочной капитуляции проводится в Берлине в Карлсхорсте (юго-восточный район столицы Германии) в здании одного из военных училищ. Центральный зал, где происходит церемония подписания документов, украшен государственными флагами СССР, США, Англии и Франции. В зале присутствуют все прославленные военачальники, войска которых принимали участие в штурме Берлина, представители советской прессы и радио, а также средств массовой информации основных стран мира.

Ровно в полночь 8 мая 1945 года в зал входят представители Советского Верховного командования и союзного Верховного командования. Торжественную церемонию подписания открывает маршал Г. К. Жуков, которому Советское правительство поручило представлять Советский Союз. Георгий Константинович в своей книге «Воспоминания и размышления» (т. 2, с. 323) воспроизводит сказанные тогда слова:

> «Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск… уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования».

В зал входят представители немецкого военного командования: начальник штаба верховного главнокомандования вермахта фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал флота Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф. Они были уполномочены подписывать Акт о капитуляции, в связи с чем представили Жукову и генералам союзных войск соответствующие документы, подтверждающие эти полномочия и подписанные главой германского правительства Деницем. Акт подписывается в девяти экземплярах. В нем говорится:

> «1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени

Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23–1 часа по центрально-европей-скому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Командованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными».

Теперь, когда вы познакомились с этим документом, а также мысленно представили всю церемонию подписания Акта о безоговорочной капитуляции, я напомню вам слова Сталина об окончании войны:

> «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию… Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом» (И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», с. 192–193).

Мы считали и считаем, что победа над гитлеровской Германией и ее сателлитами в Европе была достигнута благодаря совместным согласованным усилиям всех стран антигитлеровской коалиции, как сказано в речи Сталина. Но основную тяжесть этой войны вынес на своих плечах советский народ, главный вклад в дело разгрома фашистской Германии, конечно же, внесли Советский Союз и его Вооруженные Силы.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне — это историческое эпохальное событие, которое навечно останется в памяти человечества. Слава подвига нашего народа не померкнет в веках. Эта Победа вознесла наш народ на высшую ступень пьедестала Славы, и человечество вечно должно быть благодарно ему за спасение от коричневой чумы XX века — германского фашизма.

Гитлеровские полчища растоптали всю Европу, и никто в мире не смог остановить эту военную машину. Вся Франция защищалась ровно столько, сколько оборонялась одна наша Брестская крепость.

Советский Союз не только остановил зарвавшегося агрессора — он нанес ему решающее поражение, перемолотив сотни дивизий, тысячи танков, самолетов и орудий. Наши Вооруженные Силы вышвырнули оккупантов с нашей священной земли, освободили от оккупантов многие страны Европы и, наконец, в прах разгромили гитлеровскую Германию. Мы благодарны союзникам за участие в этом своими войсками на завершающем этапе войны в Европе.

Важнейшим итогом нашей Победы является снятие реальной угрозы фашистского порабощения мира и открытие для многих

народов путей к установлению истинной демократии. После нашей Победы началось национально-освободительное движение в колониальных странах. Политическое лицо планеты изменилось.

И, конечно, каждый раз, когда 9 мая мы отмечаем День Победы, все народы обязаны отдать должное памяти тех, кто погиб в бою, защищая Отечество, сказать спасибо живым за их ратный труд и обеспечение свободы и независимости нашей Родины.

Наши победители, спасая страну и народ от гибели, шли в бой во имя этой святой цели, не щадя себя, веря, что вместе с нашей Победой придет время, когда советская держава, став Великой страной, станет процветать, а ее народ будет жить счастливо и спокойно.

И если быть объективным, то именно на этот путь наша страна после войны и встала.

За первую послевоенную пятилетку Советский Союз залечил свои раны и вышел по основным показателям народного хозяйства на рубежи предвоенного 1940 года. А еще через одну пятилетку, т. е. в 1955 году, мы удвоили (а по некоторым показателям даже утроили) свое производство и были на уровне самых передовых стран мира, в том числе США.

Важно заметить, что мы в 1947 году первыми из стран антигитлеровской коалиции отменили после войны карточную систему (США это сделали через год после нас, а Англия — через два). Начиная с 1948-го и по 1954 год, т. е. еще год после смерти Сталина, мы постоянно снижали цены на продовольствие и на основные виды товаров широкого потребления. Причем делалось это не символически, например, на 2–3, а капитально — на 15, 20, 30, а по некоторым видам товаров даже на 40 и 50 %. Ежегодно! И это не фантазия, а реальность. Сейчас же, с 1992-го по 2000 год цены растут не только ежегодно, но ежемесячно и даже еженедельно. А после августовского 1998 года обвала рубля цены резко рванули вверх — на 300–400 %. Стал вопрос об элементарном выживании нации.

На этом фоне послевоенные десять лет вспоминаются, как сказка. Никакая страна в мире не могла себе позволить такого сокращения цен, как у нас в послевоенные годы. Никакая страна на планете не имела таких темпов развития, как Советский Союз. Вот почему Запад тогда был сильно обеспокоен. Он видел в лице Советского Союза не только основного экономического конкурента, но и главного идеологического оппонента. При этом признавалось, что ни политическим, ни экономическим, ни тем более силовым (военным) путем этого конкурента убрать нельзя.

Поставить Советский Союз на колени невозможно! В этих условиях Запад видел только один выход для себя — взорвать нашу страну изнутри. Что и было сделано.

Но еще несколько мыслей об итогах войны и о Победе.

Нашему народу и человечеству в целом нужна только историческая правда. Никакие измышления недобросовестных, беспечных политиков и историков, направленные на принижение роли Советского Союза во Второй мировой войне, никакая ложь о якобы неспособности нашего политического руководства времен Великой Отечественной войны управлять страной и о бездарности наших полководцев утвердиться никогда не смогут. И не только потому, что ложь и клевета будут человечеством отвергнуты, как мразь и нечто инородное, а потому что элементарная логика убеждает даже школьника: где — черное и где — белое.

Если допустить, что наше политическое руководство оказалось неспособным управлять государством в годы войны, а полководцы были такие бестолковые и бездарные, то почему не немцы овладели Москвой, а мы взяли штурмом Берлин? Не немцы поставили Советский Союз на колени, а мы разгромили гитлеровскую Германию? Не немцы и их союзники победили, а мы водрузили Знамя Победы над рейхстагом и вместе со своими союзниками победили, заставив немецко-фашистские войска капитулировать безоговорочно и на всех фронтах?

Почему???

Да потому, что и Верховное Главное Командование во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, и полководцы Советского Союза, несомненно, были значительно выше нашего противника. И если посмотреть на военные потери, которые понесли обе стороны, то они говорят о многом. А они таковы:

— «…людские потери Германии, а также ее союзников, воевавших в Европе против Советского Союза… составили 8649, тыс. человек».

— «…потери Советских Вооруженных Сил вместе с пограничниками и внутренними войсками составили 8668,4 тыс. человек» (Генеральный штаб, 1993 г. «Гриф секретности снят». Генерал-полковник Кривошеев, с. 391 и 129 соответственно).

В этих цифрах не учтено 1 миллиона 200 тысяч немецких солдат и офицеров, плененных на советско-германском фронте после 9 мая 1945 года, где бои продолжались.

Следовательно, миф о том, что якобы наши войска понесли в сравнении с противником значительно большие потери и, что, мол, за счет этого выигрывались сражения, — не имеет никаких оснований.

2 мая 1945 года, хотя бои в Берлине и закончились, а

гарнизон города капитулировал, но чувства, сопровождающие каждого солдата на войне, нас не покидали. Мы многократно поздравили друг друга с Победой и окончанием войны, с утра побывали в рейхстаге, расписались на его колоннах, сделали памятные любительские фотографии у рейхстага и Бранденбургских ворот, послушали наших знаменитостей Смирнова, Твардовского и других, выступавших здесь же перед солдатами, проехали на трофейном «Оппель-капитане» по Александр-плац… Кое-кто сходил к бункеру, где последнее время находился Гитлер. Казалось бы, все ясно: бои закончились, война позади, тем более что об этом было многократно объявлено по радио официально, а многочисленные агитационные машины, расставленные по улицам Берлина, транслировали торжественные мелодии, советские песни военных и предвоенных лет. К нашему настроению особенно подходили довоенные песни, напоминающие родные края, отчий дом, прежнюю мирную жизнь.

Все! Война, длительная и тяжелая война наконец закончилась. И все же настроение у всех было такое, что в окончание этой тяжелой, кровавой схватки почему-то не верилось. Не верилось, что уже не последует команда: «К бою!» Может, поэтому все как были с заряженным оружием, так и ходили с ним. Не верилось, что мы можем идти свободно, в полный рост, не пригибаясь и не прячась за какое-нибудь укрытие.

К исходу следующего дня части нашей дивизии были выведены в пригород Берлина, где расположились в довоенном добротном, мало пострадавшем от боевых действий военном городке. С каким-то азартом стали приводить его в порядок. Откуда-то появились ремонтные материалы, а строителями были фактически все. Каждый второй солдат — мастер на все руки: и столяр, и плотник, и жестянщик, и кровельщик, и слесарь, и электрик, и сантехник, и каменщик, и маляр и т. д. Руки наши просто изголодались по мирной работе. Уже через неделю военный городок было не узнать — все блестело, дышало забытым за годы войны уютом, газоны и деревья «дымились» нежной весенней зеленью. И все же, несмотря на мирную обстановку, тревога не покидала нас.

Возможно, на общее настроение и атмосферу влияла информация о том, что у нас в районе Берлина и в Германии в целом бои закончились, а вот Украинские фронты продолжали проводить Пражскую операцию. На территории Чехословакии была окружена огромная группировка. И хотя акт о капитуляции в Карлхорсте был подписан в ночь с 8 на 9 мая, сражения Второй мировой войны закончились лишь 11 мая, когда можно было

сказать, что в Европе пожар погашен. Более 860 тысяч немцев было взято в плен в результате только Пражской операции. Немало погибло наших воинов, которые прошли от Волги до Берлина и Праги и сложили головы уже после Победы. Это было особенно горько и тяжело…

12 мая во всех частях и подразделениях нашей дивизии, как и во всех войсках, прошла политинформация, которая окончательно ставила точку и подводило черту под всеми боями и операциями. Личный состав нацеливался на мирную учебу, на внедрение в жизнь и быт войск уставного порядка. Начиналась обычная мирная служба, от которой все отвыкли. А для меня она была вообще неизвестна, если не считать учебу в военном училище в первый год войны.

Сознанием мы все воспринимали так, как надо, а душа была почему-то опустошена. Казалось бы, в те дни надо было только радоваться, и мы действительно радовались, и были безмерно счастливы. Только с радостью соседствовала горькая печаль — каких товарищей мы потеряли! Да и всем своим существом привыкнув за эти годы к ратному труду, мы не могли без внутренней ломки сразу перестроиться на мирный лад. У меня ощущение мира пришло уже потом — после Москвы, после Парада Победы.

О параде Победы.

15 мая командир полка подполковник Андреев, пригласив к себе в кабинет, устроил нечто вроде «допроса»:

— Зачем вас вызывает командир дивизии?

— Понятия не имею…

— А все-таки? Вы ему рапорт на какую-нибудь тему посылали?

— Нет, и не думал. Ни ему, ни командующему артиллерией дивизии.

— А у вас в артиллерии никаких происшествий нет?

— Да не должно быть.

— Это и дураку понятно, что не должно быть, — нервничал Андреев, — а на самом деле какая обстановка?

— И на самом деле все в порядке. Мне только непонятно, зачем вы мне задаете вопрос — почему комдив вызывает. Вы спросите об этом самого комдива, и все станет ясно.

— Вы, капитан, не указывайте мне, как надо поступать. Разберемся без помощи. А вот вы обязаны явиться сегодня к командиру дивизии в 12.00 часов.

— Разрешите идти?

— Нет, погодите. Когда побываете у комдива — явитесь ко мне и подробно доложите.

— Есть подробно доложить!

Повернулся и вышел. Вышел, как всегда, с неприятным осадком в душе. До чего же этот комполка сварливый и нудный человек! Ни в кого не верит. Всех в чем-то подозревает. Разговор ведет обязательно в присутствии свидетелей. При этом, как правило, присутствует уполномоченный «Смерша». Видимо, хотел в глазах особого отдела выглядеть на уровне. То ли уже имел «подзатыльник» по линии НКВД, то ли трусливый характер вынуждал его перестраховываться, но нам, подчиненным, было с ним весьма неуютно.

Явившись к командиру дивизии полковнику Смолину, я доложил ему о прибытии по его приказанию и добавил:

— Командир полка то ли удивлен, то ли обеспокоен, что я вызван к вам.

Комдив положил свою руку-протез на стол, пригласил меня сесть и, не отреагировав на мою фразу, начал издалека: «Как дела в полку в целом, в артиллерийских подразделениях, как устроились, какие нужды, что больше всего беспокоит солдат и офицеров, какие взаимоотношения с командиром полка?»

Отвечая подробно и конкретно на каждый вопрос, я все-таки уклонился от деталей взаимоотношений с Андреевым. Однако комдив еще раз потребовал рассказать, как сложились отношения у командира полка с офицерами. И опять я ему ответил:

— В пределах нормы.

Улыбнувшись, Смолин не стал больше настаивать, но было видно, что он располагает нелестными отзывами и, очевидно, хотел все-таки кое-что уточнить. Видимо, вполне удовлетворившись моей оценкой ситуации, Смолин перешел непосредственно к причине моего вызова:

— Как говорится, сразу быка за рога. Чего бы ты хотел: поехать в Москву на Парад Победы или поступить на учебу в военную академию? Причем учти, что экзамены будут формально условными. Все в основном будет зависеть от рекомендации командования.

— Товарищ полковник, конечно, я хотел бы попасть на Парад Победы. Это историческое событие! Такое бывает раз в жизни! Что касается военной академии, то еще надо принять решение в принципе на всю последующую жизнь — быть военным или идти в гражданку.

— Верно! Я так и предполагал, что выберешь парад. Такая веха останется в памяти на всю жизнь. От нашей дивизии с каждой части по одному человеку, но при условии, что у него грудь в орденах и сам ростом не менее 180 сантиметров. В общем, гвардейцы. А вот по части военной академии мне не нравится, что ты стоишь на распутье. О какой гражданке может идти речь? У тебя же богатейший военный опыт! Прекрасно проявил себя в боях, сейчас тебе 21 год, а ты уже заместитель командира полка. Кто же еще, как не такие, как ты, должны оставаться в нашей армии?! Нет, дорогой товарищ, ты это брось. Конечно, надо остаться в строю и посвятить свою жизнь защите Отечества. Это очень трудное, но благородное дело. Думаю, на эту тему больше объясняться не будем. А сейчас иди в штаб армии и представься начальнику штаба армии генерал-лейтенанту Белявскому. Он лично занимается формированием сводной роты от 8-й Гвардейской армии. Все наши уже там. Тебя вот командир полка почему-то задержал…

Смолин поднял телефонную трубку и сказал телефонисту, чтобы его соединили с командиром 101-го Гвардейского стрелкового полка. Связь работала отлично. Командир полка оказался у аппарата.

— Товарищ Андреев, — официально начал разговор командир дивизии, — командованием принято решение капитана Варенникова вместе с другими направить от дивизии на Парад

Победы. Сейчас он был у меня, и я его направил в штаб армии, возможно, он будет возглавлять подготовку сводной армейской группы…

Подполковник Андреев что-то начал говорить командиру дивизии, видно, не в мою пользу, отговаривая его от принятого решения. Но Смолин проявил твердость:

— Да нет! Я его отлично знаю по войне уже не один год. Он, конечно, достойный кандидат. А что касается длительного его отсутствия, так это будет в пределах полутора месяцев. Думаю, что артиллерия полка за это время не развалится, тем более что командиры батарей все люди опытные и ответственные.

Видно, Андреев продолжал убеждать комдива в обратном, тот все больше и больше хмурился. Наконец отрезал:

— Решение принято, изменять его не будем. До свидания.

Обращаясь ко мне, комдив сказал, чтобы я шел в штаб армии, а он сейчас позвонит генералу Белявскому. И уже на ходу добавил, чтобы я до отъезда все хорошо организовал и оставил за себя достойного офицера.

С Белявским разговор был короткий, но приятный. Он откровенно сказал, что рад моему приходу. Это меня несколько удивило. Затем мы отправились с ним на стадион перед штабом армии. Там было около пятидесяти солдат и сержантов. Все рослые, представительные, с множеством наград. Начальник штаба армии попросил всех подойти и представил меня:

— Вот я вам привел вашего командира. Капитан Варенников — заместитель командира 101-го Гвардейского стрелкового полка по артиллерии 35-й Гвардейской стрелковой дивизии. Имеет отличную подготовку. Хороший методист. Надеюсь, что наша армейская сводная рота подготовится для участия в параде лучшим образом. Желаю успеха.

Генерал ушел, а я остался. Мы перезнакомились. Оказывается, некоторая часть солдат уже ушла в казарму (все располагались в одном месте). Договорились встретиться завтра в девять утра и приступить к занятиям. С одним из сержантов условились, что он в казарме сегодня составит список всего личного состава нашей роты.

На следующий день все были построены по ранжиру и разбиты на шесть шеренг по десять человек в каждой со старшим на правом фланге. Объявил порядок, содержание и метод проведения занятий, и «машина» заработала. На мой взгляд, эффективность была хорошая. Но главное было в том, что всем нравилось заниматься и все были заинтересованы в этом.

На второй день занятия шли уже организованно. Личный состав заметно подтянулся. Так уж вышло (как это покажется ни

странно), что на протяжении всей долголетней службы, в том числе и на высоких военных постах, мне приходилось уделять этому виду подготовки военного человека особое внимание. Это не муштра, не шагистика «ать-два», как говорил мне в свое время Горбачев. В строевой выучке заложены важные моменты воспитания настоящего военного. Тем более это не некое самодурство командира или военачальника, как это принято показывать отдельными, даже талантливыми режиссерами на экранах кино и телевидения. У настоящего военного должна быть отличная военная выправка, осанка, умение правильно ходить. Но самое главное — четко и быстро выполнять все команды. И это все делает строевая подготовка.

Почему-то считается естественным певцу или музыканту без конца повторять гаммы. Так вот, занятия по строевой подготовке аналогичны — постоянно повторять строевые гаммы. У каждой профессии своя специфика.

Строевая выучка (подготовка) — предмет военной профессии. Дилетант видит в ней все заурядным, а военным чинам вообще, мол, не надо иметь ума, чтобы скомандовать, например: «Смирно! Шагом марш!» Что тут? Никакой даже тактики, не говоря уж об оперативном искусстве и тем более стратегии. Но так могут рассуждать такие, к сожалению, как кинорежиссер Э. Рязанов, который считал подвигом свои действия, которые обеспечили ему уклонение от службы в Вооруженных Силах.

Мол, Отечество защищать — это не для меня. Я выше всего этого! Этим должны заниматься «совки», а я человек искусства, голубых кровей. А ведь граждане 1927 года рождения — это последний военный призыв. Многие из них даже успели побывать в боях. Но если к своему долгу подходили бы с меркой Рязанова все военнообязанные? О какой победе над немецко-фашистскими захватчиками можно было бы мечтать? А разве самому Рязанову улыбнулось бы счастье окончить в 1950 году Всесоюзный государственный институт кинематографии, его режиссерский факультет и раскрыть свой творческий потенциал, дарованный природой? Скорее всего, нас постигло бы огромное горе. Но это не случилось потому, что подавляющее большинство народа — это патриоты своего Отечества.

Почему в военной жизни все начинается со строевой подготовки? Да потому, что она, как ни странно, обеспечивает в конечном счете управление войсками. С ее помощью прививается четкость, подтянутость, исполнительность, конкретность. «Испаряется» все ненужное, отсеивается вся гражданская «шелуха».

Если опытный офицер, приняв часть, видит, что она

«хромает» по дисциплине, общему порядку, организованности, то он начинает не только с разъяснений, убеждений и призывов — он увеличивает количество и стремится улучшить качество строевых занятий. Это уже многократно проверено жизнью. Строевые занятия, как и любые другие, должны быть интересными, захватывающими, а не изнуряющими. Почему я так подробно остановился на всем этом? Да потому, что всегда весьма щепетильно относился к любому поручению и видел в нем важное.

Именно этим я и руководствовался, когда организовывал подготовку вверенной мне роты.

Однако у нас был эпизод, о котором нельзя умолчать.

На третий или четвертый день занятий к нам на стадион пришел командующий армией генерал-полковник Чуйков и начальник штаба армии генерал-лейтенант Белявский. Заметив их еще издалека, я, поскольку время подошло к перерыву, даю команду: «Перерыв. Не расходиться!» Давая вторую часть команды, я предполагал, что руководство, возможно, пожелает побеседовать с личным составом или прикажет построить его и пройти торжественным маршем, чтобы оценить уровень подготовки. Но в принципе я, конечно, допустил ошибку — надо было роту построить и доложить командующему. Когда генералы вошли в зону отведенной для нас территории, я скомандовал: «Рота, смирно!» Подошел к командующему и начал докладывать. Чуйков, оборвав меня, резко спрашивает:

— Почему рота не занимается?

— Занимается, но сейчас я объявил перерыв.

— Но ты же видел, что я иду?

— Вот поэтому и объявил перерыв — возможно, вы поговорите с личным составом.

— Какой… назначил его старшим? — обращается Чуйков к Белявскому. Последний, являясь человеком деликатным, конечно, не мог ему сказать, что это сделано решением командарма, и потому промолчал. А Чуйков, уже глядя на меня в упор, резко произнес:

— Я снимаю тебя с этой должности, можешь отправляться в дивизию!

— Разрешите идти?

— Иди! — И далее — опять Белявскому: — Назначить толкового офицера из штаба армии и чтобы докладывал ежедневно о ходе подготовки.

Конечно, было неприятно и обидно, что все так получилось. Да и возможность побывать на параде мне явно «улыбнулась». Я прибыл к командиру дивизии и доложил о случившемся.

Полковник Смолин, зная отлично характер нашего командарма, не задал ни одного вопроса и даже не пожурил, а сказал:

— Ну и хорошо. Иди в полк и приступай к работе. Проблем у нас полно, особенно с организацией плановой боевой учебы. Вчера я был на занятиях в 102-м Гвардейском стрелковом полку. Так все бестолково, учебная база такая убогая, личный состав просто мучается. Надо все капитально налаживать. До свидания.

Прибыв в полк, представился подполковнику Андрееву. Он развел руками:

— Слышал, слышал. Командир дивизии звонил. Скажите, командующий армией знает, что вы из 101-го Гвардейского стрелкового полка?

Я утвердительно кивнул головой. А командир полка продолжил:

— Да, этим дело может не окончиться. Ведь это же пятно на весь полк!

Зашел заместитель командира полка по политической части майор В. В. Уткин. Командир полка к нему:

— Вы представляете, Владимир Васильевич, его отстранил от подготовки к параду лично Чуйков! Но самое прискорбное в том, что командующий армией знает, что капитан Варенников из 101-го Гвардейского стрелкового полка. Теперь ляжет тень на весь полк… Вы посмотрите на него — он еще и ухмыляется?!

Я действительно стоял и улыбался, слушая очередной бред Андреева, который расхаживал по кабинету и периодически, делая трагическое лицо, хватался за голову. Уткин не выдержал:

— При чем здесь полк, да еще какое-то пятно? Погорячился Василий Иванович, и не больше. Уверен, что он уже забыл об этом эпизоде. Нам лучше разобрать вопрос об организации систематизированной помощи немецкому населению продовольствием в ближайших к нам населенных пунктах. Конечно, нуждаются в этом прежде всего, наверное, рабочие…

Поскольку тема разговора сменилась, я попросил разрешения выйти и отправился к себе в штаб. Адъютант артиллерии — начальник штаба артиллерии лейтенант Марковкий тоже уже знал, что я вернулся, и был искренне этому рад. Оставшийся за меня командир батареи 57-мм орудий капитан Гутник плохо с ним контактировал, возникли проблемы, особенно с пользованием учебного центра, где предстояло проводить боевые стрельбы. В этот же день мы встретились с Гутником. Я растолковал ему: он должен постоянно помнить, что является моим негласным (нештатным) заместителем. Он согласился и обещал, что поправит ситуацию. Потом я провел совещание с командирами батарей, где выяснили все насущные вопросы и

наметили порядок действий. На следующий день решил объехать на своем Нептуне батальоны, точнее минометные роты батальона.

Вороной жеребец Нептун достался мне по наследству от моего предшественника. Это был огромный красавец с широкой грудью и с белым «чулком» на одной передней ноге. Хвост всегда держал трубой. Немного нервный и не любил шпор. Если надо, он и без шпор нес, как ветер. Но романтичная «морская» кличка никак не вязалась с его черным обликом. Мне не раз предлагали заменить его на другого коня ввиду того, что ездить на этом жеребце не безопасно. Но мне расставаться с Нептуном было жаль. А он позже все-таки преподнес неприятный сюрприз.

Утром следующего дня вместе с адъютантом артиллерии и ординарцем мы отправились верхом по намеченному маршруту. Поездка была плодотворной. Находившиеся на полигоне два батальона в целом хорошо организовали боевую учебу. Но вопросы по подготовке минометчиков были, и мы постарались разрешить их на месте. Уже к вечеру, когда собрались возвращаться в штаб, нас предупредили по телефону, что меня разыскивал командир дивизии. Вернувшись к себе, я поинтересовался вначале у начальника штаба, а затем у командира полка — в связи с чем мною интересовался комдив. Но ни тот, ни другой ничего мне не объяснили. Тогда я, пользуясь старым знакомством, позвонил начальнику оперативного отделения дивизии майору Посунько. Тот ответил, что действительно Смолин приказал меня разыскать. Потом, немного подумав, пообещал сходить к нему и доложить, что Варенников объявился. А затем позвонит мне, что делать дальше. Минут через десять Посунько сообщил, что я завтра в 8.00 должен быть у Смолина.

Доложив об этом командиру полка, я был в раздумье — что ждет меня на этот раз? Возможно несколько вариантов, но основным оставалась поездка на учебу в военную академию. Однако я не мог не думать над тем, почему все решается за меня и надо ли вообще идти в военную академию, а если идти — то в какую? В артиллерийскую академию, общевойсковую, бронетанковую на автотранспортный факультет этой академии?

Но каково было мое удивление, когда я утром доложил полковнику Смолину, что прибыл по его приказанию, а он в ответ, улыбаясь, сказал:

— Как и следовало ожидать, генерал Белявский вызывает тебя к себе и, похоже, поручит прежнюю работу. Иди сейчас к нему, представься и, смотри, с Василием Ивановичем поаккуратнее, ясно?

— Ясно!

Прибыв к Белявскому, я почувствовал, что у него ко мне нет той приветливости, с которой он принимал меня первый раз. Генерал сказал:

— Командарм передумал и приказал поставить вас старшим, поручить подготовку наших воинов к Параду Победы. Я знаю, что вы с этой задачей справитесь. И солдаты сводной роты это говорят. Надо только быть повнимательнее к старшим и начальникам.

Наступила пауза. Генерал, очевидно, ждал от меня каких-то покаяний и заверений. Но я упорно молчал. Поняв, что из меня ничего не выжмешь, он заключил:

— В общем, товарищ капитан, мы на вас надеемся. Надо подготовить личный состав хорошо.

— Есть хорошо подготовить.

Через многие годы мы этот случай, как и многие другие, вспоминали с Василием Ивановичем Чуйковым, когда оба были депутатами Верховного Совета СССР. При раздельном заседании палат наши места были с ним рядом. Очевидно, организаторы размещения депутатов знали наши близкие отношения, потому и посадили по соседству. Обычно минут через 10–15 после начала заседания, если не разбирался какой-нибудь крупный вопрос, а шли обычные дежурные выступления (как правило, с отчетами), Василий Иванович говорил мне:

— Ну, давай рассказывай про меня.

Это означало, что я должен был из личных наблюдений и из того, что видели мои товарищи, пересказывать ему эпизоды военных лет с его личным участием. Большинство эпизодов, конечно, украшало имя маршала. Но были и такие, что не совсем… Однако Василий Иванович во всех случаях задумчиво улыбался и, если ему нравилось услышанное, то говорил: «Верно, это было так…» А если не нравилось, он, продолжая улыбаться, беззлобно бросал: «Ну, уж это ты врешь. Такого не было. Сам выдумал».

В отношении моего снятия и возвращения с руководства подготовкой участников Парада Победы он чистосердечно сказал, что этого случая не помнит. Даже стал каким-то озабоченным. Да, действительно, может ли такой незначительный эпизод остаться в памяти у полководца, который в послевоенное время многие годы командовал советскими оккупационными войсками в Германии, был Главнокомандующим Сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР, а последнее время — начальником Гражданской обороны СССР и заместителем Председателя Совета Министров СССР?!

Подготовка к параду у нас шла нормально. Где-то в начале

двадцатых чисел мая месяца мы выехали в Москву. Наш сводный полк 1-го Белорусского фронта разместили в так называемых Ворошиловских казармах, на Ленинградском шоссе. На этом же шоссе мы и проводили ежедневно занятия по строевой подготовке.

Парад Победы, проведенный на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года, останется у нашего народа в памяти на века, как символ мощи и величия нашей Родины.

Мне, прошедшему дорогами войны в стрелковом полку от Сталинграда до Берлина, вдвойне посчастливилось — я был и участником этого знаменательного парада, и начальником почетного караула, который встречал на центральном аэродроме и сопровождал в Генеральный штаб Знамя Победы. Этот эпизод, к моему изумлению и радости, был запечатлен фотокорреспондентом и впервые опубликован на страницах альбома документов, который выпустило издательство «Планета» в 1985 году к 40-й годовщине Дня Победы.

А произошло все просто и неожиданно.

К нам в сводный полк 1-го Белорусского фронта (каждый фронт на параде был представлен сводным полком) приехал маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовавший этим фронтом на заключительном этапе войны. В ходе беседы с группой воинов он, кроме других вопросов, сообщил: «Послезавтра из Берлина должны доставить Знамя Победы. Для его встречи и сопровождения необходим почетный караул». И, указав на меня, сказал командиру полка: «Этого гусара назначить начальником почетного караула и подобрать соответствующий личный состав». Во время беседы оказалось так, что я стоял против маршала. Возможно, эта случайность и стала решающей. Конечно, такое задание было для меня большой наградой и доверием. Естественно, что поручение было исполнено с максимальной ответственностью, четкостью и старанием, которых и требовало это необычное историческое Знамя.

Во время его приема были совершены все ритуалы, в том числе прохождение торжественным маршем со Знаменем Победы перед руководством страны и присутствовавшими здесь военачальниками. Думаю, нет надобности объяснять читателю, какие чувства переживали мы в те волнующие, незабываемые минуты…

Но в жизни так уж получается, что радость соседствует с печалью. Сразу же после этого памятного для меня дня произошло трагическое событие — мы провожали в последний путь командующего 5-й Ударной Армии 1-го Белорусского фронта, первого советского коменданта и начальника гарнизона

города Берлина, Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина. Это был прекрасный полководец. Он высоко проявил себя в годы гражданской войны. Командовал дивизией, корпусом и армией на Дальнем Востоке. В годы Великой Отечественной войны ему довелось командовать четырьмя армиями (кстати, А. А. Гречко командовал пятью армиями). Николай Эрастович трагически погиб при исполнении служебных обязанностей — разбился на мотоцикле в центре Берлина.

Наступило незабываемое, историческое утро 24 июня 1945 года. Древняя Красная площадь, кажется, помолодела и похорошела несказанно. К 9 часам все гостевые трибуны заполнены. Войска замерли в ожидании начала торжества. В строю — десять сводных полков десяти фронтов. Они стоят в такой последовательности и в таком порядке, в каком вели сражения на завершающем этапе войны — справа налево, с севера на юг, от Карельского фронта и до 3-го Украинского. Здесь же Московский гарнизон — военные академии, училища, воинские части…

Наш сводный полк 1-го Белорусского фронта стоял почти напротив Мавзолея (с некоторым смещением вправо). Находясь в первой шеренге первого батальона, я имел прекрасную возможность наблюдать всю незабываемую картину — как до торжественного прохождения, так и во время движения сводных полков. Казалось, мы не дышали, только слышно было, как бьется сердце.

Напряжение по мере приближения начала торжества усиливается. Оно имеет какое-то сходство с тем чувством, которое приходилось испытывать на передовой во время артиллерийской подготовки — вот все ближе и ближе тот миг, когда надо броситься в атаку. Или, наоборот, когда на тебя обрушивается шквал огневых ударов артиллерии противника, знаешь, что вот-вот он бросится в атаку и надо, собрав все силы, отразить этот ожесточенный натиск врага.

За несколько минут до десяти на Красную площадь на вороном коне выезжает командующий парадом маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Почти одновременно на Мавзолей поднимаются руководители нашего государства во главе с И. В. Сталиным. Их тепло приветствуют гостевые трибуны. К. К. Рокоссовский командует: «Парад, смирно!» Кремлевские куранты отбивают 10 часов. Ворота Спасской башни открываются, и на белоснежном коне стремительно и торжественно появляется принимающий парад маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Мощный оркестр взорвался любимым советским народом гимном

Глинки «Славься!». Маршалы сблизились перед центральной трибуной. К. К. Рокоссовский доложил Г. К. Жукову о готовности парада. Оба начинают торжественный объезд войск. Останавливаясь перед группами колонн, Жуков поздравляет участников парада с победой над фашистской Германией. Воины отвечают громовым «Ура».

Мы все переживали за гарцующих в рискованном галопе военачальников. Каменная брусчатка площади была мокрой от дождя, и конь мог легко поскользнутся. Но все обошлось. Жуков поднимается на Мавзолей и произносит историческую речь, которая закончилась здравицей в честь советского народа и его славных Вооруженных Сил.

После мощного троекратного «Ура!» прозвучал гимн Советского Союза, затем прогремели пятьдесят залпов артиллерийского салюта, и началось торжественное прохождение войск. Первый сводный полк прошел перед трибунами в десять тридцать. Наш — поравнялся с Мавзолеем в десять пятьдесят. Его вел первый заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Соколовский (во главе всех остальных полков, кроме 2-го Белорусского, шли командующие фронтами). Затем шагала шеренга командования фронтом и командармов, в том числе шел командующий нашей 8-й Гвардейской Сталинградской армией генерал-полковник В. И. Чуйков. За ними три шеренги воинов несли боевые знамена дивизий со множеством орденов и орденских лент… Мы шли как монолит — не колыхаясь. Все взоры были обращены на Сталина.

И вот наступил незабываемый момент, знакомый всем советским людям по кинохронике и фотоснимкам. Двести воинов под барабанную дробь бросают к подножию Мавзолея двести фашистских знамен поверженной Германии. Когда-то их носили высоко поднятыми на торжествах в Берлине и почти во всех странах покоренной Гитлером Европы. Теперь советские воины-победители с презрением бросают эти знамена и штандарты на мокрую брусчатку нашей святой Красной площади…

Парад длился два часа. После прохождения сводных полков наших фронтов, полка Войска Польского и полка Военно-Морского Флота на площадь вышли воины Московского гарнизона, а затем и боевая техника. Из-за дождя, перешедшего в ливень, не состоялась демонстрация трудящихся Москвы, но народ в городе не расходился. К вечеру дождь утих, и все улицы и площади столицы были переполнены москвичами, гостями и воинами Вооруженных Сил. Все пело и плясало. Такого торжества матушка-Москва не видела со дня своего сотворения.

В 23 часа небо осветилось огромным количеством мощных

прожекторов. В воздухе появились сотни аэростатов, с которых посыпались тысячи цветных и осветительных ракет, а им навстречу с земли раздались залпы фейерверка с разноцветными огнями.

Не только Москва отмечала этот великий праздник Победы — ликовала вся наша страна, ликовала вся планета.

Ни у кого тогда, а у меня и сейчас, не было сомнения, что все человечество должно поклониться нашему народу за величайший подвиг избавления от гитлеровского нацизма. Поклониться и вечно помнить об этом и о тех жертвах, что принес советский народ на алтарь освобождения..

Говоря о нашей великой Победе и роли в ней советского народа, уместно заметить, что в годы Великой Отечественной войны выдвинулась блестящая плеяда советских полководцев и флотоводцев, крупных военачальников: А. Антонов, И. Баграмян, С. Бирюзов, А. Боголюбов, А. Василевский, Н. Ватутин, К. Вершинин, Н. Воронов, М. Воробьев, Л. Говоров, А. Головко, М. Громадин, А. Еременко, Г. Жуков, М. Захаров, И. Исаков, С. Иванов, И. Конев, И. Ковалев, Н. Крылов, Н. Кузнецов, В. Казаков, В. Курасов, Г. Маландин, Р. Малиновский, М. Малинин, К. Мерецков, К. Москаленко, А. Новиков, Ф. Октябрьский, И. Пересыпкин, И. Петров, М. Попов, А. Покровский, К. Рокоссовский, В. Соколовский, Ф. Толбухин, В. Трубиц, Я. Федоренко, А. Хрулев, И. Черняховский, В. Чуйков, Б. Шапошников, С. Штеменко, Н. Яковлев, И. Юмашев. Каждый из них — это человек-легенда.

Высшим полководческим орденом «Победа» в годы войны были награждены: А. Антонов, Л. Говоров, И. Конев, Р. Малиновский, К. Мерецков, К. Рокоссовский, С. Тимошенко и Ф. Толбухин.

Дважды этой награды были удостоены А. Василевский, Г. Жуков и И. Сталин.

Запомните их всех!

Особо надо выделить полководческий талант четырежды Героя Советского Союза маршала Советского Союза Г. К. Жукова, без которого фактически не планировалась и не проводилась ни одна крупная операция. Многими из них он лично руководил, как в начальном периоде войны, так и в ходе ее перелома и на завершающем этапе. И что особенно характерно, не было ни одного случая, чтобы операция не увенчалась успехом.

Говоря о Жукове, хотелось бы вспомнить один малоизвестный факт. После грандиозного Парада Победы в Москве состоялся малый парад — парад союзных войск в Берлине на Александр-плац. Хоть этот парад не был таким масштабным, но его

политическая важность была очевидна. В нем принимали участие советские, американские, английские и французские войска. Парад принимали: маршал Г. К. Жуков, генерал армии Д. Эйзенхауэр, фельдмаршал А. Монтгомери и французский генерал Тассиньи. Присутствовали от четырех держав и другие видные военачальники и дипломаты. В центре внимания, конечно, были Жуков и наши войска, которые прошли последними на параде, но были первыми по своему бойцовскому внешнему виду, высокому морально-психологическому духу, способности сломить на своем пути любую силу. Наши воины буквально затмили всех, кто вышел здесь проявить свои возможности. Создалось такое впечатление, что наши воины готовы этим торжественным маршем идти до Бискайского залива. Мы безмерно радовались и гордились этим.

Об этом — малом — параде никто нигде не пишет. А жаль. Ведь это тоже была демонстрация высочайшего престижа нашей страны, который был признан всем миром. Я присутствовал на этом параде в числе других офицеров нашего сводного полка 1-го Белорусского фронта. Располагаясь на трибунах, мы наблюдали это историческое, необыкновенное зрелище с гордостью за наш народ и наше Отечество, за авторитет славных воинов наших Вооруженных Сил.

Каждый раз, когда я мысленно переношусь в те незабываемые памятные дни, у меня одновременно всплывает высокое чувство исполненного долга, счастья и радости. Одновременно с этим сознание подсказывало, что свершилось нашим народом такое грандиозное в истории, что это скажется на жизни народов всей планеты.

Так это и было.

Глава VI
Нам было что защищать!

Связать прошлое с настоящим — это значит помочь взглянуть в будущее, которое должно быть значительно лучше того, что было, и тем более лучше того, что есть сегодня. Это должно быть именно счастливое будущее.

Говоря о завершении Великой Отечественной войны, хочу поднять вопросы далеко не риторические: что мы защищали в годы этой войны; было ли у нас, что защищать; надо ли было организовывать эту защиту?

На все это не один раз уже отвечал кратко и умно Сталин в ходе войны в различных своих выступлениях. Но к этому нас возвращает жизнь.

Естественно, что эти и подобные вопросы не могли появиться у нашего народа ни перед войной, ни тем более во время войны, ни через десять, двадцать и даже тридцать лет после войны. Почему? Да потому, что было ясно всем — у нас было что защищать! И все это принадлежало всему народу, а не группе грабителей. Но самое главное — отношения между людьми строились на принципе социальной справедливости. Не на эксплуатации человека человеком. Такие отношения стоило защищать, не щадя своей жизни.

Однако в хрущевские времена, когда в политике незабвенного Никиты Сергеевича явственно прорезались черты волюнтаризма и идиотизма во внутренней и внешней политике, кое у кого уже начали возникать вопросы типа: «За что воевали?!» Они стали появляться резонно — как итог дремуче-темных экспериментов, которые проводил Хрущев над нашим народом. Но подтекст этого вопроса был однозначен и понятен — нашу жизнь надо делать лучше, более обеспеченной и счастливой. Ведь народ это заслужил.

С началом горбачевской перестройки 1985 года подобные вопросы зазвучали уже сильнее. В средствах массовой информации без конца публиковались статьи обласканных поэтов, писателей, артистов, представителей технической интеллигенции, полные восторженных сентенций по поводу жизни в «цивилизованных» странах — они учили нас, как надо жить (т. е. жить, как на Западе). Архитекторы и идеологи разрушения и предательства вдалбливали в сознание народа все антисоветское, антироссийское. Угнеталось чувство собственного достоинства, патриотизма, принадлежности к Стране Советов. Из

статьи в статью кочевала байка о том, что одна туристка из СССР, приехав в Западную Германию, упала в обморок при виде колбасы двадцати наименований в одном из супермаркетов. Тут же внушалась кощунственная мысль: «Страна-победитель живет хуже страны побежденной. Так, может, было бы лучше, если бы победил в войне не Советский Союз, а гитлеровская Германия?!» Этот вопрос звучал со страниц газет и журналов, в теле- и радиоэфире.

Кое у кого зарождались сомнения — выходит, что мы зря воевали, если все разваливается? Задавали эти вопросы прямо или косвенно открытые и скрытые враги нашей нации, всплывшие со дна общества с «взрывом» гласности и «демократии». Этим силам создавались лично Яковлевым самые благоприятные условия для самоутверждения (член Политбюро ЦК КПСС — он все мог). Они, эти новые герои, стали под горбачевским лозунгом — «Больше демократии, больше социализма!». Но фактически проводили антисоветскую, антисоциалистическую линию.

Я помню, как с трибуны Съезда народных депутатов СССР один из депутатов поставил перед этими кликушами вопрос ребром:

— Так что же, по-вашему, если бы мы не разбили шведов под Полтавой, то сегодня жизнь у нас была бы такой, как в Швеции? Или если бы мы не изгнали Наполеона в 1812 году, то сейчас жили бы, как французы? Наконец, если бы мы не разгромили Гитлера, а, наоборот, поддались бы ему, то у нас была бы жизнь, как в ФРГ?

Да полноте! Все эти «гости» лезли к нам с огнем и мечом с одной целью — поживиться, а при удобном случае — сделать из нас сырьевой придаток своей страны. Ведь смешно и странно было думать и тогда, и сегодня, что кто-то из этих «пришельцев» будет заботиться о том, чтобы наши люди жили лучше и умело бы использовали свои богатства в интересах народа.

История преподала нам немало хороших уроков, из которых народ способен и обязан извлечь для себя однозначные выводы: суть вопроса об улучшении нашей жизни в другом — кто, как и куда ведет наше общество? Особенно важно, кто руководит нашим государством. Когда у власти были сильные, умные и смелые лидеры, держава укреплялась и расцветала, жизнь народа улучшалась (Петр Великий, Екатерина II, Ленин, Сталин). При некоторых руководителях государство и границы свои раздвигало. Слабые правители были (Николай II) — при них государство чахло. Приходили к власти авантюристы и волюнтаристы (типа Хрущева) — страна и народ несли огромный ущерб. Стали править государством предатели (Горбачев,

Ельцин) — вообще развалили страну, а народ ввергли в катастрофу. И сегодня он влачит нищенское существование. В период их царствования держава полностью утратила свое величие, былую славу и авторитет, бесконтрольно, варварски растаскивались наши природные богатства, чужим странам отдавались исконные российские земли и моря, природные богатства и богатства, созданные нашими народами. Возможно, с 2000 года этот беспредел закончится.

Заглядывая в первые годы Советской власти, можно с уверенностью сказать, что еще неизвестно, как развивалась бы наша страна, ее экономика после НЭПа, если бы государством продолжал руководить Ленин. И это подтверждает многое, в том числе его записка февраля 1922 года, адресованная наркомфину Г. Я. Сокольникову. Вот только некоторые фрагменты из этой записки: «…Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то именно это. А Госбанку всего опаснее быть бюрократичным. Мы думаем все еще о декретах, об учреждениях. В этом ошибка. Вся соль теперь в практиках и в практике. Найти людей-деляг (одного из ста; одного из 1000 коммунистов, и то еще дай бог); превратить наши декреты из грязной бумаги (все равно и плохие, и хорошие декреты) в живую практику — в этом соль… Дело теперь не в учреждениях, а в людях и в проверке практического опыта. По одному подыскивать умеющих торговать и шаг за шагом их опытом, их трудом чистить комг…, разгоняя добродетельных коммунистов из правлений, закрывая сонные (и строго коммунистические) предприятия, закрывая их, выделяя одно из ста годных. Либо Наркомфин сумеет перейти на такую работу, либо весь НКФ (Наркомфин. — Авт.) равен нулю». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 180).

Конечно, в этой записке затронуты и другие принципиальные вопросы, как подбор кадров, приобретение нами опыта настоящей торговли в масштабе государства в условиях рынка, борьба с бюрократизмом. Но все это вызвано к жизни новой экономической политикой, которая рассчитана на использование товарного производства, рыночных связей для установления прочного экономического и политического союза между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией. А в целом допускавшей некоторое развитие капиталистических элементов при сохранении командных позиций в народном хозяйстве за государством, ставшего на путь социалистического развития.

А такие категории, как рынок, частная собственность, предпринимательство, совместные с иностранным капиталом предприятия и т. д., возможно, приобрели бы другую, более

прогрессивную форму, стимулирующую производство. Ведь тот же Китай, который мы когда-то и спасали, и учили, сегодня для нас является примером строительства социализма и успешного развития народного хозяйства страны в новых условиях.

Сталину сложно было взять иной курс развития. А может, это делать было и нельзя — с учетом обстановки, в том числе недавно отбитых атак Антанты. Но факт остается фактом, что он для своего времени, для своего народа и Отечества сделал исторически много. Под его руководством страна сделала гигантский рывок от сохи и лучины к индустриальному прогрессу и культурному процветанию. Никто из всех последующих руководителей государства и близко не может сравниться с ним, особенно в вопросах созидания. Конечно, он оставил после себя и тени. И это забыть нельзя. Но такие тени оставили многие — от Грозного и Петра Великого до Хрущева, Горбачева и Ельцина. Кровь Сумгаита, Карабаха, Тбилиси, Ферганы, Приднестровья, Республик Прибалтики — на совести бывшего генсека и Президента СССР. Период же, начиная с осени 1991 года и до нынешнего времени — вообще сплошная трагедия, особенно расстрел Верховного Совета РСФСР и Чеченское побоище — детище «гаранта» Конституции.

Легко сегодня критиковать Сталина, например, за коллективизацию, индустриализацию или же депортацию. Но никто не может оспорить простую истину: тогда все делалось во имя укрепления и процветания государства, в интересах народа, хотя и были просчеты. Ведь там, где сохранили и укрепили колхозы и совхозы (например, Белоруссия или Татарстан), — там люди живут лучше даже сегодня. Дружба же народов у нас была истинная, а не показная. Мощная промышленность, коллективное сельское хозяйство, крепкая государственность, воспитанный в народе высокий дух патриотизма, монолитное сплочение всех народов страны — обеспечили нам победу в годы Великой Отечественной войны, восстановление разрушенного в годы военного лихолетья народного хозяйства в кратчайшие сроки, выдающиеся достижения в последующие годы. Весь период пребывания у власти Сталина — это сказочный период. Получив от Ленина партию коммунистов, он сделал ее мощной силой, с помощью которой решил все стратегические задачи.

Высокий уровень развития нашей страны, поистине сказочные темпы роста народного хозяйства раздражали и страшили Запад — этой болезнью там страдали еще и перед войной, но она особенно обострилась после Второй мировой войны.

Мы же говорили тогда, говорим и сейчас: да, у нас было что

защищать, и народ в основном успел сделать все необходимое, чтобы было и чем защищать. У нас было что защищать не только накануне войны, но и в последующие годы. У нас была великая Родина, наша высокая духовность, богатая история, счастливое сегодня и прекрасные перспективы. И сегодня мы обязаны защищать свой народ, родное Отечество и еще не до конца разграбленное народное богатство.

Некоторые холуйствующие перед Западом историки стремятся хоть в чем-нибудь, но оболгать Сталина, понимая при этом, что Сталин — это история (так же, как Вашингтон, Рузвельт — для США; как Наполеон I и Шарль де Голль — для Франции; Бисмарк, Маркс, Аденауэр — для Германии). Вместе со Сталиным они стремятся растоптать наши знамена, все наше прошлое, нашу честь и достоинство, которые многие десятилетия высоко почитались мировой общественностью, а кому следовало — тот и подрагивал при мысли о Советском Союзе. И если Сталин — это наша история, то необходимо остановиться на этой выдающейся личности еще раз, хотя мне уже не раз приходилось по ходу повествования говорить о нем.

Да, у Сталина накануне и в ходе начального периода войны были просчеты. Но назовите хотя бы одного великого деятеля, у которого все было безукоризненно. Ведь он не щадил ни себя, ни своих соратников, чтобы спасти Родину! И он не просто спас Отечество, а привел советский народ к Великой Победе! Поставил нашу державу на высшую ступень пьедестала славы, сделал ее символом свободы, чести и колоссальной мощи, несгибаемой стойкости, беспримерного мужества и героизма. И это было признано всем миром. Наконец, Сталин сделал Советский Союз Великой державой! И это тоже было признано всем миром.

В 1959 году у нас в стране в разгар борьбы, так сказать, с культом личности («Мертвого льва может лягнуть даже осел» — мудрая пословица Востока), ее организаторы больше думали на этом фоне выпятить собственную грудь, чем принести пользу Отечеству. В это же время в английском парламенте У. Черчилль произносит в ознаменование 80-летия со дня рождения И. Сталина историческую речь, в которой безмерно славит его, как гениального и непоколебимого полководца, как выдающегося неповторимого государственного деятеля, как умного, с необыкновенной энергией, эрудицией и несгибаемой волей человека. Парадокс — Черчилль хвалит Сталина, и английская общественность воспринимает это как должное, а Хрущев хаит Сталина, и холуи — наши соотечественники — верят ему.

К тому, что было сказано Черчиллем — какую страну Сталин принял и какой ее оставил, — можно было бы добавить, что

Сталин оставил страну и без каких-либо долгов и с казной, полной золота. Мало того, мы пшеницу не только не покупали за границей, но уже с 1950 года продавали (если же сразу после войны в некоторых районах страны недоставало продовольствия, то это надо отнести к бестолковому руководству местных органов, а голод на Украине фактически организовал Хрущев своей безмозглой политикой в сельском хозяйстве). Гуманитарную помощь, как и кредиты, не просили у Запада, а оказывали эту помощь сами, как и выделяли кредиты.

Великая была держава, великая! И это никто не может ни зачеркнуть, ни вытравить из памяти народной.

Высказывания Черчилля — не только дань глубокого внимания и уважения к великой личности, но и констатация величия Советского Союза, его Великого народа, всемирного авторитета нашего Отечества.

Действительно, авторитет Советского Союза в свое время был огромный — без него не решался ни один крупный международный вопрос. Какая еще страна в мире способна была за такой исторически короткий срок залечить раны после опустошительной войны и восстановить народное хозяйство? И у нас это не пришло само собой. Именно Сталин со своими соратниками, опираясь на Коммунистическую партию Советского Союза, способен был мобилизовать весь народ на этот титанический труд и великие свершения, которые были по плечу только нашему народу, нашему советскому обществу.

В то же время страна была надежно защищена. В ответ на американскую атомную бомбу у нас в короткие сроки была создана не только термоядерная бомба, но и построен ядерный щит — стратегические ядерные силы. А уже в 1954 году на Волге в районе Тоцкого полигона были проведены исследовательские тактические учения с практическим применением (подрывом) ядерного заряда. Мы не хотели этого, это не было самоцелью, но США, начавшие гонку вооружений, вынудили нас к этому, и у нас делалось все необходимое для поддержания обороны страны на высоком гарантированном уровне. И хоть основные мероприятия в ядерной области (да и в других особо сложных направлениях) во многом проводились уже после смерти Сталина, но это было продолжением или завершением того, что начинали делать при нем и под его личным вниманием, участием и контролем.

Как перед войной, так и после войны, жизнь людей постоянно улучшалась, уровень жизни повышался. Нормой социалистического общества было то, что здравоохранение в государстве было бесплатным. Любой человек бесплатно мог получить среднее, среднетехническое и высшее образование

(даже и ученую степень). Фактически бесплатно или за условную плату дети ходили в дошкольные учреждения — ясли, детские садики, выезжали в пионерские лагеря и т. п. Для детей были открыты бесплатно Дворцы пионеров, различные спортивные, музыкальные, художественные и другие школы. Плата за жилье, которое, кстати, тоже получали от государства бесплатно, была мизерной, проезд в городском транспорте стоил копейки. Весьма доступными были цены на все виды транспорта дальнего следования. Все это подталкивало нас к созиданию, стимулировало наше стремление сделать страну еще более могучей, а жизнь народа еще лучше. И это вполне естественное, закономерное чувство.

Надо признать, что одновременно, на каком-то этапе в 60-х, 70-х годах появились факторы, тормозящие развитие народного хозяйства. Особенно в управлении государством, экономикой и в создании материальных стимулов для каждого труженика. К сожалению, принцип равенства был сведен к уравниловке, в результате фактически труд нивелировался: и те, кто хорошо работал, и те, кто почти не работал, получали приблизительно равную зарплату. Поэтому темпы роста нашего производства упали до 3–4 % вместо 8–12 %. Становилось ясно: нужны были экстренные меры для устранения этого обстоятельства и всемерного повышения эффективности всего народного хозяйства, личной заинтересованности в этом каждого труженика.

Вместе с тем хочу особо подчеркнуть, что объективные условия поступательного интенсивного развития нашего общества оставались и продолжали существовать. Ведь по производственному, интеллектуальному и духовному потенциалу, по нашей экономической и оборонной мощи, по природным богатствам, по уровню и качеству жизни нашего народа Советский Союз стоял в ряду самых развитых стран мира. Кстати, качество жизни народа измеряется не жвачками и порнографией, а уровнем культуры, нравственности, социальными благами для трудящихся, способностью пресечь преступность, коррупцию.

Отвечая на вопрос: «Что мы защищали?» — целесообразно остановиться на некоторых конкретных наших показателях.

1. О природных богатствах России. Они были и остаются основной притягательной силой (как и наша наука, военно-промышленный комплекс, стратегические ядерные силы) для Запада, который чем дальше, тем больше будет испытывать зависимость дальнейшего своего существования от источников сырья. В то же время Советский Союз уверенно занимал первое место в мире по разведанным запасам и добыче железных руд,

марганца, асбеста, угля, нефти, калийных солей. Первое место по запасам и второе по добыче природного газа. Мы занимаем ведущие места по запасам и добыче золота, платины, меди, никеля, других цветных металлов, а также фосфатных удобрений и др. Мы располагаем колоссальными лесными богатствами, пушниной, рыбой. Но особое место занимает топливно-энергетический комплекс, который сегодня стране дает основную прибыль.

2. О нашей экономике. В 1920 году в результате гражданской войны и иностранной военной интервенции объем промышленной продукции упал по сравнению с довоенным периодом на 20 %. За годы Великой Отечественной войны уровень производства упал по сравнению с 1940 годом на 34 %. Так это же была война, да еще и какая! Самая страшная и самая разрушительная из всех войн на земле. А в 1992 году без войны, в мирное время, спад промышленности по сравнению с первым годом перестройки составил уже 40 %. В 1996 году мы имеем падение экономики на 60 %. В 1997, 1998 и 1999 годах падение продолжалось. Страна полетела в пропасть. В августе 1998 года в России разразился невиданный в истории государства финансовый и экономический кризис, вместе с крахом рубля наступает состояние полного коллапса. И все это — без единого выстрела! Но самое опасное — как бы Ельцин ни менял старых премьер-министров на молодых и снова вместо молодых возвращал старых, этот ельцинский режим не в состоянии предпринять реальные шаги, чтобы затормозить катастрофу.

В прошлом же, когда у руля страны стояли преданные народу, государственно ориентированные руководители, страна поступательно шла вперед. Под руководством Сталина и КПСС советский народ смог не просто восстановить народное хозяйство в течение первой послевоенной пятилетки, но сделать это за счет именно своих собственных внутренних ресурсов, без всякой помощи извне. Нам в этом действительно никто не помогал. Даже наоборот, кое-кто пошел на экономическую блокаду Советского Союза. Но мы все выдержали и быстро преодолели разруху. А ведь, восстанавливая свое народное хозяйство, мы одновременно оказывали огромную помощь народам стран Восточной Европы, освобожденным от гитлеровской оккупации. Помогали Китаю.

Сегодня, когда уровень образованности народа резко упал, а главное, когда на советский период истории постоянно льется ложь, грязь и клевета, логично показать рост уровня нашей экономики хотя бы за 25 лет, после восстановления народного хозяйства, начиная с 1950-го и по 1975 год, и сравнить его с уровнем США, беря этот уровень за 100 % к соответствующему

году.

Национальный доход СССР в 1950 году составил 30 % национального дохода США, а в 1975 году эта цифра уже поднялась до 68 % (хотя в эти годы национальный доход США также рос). Обратите внимание на темпы роста! Объем промышленной продукции составил в 1950 году только 20 % от того, что было произведено в Штатах, а в 1975 г. — 49 %. Добыча нефти и газа в 1950 г. равнялась —19 %, а в 1975 г. — 119 % (не просто значительный рост, а значительное превышение!), добыча стали в 1950 г. — 30 %, а в 1975 г. — 130 % (на 30 % выше США, правда, качество не всей стали еще отвечало мировым стандартам); производство минеральных удобрений 31 % и 130 %, производство хлопчатобумажных тканей 32 % и 166 % (кстати, наши ткани пользовались самым большим спросом на Западе).

Таким образом, уже за десять лет до начала пресловутой перестройки Горбачева у нас в стране были хорошие темпы роста промышленного производства. Эта же картина могла быть и в сельском хозяйстве, если бы по нему не нанес губительный удар вездесущий и «всезнающий» Хрущев своими нововведениями, о которых мы уже говорили.

Многократно вырос за 60 лет Советской власти транспорт СССР. Стальные магистрали и автодороги, словно кровеносные артерии, связали воедино все части гигантского организма страны. Грузооборот на железнодорожном транспорте за эти годы вырос в 42 раза (в сравнении с США — больше, чем в 3 раза), морской — в 36 раз, автомобильный и авиационный фактически родился в эти годы.

О темпах роста нашего народного хозяйства говорят также следующие данные. Только прирост национального дохода и только за период 1965–1975 гг. существенно превысил общий объем национального дохода, который мы имели в начале 50-х годов. А национальный доход за пятилетку — с 1971-го по 1975 г. — вырос на 86 %, в сравнении с пятилеткой 1961–1965 годов, когда Хрущев проводил свои «эксперименты». Естественно, что вырос и объем личного потребления населения. Еще бы! Ведь около 80 % национального дохода направлялось на повышение благосостояния народа! Правда, в 1975 году Советский Союз по уровню жизни в расчете на душу населения отставал от США, ФРГ, Франции и Японии, но шел впереди Англии и Италии. Однако темпы роста национального дохода у нас с послевоенных лет и до 1975 года составляли более 8 % (у США — 3,2 %).

Что бы ни говорили сегодня о нашем прошлом, фактически реальный уровень жизни нашего народа (несмотря на некоторую

дифференциацию в доходах различных групп и социальных слоев населения) постоянно рос.

В следующем десятилетии — с 1975 по 1985 годы — темпы роста значительно снизились. Требовалось найти причины спада и выход из него. Но вместо этого, с приходом Горбачева, начиная с 1985-го и все последующие годы, все шло только со знаком минус. Народнохозяйственный комплекс страны разрушался, началось неудержимое падение.

Поскольку накануне перестройки рост народнохозяйственных показателей значительно сократился, это породило у людей законное возмущение. Что в свою очередь хитро и ловко было использовано Западом для вооружения своих «агентов влияния». Однако с началом перестройки уровень жизни вообще начал стремительно катиться вниз. В 90-е годы это падение было доведено до катастрофы.

Интеграция в нашей экономике за годы Советской власти, ее плановость, управляемость, механизмы взаимодействия были отработаны до такого уровня, что капиталистическому миру и не снились. И он действительно всегда грезил об этом, глядя на Советский Союз и завидуя ему в этом, а также видя для себя в этом большую угрозу. У нас были, конечно, и перегибы, например, в Центре планировали буквально все: от производства носовых платков до космических аппаратов. Это надо было срочно поправить. Но то, что в Советском Союзе были передовая система и классически отработанный живой организм экономики, — это факт.

И обидно было слышать, допустим, «открытие» главного экономиста Южной Кореи в 1992 году, что секрет «чуда» экономического бума этой страны состоит в том, что они, корейцы, планируют свое развитие пятилетними планами, от которых нас преступно «увели» Гайдар и его команда с ведома, конечно, Ельцина.

3. О здравоохранении. Главные его принципы в СССР — бесплатность, доступность, высокая квалифицированность, профилактическая направленность, охрана материнства и детства, хорошо налаженная санитарно-эпидемиологическая служба, четкая организация работы «Скорой помощи», низкая цена лекарств, а некоторые категории населения получали их вообще бесплатно. Все это имело место до и после войны, вплоть до перестройки. И, конечно, Советский Союз являлся образцом для всего мира в вопросах социального обеспечения народа. Сегодня это звучит, как сказка, а все было реальностью, и совсем недавно. Только в 1975 году на эти нужды было выделено 14,6 млрд рублей (в 15 раз больше, чем в 1940 г.). В том же году

врачей у нас насчитывалось уже около миллиона, а среднего медперсонала — 2,5 миллиона (это в 6–8 раз выше, чем 1940 г.) В 1975 году медицинские вузы страны выпустили 48 тысяч врачей — в 3,5 раза больше, чем до войны.

Все перечисленное плюс улучшение материального положения народа, организация для него санаторно-курортного лечения, лечебно-профилактическая помощь (особенно женщинам, детям и старикам), развитие в стране именно массовой физической культуры и спорта (а не только теннис для президента и элиты!), а также правильно поставленное сотрудничество в области здравоохранения с другими странами позволили создать благоприятные условия для жизни нашего народа до и после войны. Об этом убедительно свидетельствуют данные анализа о состоянии здоровья населения СССР.

4. О населении. В 1913 году население страны составляло 159 млн человек. В 1940 году — 194 (это с учетом потерь в гражданской войне), в 1977 г. — 258 млн человек. А к 1990 году эта цифра подбиралась уже к трем сотням. После Великой Отечественной войны, в которой мы потеряли 27 млн человек (в том числе военные потери — около 8,5 млн человек), довоенный уровень был восстановлен уже к 1955 году. За все послевоенные годы, с 1945 по 1985 гг., прирост населения составил 106 млн. человек! Спрашивается, какое еще государство способно нормально выдержать такую колоссальную нагрузку?! Характерно, что рост народонаселения в Советском Союзе все годы шел не только за счет повышения уровня рождаемости, но и за счет снижения уровня смертности, особенно детской и людей пожилого возраста. Только после войны смертность в стране уменьшилась в 2 раза. А сейчас? Сейчас у нас смертность превышает рождаемость в среднем по России в 1,5–2 раза, а в отдельных районах в 3–3,5 раза. Ну, о каких демократических реформах можно говорить?! С 1990-го по 1999 год — за время ельцинского правления — население России сократилось на восемь с половиной миллионов человек.

5. О науке. Наука в нашей стране не только имеет глубокие корни, но и колоссальные достижения — открытия и изобретения. Еще Петр Великий создал сильную базу для развития науки в России, в том числе математическую школу. Наше Отечество способно было поэтому дать возможность раскрыться огромному самобытному таланту народа. Назвав сегодня только их фамилии, уже ясно, какой вклад сделала Россия в мировую экономику: М. Ломоносов, Н. Лобачевский, М. Остроградский, П. Чебышев, В. Буняковский, Д. Менделеев, А. Ляпунов, А. Марков, В. Стеклов, Н. Жуковский, С. Чаплыгин, Н. Пирогов, А. Крылов, К. Циолковский,

В. Вернадский. Эти бриллианты в науке обрамлены золотой оправой их последователей и наших современников: М. Келдыш, Н. Тихомиров, В. Артемьев, М. Лаврентьев, П. Капица, А. Йоффе, П. Лазарев, А. Александров, Н. Боголюбов, Н. Бурденко, Л. Ландау, И. Курчатов, Ю. Харитон, Я. Зельдович, Т. Флеров, С. Королев, Н. Доллежаль, В. Глушко, В. Бармин, В. Рудницкий, А. Васильев, А. Благонравов, В. Челомей, В. Непобедимый, И. Надирадзе, К. Саптаев, Б. Патон, В. Амбарцумян, Н. Ведута, Д. Сахаров.

Список можно (и нужно) продолжать, это несправедливо, что он мною прерван. Но и названные люди уже создали вокруг России и Советского Союза ореол славы. Однако о некоторых я, как военный человек, просто обязан несколько слов сказать: И. В. Курчатов — главный организатор и руководитель работ по атомной физике и технике; Ю. М. Харитон — главный создатель ядерного оружия вообще и в т. ч. водородной бомбы; С. П. Королев — основоположник ракетостроения, создатель космических систем; Н. А. Доллежаль — создатель первого в мире реактора для АЭС, создатель реакторов для атомных подводных лодок, кораблей, ледоколов и других судов, а также для различных электростанций.

Святая Русь всегда была богата талантами во всех областях, и особенно в науке. Поэтому и неудивительно, что Запад с остервенением набросился на нашу отечественную науку, чтобы «выкачать мозги» из нашей страны. Все годы горбачевской «перестройки», и особенно в период ельцинских «реформ», наблюдается массовая утечка умов за кордон, прежде всего в США.

Что же касается нашей культуры и искусства, то их плодами и в прошлом и в настоящем пользуется все человечество. Пушкин, Толстой, Достоевский, Шолохов, Леонов в литературе, Чайковский, Мусоргский, Шостакович, Дунаевский, Шнитке — в музыке, Павлова, Уланова, М. Плисецкая — в балете, Шаляпин, Барсова, Лемешев, Козловский — в вокальном искусстве и т. д., и т. д. — это только вершина айсберга. Перечислить имена всех, кто составлял и составляет славу нашей отечественной культуры и кто по праву занимает первые места в культуре мировой, — просто невозможно. Ни одна страна мира, ни одна земля не рождала таланты столь щедро, как наша. И так будет всегда, вечно, чем мы законно и по праву гордимся.

Автор вынужден напомнить хоть часть из того, что было и в далеком прошлом, и в предвоенные годы, и после войны, и тем более накануне перестройки, напомнить излишне забывчивым иванам, не помнящим родства, — нам было что защищать!

Перестройка и особенно 90-е годы изуродовали нашу жизнь, наложили неизгладимый отпечаток на все наше существование, изменили облик нашего общества, привнесли в него чуждые нашему народу мораль и ценности. Но и в этом случае мы не должны поддаваться насильно прививаемым, чуждым всему нашему духу тенденциям, не должны мириться с деформацией государственного и общественного строя, государства в целом.

Теперь уже ни для кого не является секретом, что Запад уже в ближайшее десятилетие будет испытывать жизненную потребность в сырье. А если взять топливно-энергетические ресурсы, то Европа без России задохнется.

Учитывая эти обстоятельства и имея в виду, что Советский Союз является самой богатой природными ресурсами страной мира, Запад и в прошлом, и в настоящем ставил перед собой стратегическую цель — превратить нашу страну в свой сырьевой придаток. А чтобы достичь этой цели, надо было разрушить Советский Союз.

Развал великой державы состоялся. Свершилась впечатляющая для Запада и ужасная для нас трагедия. Но в бывших республиках Советского Союза появились лидеры, которые, опомнившись от шока, стали создавать благоприятные условия для развития центростремительных сил. Уже сделан первый шаг к возрождению — сначала сообщество, а затем Союз России и Белоруссии стал реальностью. Даже несмотря на то, что этот союз — еще не тот Союз, о котором мечтают люди на всем пространстве бывшего СССР, все равно этот первый шаг дает надежду на то, что в будущем воссоединение разрубленной на куски державы обязательно состоится! А пока бывшие республики могли в рамках СНГ создать хотя бы конфедерацию, положив в основу оставшиеся, не до конца разорванные, экономические и другие связи (рублевую зону, план совместной обороны и т. д.). Для Запада возрождение нашей страны было и остается крайне нежелательным. Если состоится не реанимация СССР, а какое-то новое сплочение бывших республик, то это значит, что Запад может остаться при своих интересах, лишившись дешевого сырья, дешевой рабочей силы и рынка сбыта для своих залежалых товаров. Вот почему Международный валютный фонд (МВФ) сделал все, чтобы бывшие страны СНГ, в том числе и Россия, имели бы свою валюту — т. е. разорвали окончательно все, что их еще связывало. Поэтому меры, принятые в России по обмену денежных купюр только на изданные в 1993 году, — прямое следствие политики бывшего министра финансов РФ Б. Федорова, направленной на развал рублевой зоны. Б. Федоров, С. Дубинин, А. Козырев и многие другие усердно служили и служат Западу.

Все делается по прямому требованию МВФ, в котором Федоров по совместительству занимал высокий пост.

А возьмите всех этих черномырдиных, чубайсов, гайдаров, уринсонов, кохов, немцовых и прочих во главе с их главным предводителем Ельциным — ведь все они истово выполняли требования крупнейших финансовых воротил мира. МВФ, конечно, будет предпринимать всяческие меры, чтобы Россию развалить так же, как это было с СССР. Об этом сегодня открыто пишут западные эксперты (среди них есть все-таки честные люди). Они говорят о том, о чем говорили еще в 1987–1990 годах истинные коммунисты бывшего Советского Союза — о тяжелой, мрачной перспективе для нашей страны. Посмотрите сегодня «Слово к народу», которое было опубликовано в июле 1991 года (под ним стоит и моя подпись), и вы увидите, как в зеркале, нашу многострадальную страну, наш несчастный народ и все, что сотворили с ними мировые силы зла и наши доморощенные предатели. Все, от чего мы хотели уберечь народ, предупреждая о грозящей опасности.

После развала Советского Союза в прессе открыто и цинично выступил ярый враг нашего государства — известный антисоветчик Бжезинский со статьей «Конец «холодной войны» и ее итоги» («Народная правда», октябрь, 1992). Между прочим, Бжезинский на этот раз совершенно ничего не говорит о коммунизме, о социализме, о Советах. Раньше эта тема присутствовала постоянно, но она всегда была и остается лишь поводом для разговора, а цель-то преследуется другая. Именно об этом Бжезинский вполне откровенно и пишет: «Холодная война закончилась, в ней есть победители и побежденные; Горбачев в 1990 году на встрече с главами государств Запада в Париже безропотно принял условие Запада о капитуляции Советского Союза». И далее, потирая руки, Бжезинский с восторгом говорит, что для них сегодняшний развал Советского Союза, который «протянул 70 лет», — это не основное. Самое главное — это «распад Великой Российской империи, которая существовала более 300 лет». И далее пишет, что сейчас центральной задачей Запада является «не допустить возрождения Российской империи».

В связи с этим целесообразно внимание читателя остановить на одном парадоксе: страны Европы и мира стремятся к интеграции. По Маастрихтскому соглашению европейцы объединяются в единый экономический, политический и, естественно, военный союз; США объединяются с Канадой и Мексикой в рамках Северной Америки. В то же время, развалив Советский Союз и теперь стремясь развалить Россию, делают все,

чтобы помешать восстановлению нашей единой страны.

Этой цели и посвящена вся деятельность западных служб. Они намерены доразвалить Россию и другие республики бывшего СССР до такого уровня, когда ее части уже не смогут претендовать на действительную самостоятельность, а будут довольствоваться своей новой ролью колониального поставщика сырья, девушек в западные бордели, дешевой рабочей силы. Что касается наших вооружений, то на их ликвидацию (в том числе и в первую очередь стратегических ядерных сил и военно-промышленного комплекса) Запад готов выделить любые суммы — все-таки это их интересы, а не наши. Кстати, эта сфера — Вооруженные силы, вооружения, ВПК России — уже несколько лет широко обсуждается американскими, английскими специалистами и другими. Мы кое-что систематизировали и считаем целесообразным поделиться с читателем: что они о нас говорят, оценивая по средине 90-х годов.

Американская «Нью-Йорк таймс» пишет, что Красная Армия, которая некогда была одной из величайших в мире, находится на заключительной стадии развала, свой потенциал сохраняют лишь стратегические силы. Начальник разведуправления Минобороны США У. Грудман отмечает, что от российской военной промышленности осталась только тень, даже в сравнении с тем, что было пять лет назад, т. е. в 1990 году. Многие виды вооружения вообще не производятся и не закупаются. В 80-х годах экспорт оружия приносил СССР в год 15–20 млрд. долларов дохода, в 1992 году все бывшие республики вместе взятые имели менее 2,5 млрд.

Военная академия Великобритании (в Сандхерсте) отмечает, что российская армия не является более военным инструментом, который может рассчитывать на успех при столкновении с первоклассным противником. Система материально-технического снабжения разваливается, а снабжение запчастями — хаотично и ненадежно.

Французская военная разведка добавляет: «Бывшая Красная Армия уже, разумеется, не способна помышлять о войне с коалицией западных стран. Изнуренная непослушанием и дезертирством, деморализованная и дезорганизованная, лишенная соответствующих средств и вынужденная проводить массовые сокращения личного состава, зачастую обреченного на скитания… российская армия, унаследовавшая большую часть личного состава и вооружения Советской Армии, сегодня кажется колоссом на глиняных ногах».

Даже шведы считают, что Вооруженные Силы России находятся в таком хаотическом состоянии, что вряд ли смогли бы

осуществить вторжение в Швецию, если бы и захотели. Флот стоит без движения. Авиация не летает. И далее приводят пример, что тренировочные полеты истребителей составляют в год всего лишь 10–20 часов, тогда как в США — 250 часов.

Английский журнал «Экономист» сообщает, что российские силы в Азии представляют бумажного тигра, в то время как восточные соседи России накачивают мускулы. Япония тратит на оборону больше, чем любая страна мира за исключением США. Китай расходует на оборону десятки миллиардов долларов, широко закупая оружие, занимая 3-е место в мировой экономике.

Не комментируя эти журналы и газеты, можно сообщить читателю, что в 1997 году Вооруженные Силы России получили танков — нуль, боевых машин пехоты — 6, орудий — 16, боевых самолетов — 3, вертолетов — 2. А что касается 1998 и 1999 годов, то Вооруженные Силы вообще почти не получили ничего!

В США постоянно тратят на оборону от 270 до 311миллиардов долларов в год (Россия — менее 8!)

И в то время, как Варшавский Договор перестал существовать, НАТО на всех парусах мчится на Восток. Решен вопрос и с расширением НАТО. Ельцин при этом надувался, демонстрируя своему народу недовольство политикой расширения НАТО. Но это фарс — фактически с ним никто ведь не считается. И лакировка этой проблемы российским МИДом тоже выглядит неуклюже. Все трясутся и боятся категорических заявлений — как бы не рассерчал Билл Клинтон. А чего трястись?

Наши правители довели страну до того, что она находится в полной продовольственной и технологической зависимости от Запада. Но ведь когда-то этот узел надо разрубить! А что касается ухудшения безопасности нашей страны, так это же все как на ладони: усиление и расширение НАТО — это открытая угроза и России, и миру в целом. Это невыгодно даже в том числе США, о чем говорят сами американцы. Еще в августовском журнале «Вашингтон» за 1997 год напечатано «Открытое письмо к Президенту Клинтону от оппонентов расширения НАТО». Подписавшие его политики, дипломаты, военные и другие государственные деятели пишут:

> *«Уважаемый г-н Президент!*
>
> Мы, нижеподписавшиеся, считаем, что проводимая в настоящее время политика Соединенных Штатов на расширение НАТО, обсуждавшаяся на последних саммитах в Хельсинки и Париже, является политической ошибкой исторического масштаба. Мы считаем, что процесс расширения НАТО ослабит безопасность

Альянса и нарушит европейскую стабильность по следующим причинам.

В России процесс расширения НАТО, который продолжает противоречить всему политическому спектру, усилит недемократически настроенную оппозицию, повлияет не в лучшую сторону на тех, кто поддерживает реформы и сотрудничество с Западом, заставит русских сомневаться в устранении последствий холодной войны и вызовет противостояние в Госдуме относительно Договоров СНВ-2 и СНВ-3.

В Европе расширение НАТО приведет к созданию разделительной линии между странами — членами Альянса и странами — не членами, приведет к нестабильности и, в конечном счете, снизит ощущение безопасности тех стран, которые не входят в НАТО.

В НАТО расширение, которое Альянс определил как открытое для вступления, неизбежно уменьшит способность НАТО выполнять свою первоначальную миссию и привлечет гарантии безопасности Соединенных Штатов странам, имеющим серьезные проблемы с их национальными границами и проблемы национальных меньшинств, а также недостаточно развитую систему демократического управления.

В США расширение НАТО вызовет широкие дебаты относительно их неопределенности и, несомненно, высоких расходов, и поставит под сомнение обязательства США перед Альянсом, традиционно и справедливо рассматриваемые как основа внешней политики США.

На основании этих веских причин и в отсутствие какой-либо причины для принятия быстрого решения мы настоятельно призываем к тому, чтобы процесс расширения НАТО был приостановлен и были приняты соответствующие альтернативные действия, а именно:

а) открытие экономических и политических дверей Европейского Союза для стран Центральной и Восточной Европы;

б) разработка углубленной программы Партнерства ради мира;

в) поддержка партнерских отношений Россия — НАТО;

г) продолжение открытого процесса сокращения вооружений и, в частности, в отношении ядерного оружия — основной угрозы безопасности США — и в

отношении обычных вооруженных сил в Европе.

Общий вывод: Россия в настоящее время не представляет угрозы для западных соседей, а страны Центральной и Восточной Европы находятся вне опасности. На этом основании, а также на основании вышеперечисленного мы считаем, что процесс расширения НАТО не нужен и нежелателен и что эта политика, чреватая последствиями, должна быть приостановлена».

Письмо подписали 50 человек, в том числе 6 сенаторов, 11 Чрезвычайных и полномочных послов, 6 военных высшего звена. Причем их беспокоит, как все это отразится на обстановке в мире, и в первую очередь на США. Что касается судьбы России, то они на эту проблему смотрят индифферентно. Они против расширения НАТО не потому, что это угрожает России, а потому, что последствия для США будут неблагоприятными.

В этих условиях ни американцев, ни Запад в целом Россия теперь не беспокоит как возможный военный противник. Все решено. Единственное, чего им надо добиться сейчас от нас, так это выполнение Договора СНВ-2. Договор мы ратифицировали, но если мы не предпримем мер по сохранению тяжелых ракет (или не создадим вместо них аналоги), то это станет последним шагом к развалу нашего ядерного щита. А ядерный щит — единственное, что еще в какой-то степени гарантирует нам независимость политическую.

Странно, но на протяжении десяти лет Запад создает из нашей страны свой придаток, который будет более зависимым, чем африканские страны или страны Ближнего и Среднего Востока. Нашей государственной безопасности за всю историю существования Великой России не наносилось столько ущерба, сколько нанесено за последние 10–15 лет. И все это время не было никаких надежд. Появление нового Президента РФ возрождает надежды на спасение страны.

Все затронутые вопросы — это большие проблемы. Ни для кого не является открытием, что военная мощь любого государства всегда будет измеряться состоянием его Вооруженных Сил. А оно, состояние, определяется не только уровнем подготовки личного состава войск и сил флота, твердым и надежным управлением со стороны командования, а также морально-политическим духом всего личного состава, но и степенью (т. е. количеством и качеством) оснащения воинских частей, кораблей и органов управления боевой техникой и вооружением. В этой области Вооруженные Силы находятся в

полной зависимости от военно-промышленного комплекса (ВПК). Какая же там обстановка?

У нас немало политиков, которым присуще шараханье в крайности. С объявлением в стране так называемой гласности и демократии, под руководством таких «глашатаев истины», как Яковлев, Арбатов и иже с ними, демократы начали кричать везде и всюду о том, что армию надо максимально сократить, вооружения ликвидировать, ВПК полностью или почти полностью демонтировать (фактически развалить), провести сплошь конверсию.

Остро был поставлен вопрос о прекращении ядерных испытаний и закрытии Семипалатинского полигона, где эти работы проводились и в интересах народного хозяйства, и во имя безопасности всего СССР, в том числе и Казахстана. Народный депутат Олжас Сулейменов, подыгрывая Горбачеву, Яковлеву и прочим, в свое время добился-таки того, что полигон, под видом пресечения загрязнения окружающей среды, был закрыт. Миллиарды народных рублей вылетели в трубу. Кстати, трижды Герой Соцтруда, физик-ядерщик, академик Ю. Харитон сказал, что все заявления Сулейменова — это вздор и делаются только ради того, чтобы политики могли укрепить свой имидж, что если бы в районе Семипалатинска было опасно, то он, Харитон, не держал бы там своих детей и внуков, которые живут и работают на полигоне. Фактически уровень радиации в Семипалатинске ниже московского уровня.

Желая прославиться, Сулейменов с группой оболваненных депутатов поехал в США с целью «зеркально» с Семипалатинским закрыть и полигон в Неваде. Американцы его освистали и отправили обратно, заявив, что полигон в Неваде — это их национальная гордость и никто не вправе вмешиваться в их дела. «Что касается ваших действий в отношении полигона в Семипалатинске — это ваша забота. Вы можете в своей стране ломать все, что вам заблагорассудится». Все ясно и понятно. Ущерб, который нанес нашей стране Сулейменов, еще не раз скажется в будущем. В том числе и на Казахстане, который в составе СССР был надежно защищен, в том числе и благодаря тем достижениям, которые были получены с помощью Семипалатинского полигона.

В последующие годы пресса Казахстана немало писала о том, что будто бы Семипалатинским полигоном правительство СССР развязало войну против собственного народа. А подумали ли эти борзописцы, что, не будь этого полигона, может, не только Семипалатинск, но и весь Казахстан был бы давно стерт с лица земли?!

Некоторые наши соотечественники — холуи Запада, желая в своем лакейском поклонении урвать лишнюю валюту, и сейчас пишут, что якобы наш ВПК тянет назад всю экономику и, мол, нечего с ним возиться — надо доразвалить, и точка! Пишут и говорят герострaты, совершенно не понимая, что за этим стоит. А за этим стоят миллионы тружеников и их семьи, тысячи ценных НИИ, КБ, опытные производства и полигоны, четко налаженные связи внутри государства и внутри предприятия и т. д. Ведь если государство об этих коллективах не позаботится, то сами они не смогут выжить. Хотя их технологии, культура, система — лучшие не только у нас в стране, но и в мире. Это в США соответствующие компании имеют право продавать оружие (естественно, под контролем государства) и решать свои проблемы. А в России это пока невозможно, хотя она и «входит» в рынок.

Многие виды нашей боевой техники и вооружения не только конкурентноспособны, но еще в конце 80-х — начале 90-х годов далеко обошли всех, в том числе США. Взять, к примеру, авиацию (МИГи СУ разных модификаций), ракетные комплексы (особенно «Ока», «Точка-У») и зенитно-ракетные комплексы (С-300, С-400, «Тор», «Бук»), бронетанковую и артиллерийскую технику, в том числе реактивную. Все они затмили аналоги всех стран мира.

Поэтому, конечно, Запад заинтересован загубить наш ВПК. Ведь он — основа нашей мощи, основа международного внимания и авторитета, основа огромных экономических, научных и финансовых источников укрепления нашего государства и его влияния на многие страны мира.

Торгуя ультрасовременным оружием, государство способно за счет этого не только «питать» и развивать сам ВПК, оснащать свои Вооруженные Силы всем необходимым, но и содержать армию и флот, внося одновременно весомый вклад в производство различной продукции для населения (телевизоры, холодильники, различные машины и оборудование для промышленности, бурильные установки для нефтегазового комплекса).

Торговля оружием — мощное средство экономического и политического укрепления и утверждения государства. Бросая взгляд на другие государства (в том числе выбирая себе союзников или делая из них нейтралов), руководители обязаны глубоко продумывать: кому, когда и что, т. е. какое оружие, можно продавать. Торговля вообще тесно переплетается с политикой, а торговля оружием — это прямая политика. Продав какой-то стране партию оружия (тем более выделив под это хоть небольшой кредит), мы вправе рассчитывать на то, что для нас в этой стране в перспективе — в ближайшие 15–20 лет — рынок

открыт, а сама эта страна к нам привязана: надо поставлять запасные части, специалистов, готовить национальные кадры по этому оружию, создавать инфраструктуру. Но самое главное — в вооруженных силах такого государства приобретают навык в использовании наших средств, рождаются традиции, появляются устоявшиеся принципы, в основе которых — симпатия к России.

С развалом Советского Союза Россия утратила все ведущие позиции в торговле оружием. А от стран, где мы всегда получали огромное количество твердой валюты (Индия, Сирия, Ирак, Ливия и т. д.), до 2000 года не получали вообще ни цента или получали «гроши». Это огромное политическое и экономическое поражение (только в Индии наш экспорт составлял 20 % стабильно), а вместе с ним и утрата ведущих позиций во многих регионах. Мало того, мы утратили веру наших бывших друзей и просто партнеров в наши возможности, способности, в нашу порядочность.

Весьма характерны такие сравнительные цифры объемов экспортных поставок вооружений и военной техники России и США за 10 лет, с 1982 по 1992 годы (в млрд. долларов):

— 1982 г. Россия — более 21, США — 12,7;

— 1987 г. Россия и США приблизительно около 17;

— 1991 г. Россия — 6, США — 24;

— 1992 г. Россия — 1,8, США — 33.

В последующие годы тенденция падения объемов экспорта России и роста этих объемов у США обозначилась еще более четко. Затем появились возможности улучшить состояние дел с ВПК. Но и в эти годы Ельцин наносит по «Росвооружению» удар за ударом, меняя постоянно руководство этой организации, функции и структуры, но совершенно не помогая вернуть России ее рынки. «Росвооружение» Ельциным (точнее, его окружением) рассматривалось только как источник своего обогащения и обогащения приближенных.

Таким образом, США с помощью Горбачева и Ельцина, полностью вытеснив Россию с международного рынка торговли оружием, заполнили образовавшийся вакуум своим присутствием на многие годы.

С 1992 года наш ВПК по поставкам техники и вооружения не получил заказ почти на 70 % того, что было в плане, а научные исследования сократились на 40 %. Мы оказались без экспорта и без заказов своего правительства. Эта картина стала еще более трагичной в 1993-м, 1995-м и в последующие годы.

А теперь проведем параллель с Китаем. Коммунистический Китай торгует с США по высшей благоприятной шкале. Американцы стараются максимально вложить туда свои капиталы. Но в отношении России США до сих пор

придерживаются огромных ограничений в торговле, держат нашу страну в «ежовых» рукавицах, чтобы была послушной. Уместно вспомнить — ведь Сталин вывел СССР в великие державы и ни от кого зависим не был! СССР сам определял условия.

В то же время ВПК США, широко рекламируя свои шаги по сокращению военной техники, фактически сокращает ее производство лишь на 5 % и совершенно не сократил (а даже поднял уровень обеспечения) научных исследований в военной области. Происходит же сокращение производства неперспективных видов оружия. И это правильно.

«Демократическая» пресса России приводит в своих публикациях данные объемов выпуска оборонной продукции, сравнивая их с общим объемом производства за последние годы. Так, в 1990 году оборонная продукция якобы занимала 50 % от общего объема, на 1.01.92 г. — 40 %, на 1.01.93 г. — 22 %, на 1.01.95 г. — 15 %. Хотя эти данные и далеки от истины, но даже они говорят, что сокращение производства за 5 лет в таких объемах — это не конверсия, а глумление над ВПК. Фактически идет грубый слом производства, его насильственный развал в интересах и по требованию Запада.

С началом предательской перестройки и по 2000 год проводится прямое истязание нашей обороноспособности — армии, флота, ВПК, их кадров. Идет невиданное разграбление и растаскивание наших богатств. А Ельцину, его правительству, и тем более их хозяевам на Западе нет дела до судьбы нашей Родины. И это наш народ должен наконец понять.

Нет сомнений, что США со временем будут настаивать перед ООН о направлении в Россию и другие страны СНГ «миротворческих» контингентов голубых касок с целью якобы наведения порядка и недопущения столкновений в обществе, обеспечения безопасности ядерных средств. Этому может способствовать чеченский кризис, который пока еще не погашен. Физический шаг оккупации нашего Отечества до 2000 года был реальностью. Тем более что уже есть прецедент — Балканы. Главная цель такого шага — в возможно короткие сроки взять под контроль все стратегические ядерные силы и нейтрализовать все основные государственные и военные органы управления. Тем самым выполнить окончательно свою стратегическую задачу — лишить Россию и другие государства СНГ их суверенитета.

И еще раз надо остановиться на так называемом «распаде» Советского Союза. Ведь фактически он не распался, как это радостно утверждают космополиты. Его насильственно разрушили. Основные удары Запада (точнее, широкомасштабные многогранные диверсии) были организованы США во главе с ЦРУ,

о чем уже говорилось и о чем многократно и откровенно заявлял бывший директор ЦРУ Р. Гейтц (см. «Известия», декабрь, 1991), плюс предательство высшего эшелона власти внутри страны, естественно, тоже организованное тем же Западом — вернее, Запад делал на это главную ставку. Вдохновитель и организатор этого широкомасштабного предательства — Горбачев и его приспешники — Яковлев и Шеварднадзе. Продолжатель — Ельцин.

Если бы не было предательства, то не было бы и развала — даже в условиях, когда Запад уже успел в конце 80-х годов подготовить среди определенных кругов интеллигенции значительную политико-идеологическую и материальную почву под этот развал. Проводить же параллель между распадом Османской (и тем более Римской) империи и развалом Великой Российской империи — нелогично. Империи прошлого действительно распадались при первых же военных поражениях. Походы же врагов на Россию только усиливали ее, она становилась монолитнее, крепче и грознее.

И сегодня, несмотря на катастрофу, в которую ввергли нашу страну изменники и предатели Родины, несмотря на страшное материальное, моральное, духовное и идейное обнищание нашего народа, несмотря на сотни тысяч погибших и раненых в межнациональных конфликтах, миллионы беженцев, неимоверный рост преступности, ужасное растление молодежи, несмотря на поруганную честь и достоинство российского народа, а также позорное холуйство и пресмыкание политических руководителей перед Западом, несмотря на значительное снижение экономических, политических, оборонных и особенно духовных возможностей России — несмотря на все это, у нас и сегодня есть что защищать! Не всё еще грабители растащили, еще осталось нечто принадлежащее народу. Есть и соотечественники, которые знают, как организовать эту защиту. Но нам всем надо очиститься от скверны, сбросить всех и вся, что угнетает народ, опошляет нашу жизнь, стремится насильно навязать нам планы Запада, стыдится и боится сказать народу, что вместо социализма в стране уже создан капитализм. Нет, не просто капитализм, а капитализм в еще небывалой, самой уродливой форме. И это происходит в то время, когда во всем мире отмечаются тенденции к социализации.

Итак, делая краткое заключение по итогам Великой Отечественной войны, можно с определенностью сказать, что ни в прошлом, ни тем более в настоящем не может быть разделительного рубежа между чисто мемуарно-исторической частью изложения событий и политическими взглядами и

оценками этих событий автором. Поэтому, бросая взгляд на путь, который пройден во время войны (взгляд и с позиций лейтенанта, и с позиций высших ступеней военной иерархии), и подводя черту в своей жизни за эти военные годы, автор допускает только единые и всесторонние, комплексные высказывания по всем основным событиям, делая при необходимости сопоставления прошлого и настоящего. Тем более это необходимо в условиях такой взрывоопасной, бурлящей жизни, как у нашего общества сегодня. При этом имея в виду, что основными причинами этого бурления до 2000 года являются кровь, слезы, страдания народа, постоянное ухудшение его жизненного уровня, в том числе и армии, с одновременным непомерным обогащением кучки проходимцев и воров, срастание власти с криминальными элементами и вхождение последних во власть, разложение общества по западным рецептам, падение его нравственности и морали, вдалбливание средствами массовой информации мысли о том, что всё и все обречены, выхода из положения, в каком мы оказались, нет и что надо со всем этим смириться.

Но как можно смириться с тем, что беззубость и трусливо-вибрирующая платформа оппозиционных партий и наглоциничное поведение окружения царя Ельцина, а также вымирание нашего народа, особенно русского, будут продолжаться?! Главное, что надо всем усвоить, — это труд и борьба за веру и надежду на улучшение жизни. Сегодня же не проявляется реальная, существующая в народных массах, могучая сила, способная, как в годы войны, стряхнуть с себя всю погань, опираясь на правоохранительные органы. Может, последние слабоваты, не внушают доверия у народа… Однако я уверен — такое терпение не вечно.

В этих условиях особенно важны честность и принципиальность в оценке итогов Великой Отечественной войны и выводов из нее. Такой подход поможет верно оценить и сегодняшние события.

Прошедшая война, несомненно, является эпохальным событием. И если Первая мировая война отражала эпоху империализма, то Вторая — эпоху перехода от капитализма к социализму. Уверен, что лжедемократы не согласятся и будут отстаивать свои избитые позиции, что, мол, автор вводит читателя в заблуждение — никакого перехода от капитализма к социализму не было, нет и быть не может. Наоборот, жизнь показала-де недееспособность социалистического строя и что об этом наглядно свидетельствует факт распада Советского Союза. А идея социализма как появилась, так и, не оказав никакого влияния, угасла.

Но дело в том, что эта, так сказать, логика зиждется на лжи. Советский Союз существовал и социализм де-факто был построен. СССР не распался, а его насильственно разрушили, взорвав с помощью предателей и изменников изнутри. Что же касается влияния социализма и раскрытия путей его развития, так об этом наглядно свидетельствуют многие события. Если говорить о Европе, то вся Скандинавия встала на путь социализации. Многие другие страны также встали на этот путь. Во Франции в июне 1997 года на выборах победила Социалистическая партия, объединившись для этой победы с Коммунистической. В связи с этим я послал во Францию поздравление социалисту господину Жану Пьеру Шевенману, назначенному на пост министра внутренних дел (в прошлом он был министром обороны Французской Республики и у нас с ним были встречи и добрые отношения).

Что касается Китая, Белоруссии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Куба, то здесь вообще социализм продолжает развиваться. Важно, чтобы народы этих стран проявляли высокую бдительность и, учитывая наш трагический опыт, не допустили бы к власти предателей и изменников.

А если говорить о поражении социализма в России, так подобные высказывания — двойная ошибка тех, кто так думает. Да, позициям социализма нанесен колоссальный ущерб. Кто его больше всех проповедовал, тот и предал социализм. Это был удар в спину нашему народу. И нанесен он был горбачевыми, яковлевыми, шеварднадзе, ельциными, бурбулисами, гайдарами, чубайсами и им подобными. Но социализм не угас, не умер, не иссяк. Это невозможно, как и невозможно удушить идею, науку, культуру. Они вечны. И это понимают даже такие капиталисты-патриоты, как Ю. М. Лужков и многие из его окружения. Например, первый заместитель премьера московского правительства О. М. Толкачев в своем газетном выступлении в августе 1997 года четко и ясно говорит:

> «Мы за реформы созидания, а не реформы разрушения.
>
> У нас, у «Союза реалистов» и «Движения за новый социализм» (обратите внимание — за социализм! — Авт.) имеется много союзников, и в первую очередь профсоюзы…
>
> У нас в Москве нет безработицы, потому что сильно развит малый бизнес…
>
> Если приватизация будет и дальше продолжаться по

рецептам Центра (т. е. Чубайса. — Авт.), то она нанесет колоссальный, непоправимый ущерб России…

По нашим московским методам, приватизация приносит пользу — мы за последние два года получили от нее прибыль в 1,5 раза больше, чем центральная власть по всей России…

Наши реформы жилищно-коммунального хозяйства не предусматривают повышение квартплаты, а будут снижаться расходы на эту область…

Самая лучшая пропаганда новых социалистических идей — это широкая программа строительства Москвы».

Перечисление только этого (а это не лозунги, а реальность) уже говорит о многом. Как видите, у нас в России идеи социализма сидят крепко в сознании не только оппозиции, но и национальной буржуазии.

Коварный удар, конечно, потеснил позиции социализма. Но это все временно. И не надо организаторам этого коварства тешить себя идеей порабощения нашего народа. Он никогда не покорится, тем более пожив в условиях свободы. Не покорится и не пойдет больше в рабство. Он отыскивает сейчас в стане оппозиции силу, которая могла бы стать авангардом в его борьбе за возрождение нашего Отечества.

Наш народ никогда не забудет, за что он боролся в годы Великой Отечественной войны. Со временем уйдут из жизни все ветераны войны — непосредственные участники боев, но память об их подвиге останется. И носителями этой памяти являются их дети, внуки, правнуки. И так будет вечно. Причем память будет выражаться не только торжествами, пламенными речами, музеями, памятниками и вечными огнями, но прежде всего активными действиями, борьбой за лучшую жизнь. Ведь именно за священную нашу землю, за лучшую счастливую жизнь, за лучшую долю сражалось и гибло наше поколение в борьбе с гитлеровским фашизмом.

…Кажется, уже все сказано о войне, а в сознании еще и еще пульсируют мысли, которые автор хотел бы донести до читателя. Ведь это очень важно! Возможность вот таким способом поделиться своими переживаниями выпадает редко. Поэтому я и повторюсь, может, кое в чем, но надеюсь на понимание читателя — он не осудит.

Главный вывод относительно итогов Второй мировой войны вообще — это победа социализма над отборными, самыми агрессивными и ударными силами империализма. Вступление Советского Союза в войну не только придало ей ярко выраженный

освободительный характер, но в корне изменило ее ход и предопределило ее исход. Как сказал Иосиф Виссарионович Сталин: «…Если агрессор хочет вести истребительную войну — он ее получит». И получил!

Основным и решающим содержанием Второй мировой войны несомненно была Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наш народ отстаивал не только свою собственную судьбу, но и судьбу народов мира, судьбу мировой цивилизации. Решающая роль Советского Союза в разгроме агрессора неоспорима. Это отмечалось даже в начальном периоде войны главами государств США и Англии.

6 мая 1942 года Ф. Рузвельт писал:

> «С точки зрения большой стратегии… трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»
>
> *(газ. «Нью-Йорк таймс», 20 октября 1955).*

Но, может, в годы войны со временем оценки менялись? Отнюдь. 20 января 1943 года У. Черчилль отмечает:

> «…Все наши военные операции осуществляются в весьма незначительном масштабе по сравнению с огромными ресурсами Англии и Соединенных Штатов, а тем более по сравнению с гигантскими усилиями России»
>
> *(У. Черчилль «Вторая мировая война», т. 4, с. 613).*

И как нелепо выглядит ложь соотечественника У.Черчилля — президента Международной организации историков Второй мировой войны профессора Д. Дилкса, который в своей речи на Международной научной конференции «Уроки Второй мировой войны и значение Победы над фашизмом, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (Москва, 18 апреля 1995 года) сказал: «Основной вклад в дело разгрома фашистской Германии внесен Великобританией».

Вот так — Великобритания! Не Советский Союз, и даже не США, а Великобритания. И это он говорит в Москве, русским, и с высокой трибуны! Читатель может себе представить, как он, этот

историк и профессор, выглядит перед англичанами, что он им мелет, и они, наверное, ему верят.

Вступление Советского Союза в войну против гитлеровской Германии обусловило кардинальные изменения в сознании народных масс капиталистических стран — их солидарность в этой великой исторической схватке заметно росла.

В анализе итогов Второй мировой войны на первый план, разумеется, выступает классическая военная победа Советского Союза и его решающая роль во всей военной схватке. Но военная победа одновременно демонстрирует и нашу политическую, идеологическую и экономическую победу. Ни военные, ни идеологические, ни экономические планы фюрера и его военно-государственной машины не смогли выдержать конкуренции и схватки с мощью советского народа, Советской Армии, всего Советского Союза и социалистической системы. Они, гитлеровские планы, оказались нежизнеспособными, потому что в сущности были авантюристическими и закономерно потерпели крах, начиная от гитлеровской доктрины «молниеносной войны».

Народы мира, помня итоги и уроки Второй мировой войны, а также цели «холодной войны» и осознавая насильственный развал Советского Союза путем взрыва его изнутри как главное содержание этой «войны», должны постоянно помнить, что империализм сохранил свою агрессивную сущность. При этом после Второй мировой войны центр военной опасности переместился в США, которые теперь единовластно держат штурвал мирового господства и фактически превратились в международного жандарма, диктуя генеральную линию и Мировому банку, и Международному валютному фонду, и НАТО, и «большой семерке», и даже ООН. Конечно, в условиях, в которых сегодня пребывает Россия, особенно в условиях разложения ее предводителей, международному империализму, и прежде всего США, несомненно, удается проводить свою линию по разрушению и разграблению страны. Но всему, несомненно, приходит конец. И в 2000 году он, этот конец, уже пришел. Уверен.

Мы сбросим оковы и отстоим свою независимость, как было в Великую Отечественную войну.

Я, ее солдат, прошедший фронтовыми дорогами от Сталинграда до Берлина, верю в это. Наша священная победа в очередной битве за честь, свободу и независимость Родины неминуема. Так и будет! И мы победим!

Иллюстрации

Отец Иван Евменович

Матушка Мария Алексеевна

Валя Варенников. 1925 г.

С малых лет любит оружие. 1928 г.

Трагический январь 1930 г. У гроба матери

Школа в Абрау-Дюрсо. 1936 г.

99-я школа г.Москвы, 5-й класс "А". 1936 г.
(во втором ряду четвертый слева Валя Варенников)

В 16 лет. 1939 г.

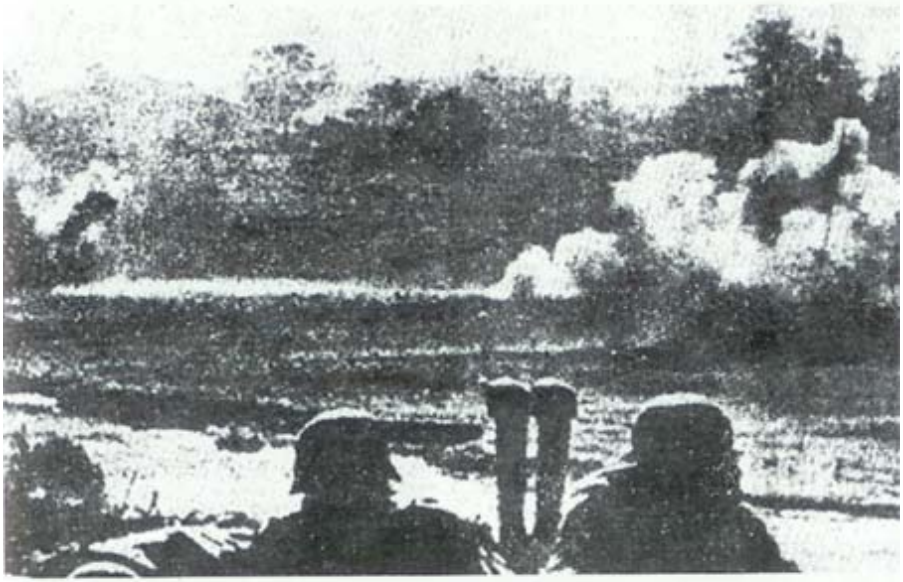
Елена Тихоновна - будущая жена

Валентин Варенников.
Висла, 1944 г. Первый Белорусский фронт

Сыновья Валерий и Владимир

Старший сын Валерий

Младший сын Владимир



Начало войны. Снимок со стороны противника. 22.06.1941 г.

Гитлеровцы творили чудовищные злодеяния на советской земле

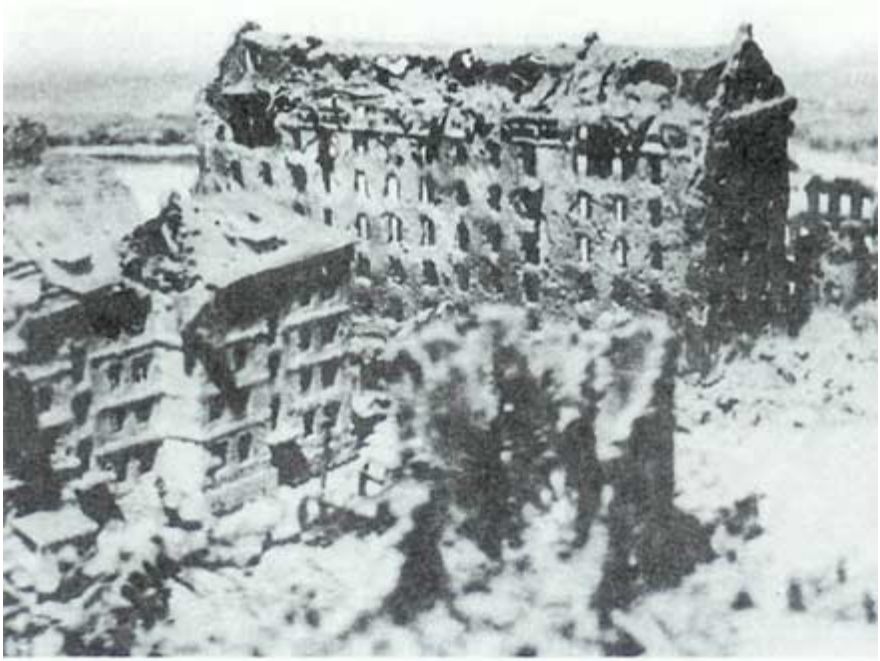
Главный калибр стрелкового полка - 120-миллиметровые минометы. Оружие сильное и очень маневренное. Наводчик готовит миномет к стрельбе

Наша противотанковая артиллерия - 45-миллиметровые орудия. Выдвигаются на новую огневую позицию - от пехоты отставать нельзя

С Красной площади - в бой. 7 ноября 1941 г. На трибуне Мавзолея Сталин

Отступление гитлеровских войск под Москвой. Декабрь 1941 г.
Фото из немецкого архива

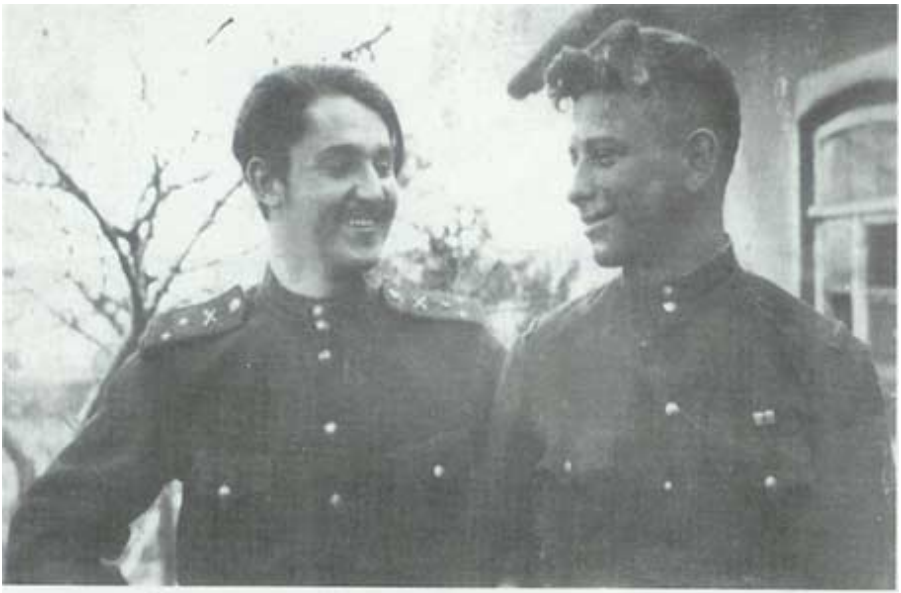
Защитники Сталинграда в развалинах обороняемого завода «Баррикады»



Враг в Сталинграде оставил одни руины

Русская душа. Советский солдат дает пленным немцам прикурить

Фельдмаршал Паулюс и его генералы сдались в плен



Ст. лейтенант Варенников и лейтенант Шелудько.
Юго-Западный фронт, Северный Донец, Балаклея. 1943 г.

Форсирование Днепра. 1943 г.

После госпиталя. Встреча с одноклассником Виталием Тройно. 1944 г.

С командиром полка А.М.Воинковым (в центре) и начальником разведки И.Н.Поцелуевым (справа)

Утро 2 мая 1945 г. У Бранденбурских ворот.
В.Варенников (четвертый справа), рядом с ним
В.Уткин (справа) и капитан Н.Кнышевич (слева)

Однополчане. Слева направо: Кнышевич, Варенников, Гулин, Смелков

Сразу после войны

Знамя Победы. Почетный караул сопровождает Знамя с аэродрома в Москву. Впереди В.Варенников

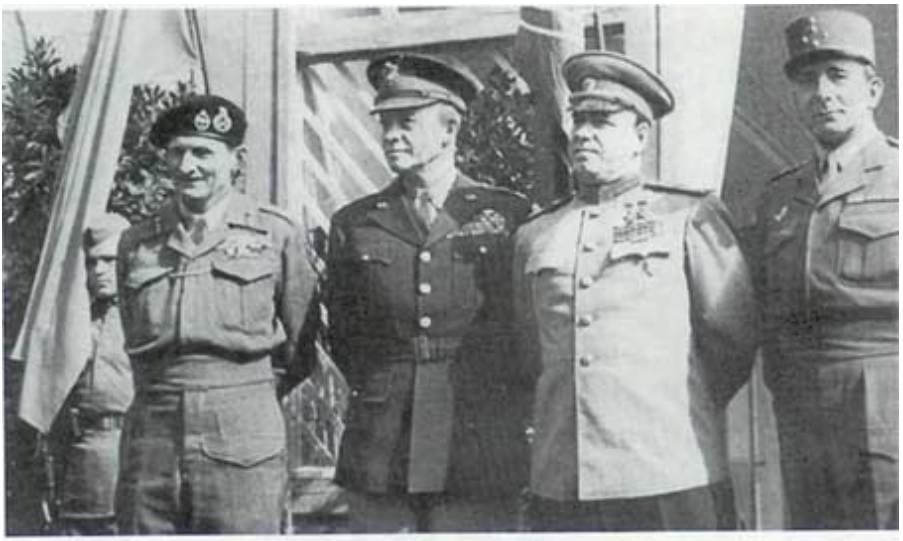
Столичная газета «Московский большевик» поместила знаменательную фотографию - на Параде Победы Сталин поставил командующих фронтами на трибуне в центре, а сам сместился влево. Слева направо: Молотов, Сталин, Жуков, Толбухин, Калинин, Говоров, Мерецков, Конев, Баграмян, Рокоссовский, Василевский, Маленков, Берия, Микоян и др.

На Параде Победы. Верховный Главнокомандующий и его первый заместитель

Эти полководцы, командовавшие фронтами на завершающем этапе Великой Отечественной войны, входят в плеяду навечно прославивших наше Отечество. Слева направо, первый ряд: Конев, Василевский, Жуков, Рокоссовский, Мерецков. Второй ряд: Толбухин, Малиновский, Говоров, Еременко, Баграмян

На Параде Победы. Советские воины бросают немецкие штандарты к подножию Мавзолея

За русский народ!



Берлин. Перед парадом союзных войск.
Слева направо: Л.Монтгомери, Д.Эйзенхауэр, Г.Жуков,
Делатр де Тассиньи

Уинстон Черчилль, Гарри Трумэн и Иосиф Сталин в Потсдаме. Уже без Рузвельта. Скоро и вместо Черчилля будет Эттли

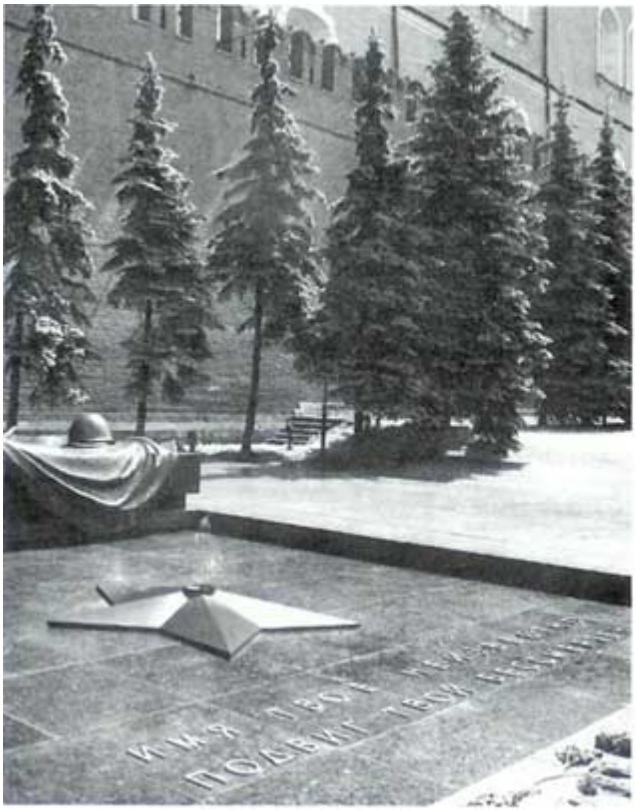
И.В.Сталин и его соратники - гордость нашего народа. Потсдамская конференция. 1945 г.

Мой друг и однополчанин Герой Советского Союза Иван Николаевич Поцелуев. Сейчас живет в Сочи

Однополчане на празднование 40-летия форсирования р. Днепр и освобождения Днепропетровской области. Ноябрь 1983 г. Справа налево: командир взвода разведки гв. старшина А.С. Петрукович, командир роты автоматчиков гв. ст. лейтенант И.Н. Поцелуев, санинструктор взвода разведки гв. сержант А.И. Петрукович, комсорг 100-го Гвардейского стрелкового полка гв. лейтенант М.В. Кокоулин, командир отделения разведчиков гв. ст. сержант И.М. Глоба

Кокоулин Митрофан Васильевич - однополчанин. Герой Днепра. Во время форсирования возглавил передовой отряд 100-го Гвардейского стрелкового полка 35-й Гвардейской стрелковой дивизии

Волгоград.
Мемориальный комплекс
на Мамаевом кургане



Вечный огонь у
Кремлевской стены.
Этот памятник
в сердце каждого
ветерана